

Николай Стариков Кто убил Российскую Империю?

«Кто убил Российскую Империю? Главная тайна XX века.»: Яуза, Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15696-8

Аннотация

Могучая и великая Россия была уничтожена в 1917 году за считанные месяцы. История этой величайшей катастрофы до сих пор во многом загадочна, и вопросов здесь куда больше, чем ответов.

Почему заурядный хлебный бунт перерос в революцию? Почему Николай II и его брат так легко отреклись от трона? Как случилось, что всего через восемь месяцев после «победы демократии» никто не хотел защищать ее «завоеваний», фактически без сопротивления позволив большевикам захватить власть? Кто стоял за кулисами всех этих трагических событий? Кто убил Российскую Империю? Масоны? Евреи? Германский Генеральный штаб? Или...

Николай Стариков дает неожиданный, парадоксальный, шокирующий ответ на этот главный вопрос отечественной истории, неопровержимо доказывая свою версию. Какую?

Читайте его новую сенсационную книгу!

Николай Стариков Кто убил Российскую империю?

Посвящаю В.Ю.Шеренко

От автора

Могучая и великая Россия была уничтожена в 1917-м году за считанные месяцы. С того времени прошел уже без малого век, но до сих пор нет ответа на простой и ясный вопрос: «Кто убил Российскую империю?». Высказывались десятки предположений, множество версий. Назывались и виновные в небывалой русской катастрофе: евреи, масоны, германский Генеральный штаб, царское правительство, большевики во главе с Лениным и Троцким. Менялся политический режим, в угоду ему менялись и версии нашей катастрофы. Но ни одна из них до сих пор не смогла ответить на **все** вопросы, поставленные недоуменными современниками и историками тех трагических событий. Версии советской пропаганды, одинаково с мнениями современных исследователей не могут объяснить всех загадочных событий, удивительным образом сконцентрировавшихся на маленьком участке русской истории. И тогда историки просто «забывают» многие факты, либо объясняют их с умиляющей детской простотой. «Так получилось» — таков их ответ, на все невероятные совпадения и поразительные поступки.

— Почему великая страна и мощная держава рухнула в небытие, как подкошенный дуб?

— Как случилось, что Россия вступила в мировую войну, окончившуюся революцией и катастрофой не имея никаких целей? Почему войну объявила Германия, а в наступление пошли русские, а не немецкие войска?

— Как получилось, что заурядный хлебный бунт, перерос в феврале семнадцатого в революцию?

— Почему Николай II и его брат так легко отреклись от трона, передав власть Временному правительству?

— Почему власти не арестовали Ленина, по его приезде в Россию? Почему не мешали большевикам вести пропаганду?

— Как случилось, что всего через **ВОСЕМЬ** месяцев после «демократической»

февральской революции, никто не хотел защищать Временное правительство и большевики смогли его свергнуть без особых усилий?

— Почему маленькая кучка приверженцев Ильича смогла установить свою власть над огромной страной?

Вопросов десятки и сотни, а ответ один — так получилось ...

Странные совпадения объясняются точно так же. То есть — **никак! Но так можно истолковать один — два случая, а десятки и сотни совпадений так объяснить нельзя!** Все эти «странности» — звенья одного четко расписанного плана по уничтожению России. Все они связаны между собой железной логикой и хронологической последовательностью. Все это звенья одной цепи, все это части единого целого, того что в начале XX века повергло нашу Родину в хаос и анархию из которых мы не можем выбраться до сих пор.

Через семьдесят четыре года после наших революций наступил роковой 1991-й. Почему развалился Советский союз? Ответ вы знаете заранее: так получилось ...

Между тем, Февральская и Октябрьская революция и гибель СССР связаны между собой куда более прочно, чем вы можете себе представить. Гибель Российской империи не была случайностью, как не случайно рассыпался и Советский союз. В обоих случаях мощная внешняя сила инициировала распад России. В обоих случаях она прикрывалась фальшивыми одеждами «союзнчества» и «общечеловеческих ценностей». И в начале и в конце XX века в нашей стране нашлись те, кто в силу тех или иных причин, предали свою Родину и сознательно повели ее к гибели, под аккомпанемент трескучих фраз о всеобщем счастье.

Именно наши «союзники» по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка ...

Современная Россия должна, наконец, узнать всю правду о причине и организаторах нашей революционной катастрофы. Только так, мы сможем избежать повторения этих ужасных событий. **Ведь наши нынешние «союзники» и есть главные виновники гибели Российской империи, и возможно в эту минуту в глубине «дружественных» разведок готовится новый сценарий уничтожения России...**

Эта книга связывает воедино тысячи фактов и совпадений. И объясняет их. Но прежде, чем с головой окунуться в бурный 1917-й, нам необходимо немного углубиться в историю.

Глава 1. Немного истории.

Держать чужие государства под угрозой революции стало уже довольно давно ремеслом Англии.

Отто фон Бисмарк

Плохо иметь англосакса врагом, но еще хуже иметь его другом.
генерал А. Е. Вандам

Октябрь месяц в Ливадии приятен и прохладен. Но императора Александра III постоянно пробивал пот, словно на дворе стоял жаркий и знойный июль. Это все от слабости, от той противной слабости. Он — еще вчера цветущий мужчина сорока девяти лет, не мог теперь самостоятельно передвигаться. Страшно похудел, глаза провалились, от светившегося здоровьем богатыря, осталась, вряд ли половина. Он почти ничего не ел и во рту постоянно ощущал этот мерзкий металлический привкус. Почки!

Александр вздохнул и снова взялся за перо. Откладывать дальше было нельзя, и хотя и жена и доктора просто светились оптимизмом, император чувствовал, что пора писать завещание. Потом может быть поздно, кто знает, что станет с ним завтра, и будут ли силы для написания того, что он ДОЛЖЕН сказать своему наследнику. На словах можно передать все, но они забываются, а текст его завещания Ники сможет перечитать не раз.

Начало, кажется, получается:

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я, и как несли наши предки. Тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть. В тот трагический день встал передо мной вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое „передовое общество“, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь».

— Черт побери, как сложно было принять тогда решение! — воскликнул Александр и посмотрел на свою жену, чья прохладная рука лежала на его кисти — Ты помнишь, Минни, какой кромешный ужас творился тогда!

— Но ты Саша, принял тогда самое верное решение. И так же правильно сейчас будет для тебя не писать это завещание, а принять лекарство и немного отдохнуть. Скоро тебе станет лучше и оно вообще не понадобится!

Императрица Мария Федоровна выбилась из сил не меньше умиравшего супруга. Он сильно изменился. Исчезли его могучие плечи, опухли ноги. Но и она уже не спала несколько дней, почти ничего не ела, а, отослав всех, сама пыталась выходить мужа.

Император жену не слышал. Он мысленно был там, в той комнате, куда на кровать положили умирать его отца Александра II. Вид императора был ужасен: весь в крови, с практически оторванными ногами! Ему, наследнику было уже 36 лет, но он словно замороженный смотрел на умирающего отца ни в силах, ни пошевелиться, ни что-нибудь сказать. Через час, отец умер, а он стал самодержцем не получив никакого напутствия. Прямо там, в той страшной комнате, глядя на изменившийся в одночасье лицо покойника он дал себе клятву, никогда не повторять тех ошибок, сумма которых и убила императора Александра II.

— Да, — сказал Александр — обращаясь даже не к жене, а к самому себе — Я сделал выбор.

И он вновь взялся за перо, не замечая укоризненного взгляда супруги:

«Либералы окрестили меня реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет».

— Не дай бог дожить до этого! — подумал император, но тут же горько усмехнулся — Мне уже точно не дожить.

Поэтому он и писал это завещание, стараясь просто и ясно сформулировать те принципы, простые и ясные, что обеспечили России 13 лет благоденствия во время его царствования.

— Однако, — сказал Александр — Тут поневоле станешь суеверным! Тринадцать — число несчастливое!

— О чем ты Саша? — не сразу поняла императрица. А, поняв, начала на него сердиться — Что за вздор ты говоришь, ты еще проживешь десять, двадцать лет! Тебе же еще пятидесяти нет.

— Видно и не будет — снова подумал император и продолжил свой последний и теперь уже самый важный труд.

«Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего... Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни — у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Поставив точку, Александр III почувствовал себя совсем слабым.

— Дай попить — попросил он жену, и, сделав несколько больших глотков, откинулся на подушки...

Двадцатый век стал для России веком испытаний и страданий. Цветущая и могучая в 1914-м году, к 1920-му наша страна лежала в руинах. Полностью уничтоженная экономика, гибель миллионов людей, Гражданская война, тиф, голод — все эти напасти обрушились на страну неожиданно и беспощадно. Россия лишилась множества своих территорий, веками кропотливым трудом рядовых людей и монархов присоединяемые к империи. Крах был всеобщий и полный. Именно так и уничтожают конкурентов ...

К середине XIX века сильнейшей мировой державой являлась Англия. Умелая политика, смелость и решительность маленького островного государства позволили ему выдвинуться вперед. Но так было не всегда. Процесс выхода на лидирующие позиции в мире занял у Великобритании около двухсот лет. Сначала на пути будущих властителей мира к мировому господству встала Испания. Открытие Америки дало испанской экономике мощный рывок. За считанные десятилетия темноволосые жители юга Европы отстроили невероятную империю в новых заморских землях. Золото широким потоком полилось в казну испанского короля. Крупной морской державой стала и Голландия, чьи корабли, с небольшими опозданием ринулись вслед за испанцами. Совсем рядом от богатеющих соседей, отделенные проливом Ла-Манш, лежали бедные британские земли. И тогда англичане решились на борьбу. Еще неискушенные в политических интригах, сыны Альбиона прибегают к грубой силе. Начинают они с более слабой Голландии. 10-го июня 1652 года Государственный совет Англии приказал адмиралу Блэку захватить возвращающийся из Индии голландский флот, доверху набитый пряностями. В эту свою первую войну за мировое господство британцы захватили около 1700 кораблей. Проданный груз потянул на шесть миллионов фунтов. Годовой государственный бюджет Англии того времени был в шесть(!) раз меньше. Сумасшедшие деньги и относительная легкость их приобретения приведут ко второй и третьей войнам с Голландией. По окончании военного конфликта одна из мощнейших держав своего времени приобретет знакомый нам вид второсортного поставщика кофе, табака и цветов.

После Голландии наступила очередь Испании. Целенаправленные политические удары и пиратские действия подтачивали ее мощь. Испанцы знали, где находится их главный враг. Именно в сторону Англии плыла огромная флотилия из 130 боевых кораблей. История еще не знала такого колоссального флота, поэтому ее назвали Великая армада. Счастье улыбнулось британцам — армада была разбита Френсисом Дрейком и добита разбушевавшейся стихией. С тех пор на долю Испании выпало тихое угасание в дальнем углу удивленной Европы.

В огне битв за богатство и власть выковывались железные правила, которые определяют английскую политику на столетия вперед. В ее основу будут положены два принципа:

- **постоянная борьба с сильнейшей державой на континенте;**
- **создание флота, являющегося сильнейшим в мире.**

Шло время, и на арену битвы за мировое господство поспедал новый претендент — Франция. Испытанный метод британской политики — грубая сила, не давал нужного эффекта. Бесконечная череда колониальных конфликтов заливала кровью обе страны. С переменным успехом шла решительная схватка за обладание Северной Америкой и Канадой. Пока изощренный ум британских политиков не вооружил Англию новым страшным оружием — **революцией!**

В 1784 году во главе могущественной Великобритании встал лорд Уильям Питт. Его план сокрушения основного соперника гласил: «Отрезать Францию от всего коммерческого мира так, чтобы она представляла собой как бы один портовый город, заблокированный с моря и суши». Воплощение гениального замысла шло по двум направлениям: усиление английского флота для морской блокады Франции и разжигание внутренних неурядиц соперника. Пятнадцать лет подрывной работы сделали свое дело — в 1789 году Францию потрясает революционный взрыв. Окружающие сошедшую с ума страну монархии, пытаются задушить французскую революцию в зародыше. Начинаются бесконечные войны Франции с многочисленными коалициями врагов. Они продлятся до 1814 года и вконец обессилят французов. Сил для борьбы за заморские колонии у них уже не будет. Именно поэтому

главными вдохновителями всех антифранцузских коалиций будут именно англичане. В начале XIX века они впервые опробуют свое фирменное оружие — революцию. Сначала британцы выделяют средства на раскачивание ситуации в стране сопернице, затем тратят еще большие деньги на подавление возникшей смуты. Они играют по обе стороны шахматной доски и потому никогда не могут проиграть. Возможны лишь временные поражения, но окончательная победа всегда остается за ними.

К моменту начала смертельной схватки между Францией и Англией в дальнем, «медвежьем» углу Европы и Азии возникает новая опасность. Россия, государство, созданное Великим Петром делает стремительный рывок вперед. За невероятно малый по историческим меркам срок, на карте появилась новая огромная империя, чьи владения многократно превышали площадь остальных могучих государств того времени. Еще более опасным для конкурентов становилось то, огромное влияние на мировую политическую систему, которое неожиданно для всех начало оказывать молодая и энергичная держава. Сначала у России появилась сильная армия, а потом, как по волшебству вырос и достаточно сильный военно-морской флот. Сидеть и ждать дальнейшего усиления нашей страны, для англичан было невозможно.

Первым способом ослабления России недруги наши выбрали втягивание ее в войны, в разной степени нужные и ненужные стране. Но мы выжили победителями из всех столкновений. Благодаря мудрой политике Екатерины Великой, к 1795 году один из основных противников (Польша) был совсем ликвидирован, а ее территория была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. На востоке, все, более слабая, возвышалась Османская империя — Турция. Английское золото и политическая поддержка Лондона, каждый раз возрождали разгромленную Османскую империю, мешая России, захватить вожделенный Константинополь и лежащие за ним проливы Босфор и Дарданеллы. Политическая смута во Франции дала англичанам прекрасную возможность руками одного соперника уничтожить другого. В течение двадцати трех лет непрерывных войн с Францией, своими силами британцы почти не участвуют в боях. За них сражаются пруссаки, австрийцы и даже шведы.

Умелое втягивание русских в создаваемые антифранцузские коалиции, привели к появлению наших солдат в швейцарских горах и итальянских долинах. Но ведь цель британцев взаимное ослабление своих соперников, а не простая победа над Францией. Фельдмаршал Суворов, возглавлявший русские войска столкнулся с таким саботажем и предательством «союзных» англичан и австрийцев, что просто чудом сумел спасти вверенную ему армию, проведя ее через неприступные альпийские вершины. Русский император Павел I был в ярости. Он решает, что государственные, стратегические интересы России должны быть поставлены выше принципов монархических. И протягивает руку дружбы наполеону Бонапарту, вставшему во главе французской нации. **Между Россией и Францией, вчерашними врагами, намечается совместный поход в Индию!** 12-го января 1801 года Павел I направляет атаману войска Донского В.П. Орлову приказ выступить.

Известный телеведущий Михаил Леонтьев неоднократно заявлял, что подрывная деятельность западных держав против России началась с начала XIX века. Он абсолютно прав. Уточним лишь еще больше: с самого первого года XIX века! Английский посланник в России Уитворт, открывает новую эру в закулисной антирусской борьбе. **Отдав приказ о походе в Индию, русский император не прожил и двух месяцев!** Некоторые влиятельные русские аристократы очень вовремя для англичан решают «поменять» государя. Британское правительство руками посла Уитворта щедро оплачивает это желание. Надо спешить — иначе русские казаки и гренадеры Наполеона могут встретиться где—нибудь в верховьях Инда и Ганга! В ночь на 11-е марта 1801 года заговорщики, врываются в покои Павла в только что выстроенном Михайловском замке с требованием отречься от престола. Когда же император попытался возразить — его попросту убивают. Прямых доказательств английского следа в убийстве Павла нет. Однако вступивший на престол его сын **Александр I первым делом вернул маршировавших в Индию казаков назад в казармы!** И не просто предотвратил поход к далеким теплым морям, а стал вновь упорно участвовать на стороне Великобритании во всех наполеоновских войнах. Посол Уитворт же был незамедлительно отозван в Лондон. Чтобы не маячил на глазах у нового властелина России ...

Франция повержена и обескровлена. Пока русские и французы уничтожали друг друга англичане осуществили важный «задел» на будущее. В 1805 году они захватывают у голландцев Капскую колонию, а у французов Сейшельские и острова Иль-де-Франс. Эти земли лежат на пути в Индию. К окончанию же наполеоновских войн, к 1813 году британцы практически заканчивают захват этой богатейшей страны. Теперь для англичан пришло время осмотреться

Русские войска приходят в центр Европы, казаки купают своих коней в Сене. С этого момента вся мощь отработанной схемы сокрушения конкурентов британцы обрушат на Россию. Именно она сильнейшая держава на континенте. Нащупываются слабые места русской империи, ее болевые точки. И англичане их находят. В 1830 году империю потрясает восстание в Польше. Повстанца разгромлены, но нити заговора, ведут в Париж и Лондон. Развалить русскую империю восстанием одной из частей не удастся — слишком велик запас прочности. Пока ...

Революции «просто так» не происходят. Они тщательно готовятся и финансируются. Ведь революционная борьба требует больших средств — все профессиональные борцы за свободу должны что-то кушать, деньги потребуются на закупку оружия и обеспечения лояльности нужных людей и целых воинских частей. Восстание в такой стране как Польша, не может произойти самопроизвольно без вмешательства иностранных держав. Ведь не могут же повстанцы всерьез рассчитывать разгромить всю огромную армию Российской империи! Шансов на победу в вооруженной борьбе у них просто нет, а вот с помощью дипломатических уловок, благодаря поддержке наших европейских столиц, шанс на успех появляется.

Единение же Лондона и Парижа в усилиях по ослаблению России объясняется не только общей ненавистью к русскому государству. После поражения Наполеона, Франция потеряла свою дипломатическую независимость, и с тех пор она послушно двигалась в фарватере английской политики. В справедливости подобного утверждения легко убедиться, вспомнив, что с момента отречения Бонапарта французы и англичане фактически ни разу не воевали между собой, а ведь ранее убивали друг друга непрерывно. Как только политика Франции грозит выйти из-под контроля, так парижане **случайно** разом выходят на улицы и очередной французский король отправляется в изгнание. В 1830-м году из-за попытки уйти от английской опеки потерял трон Его Величество Карл X. В результате, династия Бурбонов лишилась французского престола навсегда, а в 1848 году Франция и вовсе стала республикой. Оценивая степень коварства англичан нельзя забывать, что для достижения своих целей они с легкостью могут поддержать **любую** политическую силу. Причина беспринципности англичан в удобно скроенной политической системе. Если надо вести переговоры с монархами — Британия монархия, пусть и конституционная. Для бесед с революционерами и «демократами» всех мастей — она демократическая страна. Очень удобно.

В 1852 году на французский престол восходит племянник Наполеона Бонапарта — Наполеон III. Республика превращается в империю. Но если империя дяди была злейшим врагом англичан, то империя его наследника — их важнейший союзник. Это и есть потеря дипломатического суверенитета. Вроде бы Париж независим и силен, но на самом деле делает только то, что указывают ему британские друзья. Справедливость такого утверждения легко проверить, проследив ступени восхождения второго Бонапарта на престол.

Наполеон III не сразу пришел к власти, его путь к ней был тернист и опасен. С 1815 года все Бонапарты жили в изгнании в различных странах, в основном в Швейцарии в Италии. Там молодой Луи Наполеон увлекся идеями карбонариев. Вместе со своим старшим братом он даже участвовал в 1831 году в авантюрном походе карбонариев из Флоренции в Рим. Вскоре брат, получивший кинжальную рану, заболел и умер, а наш герой бежал с фальшивым британским паспортом во Францию, а потом в **Англию**. С этого момента его судьба неразрывно связана с Британией. Она приютила его, ей он обязан был своим восхождением, и долг этот он оплатит сполна!

Сидя в прохладном Лондоне, Луи Наполеон пишет политическую программу, в которой развивает и заимствует мысли своего великого дяди. Эти «Политические мечты», созданные в 1832 году и станут началом той идеи, которая принесет ему власть. Прямоком из Лондона будущий император отправляется ковать свою судьбу. Желая походить на Наполеона I и по его

примеру, в конце октября 1836 года в Страсбурге Луи Наполеон попытался поднять и повести на Париж артиллерийский полк, надеясь на захват власти. Ничего не получилось, однако французское правительство его не отдало под суд, а всего лишь выслало в США. Через год изгнанник вернулся и, естественно, поселился в **Англии**. Здесь же он опубликовал свою новую книгу «Идеи наполеонизма». В ней он сумел убедительно показать, что идея, вынесенная им на обложку жива, и совсем не похоронена в остатках былой славы Франции. Правда и силу ее Луи Наполеон явно переоценил. Поэтому вторая попытка государственного переворота в начале августа 1840 года снова закончилась неудачей. На этот раз Луи Наполеона приговорили к пожизненному заключению за государственную измену и направили в крепость Хам. Надо сказать, что везло этому авантюристу невероятно: в 1845 году во время ремонтных работ в крепости он бежал, переодевшись каменщиком. Оказавшись на свободе, куда отправился наш герой? Конечно, он оказался в **Англии** и стал ждать своего часа.

22 февраля 1848 года во Франции происходит революция, свергшая короля Луи Филиппа и провозгласившая республику. История восхождения Наполеонов к власти (и дяди и племянника) показывает нам, что более удобного пути к диктатуре, чем республика, в мире еще не создано. Надо заметить, что через сто лет эта же мысль осенит Адольфа Гитлера. Но пока «парламентская» модель перехода к диктатуре опробывается и создается Луи Наполеоном. Сначала в парламент проходит другой его дядя Жером Бонапарт, затем еще два представителя их клана. И только после этого на выборах 10 декабря 1848 года Луи Наполеон осуществляет фантастическую победу. Он получает около 75% голосов! С таким сумасшедшим рейтингом президентское кресло почти автоматически переходит к нему. И последним шагом к полной победе становится всенародный референдум. По его итогам восстанавливается империя! Так к 1852 году Англия и Франция окончательно объединились во внешней политике, не имея никаких разногласий, а преследовали одни и те же (британские) цели.

Кроме интересов и принципов, есть у Англии еще один старый кошмар — русские казаки на берегах Инда. И знаменитый приказ императора Павла I: «Донскому и Уральскому казачьим войскам собираться в полки, идти в Индию и завоевать оную!». Россия последовательно продвигается вглубь Средней Азии и все больше приближается к «главной жемчужине британской короны». Турки и поляки — никудышные солдаты, от войны с ними Россия никак не слабеет. Для верного сокрушения русской мощи англичане решают попробовать взять дело в свои собственные руки. План таков: впутав Россию в войну с Турцией, Англии и Франции выступают на стороне последней, и разбивают ее. Программа минимум: разгром страны и выведение ее в разряд второстепенных держав. Программа максимум: отторжение Крыма, Кавказа, Бессарабии, Прибалтики, Польши и Финляндии. Этот манифест фактического расчленения нашей страны получит потом название плана Пальмерстона. Попутно заметим, что этот план почти полностью воплощен по итогам Первой мировой войны! Англичане свои программы не забывают!

Начинает провокацию император Наполеон III — долги британской короне надо отрабатывать. Глава Франции внезапно предъявил турецкому правительству требование, выполнение которого, явно нарушало давние права православной церкви в Святых Местах. Французский император потребовал, чтобы ключ от главных дверей Вифлеемского храма Рождества Христова должен был перейти к католикам. Султан соглашается выполнить французское требование, и тем самым нарушает религиозные интересы миллионов православных, а значит, Россия на это безучастно смотреть не сможет. На это и был расчет! У императора Николая I хватает благоразумия не объявлять войны. Она России не нужна, а потому он принимает посредничество европейских государств, для решения возникшей проблемы. Франция, из-за которой все и началось, составляет проект, Англия, Пруссия и Австрия его одобряют. Документ этот, получивший название Венской ноты, принимается конференцией в австрийской столице в июле 1853 года. Россия с ним вполне согласна. Кажется, что опасность войны миновала, но, словно, повинувшись невидимым режиссерам, события упорно возвращаются на дорогу, ведущую к вооруженному конфликту.

Случается невероятное: Турция отвергает Венскую ноту, выработанную всеми основными европейскими странами, т.е. бросает вызов всем сверхдержавам того времени! Из-за турецкой фески торчат котелки британских джентльменов. Дальнейший ход событий

развеивает все сомнения, кому была нужна эта война. Раз русские никак боевые действия не начинают, то приходится надавить на Стамбул. 4-го октября 1853 года Турция объявляет России войну! И рискует она всем даже не ради мусульман, а только ради того, чтобы католики чувствовали себя в храмах Иерусалима вольготнее православных христиан! По всем резонам, отринувшую международный документ Турцию, надо срочно поставить на место и наказать. Вместо этого, Франция выдвигает свои корабли к Дарданеллам, а Англия выдвигает требование, чтобы для своей защиты Россия использовала одну только сухопутную армию и никак не использовала флот, так как это «создает угрозу судоходству».

Так создается предлог для будущего вмешательства, ведь Россия не может воевать только одной сухопутной «рукой». 18-го ноября 1853 года адмирал Нахимов громит турецкую эскадру в Синопском бою. Для организаторов конфликта наступает пора вмешаться, иначе Турция может быть быстро разгромлена. Европейский поход против России становится реальностью. Помимо англичан и французов, в нем примет участие еще и Сардинское королевство, непонятно отчего восплавленное к нам праведным гневом. Так и началась Крымская война, где русским солдатам и морякам предстояло проявить чудеса героизма при обороне Севастополя. Британский флот пиратствовал тогда на Балтике, в Белом море, на Тихом океане. Войска «просвещенных европейцев» при этом вели себя совсем нецивилизованно, не щадили мирных жителей, убивали и женщин и детей! Были разорены города Анапа, Бердянск, Мариуполь. Однако всюду англичане и французы получили должный отпор. Боевые действия начали затягиваться — ни одна из сторон не могла одержать победы.

И тут в дело вмешался случай: 19-го февраля 1855 года умер император Николай I. На престол вступил император Александр II. Смена власти во время войны еще никогда и никому на пользу не шла. Новый император должен был прямо с ходу решить задачу огромной сложности — не проиграть войну, которая уже давно шла совсем не по нашему сценарию. В варианте англичан, в конце «спектакля» Россия должна была потерпеть сокрушительное поражение. Александр II избежал этого: в январе 1856 года в Париже начались переговоры, завершившиеся подписанием позорного мирного договора. Под предлогом «демилитаризации» Черного моря, России запрещалось иметь здесь военно-морской флот, строить крепости и военно-морские базы. Англичане могли спокойно вздохнуть: русские были надолго отброшены от черноморских проливов, а общее ослабление страны не позволяло осуществлять дальнейшую экспансию в Средней Азии.

Но они нас недооценили. Сразу, после того как на документах высохли чернила, русское правительство повело борьбу за изменение сложившейся ситуации. Прежде всего, предстояло быстро решить ряд внутривнутриполитических задач. Новый император взял курс на проведение ряда реформ: это и отмена крепостного права в 1861 году и военная реформа с введением всеобщей воинской повинности. Важнейшим моментом для успешного преодоления трудностей было скорейшее окончание Кавказской войны, где непримиримость чеченцев щедро оплачивалась из-за границы. С 1829 года шла на борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость. Им в этом активно помогали и Турция и, конечно же, Англия. Вот только несколько фактов. В 1836 году к берегам Цемесской бухты пришвартовалась английская шхуна «Виксен». Со шхуны были выгружены боеприпасы, присланные черкесам английским правительством. Однако не успело судно отойти от берега, как было задержано русскими войсками. На борту, в трюмах английской шхуны не нашли ничего, что бы могло подтвердить, что на судне действительно перевозили оружие и боеприпасы. Арест британской шхуны вызвал волну протестов в Лондоне: звучат гневные слова о варварстве и беззаконии русских военных! Пока европейские дипломаты гневно выступают с парламентских трибун, тайная война против России продолжается, не прекращаясь ни на минуту. В июне 1837 года отряд капитана первого ранга Серебрякова захватывает турецкое судно с оружием в наших водах. Вы верите, что оно было единственным? Тайные поставки вооружения нашим врагам продолжают...

Британские джентльмены возмущены действиями России покоряющих «свободолюбивых горцев». Еще на Парижской мирной конференции европейские делегации поднимали свой голос в защиту угнетаемых кавказских народов. Был даже сформирован, так называемый «Черкесский комитет» (именно так в Европе называли всех горцев). Ситуация до боли знакомая и как две капли воды похожая на сегодняшнюю! **Когда Россия отстаивает свои интересы,**

британцы свято стоят на страже прав всех тех, кто стреляет в русских солдат.

21-го мая 1864 года русский император получил телеграмму о полном покорении Западного Кавказа. Долгая война, наконец, закончена — теперь можно заняться и Парижским договором. Но англичане и французы не дремлют! Вместо одной уже решенной, они быстренько создают России новую проблему. Сценарий старый — восстание в Польше.

«Тюрма народов» — царская Россия на самом деле отличалась удивительным либерализмом. Всем ссыльным и эмигрантам, участвовавшим в восстании 1831 года, русское правительство предоставляет амнистию. Они возвращаются из ссылки и принимаются за старое. Конечно, им абсолютно ясно, что и на этот раз в борьбе один на один против России шансов нет никаких. Но, после Крымской войны среди поляков окрепла уверенность в том, что их восстание будет немедленно поддержано новым вооруженным вмешательством Франции и Англии. Туманных обещаний и небольшого количества английских и французских денег было достаточно для разжигания очередного очага напряженности на территории Российской империи. **Вновь именно надежда, что «Запад им поможет» подготовила очередной польский мятеж!** Сомнения в этом тают словно дым, по мере ознакомления с подробностями этой смуты. Глава мятежников Мерославский прибыл к началу восстания прямиком из Парижа, а правительства Англии и Франции оказывают сильный нажим на Петербург, принуждая Россию принять требования повстанцев. А это — восстановление независимости Польши в границах 1722 года, с включением в ее состав территорий населенных исключительно русскими. По сути это завуалированный распад империи. Даже либеральный русский император Александр II, назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей».

Жесткие меры, принятые русским правительством привели к быстрому разгрому повстанцев, а западные газеты получили новую пищу для создания образа отвратительной и варварской России. К гневному голосу «союзной» общественности в этот раз добавился и робкий голос российских либералов. Впервые проявились будущие черты предательского поведения русских революционеров по отношению к своей собственной стране. Газета «Колокол», издававшаяся в Лондоне(!), призывала Европу к походу на ненавистную Россию. Герцен, забывший, а точнее продавший свое отечество за английские фунты, подбодрял польских повстанцев истреблять проклятых русских офицеров, гнусных русских солдат, и писал про наши войска те же самые небылицы, что и сейчас, в начале XXI века, можно услышать в Совете Европы.

Но Россия, стиснув зубы, решала свои проблемы. Внутри страны основные кровоточащие проблемы были успешно ликвидированы. Решением внешнеполитических задач по поручению императора занялся министр иностранных дел князь А.М.Горчаков. Правительство Российской империи выжидало, и его терпение было вознаграждено: удобным моментом для пересмотра унижительных условий Парижского мира стала франко-прусская война 1870-1871 годов. На пути немцев к объединению стояло желание французов иметь с собой небольшую и не очень сильную Пруссию, но никак не Германию. Поэтому, не дожидаясь окончательного объединения соседей, в 1870 году Франция объявила Пруссии войну. В Берлине ликовали — объявление войны делало немцев жертвами агрессии и придавало всей кампании совсем иной вид. В Петербурге ликовали не меньше — складывалась та, самая удачная из всех возможных, ситуация, когда во время большой европейской войны всем сверхдержавам было не до нас. Внимание Англии было приковано к конфликту, Пруссия и Франция сами вели боевые действия. Горчаков счел этот период наиболее благоприятным для отмены унижительных условий Парижского мира. 19-го октября 1870 года российским представителям во всех крупных европейских странах был направлен циркуляр. В нем сообщалось, что Россия больше не считает себя связанной статьями Парижского мирного договора, ограничившими ее суверенные права на Черном море. Реакции на этот смелый дипломатический демарш не было никакой — всем пришлось с улыбкой проглотить горькую русскую пилюлю.

Победившие пруссаки присоединили к себе две французские провинции Эльзас и Лотарингию. Прусский король принял титул германского кайзера, тем самым громогласно объявив о появлении в Европе нового мощного игрока — Германской империи, полной жизненных сил, обладавшей «зверским» молодым аппетитом и непомерными амбициями.

Однако и в Петербурге Александр II мог с чистой совестью чокнуться с канцлером Горчаковым бокалом шампанского: бескровно и достаточно быстро Россия вновь появилась на мировой арене во всем блеске своей имперской мощи, сумев на все сто процентов использовать сложившуюся ситуацию.

Впереди будет новая война с Турцией, массовый героизм русских солдат, Шипка и белый мундир генерала Скобелева. Полки нашей армии снова остановлены окриком английских дипломатов у самых ворот турецкой столицы. Английская королева Виктория публично заявила, что «если бы была мужчиной, то отправилась бы бить русских», и ввела в Мраморное море эскадру под командованием адмирала Горнби. Русский император был вынужден отступить. Босфор и Дарданеллы остались турецкими.

«Россия... может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров» — писал Карл фон Клаузевиц. К такому же выводу пришли и руководители Великобритании. Они оставляют попытки военного сокрушения своего главного конкурента. Ставка на смуту — это старый добрый британский рецепт. Александр II был убит в тот день, когда хотел подписать конституцию. Царь — освободитель пал от руки революционеров, мечтавших об освобождении народа. С этого момента трагическая пропасть между русским правительством и русским обществом стала углубляться и расширяться.

Сын убитого императора Александр III вступивший на престол, является самым неизвестным и одновременно самым удачливым русским императором. Как такое может быть? Очень просто — все дело в особенности восприятия человеком информации. Привлекают в первую очередь события из ряда будних дней выделяющиеся — войны, катастрофы и преступления. Именно на такие события царствование Александра III было бедно. Это был своего рода «застой» императорской России, ее звездный час. Да нет, слово «застой» не подходит! Это время было симбиозом брежневской стабильности и сталинской динамики. Твердо, властно и спокойно вел император Александр Александрович русский государственный корабль по бушующему политическому океану. Унаследовав от отца страну в тяжелейшем состоянии, сыну своему передал он процветающую Россию. И это всего лишь за 13 лет своего царствования!

Жестко и быстро Александр III ликвидировал и революционную угрозу своему царствованию. Страшный пример отца всегда стоял у него перед глазами. Однако и здесь в столь щекотливом вопросе не было применено излишнего насилия. За царствование императора Александра, кроме участников убийства его отца, казнены были только несколько человек, покушавшихся убить его самого. Один из них был брат Ленина -Александр Ульянов.

Прагматические интересы нации и здоровая логика — вот основы политики этого русского императора. Хорошо для России — хорошо для Александра ! Именно такое понимание блага государства привело Россию к процветанию. Русское «экономическое чудо» конца девятнадцатого века, объясняется просто: в царствование Александра III не случилось войн. Черные дыры бесконечных конфликтов и столкновений, общеевропейских пожаров и небольших боев при новом императоре перестали пожирать силу русского народа. Впервые за много лет ресурсы страны, вся ее мощь оказались направленными на внутренне развитие. И результат не заставил себя ждать!

Дело в том, что в отличие от своих предшественников Александр прекрасно понял для себя одну простую вещь: каждый раз, когда Россия принимала участие в борьбе каких-либо европейских коалиций, ей приходилось впоследствии лишь горько об этом сожалеть.

Результатом внешней политики Александра стал поразительный результат: **Россия осталась в Европе без союзников!** И благодаря этому смогла спокойно развиваться, богатеть и укрепляться. Отсутствие «союзников» подразумевало, и отсутствие необходимости воевать за чужие интересы, как это было до Александра, и как это, увы, будет после него. Однако ошибочно будет думать, что вся внешнеполитическая деятельность в это царствование была свернута, а наша страна охотно соглашалась со всем, что ей предлагалось, и потому никто на нас не напал. Скорее наоборот: Россия выглядела сильной, уверенной в себе и, что редко встречалось в нашей истории, знающей собственные интересы и готовой за них постоять. Ведь естественное стремление наших соседей снова заставить русских таскать для себя каштаны из огня меньше не стало. Только Россия этого больше не делала. Александр III умел дружить со

всеми, точно зная при этом, что за интересы чужих стран воевать он не будет. Внутреннего взрыва в России ждать не приходилось: большинство революционеров либо отбыли в эмиграцию, либо ушли в глубокое подполье. Если к тринадцати мирным годам Россия добавит еще лет двадцать, то европейцам придется догонять ее мощную экономику, ушедшую далеко вперед!

Перед англичанами встала нелегкая задача: надо было любой ценой устранить с мировой арены опасного конкурента. Сложность проблеме придавал тот факт, что за время упорной борьбы британцев с русским могуществом, в Европе появилась новая сверхдержава — Германия. Темпы ее развития вызывали опасения не меньшие, чем быстрый рост нашей экономики.

Когда появился на свет тот план, благодаря которому была сокрушена Россия и Германия, мы не знаем. Но мы можем четко отследить этапы формирования тех маленьких фрагментов, что сложатся потом в единую грозную картину русского лихолетья. Первым кирпичиком в строительстве будущей мировой войны стал союз России и Франции. Для сохранения равновесия в Европе, после периода дружбы с германцами, Александр III начинает политическое и экономическое сближение с Парижем. С 1887 года начинается регулярное предоставление России французских займов, в результате чего

Франция становится главным кредитором России. В 1891 году император разрешил устройство в Москве французской выставки, а в Кронштадт прибыла французская эскадра. При посещении ее русский император стоя выслушал французский республиканский гимн и дружески поднял чару за процветание Франции. Александр III всегда знал меру в поддержке своих «союзников», поэтому во время его правления сближение с Парижем было не опасным, а будущая мировая война была бы невозможна. В 1894 году после утверждения русско-французской военной конвенции, происходит окончательное оформление союза, не опасного для России, пока ее политика подчинена именно русским интересам. По трагической случайности император миротворец Александр III умер в том же году, 20-го октября 1894 года в Ливадии, немного не дожив до своего 50-летия. В могилу его свела давняя болезнь почек — нефрит. Его империю отправит в небытие очередная война за чужие интересы, порожденная только, что заключенным с французами союзом.

В Париже и Лондоне давно искали дружбы с Россией. Чтобы, мягко облекая в «союзнические» одежды свои собственные интересы, подписать Российскому государству смертный приговор ...

Наследник Николай Александрович, теперь уже русский император Николай II задумчиво держал в руках листок бумаги. Закончились похороны императора и первое, что сделал новый хозяин России — он вскрыл запечатанный конверт с завещанием. Последнюю волю отца, его советы он перечитал уже в третий раз. Завещание было цельным и абсолютно понятным. Отец умер так внезапно и так быстро, что никаких секретов управления империей передать сыну просто не успел. Оставались советники, правительство и это завещание:

«В политике внутренней — прежде всего, покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

— Церковь и семья, — повторил молодой император. — Церковь и семья...

Император Александр III был идеальным для России политиком, потомки не могут предъявить ему никаких претензий. Кроме одной — он не подготовил себе достойной смены. Наследнику престола, молодому императору Николаю II на момент смерти отца было всего 26 лет. Политическими талантами своего отца Николай Александрович не обладал, как и абсолютно не понимал он гениального политического балансирования Александра III. Его системы союзов без союзников, красивых и правильных слов без выполнения их сути. Посоветоваться ему было не с кем — все бремя внешнеполитических решений отец взвалил на самого себя. Николаю II пришлось управлять страной и одновременно учиться этому управлению. И — совершать ошибки! Благодаря этому впереди у России была Великая война и «славное» братство по оружию с нашими партнерами по Антанте. Но прежде, чем ввергнуть

народы мира в Первую мировую войну, «союзники» еще раз попробовали русскую монархию на прочность. Впереди была организованная и щедро оплаченная ими **революция** !

Пока еще первая — 1905 года.

Глава 2. Первая революция.

Я был бы в высшей степени доволен японской победой, так как Япония ведет нашу игру.

Президент США Теодор Рузвельт

Итак — началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренне и серьёзно поздравляю.

Письмо А.М. Горького Е.П. Пешковой

Мичман Сенцов жадно втянул себя сигаретный дым и с шумом выпустил его в воздух. Он любил курить именно на этом месте, неторопясь наслаждаясь ароматным табаком и любясь темной водой, перекачиваемой у борта броненосца «Цесаревич».

Волны бились в борта кораблей, ласково огибали их и бежали дальше, чтобы через некоторое время в последнем самоубийственном порыве выброситься на берег русской военно-морской базы в Китае, Порт-Артур. Китайская ночь темна и непроглядна: покачиваясь на волнах, эскадра, казалось, мирно подремывала. Но это сонное спокойствие было обманчивым. На некоторых судах производилась погрузка угля с барж, и залитые ярким электрическим светом они светлыми пятнами выделялись на фоне темнеющей воды. В глубину бухты, в ее темнеющую пропасть били прожектора дежурного крейсера «Паллада» и броненосца с красивым именем «Ретвизан». Пятна света игриво плясали по волнам, пытаясь осветить чернеющую глубину.

— Что, Михаил Петрович, любуетесь китайской ночью? — на палубе появился командир капитан I ранга Иван Константинович Григорович.

— Так точно.

— И вправду, есть чем — капитан потянулся так, что хрустнули кости, и повернулся к мичману.

Вот прожекторы с броненосца остановились на борту скользящего в темноте вахтового миноносца «Цесаревич», задержались на секунду и скользнули дальше. Туда, откуда одна за другой набегали на берег волны Корейского залива. Туда были направлены и прожекторы миноносца.

— Тихо как, — сказал мичман Сенцов.

— Вот мы освещены, как сцена в Маринке, — словно не слыша его слов пробормотал капитан — А если кто к нам решит подкрасться, то мы его заметить можем только случайно.

Григорович достал платок и протер лоб.

— Впрочем, это все нервы, нервы, Михаил Петрович. Спокойной ночи.

Сенцову уходить в душную каюту не хотелось, раскаленная за день броня неохотно отдавала свое тепло прохладному ночному воздуху. Еще полночи внутри броненосца будет невероятно жарко. Мичман достал еще одну сигарету и вновь затянулся. Где-то в глубине темнеющей бухты, несли вахту два дозорных миноносца, но спокойнее почему-то не становилось.

Прожектора в очередной раз заплясали, скользя по разным уголкам бухты. И вдруг на секунду осветили какой-то корабль. Внутри мичмана что-то сжалось.

— Не может быть — подумал он — Это, наверное, наш миноносец!

И тут заметил в нескольких метрах от броненосца белую кильватерную струю. Торпеда неслась к «Цесаревичу» и должна была ударить ровно в то место, где стоял Сенцов. Яркая вспышка, удар — и броненосец содрогнулся всем своим мощным корпусом...

Восемь японских миноносцев без объявления войны атаковали русские корабли в гавани Порт-Артура ночью 27-го января 1904 года. Удар был предательским и вероломным. Русская эскадра была застигнута врасплох. **Так началась русско-японская война. Так началась первая русская революция.**

Теперь нам необходимо дать некоторые пояснения, как и почему оказался русский солдат в далеких китайских землях. Разрушение того «движения неприсоединения», что выбрал для России Александр III, началось незаметно. Именно неопытность нового русского царя Николая II, его порядочность и мягкость будут положены в основу плана первой попытки революционного сокрушения России. Военной мощью необходимой для уничтожения нашей страны никто в тот момент не обладал, да и потери связанные с этим были бы невероятно велики. Однако, как показало успешное правление Александра III, если Россию не втягивать в различные войны, она станет экономически непобедимой, что в свою очередь сделает невозможным взорвать ее изнутри. **Поэтому у наших врагов оставался лишь один способ уничтожения России — втянуть ее в конфликт, всячески помогая ее противнику, и выбрав это как повод, устроить внутри страны революцию.** Именно такая комбинация военного поражения с внутренним взрывом и уничтожит Российскую империю в 1917 году.

Но до этого еще было далеко. В качестве подходящего места для вооруженного конфликта был выбран Дальний Восток. Тому было несколько причин. Сразу после смерти императора-миротворца политика России на Дальнем Востоке резко поменяла свой характер. Вместо разработки своих богатств, Россия двинулась еще дальше. Вместо того чтобы продолжать Сибирский путь вдоль Амура, как повелел в свое время Александр III, новое правительство повело его по китайской территории через Маньчжурию. Так возникла в 1898 — 1900 годах Китайская Восточная железная дорога (КВЖД). Продвижение же России вперед неизбежно должно было столкнуть ее с другой мощной державой. Потому, что в то время в Китае творилось что-то невообразимое: все страны наперегонки торопились «застолбить» за собой лакомые куски этой страны. Немцы оккупировали порт и бухту Цзяочжоу с прилегающим районом в Шандуне и потребовали сдать их «в аренду» на 99 лет. Британцы тем же способом позаимствовали порт Вэйхайвэй, а французы залив Гуанчжоувань. Потребовали от правительства Китая «равных возможностей» и США.

С другой стороны на китайские земли вожаденно смотрела молодая японская империя. Надо сказать, что по скорости своего развития в то время с Японией могла соперничать только Германия, словно гриб выросшая посреди Европы. В 1854 году островная страна представляла собой нацию отшельников с феодальным правительством, средневековой армией и незначительным флотом. Благодаря молодому императору Муцухито, к концу XIX века это была мощно растущая империя с сильным флотом и огромными амбициями.

Британцы же с удовольствием готовили и растили очередного противника России. В Японию, создавая морское министерство и проводя подготовку флота, прибыла английская военная миссия во главе с Арчибалдом Дугласом. В Англии были заказаны и изготовлены современные боевые корабли, там же обучались молодые японские офицеры.

Создав мощный военный механизм, токийское правительство вслед за европейцами также приступило к захватам в Китае. Война начавшаяся в 1894 году, привела к тому, что китайская императрица была вынуждена заплатить Японии контрибуцию, признать независимость Кореи и передать победителям остров Формоза и Ляодунский полуостров.

Однако японские победы сами по себе еще не гарантировали ее будущего столкновения с Россией. Для начала Петербург должен был разозлить японцев, наступив на их большую мозоль. Именно провоцирование грубого и недальновидного поведения царского правительства и составляло основную сложность в сраживании русских со страной восходящего солнца. Однако царское правительство невольно помогло британцам в организации конфликта. Сначала Николай II вместе с Францией и Германией вмешался в японо-китайскую войну, заставив японцев отказаться от приобретенного по мирному договору Ляодунского полуострова. Затем уже сама Россия 21 мая 1896 года заключила договор с Китаем об оборонительном союзе против Японии, а в 1898 году вообще забрала Ляодунский полуостров себе! Под давлением Петербурга Китай был вынужден сдать полуостров с городом Порт-Артур России на 25 лет.

Иными словами русские сначала вынудили японцев отказаться от земли, а затем через три года забрали объект японских мечтаний себе! Тем самым Николай II получил выход в Китайское море и ненависть сорокамиллионной японской нации. Англичане могли радостно потирать руки — русский медведь медленно, но верно влезал в китайский муравейник, наступая при этом на ногу японскому самураю.

В Токио внимательно следят за нашими успехами и приходят к выводу, что русские пришли в Порт-Артур и в целом в Китай всерьез и надолго. Следовательно, без устранения России дальнейшее развитие колониальной экспансии Японии невозможно. Однако воевать Японии с Россией невозможно — слишком велико неравенство сил. Именно поэтому и ведет себя так самонадеянно русский монарх — он не верит, что Япония может осмелиться на вооруженный конфликт. Его окружение придерживается того же мнения. В декабре 1903 года дядя Николая II Великий князь Александр Михайлович беседует с ним о близости конфликта. Русский царь добродушен и беспечен. Он не догадывается, какая титаническая подготовительная работа проведена англичанами. Не подозревает хозяин земли русской и о сверхзадаче разрушения его империи, которая возлагается на грядущую войну:

«В народе идут толки о близости войны, — сказал я (Великий князь Александр Михайлович— Н.С.)

Государь продолжал курить.

— Ты все еще намерен избежать войны, во что бы то ни стало?

— Нет никакого основания говорить о войне, — сухо ответил он.

— Но каким способом надеешься ты предотвратить объявление японцами войны России, если ты не соглашаешься на их требования?

— Японцы нам войны не объявят.

— Почему?

— Они не посмеют».

Отчего так спокойно чувствует себя Николай II, почему он так уверен в невозможности конфликта? Во-первых, потому, что вооруженные силы России насчитывают 1 135 тыс. человек, а японские всего 375 тыс. солдат и офицеров. С флотом картина тоже опасения не внушает: Тихоокеанская эскадра флота, базирующаяся на Порт-Артур, состоит из 7 броненосцев, 4 броненосных крейсеров, 3 легких крейсеров, 2 минных крейсеров, 2 минных транспортов, 4 мореходных канонерских лодок, 24 эсминцев и 10 миноносцев. Помимо этого Сибирская военная флотилия, базирующаяся на Владивосток, состоит из 4 крейсеров, 1 вспомогательного крейсера и 11 миноносцев. У Японии всего 8 броненосных крейсеров, 12 легких крейсеров, 28 эсминцев, 19 миноносцев и 8 мореходных канонерских лодок.

Во-вторых, потому так спокоен Николай II, что отбирала у японцев их заслуженные китайские трофеи Россия не одна! Вместе с Францией и Германией, мы «посоветовали» Японии возратить Китаю Порт-Артур и ограничиться получением большой контрибуции. И японские государственные деятели понимали, что они не смогут противостоять трем европейским державам, а потому хоть и исключительно неохотно, но были вынуждены принять это предложение. Так Россию втягивали в будущий конфликт незаметно для ее главы. Япония ведь не может воевать против трех великих держав! Значит — и беспокоиться не о чем. Он не мог себе представить ситуации, когда перед лицом разъяренной страны восходящего солнца останется только одна Россия! Что Япония против **одной** сверхдержавы воевать сможет, об этом русский монарх и не подумал.

После русского «арендного» демарша в императорском правительстве Японии не создавали никакой шумихи по этому поводу, а лишь увеличивали свою армию и флот, готовясь к теперь уже неизбежной войне. Однако размеры соперника все же пугали осторожных самураев, они медлят — подготовка к нападению заняла целых семь лет. Без посторонней помощи одолеть Россию было невозможно, но желающие помочь в этом «благородном» деле нашлись. Начались переговоры между Великобританией и Японией о военном союзе, а в январе 1902 года был подписан договор, открывший для японцев широкую «кредитную» линию в политике и экономике. Буква соглашения гласила, что в случае, если Великобритания или Япония вступит в войну с какой-либо иностранной державой, другая страна будет соблюдать

строгий нейтралитет, но если на стороне воюющей иностранной державы выступит еще одно государство, Великобритания и Япония выступят в качестве союзников. Таким образом помогать России никто не сможет, не рискуя попасть в состояние войны с англичанами. **Именно Британия станет главным помощником и вдохновителем японцев в грядущем конфликте с Россией.** Впрочем, и без этой угрозы охотников помогать нам не нашлось.

Всякая война начинается с подготовки общественного мнения внутри страны и за рубежом. В японских газетах начинают появляться материалы, прозрачно намекающие на будущий конфликт. В сентябре 1903 года выходит статья в газете «Ниппон симбун»: «Театром войны будет пространство от корейской границы до Ляодунского полуострова включительно. Наша армия знает эти поля». Параллельно обработке населения идут активные дипломатические переговоры. В декабре 1903 года в Токио проходит секретное совещание кабинета министров по вопросам подготовки страны к предстоящей войне против России. На этом этапе в антирусскую игру вступает руководство США. Чтобы развеять последние сомнения в японскую столицу в начале января 1904 года прибывает американский военный министр Тафт. От имени президента Рузвельта он обещает императору поддержку в случае русско-японской войны.

Тем временем, англичане вносят свой немалый вклад в неожиданность японского нападения, усыпляя бдительность русского правительства миролюбивыми заверениями. Прямо накануне нападения, в Санкт-Петербурге идут русско-японские переговоры. Россия делает значительные уступки и 21-го января 1904 года на весь мир звучит заявление британского министра иностранных дел: «Если Япония и теперь не будет удовлетворена, то ни одна держава не сочтет себя вправе ее поддерживать». Казалось бы, англичане лишают самураев своей поддержки, на самом деле **дата нападения на Россию уже определена и переговоры ведутся лишь для отвода глаз**. Британское правительство активно участвует в дезинформации русского руководства, и подыгрывают японцам изо всех сил.

В будущей войне наши же «союзники» будут крайне ненадежны. Да, собственно говоря, официальный «союзник» у России был только один — Франция. Для нее весь смысл дружбы с Петербургом заключался в использовании русской армии против Германии. Поэтому, когда на Россию нападают не германцы, а японцы, французы помогать не собираются. **На следующий день после японской агрессии, французское правительство заявило, что оно будет соблюдать нейтралитет.** Что такое нейтралитет во время войны, которая ведется на другом конце земного шара? Военные союзы и договоры для того и заключаются, чтобы в случае нападения другая страна пришла на помощь своему союзнику. Никто и не просил французов лезть под японские пули, но поставлять информацию, амуницию, оружие вполне можно даже оставаясь формально нейтральными. В качестве примера можно привести позицию США в двух мировых войнах. Вроде сам Вашингтон и не воевал, но на чьей стороне он «не воюет» было понятно невооруженным взглядом. Французы повели себя совершенно по иному. Когда русская эскадра адмирала Рожественского проплывет почти весь мировой океан к окруженному Порт-Артуру, то они нашим кораблям не позволят оставаться больше 24 часов во вьетнамском порту Камрань, принадлежащем тогда Франции. Русских моряков настойчиво просили уйти, «во избежание каких-либо международных конфликтов», ради соблюдения нейтралитета. Удивляться такому образу действий французов не стоит. Полностью зависимая в своей внешней политике от Англии, Франция покорно выполняла общую линию на разжигание русско-японского конфликта.

Странное поведение французов заметил и Николай II. Во время встречи с германским кайзером Вильгельмом русский царь заявил: «Французы повели себя как последние мерзавцы, пошли на поводу у англичан. Мой союзник меня бросил». Кто еще поддержал Россию? Никто. Вот так и начиналась эта война — без союзников, без помощи, без поддержки. Хотя впрочем «союзник» у России в этой войне появился: в феврале 1904 года Японии неожиданно объявляет войну ... Черногория. Помощи от маленькой балканской страны никакой, а вот вреда много: теперь англичане получают прекрасный повод нанести русским удар с тыла в соответствии с британо-японским договором.

Призрак Крымской войны все еще витал над русским политическим Олимпом: Николай не верил в возможность нападения на Россию маленькой Японией. Зато лучшие воинские части

должны были дислоцироваться в европейской части страны — на случай вмешательства англичан. Николай II не мог себе представить, что финансовая помощь «союзников» японцам может быть такой существенной, что заменит собой помощь военную! Даже если бы он и относился к японской угрозе серьезнее, то все равно в случае их нападения, большую часть войск надо было держать против потенциальной агрессии британцев. Поэтому на Дальний Восток были отправлены воинские части, что похуже. Вот эти «лучшие из худших» в единоборство с японцами и вступили. В отличие от нас, нашему противнику бояться было некого, поэтому с японской стороны в дело были брошены лучшие войска. Это во многом предопределило начальное неудачное течение боевых действий и наши первые поражения. Таким образом, даже «нейтралитет» европейцев был против нас и за Японию.

Однако даже в такой ситуации боевые действия развивались для Японии отнюдь не безоблачно. После коварного нападения на русский флот, сухопутные бои начались только через четыре месяца! Ровно столько времени самураи не могли высадить десанты, хотя и на суше преимущество стало складываться в ее пользу. Причин тому несколько, в том числе и захваченная японцами инициатива, и огромная удаленность театра военных действий от самой России. В то время, как нам приходилось везти войска, снаряжение, продовольствие и пр. по однокольной железной дороге за 10 тысяч километров, японцы находились менее чем в 1000 км морского пути! Но и в таких условиях русская армия дралась на славу и если оценивать качественную сторону дела, то еще и неизвестно, кто эту войну проигрывал.

У японцев тоже были свои проблемы. Для того, чтобы успешно разгромить Россию, Японии было необходимо решить две задачи: завоевать господство на море и уже пользуясь этим, высадив десанты, разгромить сухопутную армию. Но это было непросто. Русский флот практически в два раза превышающий японский, был перед войной разделен между Балтийским, Черным морем и Дальним Востоком. Такое распределение сил понятно — корабли находятся на основных направлениях, откуда может возникнуть угроза. Но даже поделенный наш флот представлял собой грозную силу. Порт-артурская эскадра адмирала Алексеева насчитывала 7 броненосцев и 4 броненосных крейсера, в то время, как адмирал Того мог собрать лишь 6 броненосцев и 6 броненосных крейсеров. Для того, чтобы выполнить свою задачу и выиграть эту войну, японцы должны были нанести поражение Дальневосточному флоту до прибытия остального русского флота. Надо разбить противника порознь, не дав соединиться частям его довольно большого флота! Да еще и с минимальными потерями для себя. Вот откуда рождается японская стратегия внезапного удара по флоту без объявления войны.

Но первый удар не смог вывести русский флот из строя полностью. Вот здесь на помощь японцам снова пришли англичане. Без их поддержки, адмиралу Того, наверняка не удалось бы разгромить наши эскадры по очереди. То, что Россия попытается перебросить свой Балтийский и Черноморский флот на Дальний Восток, было очевидно еще до начала войны. Этот поистине ключевой вопрос обсуждался еще в январе 1904 года, когда в Токио вопрос о начале войны с Россией был в принципе решён, и обсуждались последние детали. А именно координация действий Японии и Англии, для достижения наиболее полного военного поражения России.

Инициативу проявила Япония, и 11-го января 1904 года состоялась беседа японского посланника в Лондоне Хаяси с лордом Ленсдауном. На ней японец прямо поставил вопрос о возможности запрета прохода через Дарданеллы русского Черноморского флота, заявив, что рассчитывает на добрые услуги правительства Британии. Балтийский русский флот также ни в коем случае не должен быстро попасть к театру военных действий, для этого в самом крайнем случае планировалось его военное уничтожение силами британского флота. Это означало новую англо-русскую войну, что для Британии было нежелательно, поэтому такой вариант оставили напоследок. Японцам британцы пообещали остановить и задержать русских дипломатическим нажимом, не прибегая к военной силе. Стратегия англичан в этом вопросе формулировалась, как целый спектр действий, от требования объяснений от России, до «серьезного уведомления», и далее к демонстрации силы и разрыву отношений, но все же без объявления войны.

Надо понимать, насколько важным для Британии было выиграть для японцев драгоценное время. Для этого англичане использовали все возможные методы. Сильный дипломатический

нажим был оказан на русское правительство. Проплыви русские черноморские корабли в Средиземное море, останавливать их можно было только самыми грубыми угрозами. Следовательно, надо было не допустить форсирования ими Дарданелл. Этого британцы сумели избежать, осуществив двойное предупреждение. Сначала, 11-го июня 1904 года, устами посла в Петербурге Гардинга в беседе с русским министром иностранных дел Ламздорфом. Затем, для пушного эффекта, Великобритания устроила и военно-морскую демонстрацию вблизи Дарданелл. Николай II, как и надеялись в Лондоне, решил не искушать судьбу и к войне Дальневосточной не добавлять вторую Крымскую. В итоге было решено отказаться от плана переброски на Дальний восток черноморской эскадры и ограничиться посылкой кораблей из Балтийского моря. Накануне выхода кораблей в русскую столицу посыпались многочисленные донесения русских дипломатов и агентов контрразведки о возможных попытках японцев диверсионным путем сорвать переход кораблей на Тихий океан. Такие сообщения, командующий, контр-адмирал Рожественский, начал получать еще в самом начале формирования эскадры. Сейчас сложно судить были ли готовы японцы к диверсии или нет, однако европейские газеты, как по команде стали печатать сообщения о подозрительных судах и японских агентах, загадочных перемещениях и непонятных действиях таинственных кораблей.

В результате, когда наша эскадра двинулась в путь, нервы у моряков уже были на пределе. Чтобы избежать возможных инцидентов, Дания, через чьи воды плыла эскадра, приняла серьезные меры безопасности. Датские корабли разгоняли и задерживали все подозрительные суда, не давая им приближаться к русским. Англичане этого не сделали. Результатом стал знаменитый инцидент у Доггер-банки, когда в условиях нулевой видимости русский флотоводец отдал приказ открыть огонь по приближающимся кораблям. Они оказались английскими рыбаками. Один траулер потоплен, были убитые и раненые. Русское правительство немедленно заявило, а вскоре и осуществило выплату компенсации (65 тыс. фунтов), и предложила разобрать возникшую проблему в суде в Гааге. Позднее суд примет решение, что действовали наши моряки правильно. Но в Англии голоса разума никто не слышал: возмущенная толпа чуть было не разгромила русское посольство. Европейские же газеты использовали Доггер-банку, как повод для развязывания антирусской истерии. И лондонские газеты тоном и накалом своей ненависти к России немногим отличались от парижских!

От этого инцидента польза была лишь одна: убедившись, что русские шутить не будут, японцы так и не решились провести никаких диверсионных актов. Но пропустить русский флот англичанам было нельзя — это ставило под сомнение всю задуманную ими операцию по ослаблению, а, если получится, то и уничтожению России. Поэтому еще до Доггер-банки, англичане в грубой форме отказали нашей эскадре в возможности заправляться углем с британских складов по маршруту ее следования. Такую же позицию по отношению к своему союзнику России заняла и Франция. Топливную проблему решили и без них, но это также задерживало русские корабли. Серьезность ситуации показывает тот факт, что для получения угля правительство Николая II было вынуждено гарантировать Германии военную помощь, в случае возникновения конфликта немцев с Великобританией именно из-за германских угольных поставок русскому флоту!

Созданные англичанами многочисленные трудности сделали свое дело: русский флот поплыл в Китай вокруг Африки! Почему? Потому, что, британцы отказались пропустить нашу эскадру через Суэцкий канал! Пришлось плыть вокруг Африки, что привело к увеличению срока плавания, износу техники и замедлению хода кораблей от обрастания ракушками. В конце этого пути длиной в 16 400 миль русскую эскадру, семь месяцев шедшую к месту гибели, ждал разгром в Цусимском сражении 14 — 15 мая 1905 года...

Пришло время поговорить и о «втором фронте», что так любезно открыли наши революционеры на «союзные» деньги в тылу воюющей русской армии. Мы могли в этой войне победить. Скажу больше, мы бы обязательно победили, если бы не пятая колонна внутри страны. Великий князь Александр Михайлович Романов в своих мемуарах правильно уловил главной проблемы, с которой столкнулась русское правительство: «Ни один народ не выигрывал и не мог выиграть войны, борясь с неприятелем, находившимся на расстоянии семи

тысяч верст, в то время как внутри страны революция вонзала нож в спину армии».

Будущие хаос и анархия были в России четко организованы. Тем, кто всерьез верит в самопроизвольное начало первой русской революции, следует обратить свое внимание на один малоизвестный факт. 27-го января 1904 года в Санкт-Петербургскую государственную сберегательную кассу обратился вкладчик Филипп Воронов, получивший послание, лейтмотивом которого был истеричный призыв: “Спасайте ваши деньги”. Подобные письма (как рукописные, так и отпечатанные на гектографе) внезапно появились в самых разных частях Российской империи и в короткий срок наводнили страну. Авторы листовки пугали: “Министрам нужны деньги на войну с Японией. Они берут наши деньги в сберегательных кассах и дают нам ренту”.

Подготовка этой экономической диверсии началась загодя. Стоит обратить внимание, что листовки эти появились в русских городах **точно в первый день** (!) русско-японской войны. Значит тот, кто готовится подорвать финансовую стабильность России, **должен был точно знать дату «внезапного» нападения** ! А ведь письма надо было еще отпечатать, разослать по стране, спланировать их распространение и раздать разносчикам! Одним словом работа большая и серьезная.

Листовки печатали не зря — во многих губерниях ситуация быстро стала критической, начался отток денег из сберегательных касс. Особенно сильная паника охватила Варшавскую, Прибалтийскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую губернии. Но спокойная и взвешенная политика правительства достаточно быстро погасило ситуацию: вклады выдавались всем желающим, информация же о том, что сберегательные кассы и впредь намерены неукоснительно соблюдать свои обязательства перед вкладчиками была помещена во всех крупных российских газетах. Сообщения такого рода были вывешены в самих сберегательных кассах, а также в общественных местах. Паника улеглась.

Кто же стоял за этой акцией? Безусловно, японские спецслужбы руку к ней приложили. Однако самостоятельно, они просто не в состоянии были организовать панику такого масштаба, хотя бы потому, что не имели в России столь разветвленную сеть своей агентуры. Контакты японских спецслужб и русских революционеров еще только начинались. К тому же неожиданная активность японцев в поиске контактов с подрывными элементами могла насторожить русскую контрразведку и предупредить царское правительство о скором начале войны. Ведь попади одна такая листовка куда следует, и весь ход русско-японской войны мог пойти по-другому! Значит — японцам кто-то помогал. Так кто же так четко и слаженно организовал попытку дестабилизации внутренней жизни нашей страны? Кто помогал японцам в поисках разносчиков подметных писем, начиная раскачивать русскую лодку, пока еще мирными средствами?

Спланировать и организовать все это могли лишь силы, имевшие разветвленную сеть своих людей внутри России. И это были не революционеры, потому, что ряды всех радикальных партий кишели провокаторами, и тогда дата японского нападения сразу попала бы на стол царской охранки. Такой утечки допустить было нельзя. Структура, разложившая записочки по русским городам, должна была быть с железной дисциплиной и в то же время находиться внутри России.

Имя главного организатора финансовой паники — резидентура британских и французские спецслужб. Именно эти разведки оказали японцам неоценимую помощь, помогая нашему противнику. Когда началась война, «союзники» с чистым сердцем передали Японии свои контакты в среде наших революционеров. Вот так начиналось предательство «борцами за народное счастье» своей собственной страны, которое привело к катастрофе семнадцатого года. Сейчас эту историю о панике вкладчиков в 1904 году, рассказывают в современном Сбербанке, акцентируя внимание на сложностях и трудностях, которые это солидная организация переживала за свою 160-летнюю историю. Вопрос, кто и почему организовал эти трудности, уже не поднимается и не исследуется. И никто не проводит параллели между акциями, подобной этой и дальнейшим раскручиванием маховика революции.

Нам всегда говорили, что революция 1905 года началась из-за поражения России в войне с Японией. Это не так, просто после первого этапа английского плана, наступал второй: военный этап ослабления Российской империи, начинал усиливаться революционным.

Это не революция началась из-за поражения в войне, а мы в итоге проиграли войну из-за начавшейся революции!

Но и военный конфликт и идущая следом революция были заранее запланированы заранее врагами России. Деньги на новые японские броненосцы и оплату бастующих рабочих Красной Пресни были выделены из одного и того же источника. В идеале для «союзников» после революционных потрясений в России должна была быть установлена республика, а затем начаться хаос и анархия. Так и произошло, но в 1917-м! В начале века русская империя устояла — недооценили ее прочность «союзники»! Поэтому вместо полного разрушения государства, революционные выступления просто не дали России разгромить японцев.

Грозные признаки будущих баррикад и погромов появились после начала боевых действий не только в виде подметных писем. Уже 10 февраля 1904 года, через две недели после начала войны, началась **первая** забастовка. Три тысячи рабочих харьковского паровозостроительного завода, выдвинули требования повышения зарплаты и прекращения войны. Япония напала на Россию, в Манчжурии защищаясь, гибнут русские солдаты и моряки, а русские же рабочие города Харькова проводят на следующий день антивоенный митинг! В условиях вражеского нападения такая позиция выглядит довольно странно. Для сравнения представьте себе антивоенную манифестацию в июльской Москве 1941 года. Хотите остановить войну — пожалуйста, остановите наступающего противника, идите в армию и сражайтесь за Родину. Как еще правительство может ее остановить? Капитулировать перед врагом, отдать приказ русским солдатам не стрелять в японских товарищей? Однако харьковские забастовщики — «пацифисты», щедро оплаченные британо-японскими спецслужбами, таких вопросов себе не задают. Они просто бастуют, а либеральное царское правительство ничего с ними не делает.

Идет время и японская разведка начинает проявлять себя все активнее: 1-го июля в результате диверсии на 3 дня остановлено движение по Сибирской железной дороге. На путях скопилось 2400 вагонов с войсками и военными грузами. В декабре 1904 последовали новые диверсии, а количество задержанных вагонов выросло до 5200. Во многих случаях вражеская агентура вербовалась из среды левых экстремистов.

Удивляться тут нечему. Давайте посмотрим, где же проводили свои съезды наши революционеры. Для примера возьмем самых известных — социал-демократов. Будущих ленинцев. Начинают они, пока никому неизвестные, на Родине: Первый съезд проходит 1-3 марта 1898 года в Минске. Что на этом съезде произошло? Да, практически ничего. На съезде не было создано четкой партийной структуры. Социал-демократы так и остались без программы, без устава, даже без единого руководства. Но это неважно — самое главное, **что в Минске имел место факт провозглашения революционных целей и заявлено, о желании создать партию, эти цели преследующую.**

Этого оказалось достаточным — ребят замечают и понемногу начинают к ним присматриваться. Ложка ведь хороша к обеду, а революционеры, соответственно, — к революции! Однако в любом случае с ними надо познакомиться поближе, и Минск или Киев для таких встреч место не лучшее. Поэтому из Краткого курса истории ВКП(б) мы узнаем, что Второй съезд РСДРП прошел **уже за границей** : сначала в Брюсселе, а потом **в Лондоне** , с 17-го июля по 10 августа 1903 года. Подготовка к первой попытке сокрушения России заканчивается. Своя роль в будущем сценарии уготована и социал-демократам. Именно им наряду с социалистами революционерами (эсерами), взрывать изнутри свою Родину. И этот долгожданный момент настает: начинается русско-японская война. Во время нее частота съездов социал-демократов резко возрастает: не раз в пять лет, а каждый год!

Удобнее всего совещаться в столице туманного Альбиона. Здесь хорошо и спокойно, да еще британцы и денег подбрасывают, поэтому Третий съезд партии Ленина проходит снова **в Лондоне** с 12 по 27 апреля 1905 года. Четвертый съезд несколько выбивается из общей колеи — проходит с 10-по 25 апреля 1906 года в Стокгольме (поближе к России — там сейчас самый разгар революции!). Зато Пятый — вновь в гостеприимном **Лондон** е, с 30 апреля по 19 мая 1907 года. Однако революция закончилась, Россию уничтожить не удалось и пора отправляться буйным революционерам на «консервацию»: частота «встреч» падает почти до нуля. Следующий, Шестой съезд партии состоится **только через десять лет(!)** , уже после

Февральской революции, с 26-го июля по 3-августа 1917 года.

Итого — если отбросить самый первый и самый последний «слет», **то из четырех съездов ленинской партии три были проведены в Лондоне**. Революция дело тонкое — тут случайностей не бывает. Отчего так любят наши социалисты именно британскую столицу, а не Париж, не Берлин, и даже не нейтральную Женеву и Цюрих? Оттого, что именно английские спецслужбы заботливо опекают и растят будущую «ржавчину» для стального корпуса Российской империи. Поэтому так уютно и хорошо предателям своей страны именно здесь, под боком тех, кто через несколько лет станет нашим главным «союзником».

И не забывают своих птенцов английские спецслужбы! Ленинцы-эмигранты, словно в анабиозе, дожидаются следующей русской смуты, чтобы вновь выплыть на поверхность. Деньги на более или менее сносное житье за границей десятилетиями появляются у русских политэмигрантов чудесным образом. Потом также волшебным образом появляются у них и огромные средства на уничтожение собственной страны в 1917 году. Пока же революционеры начали устанавливать контакты со своим новым союзником — японцами. И тем, и другим как воздух необходимо военное поражение России. Сводят их между собой гостеприимные британцы, всегда радующиеся возможности провести антирусский съезд или партконференцию.

Самое активное участие в финансировании русской революции сразу после официального начала войны, принял японский военный атташе в России, полковник Мотодзиро Асаки. Покинув Петербург, он расположился в максимальной близости от российских границ, в Стокгольме. (Не потому ли и Четвертый съезд РСДРП проходил там же?). Не теряя времени, Асаки знакомится с основателем и лидером Финляндской партии активного сопротивления Кони Циллиакусом. Это тоже социал-демократ, но с легким национальным оттенком. Таких в царской России было много: это и польские борцы за демократию, лидер которых Пилсудский возглавит затем Польшу, и грузинская партия «Сакартвелло», и армянская «Дашнакцутюн». Циллиакус охотно вызвался наладить контакты со всеми революционными партиями и обеспечить координацию. Японцам тоже все равно: они готовы финансировать любые группировки, берущие на себя дестабилизацию внутренней жизни России. Основная цель и революционеров и японцев (и тех, кто их свел вместе) — вооруженное восстание и свержение государственного строя. На помощь подрывным элементам, Япония выделила около одного миллиона иен (5 млрд. иен по современному курсу).

Сведя Асаки с «националистами», Циллиакус отправился в Лондон на переговоры с одним из лидеров социалистов-революционеров (эсеров) Николаем Чайковским. 18-го августа 1904 года с финским эмиссаром в ресторане встречается вся верхушка партии: Евно Азеф, Екатерина Брешко-Брешковская, Виктор Чернов и др. Поскольку Азеф являлся тайным агентом русской политической полиции, то предложения Циллиакуса становятся известны русскому руководству. Но оно не в силах остановить золотой дождь, внезапно обрушившийся на русские революционные партии. Вслед за деньгами в страну начинает проникать закупленное на них оружие и подрывная литература. За короткий срок «борцам за свободу» передано: 8 тыс. винтовок — финским националистам; 5 тыс. винтовок — грузинским; одна тысяча эсерам; 8 тыс. — другим социалистическим партиям. Еще 500 карабинов по братски поделили между собой финские националисты и эсеры. На японские же деньги под руководством Циллиакуса в Великом Княжестве Финляндском были построены два подпольных завода, выпустившие тысячи бомб.

Для координации общих действий за японские деньги и с одобрения японской разведки в 1904 году в Париже и в 1905-м в Женеве проводились конференции революционных партий России. Получил там свою долю денег и Владимир Ильич Ленин: в мае 1904 года он организует свое издательство и начинает выпускать подрывную литературу. Она с успехом распространяется среди русских военнопленных. Средства, разумеется, японские. В августе 1904 года, на Амстердамском конгрессе II Интернационала, происходит историческая сцена обмена рукопожатиями между основателем русской социал-демократии Плехановым и лидером японских социалистов Сэн Катаямой. Дружба дружбой, но предавать свою Родину будут только наши борцы за светлое будущее!

Были в мутном финансовом потоке, оплачивавшим все это безобразие, и не только японские деньги. Хотя и японские средства были «японскими» достаточно условно: родом они

были из Англии и США, которые открыли Японии кредитную линию для войны с Россией. Так вот широким потоком шли к революционерам и чисто американские пожертвования. Небезызвестный эсер Борис Савинков писал в своих воспоминаниях: «Член финской партии активного сопротивления, Конни Циллиакус, сообщил центральному комитету, что через него **поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков**, причем американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа и распределены между всеми революционными партиями».

Ему вторит и его коллега по партии Виктор Чернов: «В это время, после поездки „бабушки“ в Америку, там были собраны большие фонды для русской революции. **И в ожидании близких событий мы решили предпринять крупное дело по технической подготовке к будущему стихийному восстанию**».

«Бабушкой» эсеры называли одну из старейших своих руководителей Брешко-Брешковскую, прозванную так за свои старые заслуги перед революционным движением. Вот эта чудная дама и привезла из Америки деньги. Руководство эсеров в ожидании «стихийного восстания» и «близких событий» решает их подготовить технически. Это значит — закупить оружие и завести в его страну. Ведь, как известно, любое «стихийное» действие надо тщательно подготовить. Особенно если эта стихия должна разрушить крупнейшую империю мира. Из этих денег было закуплено в Швейцарии 25 тысяч винтовок, револьверы, три тонны взрывчатки и более четырех миллионов патронов. Весь этот арсенал отправили в Лондон(!), где преспокойно погрузили на пароход «Джон Графтон». Только счастливая случайность — пароход сел на мель в русских водах — предотвратило расползание оружия по стране. Поражает размах — 25 тысяч винтовок и столько же бойцов, сопоставимо по численности с крупной армейской единицей. А ведь это только один пароход, да и то который не смог благополучно достигнуть пункта назначения! Сколько же их было всего?

Потраченные на революцию деньги окупилась с лихвой! Совпадение по срокам удивительное — как только русские войска начинают, наконец, склонять чашу весов на свою сторону, в их глубоком тылу начинается вакханалия стачек, забастовок и беспорядков.

В русско-японской войне было три решающих сражения: под Ляояном, на реке Шахэ и под Мукденом. Ни в одном из этих сражений русская армия не была разгромлена, а японские потери скоро начали превышать возможности их восполнения. Все-таки человеческие ресурсы Японии очень скромны. В ходе Ляоянского сражения японцы потеряли 24 тысячи человек (20% общего состава), а русские — 15 тысяч (9% состава) своей армии. К началу 1905 года в Маньчжурии было сосредоточено уже 300 тыс. бойцов русской армии (в начале войны их было 125 тыс.). Последнее из генеральных сражений войны, Мукденское, проходило в феврале 1905 г. Русская армия насчитывала 330 тыс. человек, а японская — 270 тыс. Общие потери русских убитыми, ранеными и пленными составляют около 89 тысяч человек, в то время как японцы потеряли 71 тыс. человек. При этом убитых и раненых в русской армии насчитывается 59 тыс., тогда как у японцев убито и ранено 70 тыс. человек. Но такие потери русская армия может восполнить, а японская нет! Она начинает выдыхаться. Качество войск противника наоборот понижается: кадровый офицерский и унтер-офицерский состав уже истреблен. Пополнения прибывают на фронт плохо обученными, а самое главное — японцы начинают охотно сдаваться в плен, чего прежде совсем не наблюдалось. Истощение самураев так велико, что после Мукдена они уже до самого заключения мира, в течение полугода уже не провели ни одной наступательной операции! Русским наступать помешала революция, таким образом с лихвой окупившая все затраты на свое финансирование. Собственно говоря, существенными успехами японцев были только уничтожения русских эскадр и взятие Порт-Артура, но кардинального изменения военной ситуации они не принесли. Однако осада последнего, продолжалась почти 11 месяцев (как в Севастополе), а потери японцев были почти около 40 тыс. человек!

Через год после начала войны японцы находились всего лишь на 200 км севернее. И сил на дальнейшее движение у них уже не было. Русская армия же с каждым месяцем становилась сильнее. Повторялся сценарий почти всех войн России, когда противник побеждает вначале, но неизбежно проигрывает в итоге. Однако японцы и их британские друзья подстраховались — палочкой вырубалочкой для них стала развернувшаяся в полный рост Первая русская смута.

Перелом в войне намечается только к 1-му июля 1905 года. После череды поражений бой под Санвэйзоем заканчивается нашей убедительной победой. Наконец-то на фронт начинают прибывать лучшие части русской армии — правительство убедилось, что кроме Японии противников у нас в эту войну не будет. Перевес становится и качественным и количественным. Процесс переброски войск на фронт и создание перевеса занимает больше года, казалось бы, медлительность невероятная. Вместо того, чтобы максимально быстро перебросить войска на Дальний Восток, Николай II чего-то выжидает. Такая медлительность объясняется просто: когда правительство убедилось в отсутствии внешних врагов, немедленно поднял голову враг внутренний. И все силы заняла борьба с ним, а не с самураями.

Падение Порт-Артура 20 декабря 1904 года было с радостью встречено всеми левыми силами. Неважно, что во время штурма потери японцев были в семь раз больше наших. Главное — Россия отступила. Наконец-то появлялся повод говорить о поражении в войне и начинать переходить к вооруженному восстанию. В ряде городов проходят демонстрации под лозунгами: «Долой самодержавие!» и «Долой войну». Но для массового выступления нужен повод, нужно моральное оправдание. И повод готовится.

В морозный день — шинель никудышная защита от холода. Особенно если неподвижно сидеть, думая о предстоящем свидании и совсем не замечая, того, что твориться вокруг.

— Барин, дальше никак — голос извозчика вернул мичмана Сенцова в реальность — Эта, там солдаты. Не пуцають!

— Что ж случилось? — искренне удивился мичман. Он и вправду ехал по Петербургу, как в тумане и не замечал ровным счетом ничего. Пока извозчик не уперся в ряд солдат, перегородивший путь на Петербургскую сторону. Немного поодаль, вблизи Троицкого моста гарцевало десятка два казаков.

— Подожди, я сейчас — сказал мичман и, соскочив с повозки, подошел к молодому офицеру что-то торопливо объяснявшему нижнему чину.

— Что случилось, господин поручик?

— Мичман, вы словно с луны свалились!

— Не с луны, а с Порт-Артура — горько усмехнулся Сенцов — И я действительно не знаю, что случилось.

— Вот, полюбуйте — сказал офицер, подводя мичмана, к передней шеренге молча стоявших солдат — Рабочие идут к царю.

Впереди сколько мог видеть Сенцов, колыхалось безбрежное людское море. Толпа медленно и величаво продвигалась по Каменноостровскому проспекту к Троицкому мосту и через несколько минут должна была упереться в солдатскую шеренгу.

— И куда идут сами не знают — зло произнес поручик — Не ждет их никто.

— Сейчас начнется, черт знает что — громко воскликнул кто-то из солдатского строя.

— Соблюдать спокойствие — отдал команду офицер, и смело шагнул вперед строя своих подчиненных.

Толпа рабочих остановилась шагах в пятидесяти от шеренги. Вперед вышел здоровенный бородатый мужик с хоругвью, рядом мерно вышагивал какой-то штатский в телогрейке и помятой кепке.

— Демонстрация запрещена — громко и быстро отчеканил поручик — Прошу всех разойтись. Дальше вы не пройдете!

— Мы к царю идем, изверги — раздался голоса из толпы — Как же вы можете нас не пустить к нашему государю!

— Пропусти, поручик — сказал штатский — Слышишь — народ царя видеть хочет! Дело святое, мешать нельзя!

— Его императорское величество отсутствуют в городе, а демонстрация запрещена. Потому, расходитесь, православные — уже более миролюбиво крикнул поручик.

— Что за дурацкая идея — подумал Сенцов — В таком количестве идти к царю! Кто же их пропустит?

Шеренга солдат, чтобы согреться переминалась с ноги на ногу. Перетаптывались

на месте и демонстранты.

— Товарищи, — повернулся к толпе штатский в телогрейке — Царские сатрапы не хотят нас пускать к государю. И если мы сейчас повернем назад, то он так и не узнает, в каком ужасе мы живем! Мы не можем повернуть назад — царь ждет нас!

— Прекратите провоцировать людей! — возмущенно воскликнул поручик — Иначе я Вас арестую!

— Вы слышите, что он говорит — еще громче начал кричать штатский — За то, что мы хотим видеть нашего государя, он нас арестует!

Бородатый мужик с хоругвью угрожающе двинулся на поручика:

— С дороги!

А штатский, не прерывая своего крика, повернулся к шеренге.

— Братья солдаты, вы такие же, как мы — пойдемте вместе к царю. Расскажем ему правду о нашей жизни!

Внезапно за его спиной появилось человек десять, пятнадцать которые медленно обтекали своего вожака, и, не говоря ни слова, приближались к стоящему впереди поручику.

— Стоять! — рявкнул офицер и схватился за кобуру — Назад!

Сенцов увидел, как в руках одного из боевиков, молодого парня, блеснул ствол нагана.

— Поручик у него оружие, берегитесь! — крикнул мичман и рванулся вперед, оттолкнув солдат.

Выстрел разорвал морозный январский воздух. Поручик покачнулся, схватился руками за грудь и рухнул на покрытую снегом мостовую.

— Мерзавец!

Сенцов прыгнул вперед, стараясь схватить стрелявшего, медленно отступавшего за спины своих товарищей и торопливо убиравшего револьвер за пазуху. Нож вошел в его тело мягко, почти ласково. Сначала мичман его и не почувствовал, но вдруг резкая боль пронзила его раненый в Порт-Артуре, левый бок. И тут же понял, что сил держаться на ногах, у него уже нет. Нет сил и жить.

Уже угасая рядом с распростертым поручиком, мичман Сенцов слышал шум, выстрелы и даже заметил упавшее рядом с ним тело штатского в кепочке, чья кровь медленно остывая перемешивалась с его собственной на холодной мостовой...

Началось все с того, что в конце декабря 1904 года на Путиловском заводе были уволены четыре рабочих. Завод выполняет важный оборонный заказ. Это специальный железнодорожный транспортер для транспортировки подводных лодок на Дальний Восток. Русские субмарины могут изменить неудачный ход морской войны в нашу пользу, но для этого их надо перевести на Дальний Восток через всю страну. Без заказанного Путиловскому заводу транспортера этого не сделать. Увольнение четырех товарищей, для рабочих, получающих «союзные» деньги от смутьянов, важнее. Три из них пострадали за реальные прогулы и лишь в отношении одного мастером, была действительно проявлена несправедливость. Но столь ничтожный повод был радостно подхвачен революционерами, и они принялись нагнетать страсти. К 3-му января 1905 года рядовой трудовой конфликт перерос в общезаводскую забастовку. Потом руководству завода вручили требования. Однако в рабочей петиции речь шла вовсе не о восстановлении на работе своих товарищей, а о вполне конкретных политических требованиях, выполнить которые администрация не могла по вполне понятным причинам. В мгновение ока «в знак солидарности» забастовал почти весь Питер. В сводках полиции говорилось об активном участии в распространении бунта японских и английских спецслужб, что привело к моментальной остановке оборонных заводов. Однако полиция отслеживала лишь видимую часть айсберга: забастовщикам из неизвестных фондов выплачивалось содержание, равное их заработной плате. Главной же целью «союзников» и революционеров было вовсе не прекращение производства патронов и снарядов, а создание повода, для будущего вооруженного восстания. Готовились те самые «близкие события», о которых говорил в своих мемуарах эсер Чернов.

Власти явно недооценили потенциал заговорщиков и ширину замысла «союзных» спецслужб. Речь шла уже о самом существовании монархии и страны. Начиная с 7-го января,

руководитель рабочих союзов отец Георгий Гапон стал выдвигать идею подачи петиции со своими требованиями, не администрации предприятий, а самому царю. Однако содержание подаваемого документа до рабочих не доводилось, считалось, что они пойдут к батюшке царю рассказать о своей тяжелой жизни. На самом деле готовая петиция содержала в себе довольно разнообразные требования, внутри нее ловко перемежались политические и действительно «рабочие» пункты. Писали петицию профессионалы, и составлена она была так, чтобы принять ее целиком правительство не могло. Поскольку содержала она и вполне справедливые с точки зрения любого нормального человека пункты, то отвергнувший ее царь, тем самым представал перед обществом в самом дурном свете. Разумные требования и придают всей петиции не экстремистский, а цивилизованный вид. Но внесены они туда просто для «ассортимента»:

- Общее и обязательное народное образование на государственный счет;
 - Исполнение заказов роенного и морского ведомств должно быть в России, а не за границей;
 - Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом;
 - 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ
- Главными среди требований были чисто «политические»:
- Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки;
 - Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собрания, свободы совести в деле религии;
 - Прекращение войны по воле народа; (!)
- И чисто «демагогические»:
- Ответственность министров перед народом и гарантии законности правления;
 - Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

Много понаписали провокаторы в эту петицию. Конечно, всерьез никто и не помышлял, что правительство ее примет. Зато после гибели людей всегда можно было сказать, что император против 8-ми часового рабочего дня, а кровь неграмотные рабочие пролили «за свободу печати и свободу совести в деле религии».

Требование о прекращении войны с Японией ясно указывает нам, на чьи деньги так размахнулось забастовочное движение! Неприемлемые требования попахивали явной провокацией. Содержание петиции стало известно полиции, в результате для предотвращения эксцессов власти предупредили забастовщиков о запрете шествия. Однако это было сделано в субботу, когда не работали типографии, и потому о запрете никто не узнал. Революционеры, заинтересованные в провокации и столкновении, наоборот распускали слухи о том, что царь выслушает рабочих. В своей речи вечером 8-го января Георгий Гапон заявил, что «если Царь нас не примет, у нас больше нет Царя».

Замысел организаторов провокации был прост: несколько колонн рабочих-демонстрантов, в рядах которых должны были до времени скрываться террористы, намеревалось провести к Зимнему дворцу, якобы для передачи петиции лично Николаю II. Другие колонны должны были быть расстреляны и разогнаны на подходе к центру, для чего при соприкосновении с войсками планировалось спровоцировать последних открытием выстрелов из толпы. В момент, когда царь постарался бы успокоить своих возбужденных известиями о расстреле подданных лично, он бы был немедленно убит спрятавшимися в толпе террористами. Дальше — уничтожение царской семьи и кровавая вакханалия, приводящая страну к хаосу и анархии.

То, что случится трагедия, было известно заранее. Рано утром 9-го января, когда толпы демонстрантов только начинали стекаться к местам своих сборов, в Санкт-Петербурге проходило заседание «Вольного экономического общества», в котором участвовало много левых литераторов и писателей. Выступивший на нём Максим Горький заявил: «Сегодня, 9 января, я считаю, что в России началась революция». В тот же день(!) уже начались баррикадные бои — значит, оружие запасли заранее!

Провокация была тщательно спланирована. Революционные агитаторы, якобы от имени царя, передавали рабочим «его» слова и приглашение придти к монарху. Сам Георгий Гапон вспоминал: «Я подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер, и немедленно послал нескольких рабочих в ближайшую церковь за хоругвями и

образами, но там отказались дать нам их. Тогда я послал **100 человек взять их силой , и через несколько минут они принесли их.** Затем я приказал принести из нашего отделения царский портрет, чтобы этим подчеркнуть миролюбивый и пристойный характер нашей процессии».

Стремясь избежать воплощения дьявольского плана, войска и полиция не допустили демонстрантов на Дворцовую площадь. Никакого расстрела на ней не было. Толпы рабочих с портретами царя и с церковными хоругвями были остановлены в 11 точках, на подступах к ней. Провокаторы, как и было запланировано, открыли стрельбу. Одновременно начался грабёж лавок и магазинов. В ответ силы порядка были вынуждены применить оружие. Всего было убито 96 и ранено 311 человек. В числе убитых оказались околоточный надзиратель и помощник пристава, а среди раненых множество солдат и офицеров. Но это было уже не важно.

По городу уже раздавали свежееотпечатанные листовки, в которых говорилось о расстреле именно на Дворцовой площади и о двух тысячах жертв. Как и в случае со «сберегательными» подметными письмами, тот, кто их печатал, прекрасно знал, **что должно случиться** и спокойно подготовил весь тираж заранее.

Проявленная генерал-губернатором Треповым твердость, помогла в самые короткие сроки навести в столице порядок, и отбила у провокаторов охоту устраивать нападения на военных и полицейских. Позднее во время всеобщей октябрьской стачки Трепов еще раз выправил угрожающее положение, отдав свой знаменитый приказ: «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать».

Однако главное было сделано — повод для небывалого развертывания революции получен. «Кровавое воскресенье» стало знаменем разгорающегося революционного пожара. Западная пресса, получая небольшие «утечки» от своих собственных спецслужб, предвещала скорое падение ненавистного царского режима. 9-го января 1905 г. Николай II записал в своем дневнике: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего Дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!».

Через 10 дней, выступая перед рабочей депутацией, он сказал чистую правду: "Прискорбные события, с печальными, noneизбежными последствиями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей страны. Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и, не покладая рук, работать на одоление нашего упорного внешнего врага".

Владимир Ильич Ленин дал свою оценку «кровавого воскресенья»: «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны ...». Пройдет 11 лет после окончания первой русской революции и этот «урок» будет воплощен в жизнь во время третьей! Однако не 9-го января, началось сползание страны к анархии и смуте. Повод искали и раньше. Его искали, его создавали. Беспорядки начались и до 9-го января. Они просто не могли не начаться: **ведь деньги уже были выделены** . Значит, их должны были освоить. Кровь пролилась бы неизбежно. Архивные документы полиции рисуют нам картину разворачивающегося кровавого безумия. До Кровавого воскресенья еще три дня, а на улицах уже стреляют. Например в Риге: «6 сего января после 12 часов дня на Александровской улице, у Новой Гертрудинской церкви... собралась толпа народа и, выкинув три красных флага, двинулась с песнями... На углу Рыцарской улицы, заметив приближение полицейского наряда из города, толпа остановилась и начала стрелять из револьверов... Городовой Кожарский... заметив сборище, хотел дать знать в управление участка о происходящем, но 4 человека напали на него, повалили на землю и держали, пока толпа двинулась с места, причем нанесли ему побои». В ответ войска применяют оружие — ведь вооруженный мятеж, а только так, можно охарактеризовать стрельбу из револьверов в рижских полицейских, **происходит во время войны!**

По всей стране прокатывается волна убийств полицейских, чиновников и других «государевых людей». На проходящем в гостеприимном Лондоне Третьем съезде РСДРП, Ленин предлагает создать «временное революционное правительство, способное выкорчевать корни контрреволюции и созвать всенародное Учредительное собрание. Меньшевики с ним не согласны: „С точки зрения перспектив революции было бы лучше, если бы было создано

какое-нибудь представительное учреждение, вроде Земского собора или Государственной думы, которую можно было бы подвергнуть давлению рабочего класса извне, чтобы превратить ее в Учредительное собрание или толкнуть ее на то, чтобы она созвала Учредительное собрание“. Планы революционеров, подпитываемых врагами России глобальны: свержение самодержавия и установление республики. Конечно, есть, у них небольшие разногласия, но с точки зрения интересов России, результат должен быть одинаковый — гибель страны и гарантированный проигрыш войны!

Но не надо думать, что волна революционного террора поднялась, именно в ответ, на расстрел народной демонстрации. Ничего подобного. Теракты были и ранее, просто их стало больше, много больше! В сегодняшней России, пережившей столько кровавых трагедий, отношение к террористам особое. Тем, кто потерял родных от взрывов бомб в конце XX и начале XXI века, легче понять, тот ужас, охвативший нормальных граждан России, когда террористический кошмар заполнил собой их жизнь. Вот перед рабочими выступает Сталин: «Что нужно нам, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение». Золотые слова! Оружие, как известно, закупают за деньги, следовательно, с ними у революционеров полный порядок, не хватает лишь винтовок и револьверов, бомб и взрывчатки.

И все это идет в дело. В апреле 1902 эсером боевиком застрелен министр внутренних дел Сипягин, в июле 1904 года — его преемник на этом посту фон Плеве. Сразу после «кровавого воскресенья» в феврале 1905 года бомбой брошенной террористом Каляевым, разорван на куски вместе с каретой московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович Романов. Его жена, родная сестра жены императора Николая II, руками разгребает кровавые ошметки, приговаривая: «Скорее, скорее — Сергей так ненавидел беспорядок и кровь!».

Убивали военных, гражданских, полицейских. Всего с октября 1905 по октябрь 1906 года убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 года число погибших и искалеченных превысило 4500 человек. Погибли 2180, а изувечены 2530 **случайных зевак и прохожих** ! Стремясь успокоить взбудораженную страну, Николай II 18-го февраля 1905 года объявил о созыве «Государственной Думы», состоящей из выборных от населения людей. Думе давалось право совещательного (а не законодательного) голоса. Но вместо успокоения, эта уступка подобна бензину, брошенному в костер. Власть уступает — значит, самодержавие трещит, оно вот-вот рухнет!

В страну льются новые потоки денег и оружия из-за рубежа. Не зря полковник Акаси привечал всевозможных националистов — они поднимают голову. Естественно, что в первых рядах оказываются поляки, всегда готовые выступить против России. Первомайские демонстрации в нескольких местностях страны сопровождались столкновениями с полицией и войсками. В Варшаве же не обходится без жертв — в результате расстрела демонстрации несколько сот убитых и раненых. В крупном промышленном центре Польши — городе Лодзи, еще хуже. Городские улицы покрываются десятками баррикад и три дня (22-24 июня 1905 года) там идут упорные уличные бои. Летом 1905 года начинаются безобразия и в деревне — проходят организованные социал-демократами забастовки сельскохозяйственных рабочих.

Ужас и растерянность сквозит в словах Великого князя Александра Михайловича Романова: «Новый министр внутренних дел князь Святополк-Мирский, заменивший убитого Плеве, говорил о „своей бесконечной вере в мудрость общественного мнения“. А тем временем революционеры убивали высших должностных лиц вблизи тех мест, где Святополк-Мирский произносил свои речи. Латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей — балтийских баронов, и один из блестящих полков гвардии должен был нести в Прибалтийских губерниях неприятную обязанность по охране помещичьих усадеб».

Революционеры с лихвой отработывали зарубежные средства. К середине 1905 года Россия была парализована всеобщей забастовкой. От Варшавы до Урала бездействовали железные дороги и заводы, у причалов стояли неразгруженные суда. Днем улицы заполнялись митингующими толпами, с крыш домов свешивались кумачовые флаги, вечером становилось безлюдно и темно. Крестьяне грабили и жгли поместья, калечили и уводили господский скот. Великий князь Александр Михайлович констатирует: «Вся Россия была в огне. В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений

разрушения всецело овладел умами крестьянства, и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Рабочие бастовали».

Совпадения удивительные — именно на лето возможного перелома в войне приходится пик революционной активности! Хаос в стране незамедлительно сказывается на положении фронта. Забастовка железнодорожников — и встали военные эшелоны, солдаты не получают патронов и снарядов, не вывезти раненых, не подвезти пополнения. Начинается пожар, справиться с которым полиция уже не в состоянии. Заливать пламя бунта правительству приходится «пожарными» войсками, кровью солдат, которые вместо передовой оказываются в роли усмирителя бунта. Все дело в том, что «тюрьма народов» царская Россия имела всего ... 10 тыс. жандармов! Для примера в «союзной» демократической Франции, уступавшей нам по населению в четыре раза, было 36 тыс. жандармов. И это не считая колоний! Вот и приходилось «царским сатрапам» выводить на улицу войска. Но тут гореть начинает сама армия! А точнее сказать флот! Морская мощь — это основа процветания любой империи. Сильнейшая держава того времени, Англия, имеет и самый сильный флот. И ревниво следит за тем, чтобы ни одна держава не смогла сравниться с британским флотом. Поэтому летом 1905 года **одновременно, словно по команде, военные бунты вспыхивают именно в местах стоянки русского флота.** 10 июня — 14 июня вспыхивает восстание в Севастополе, 15-го в Одессе и Либаве; 17-го в Кронштадте и Свеаборге. Цель выступлений, их место и время четко скоординированы английской разведкой и ее партнерами из революционных партий. Зная это, легко проследить логику происходящих событий. Перед войной Россия имела три эскадры: Дальневосточную, Балтийскую и Черноморскую. Две первые были в ходе боевых действий японцами уничтожены. Попробуйте угадать, в каком месте огромной России бунт на флоте был наиболее сильным? Правильно — в портах Черного моря! Вспомните о мятеже на броненосце «Потемкин» и легендарном лейтенанте Шмидте и ответ станет очевидным. **Наибольшей силы революционная буря достигла в Одессе и Севастополе — месте дислокации последней сохранившейся у России эскадры!** Идея британской разведки была простая и красивая: в ходе мятежа русские черноморские корабли начинают бой и топят друг друга. Вместе с погибшими на Дальнем Востоке эскадрами, это самоуничтожение полностью перечеркнет Россию, как морскую державу. Для мест дислокации Балтийского флота, Кронштадта, Свеаборга и Либавы приготовлены всего лишь разгром доков и мастерских, убийства офицеров и прочие «мелочи». В 1905 году не вышло ...

От бунта в вооруженных силах, царскому правительству становится не по себе — это уже, так сказать последний звоночек. Поэтому когда Япония через посредничество президента США Теодора Рузвельта предложила России переговоры, царь соглашается. Правительство в растерянности и его можно понять. Буквально за считанные месяцы ситуация превращается в неуправляемую. Начинается бунт, грозящий всеобщим восстанием и гибелью государства. Вот и представьте себя на месте Николая II. Какая там война, какой там Ляодунский полуостров, когда полыхает повсюду и страна грозит развалиться на части!

Надо отметить, что даже весьма удачное для Японии начало войны очень быстро охладило военный пыл самураев. Токио начинает понимать, что английские и американские друзья втянули страну восходящего солнца в авантюру. Поведение японского кабинета совсем не напоминает действия страны, выигрывающей войну. Первые попытки замирения Япония начала предпринимать уже через полгода после начала конфликта. Поскольку отношения с Россией разорваны, приходится пользоваться посредническими услугами ... Великобритании и США. Понятно, что страны подталкивавшие Японию к нападению на Россию для мирных переговоров подходят плохо, но у японцев других партнеров нет. Результат нулевой — «союзнические» посредники не особенно активны в склонении царского правительства к миру. Надо еще повоевать и дать посильнее разгореться революционному пожару.

Война продолжается и вновь Япония демонстрирует странное миролюбие. **15-го мая 1905** года в Цусимском сражении уничтожена наша Балтийская эскадра, а уже **18-го мая** правительство Японии снова обратилось к президенту США Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве в деле заключения мира с Россией. Силы японцев на исходе, даже побеждая, они начинают выдыхаться. Теперь и американцам, и англичанам со своей стороны ясно, что если протянуть с миром еще немного, то японцы действительно могут войну и проиграть.

Поэтому они и становятся миротворцами, не прекращая, однако, финансирование русской революции.

В конце июня в Портсмуте, в условиях продолжающихся боевых действий открылись мирные переговоры. Со стороны России их вел премьер Витте. На тот момент расклад был следующий: силы Японии на пределе, у России сил достаточно, но разгорающаяся революция их успешно сковала. Так вот в своих мемуарах Витте упоминает, что при подписании мирного договора имел беседу с еврейской делегацией. Возглавлявшие ее Якоб Шифф, банкир, «глава финансового еврейского мира в Америке» и Краусс, глава масонской ложи Бнай Брит, требовали от русского премьера предоставления равноправия евреям, и когда тот пытался объяснить, что для этого понадобится еще много лет, в ответ последовали угрозы революцией. Они знали, что говорили эти господа «бизнесмены», ведь не только революционные партии получали от них средства, но и японские корабли были построены на американские кредиты (около 30 млн. долл.)!

Японцы для войны имели неограниченный кредит, Россия не получала денег даже от тех, кто обычно сам их ей предлагал. Больше всего царская Россия до начала конфликта была должна французам. Франция — единственный формальный союзник России. Где же, как не в Париже занять русскому правительству еще. 13-го марта 1905 года премьер-министр Коковцев заключает с французскими банкирами Нецлиным и Готтингером контракт о займе в 300 млн. руб. Все уже решено, подписание контракта назначено на 11 часов завтрашнего дня. Но ранним утром из Парижа приходит депеша, и к огромному удивлению русского премьера французские банкиры срывают подписание договора. Причина не объясняется, французы смущены и бормочут что-то невнятное. На самом деле, чтобы остановить, начавшую побеждать японцев Россию, надо завернуть финансовый краник.

Чтобы добиться большей уступчивости русских, 30-го июля 1905 года англичане посылают России недвусмысленный дипломатический сигнал: договор о союзе между Великобританией и Японией с большой помпой продлен еще на 10 лет. Вот такие «нейтральные страны» и подготавливали почву, для дипломатического триумфа наших врагов. Мирный договор был подписан 23 августа 1905 года. Япония отторгла от России Квантунский полуостров с Порт-Артуром и портом Дальний, южную ветку КВЖД и половину острова Сахалин. Требование Японии о репарациях было отклонено. А ведь отправляя Витте на переговоры, Николай II строго наказал: «Ни пяди русской земли не отдавать!». Как мы видим, предпосылки для жесткой позиции русской делегации были. Царю только оставалось, что отправить Витте по возвращении в отставку в апреле 1906 года. Договор, отдавший японцам территории, остался.

Кстати передачу японцам половины Сахалина тоже можно записать в актив наших будущих англосаксонских «союзников» по Антанте. Вопрос принадлежности острова одновременно обсуждался и в Петербурге, и в Токио. На совещание японского кабинета министров в присутствии императора было принято решение отказаться на мирных переговорах с Россией от требования уступить Японии Сахалин. Соответствующие инструкции должны быть переданы японской делегации в Портсмут. В этот момент Николай II принимает у себя посла США в России и сообщает ему, что в ответ на телеграмму президента США с советом уступить Японии Сахалин, он готов отдать южную половину острова. Информация моментально сообщается японской резидентуре в Петербурге и срочно передается в Токио. Японское правительство тут же меняет свое решение, правда глава правительства заявил, что если информация о согласии царя не верна, то передавшему ее чиновнику придется сделать харакири.

Но этим русские беды не ограничились. Джин революции, выпущенный на средства «союзников» из бутылки, обратно попадать не хотел ни в какую. Пароход «Джон Графтон» плыл в Россию в 1905 году, чтобы вооружить тех, кто еще и не начал строить баррикады на Красной Пресне. Но баррикады будут обязательно. Ведь и на это тоже **выделены средства**. И их тоже надо освоить.

19-го сентября 1905 года в Москве началась забастовка печатников. Она перекинулась в Петербург и ряд других городов. В начале октября началась забастовка на Московско-Казанской железной дороге. Через день забастовал весь Московский

железнодорожный узел, а вскоре забастовкой были охвачены все железные дороги страны. Прекратили работу почта и телеграф. Вот тогда Николай II издает знаменитый манифест от 30 октября (17-го по старому стилю) 1905 года. В нем были обещаны народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительная неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов». Обещано было создать законодательную думу, привлечь к выборам все классы населения. Однако вместо успокоения, введение парламента привело к резкому ухудшению ситуации. Фактически манифест царя означал, что монархия в России, становится конституционной. Но этого экстремистам мало, их зарубежным руководителям тоже. Можно попытаться не просто ослабить Россию, а развалить ее вовсе. Поэтому революционеры непреклонны, а их террор только усилился.

Такая оценка звучит в мемуарах А.П. Извольского, известного русского дипломата: «Манифест 30 октября, не способный положить конец кризису, создал новую базу для ожесточенной агитации... Первые три месяца, следующие за объявлением конституционных свобод, были отмечены целым рядом кровавых событий ...».

Зато в среде революционеров — праздник! Сидящий в уютной Женеве Владимир Ильич Ленин, ликует. «Мы имеем право торжествовать» — пишет он в статье, которую так и называет «Первая победа революции». В ней же он цитирует лондонскую «Таймс»: «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать». И тут же глава большевиков рассказывает читателю о поздравлениях, полученных его газетой «Пролетарий»: «далекие друзья русской революции», прислали телеграмму! Откуда? Из Соединенных Штатов Америки: «...поздравляем с **первой** великой победой русской революции». Значит, планируется и вторая и третья...

Страну надо спасать. Николай II, сделав уступку и объявив созыв Думы, видит, что никакого результата это не дало. Но на решительные меры он тоже идти не готов. Однако сами события его к тому вынуждают: бунт на убыль не идет, а напротив разрастается. 7-го декабря в Москве начинается политическая забастовка. Через два дня на улицах появляются первые баррикады. Только решительные действия войск и в частности Гвардейского Семеновского полка помогают удержать ситуацию во «второй столице». В это же время на Кавказе несколько недель идет настоящая война. Пяти дивизий округа для наведения порядка оказалось недостаточно и из Киева, с риском оголить границу с Австрией, спешно перебрасываются подкрепления.

Однако подавленные вооруженные восстания, вновь вылезают наружу в виде терактов. Только за шесть недель, с 1 июля до 15 августа 1906 года, террористы совершают 613 покушений и убивают 244 человека. Всего же за период 1905 -1907 годов их жертвами стали более 17 тыс. человек.

Революционеры не церемонятся, убивая случайных людей. 14 мая 1906 года два боевика-эсера предприняли попытку убить командира севастопольской крепости Неплюева. Во время парада взрывное устройство одного из них сработало раньше срока, убив самого боевика и шестерых случайных зрителей, 37 человек были ранены. 12-го августа 1906 года, всего через месяц после его назначения, совершено покушение на премьера Петра Аркадьевича Столыпина. Три боевика-эсера подъехали к даче Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге. В руках у каждого — портфель с бомбой. Когда их останавливает охрана, переодетые офицерами террористы взрывают себя. Мощнейшим взрывом дача разрушена. В результате погибли не только сами боевики, но и еще 27 человек, а около тридцати получили увечья. Сам премьер по счастливой случайности не пострадал, ранены его малолетние дочь и сын.

Это переполняет чашу терпения правительства. Столыпин заставляет Николая II согласиться на принятие самых жестких мер. Спустя неделю был принят указ о военно-полевых судах. Рассмотрению этих судов, говорилось в законе, подлежат такие дела, когда совершение «преступного деяния» является «настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Суд состоял из пяти офицеров, назначаемых местным армейским командованием. Дела в таком суде заслушивались в течение 24 часов со времени ареста, приговор выносился в течение 48 часов, обжалованию не подлежал и приводился в исполнение не позднее, чем через 24 часа после вынесения.

Конечно, замирение не произошло мгновенно. В 1905 году гражданским лицам было

вынесено только 10 смертных приговоров, в 1906 с введением военно-полевых судов уже 144, а в 1907 году они заработали в полную мощность. К концу этого года к смерти приговорено 1139 человек. И террор начинает идти на убыль: в 1908 году количество смертных приговоров уменьшилось до 825, а к концу 1909 года — до 717. Революционеры за этот срок убили несравненно больше. Ценой огромных жертв и усилий, удалось навести в стране порядок. Как ни страшно это признавать, именно кнут, а не конституционная уступка, сумел погасить первую русскую смуту. Тогда хватило твердости и решимости — в 1917-м Николай II дрогнет и тем самым погубит свою страну.

На дворе февраль 1907 года. Русско-японская война закончилась, подошла к концу и подрывная деятельность полковника Акаси. Денежный поток из Токио иссяк, из Америки деньги продолжают идти. Теперь их везет для эсеров другой их лидер — Гершуни.

«... Пролетев метеором по Америке и собрав мимоходом для партии значительную сумму денег, Гершуни появился в Европе» — рассказывает Виктор Чернов. Финансирование подрывной деятельности против России не прекращается ни на минуту. И война с Японией — это только предлог для ее расширения. Истинные цели «союзников» куда глубже. Поэтому «японские» деньги заканчиваются, а «американские» нет.

В Петербурге у станции метро «Горьковская» стоит памятник. На нем русские матросы открывают кингстоны и топят свой корабль, чтобы он не достался японцам. Это памятник эсминцу «Стерегущий» — герою русско-японской войны. Будете в Петербурге, зайдите в небольшой садик, что окружает памятник, посмотрите его. И вспомните, на чьи деньги японцы закупили снаряды, крушившие броню русских кораблей, кто оплачивал пули, разившие наших солдат под Порт-Артуром. Не забудьте и тех, кто давал деньги демонстрантам, бастовавшим под красными знаменами, кто оплачивал вольготную жизнь террористов-убийц.

После подавления этой смуты еще девять лет в России можно будет спокойно жить. И вероятно можно было бы и больше, если бы русское правительство, усвоило одну простую истину:

Отныне любая война, закончится для России бунтом! А большое столкновение приведет к революции!

Вывод отсюда простой: **ВОЕВАТЬ НАМ НЕЛЬЗЯ!**

Наши «друзья» тоже сделали свои выводы. Прямо противоположные.

Глава 3 Убийство в Сараево.

Австрийский и российский императоры не должны свергать друг друга с престола и открывать дорогу революции.

Эрцгерцог Франц Фердинанд

Война между Россией и Австрией была бы наиболее полезна для революции, но это крайне невероятно, что Франц-Иосиф и Николай сделают нам такой подарок.

В.И. Ленин

Приехавший поезд, обдал стоявших на перроне людей клубами белого пара. Но раннее, июньское утро быстро, словно страшный сон, развеяло и разбросало их по легкому ласковому ветерку. Этот день выдался в Сараево солнечным и ясным, как на заказ. И хорошо: ведь стоявшие на вокзале боснийской столицы встречали высокого гостя, и каждому хотелось его хорошенько рассмотреть. При хорошей погоде было больше шансов увидеть будущего главу Австро-Венгрии. А такой шанс может представиться лишь один раз в жизни — нечасто высокие гости балуют своим вниманием захолустную столицу своей самой молодой провинции.

Оркестр заиграл австрийский гимн, солдаты взяли оружие на караул. И когда Франц — Фердинанд с женой появились из вагона, по толпе пронесся легкий стон. Ждали не напрасно — эрцгерцог и его жена выглядели просто великолепно. Будущий

император был одет в голубой мундир генерала от кавалерии, черные брюки с красными лампасами и высокую фуражку с зелеными попугайчьими перьями. Супруга наследника австрийского престола выпорхнула в белом платье и невероятно широкой шляпе с пером страуса.

— Дорогая, кажется, с погодой нам сегодня повезло! — сказал Франц-Фердинанд, подавая супруге руку, и шурясь от яркого солнца.

— Только так и должны встречать верные подданные своего молодого повелителя! — улыбнулась мужу София Хотек-Гогенберг, грациозно подавая ему свою кисть, упрятанную в кружевную белоснежную перчатку.

— Вечно ты шутишь — улыбнулся Франц Фердинанд — Но, похоже, и впрямь теплый не только день, но и прием!

Сараево утопало в цветах, повсюду висели черно-желтые знамена Габсбургов и красно-желтые боснийские флаги.

— Добро пожаловать, Ваше высочество — смущенно пробормотал губернатор Боснии и Герцеговины Леон Билинский — Мы ждали Вас с нетерпением!

— Спасибо — улыбнулся Франц-Фердинанд — Надеюсь, кроме скучных церемоний Вы запланировали и вкусный обед. Я уже просто устал от этой военной кухни. Она совсем не так вкусная, как обещают фельдфебели матерям новобранцев.

Губернатор улыбнулся. Кажется, высокий гость в хорошем расположении духа и это поднимало настроение и ему самому. В конце концов, не сегодня-завтра, вот этот веселый господин и его импозантная жена станут повелителями Австро-Венгрии. И совсем немаловажно произвести на них благоприятное впечатление — будущая карьера может запросто зародиться у поезда и проложенной к нему ковровой дорожки. Шансы же занять престол совсем скоро были у высокого гостя почти стопроцентными. Это только на словах эрцгерцог Франц-Фердинанд был «молодым» наследником австрийского престола. На самом деле — он мужчина пятидесяти одного года, а престарелому императору Францу Иосифу было уже 84 года. Отойти в мир иной глава государства мог буквально в любую минуту, поэтому большая часть его полномочий потихонечку передавалась эрцгерцогу. Поэтому Франц Фердинанд занимал множество государственных должностей. В том числе он считался генеральным инспектором вооруженных сил австрийской империи и именно в этом качестве он и прибыл на военные маневры, проводимые рядом с боснийской столицей.

— Мне говорили, что в Сараево очень красивая ратуша — шепнул эрцгерцог на ухо супруге — Думаю, что ее красный кирпич выгодно оттенит твое белое платье!

София лишь слегка улыбнулась и села в автомобиль рядом с супругом. Платье у нее и впрямь великолепное, а счет венская портниха прислала за него такой, что Франц даже пошутил, что он не собирался покупать целое ателье. Но оно того стоит! А потому надо постараться его не запачкать в первый же день...

Это был обычный, ничем не примечательный визит высокопоставленного руководителя империи в один из своих центральных городов. И для нас, он был бы совсем не интересен, если бы не одно «но». В результате целой цепи подозрительных случайностей и странных совпадений, приведших к гибели наследника австрийского престола случившихся началась Первая мировая война. А она привела Россию к революции, Гражданской войне и полной катастрофе! Потому и события этого визита касаются нас непосредственно ...

Странности в тот роковой день начались с самого начала. И именно большое количество загадочных «случайностей» привело к гибели наследника австрийского престола. В соответствии с разработанной программой визита, высокий гость должен был присутствовать на приеме в городской ратуше, а затем планировалась поездка для осмотра местных достопримечательностей. Но когда после первых приветственных слов Франц Фердинанд и его супруга сели в открытую машину и отправились в город, агенты охраны, приехавшие вместе с будущим преемником императора Франца Иосифа I, **почему-то** остались на вокзале. Это тем более удивительно, что накануне приезда начали ходить упорные слухи о планируемом убийстве. Но никаких чрезвычайных мер безопасности не было принято даже после того, как сербский(!) посланник в Австро-Венгрии сообщил о возможности покушения на Франца Фердинанда. Да и дата приезда, 28 июня (15.06 по старому стилю) 1914 года был выбран

достаточно **странно**. В 1389 году в этот день турецкая армия разбила сербскую, и на многие столетия лишила славян независимости. В 1878 году Босния и Герцеговина была оккупирована австрийцами по итогам русско-турецкой войны и лишь в 1908 году официально присоединена к империи Габсбургов. Военный праздник новых «поработителей» именно в такой день был очень похож на провокацию. Но дату маневров не поменяли, приезд эрцгерцога так же не был отменен.

Кортеж из четырех автомобилей со скоростью 12 км/час продвигался по густо заполненной народом набережной реки Милячки. Все проходило торжественно и празднично. Люди на набережной махали руками и выкрикивали здравницы на немецком и сербском языках. Один из зрителей, молодой человек 18-ти лет, стал протискиваться в первый ряд. Увидев вопросительный взгляд полицейского, он улыбнулся и попросил показать автомобиль эрцгерцога. И в ту же минуту бросил в автомашину сверток с бомбой. Водитель, увидевший боковым зрением подозрительное движение, резко нажал на педаль газа. Пакет отскочил от брезентового верха кабины и взорвался под колесами второго автомобиля. Брошенная бомба была начинена гвоздями: Франц Фердинанд не пострадал, у его супруги была слегка поцарапана шея. Ранеными оказались двадцать человек в толпе и два офицера из свиты наследника. Неделько Габринович (а именно так звали молодого террориста) бросился бежать, но был тут же схвачен.

Перед тем как приказать быстро следовать дальше, эрцгерцог еще поинтересовался состоянием раненых. Затем машина Франца-Фердинанда, не останавливаясь, промчалась к городской ратуше, где в окружении войск наследник смог спокойно выйти из машины. Как ни странно, но неудавшееся покушение **не внесло никаких изменений** в подготовленную программу визита. Городской глава прочитал цветастую речь. И тут Франц-Фердинанд не выдержал и прервал говорившего:

— Господин староста! Я приехал в Сараево с дружеским визитом, а меня тут встречают бомбами. Это неслыханно! — Но все же взял себя в руки и разрешил — Хорошо, продолжайте!

К концу выступления наследник престола вовсе успокоился, к нему вернулась его обычная ирония, и он спросил бургомистра:

— Как Вы думаете, будет сегодня еще одно покушение на меня?

Ответ бургомистра истории неизвестен, не записаны и дальнейшие слова эрцгерцога. Однако в результате их беседы не было сделано самое главное: несмотря на очевидную опасность, **не было принято никаких дополнительных мер безопасности**! Более того, было решено придерживаться разработанной ранее программы визита! Представьте себе такую картину: взорвалась бомба рядом с машиной современного президента Австрии, но через пару часов его машина вновь мирно едет по городу, а он радостно машет ручкой ликующей толпе. Это просто невозможно. А в Сараево все как раз, так и было.

Впрочем, одно дополнение в разработанную программу внесли. Франц-Фердинанд и его супруга сразу из ратуши направились в госпиталь навестить раненых при взрыве бомбы. Это благородное желание наследника **не было остановлено** в связи с очевидной опасностью повторения покушения. Эрцгерцог даже не оставил в безопасном месте супругу, а после обеда в городской ратуше, вновь вместе с ней, отправился в центр города.

Вереница автомобилей двинулась по набережной в обратном направлении. На этот раз автомобили ехали быстрее. Рядом с наследником по-прежнему сидели супруга и военный губернатор Боснии генерал Поттиорек. На левую подножку машины с обнаженной саблей вскочил офицер. Где-то на середине пути водитель переднего автомобиля сбился с пути и **случайно** повернул направо, на улицу Франца Иосифа. Тут генерал Поттиорек заметил, что они едут не туда, и резко отчитал своего водителя. Тот затормозил и машина, въехав на тротуар, остановилась. Следом за ней встал и весь кортеж, а затем на малой скорости задним ходом попытался выбраться из получившейся пробки. Двигаясь таким образом, автомобиль эрцгерцога остановился напротив гастрономического магазина «Мориц Шиллер деликатессен». Именно там **случайно находился** второй 19-летний террорист, которому будет суждено войти в историю. Звали его Гаврило Принцип. Застрявший автомобиль австрийского наследника не просто остановился рядом, он **случайно стоял к террористу именно своей правой стороной, на подножке которой не было охранника**. Прикрыть наследника и его

жену было некому.

Принцип выхватил револьвер и два раза выстрелил в неподвижный автомобиль. Первая пуля поразила графиню Софию, пробив кузов машины и ее плотный корсет. Вторая — попала в наследника австрийского престола. Оба были убиты. Сиротами осталось трое детей — 13, 12 и 10 лет. Гаврило Принцип, как и его поделщик тоже попытался скрыться, но его немедленно схватили и долго били. Били руками и ногами, даже нанесли несколько сабельных ударов, так, что уже в заключении Принципу пришлось ампутировать руку. Почти сразу началось следствие. Теперь оно должно было ответить на вопрос, кто это покушение организовал. И вот, что странно: такая подозрительно халатная в деле охраны Франца Фердинанда, австро-венгерская Фемида проявляет прямо таки чемпионскую прыть в раскрытии преступления. Следствие прошло небывало оперативно. Моментально прокатилась волна арестов, а картина преступления почти сразу стала ясна и понятна.

Гаврила Принцип показал, что он стрелял в эрцгерцога потому, что последний был в его глазах «воплощением австрийского империализма, представителем велико-австрийской идеи, злейшим врагом и притеснителем сербской нации». После серии допросов картина преступления была совершенно ясна: Франца Фердинанда убили сербы, студенты Белградского университета, члены организации «Млада Босна» («Молодая Босния») с этой целью специально переброшенные из Сербии. Организация возникла в 1912 году и своей целью считала освобождение страны от гнета австрийской империи и создание независимого государства путем воссоединения Сербии с оккупированными Австрией провинциями. За этой террористической организацией вырисовывались контуры тайной организации сербских националистов «Черная рука», возглавляемой полковником по кличке Апис...

Однако странности трагического дня дают основания подозревать, что и в Австро-Венгрии были силы заинтересованные в смерти эрцгерцога. И действительно, многие в двуединой империи были недовольны возможной политикой будущего императора. Женатый на чешке, Франц Фердинанд с большой симпатией относился к славянам, как внутри своей империи, так и вне нее. Предоставление им равных с немцами и венграми прав, должно было, по его мнению, придать монархии дополнительную прочность. В Будапеште, да и самой Вене такие планы не вызывали восторга у многих политиков. Дело в том, что славянские области входили тогда в состав венгерской части монархии и управлялись из Будапешта, а в случае осуществления планов Франца Фердинанда славяне получали автономию и самостоятельность. Возможно, именно этим объясняется **странное** поведение австрийской службы безопасности.

Но простота и очевидность убийства несчастного эрцгерцога и его супруги очень обманчивы. Руководителям Австро-Венгрии и в голову не приходило, что простота и очевидность выводов следствия запрограммированы организаторами убийства! Потому, что огромную помощь в «раскрытии» убийства австрийской полиции оказали ... организаторы злодеяния!

Тем, кто стоял за восемнадцатилетними убийцами, была нужна не просто гибель Франца Фердинанда. Им было необходимо, чтобы австрийская Фемида сделала «правильные» выводы в определении виновных, а для этого убийцы должны были **живыми** попасть в руки следствия. Поэтому всех участников покушения снабдили капсулами с отравой!

Неделько Габринович и Гаврила Принцип видя, что с места преступления им не скрыться, приняли яд. Но он почему-то не подействовал ни на одного террориста! Эта, простая на первый взгляд, **случайность**, является важнейшим звеном в цепи дальнейших трагических событий! Предусмотрительность тех, кто организовывал преступление, поражает: не снабди они террористов «безопасным ядом», те могли бы успеть застрелиться. Толпа и близость охраны эрцгерцога второго шанса убийцам на самоликвидацию не дают, и они попадают в руки австрийского правосудия.

Именно на словах пойманных террористов базировалось и все следствие, и его выводы! Если вместо двух целехоньких террористов в распоряжении полиции были лишь трупы без документов, то дальнейшее расследование сразу зашло бы в тупик. Но, благодаря странному яду, следствие получает не то, что ниточку, а целый канат, за который оно может распутать и весь клубок. Кто же дал убийцам Франца Фердинанда безопасный яд? Тот, кто заинтересован в том, чтобы австрийцы быстро нашли виновных и обрушили свой гнев на

Сербию. Самим сербам оставить живых террористов в руках полиции ненужно — это лишь повредит репутации сербской державы. Австрийские спецслужбы могут лишь плохо охранять высокопоставленную особу и в нужный момент «не успеть» ее прикрыть. На этом их вклад в убийство заканчивается.

Но это лишь видимая часть айсберга. Яд членам «Млада Босна» явно передавали агенты совсем других спецслужб...

Истинных организаторов гибели наследника австрийского престола мы можем вычислить, сопоставив следующие факты:

— тот, кто выводил следствие к очевидным и быстрым выводам, был не просто заинтересован в смерти эрцгерцога, а явно хотел использовать сложившуюся ситуацию, как повод для разжигания конфликта;

— те, кто давали террористам безопасный яд, создавали повод для нечто большего, чем австро-сербская война.

И это не сербы, и не австрийцы! Желание Вены наказать Сербию за подрывную деятельность и приведет к развязыванию Первой мировой войны. Но зададим себе один простой вопрос: а хотели ли сербские организаторы смерти Франца Фердинанда чего-то большего, чем его гибель? Нужна ли была им громадная кровопролитная война с миллионами жертв? Хотели ли военного конфликта ТАКОГО МАСШТАБА и австрийцы, восплававшие праведным гневом?

Заинтересованность сербских националистов и некоторых венгерских политиков ограничивалась уничтожением эрцгерцога, именно как физического лица. Большая война ни сербам, ни австрийцам была не нужна. Сербия, желала посеять смуту в Австро-Венгрии, но отнюдь не собиралась с ней воевать. Дальнейшие боевые действия это прекрасно подтвердили. Оказав на первых порах австрийцам достойное сопротивление, в 1915 году сербы были наголову разбиты. Их армия была погружена на корабли Антанты и эвакуирована в Грецию, а сама страна оккупирована противником. В результате потери сербов на единицу населения стали самыми высокими среди всех воюющих стран! Австро-Венгрия, использовавшая это убийство, для расправы с беспокойной Сербией в результате маленькой победоносной кампании в итоге тотальной войны прекратила свое существование, распалась на несколько государств, а Габсбурги навсегда лишились трона.

Неслучайно сэр Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании в своих «Воспоминаниях» признавался: «Миру, вероятно, никогда не будет рассказана вся подноготная убийства эрцгерцога Франца — Фердинанда. Судя по всему, мы никогда не будем иметь ни одного человека, который знал бы все, что надо было бы знать об этом убийстве». Какую же тайну имел в виду глава английской внешней политики? Ведь следствие так быстро и легко назвало виновных. Но глава британского МИДа говорит совсем о другом: в течении месяца убийство эрцгерцога привело к мировой войне и гибели десятков миллионов людей. Как это произошло, до сих пор внятно никто объяснить не может. А мы постараемся понять, кому же был нужен военный конфликт невиданного масштаба?

Для этого обратимся к итогам Первой мировой войны. В ее результате были разрушены два основных конкурента Великобритании — Россия и Германия. Убедившись, что Россия не была сокрушена в ходе русско-японской войны и тщательно профинансированной революции, в Лондоне стали готовить новый, куда более масштабный проект, цели которого были грандиозны и впечатляющи. Как известно, для переплавки металлов требуются очень высокие температуры. Точно также для изменения существующей политической карты был необходим накал большой европейской войны. Только в ее пламени могли расплавиться и измениться до неузнаваемости границы, государства и даже целые народы. Для уничтожения России требовалась не просто война, а война МИРОВАЯ, в которой только и можно будет уничтожить ненавистное русское государство. Чтобы разрушить Германию, где и в помине революционной ситуации не было, также нужна была война невиданной силы. Только такая катастрофа могла подвигнуть немецких бюргеров возненавидеть своего любимого кайзера!

Главной целью английского плана было уничтожение России, во вторую очередь — Германии. Для нашего исконного врага — Англии в ее политике стояла, как и, прежде всего одна главная задача — не допустить создания сильной континентальной державы или, что еще

хуже — сильного блока нескольких держав. Союз России и Германии — вот английский кошмар. Потому главная политическая задача британцев плавно делилась на две последовательные задачи: не допустить союза России и Германии, а затем стравить их между собой в смертельной схватке. Но вот незадача — нет у России и Германии в начале XX века никаких противоречий, что могут послужить причиной для конфликта. Общими странами управляют двоюродные братья Николай и Вильгельм, имеющие друг с другом вовсе неплохие отношения. С чего бы вдруг начать воевать? Это для нас, родившихся в конце XX века — Германия, наглый агрессор, дважды за столетие поставивший Россию на грань гибели. Совсем не так обстояло дело с исторической памятью у русских перед Первой мировой войной. Германия для них страна с традиционно дружественным режимом, последнее столкновение с которой было в период наполеоновских войн, т.е. ровно сто лет назад. Нужен был весомый повод, такое стечение обстоятельств, которое позволило бы обоим странам забыть о многолетней дружбе. Поэтому провоцирование русско-германского конфликта становилось основным направлением политики Англии. К тому же результату стремились и во Франции, уже давно не имевшей своей собственной внешней политики. Вернуть Эльзас и Лотарингию можно было только в результате войны, а в одиночку разгромить Германию Франция не могла. Кто мог еще повоевать за «благородное дело» возвращения французских земель в лоно Родины, после чего рухнуть и развалиться на куски? Конечно — Россия!

Убийство наследника австрийского престола — лишь завершающее звено, последний кирпичик в деле подготовки и разжигания мирового пожара. Работа была титанической и скрупулезной — началась она сразу по окончании русско-турецкой войны и заняла без малого десять лет. Надо было подготовить противников, а когда подготовка подойдет к логическому концу — запалить бикфордов шнур будущей войны, войны воистину МИРОВОЙ. И места идеальней, чем Балканы с их столетним переплетением интриг, заговоров и войн, для этих целей не было. Смерть несчастного Франца Фердинанда и должна была стать поводом к началу войны. И стала — прошло чуть более месяца после выстрела Гаврилы Принципа, и Германия объявила войну России! (Как это произошло, мы подробно поговорим в следующей главе).

Круг замкнулся: Англия вступала в союз с Россией, для того, чтобы помешать нашему сближению с Германией, организовать страшную войну и развалить обоих соперников!

Именно британские (и французские) спецслужбы стоят за организацией убийства Франца Фердинанда:

— именно Англия была заинтересована в быстром расследовании убийства и появлении четкого сербского следа;

— именно Англия была заинтересована в разжигании конфликта между сербами и австрийцами;

— именно Англия была заинтересована в войне между Россией (сербским союзником) и Германией (союзником Австро-Венгрии).

Россия по британскому плану в результате этой войны и вспыхнувшей революции, должна была потерять все свои национальные окраины, превратиться в слабую республику и попасть в полную финансовую зависимость от своих «благодетелей»! Такая же печальная участь ожидала и Германию. А сигналом для всех этих несчастий становился роковой выстрел Гаврилы Принципа...

Однако при подготовке русско-германского столкновения возникала еще одна проблема. Царское правительство все-таки трезво оценивало собственные военные силы и никогда в здравом уме не ввязалось бы в войну с Германией и ее союзником Австро-Венгрией, т.е. с двумя сверхдержавами одновременно! Следовательно, чтобы впутать Россию в страшнейшую войну, надо убедить ее в наличии у нее «верных союзников», которые не бросят Петербург в трудную минуту. Так повторялся в большем масштабе сценарий втягивания нас в войну с японцами: успокоенное царское правительство в момент реальной опасности должно остаться наедине с противником. Именно по такому сценарию и начинают развиваться предвоенные события. Англия — наш самый непримиримый враг, резко меняет свою позицию и понемногу становится нашим «союзником». В 1907 году между Россией и Великобританией заключается конвенция и Петербург фактически присоединяется к созданному англичанами с Францией блоку Антанта (получившему свое название от французских слов «сердечное согласие» (Entente

cordiale). Сыны Альбиона, столько раз портившие кровь русским дипломатам, спровоцировавшие столько войн с целью ослабления нашей страны, становились нашим «союзником»! Было от чего насторожиться. Однако Николай II поверил и жестоко за это поплатился, став послушным орудием в руках врагов его державы, для убедительности надевших одежды друзей.

Англия всеми силами готовила и взращивала будущий конфликт. А за ее спиной уже маячил силуэт еще одного нашего будущего «союзника». США, щедро оплачивавшие японскую агрессию и русскую революцию, тоже не сидели на месте, потихоньку выходя на мировую арену. С их приходом весь мировой баланс сил должен был радикально поменяться. Если ранее, английская собака вертела своим американским хвостом, то теперь уже хвост начинал вертеть самой собакой.

Но может быть те, кто готовил Первую мировую войну просто не представляли, что получится из их затей? Почему наши «союзники» по Антанте так смело шли на этот конфликт? Ответ прост: **Ни одно демократическое государство не было разрушено в ходе мировой войны.** По своей природе, государства, имеющие демократическое устройство, обладают более устойчивой структурой, чем монархии. В случае глобального катаклизма в такой стране к власти просто приходит другая партия, другое правительство или новый лидер, но никогда не происходит революции или другого крупного социального взрыва. Монархии не имеют такого прекрасного громоотвода народного недовольства, как простая смена политических декораций. Даже если во время войны царь или кайзер сменит любого руководителя, все равно вся ответственность за страну лежит именно на нем. И ненавидят не только конкретную венценосную особу, а саму монархию! Поменять царя, значительно сложнее, чем заменить премьер министра. Поэтому при монархическом строе меняется не глава государства, а в результате революции изменяется сама форма правления. А революция во время войны неизбежно ведет к ее проигрышу!

Именно поразительная устойчивость демократической формы правления к различным кризисам, и дала правительствам этих стран решимость в организации глобального конфликта, который должен был уничтожить их монархических конкурентов. Потому Англия, Франция и США смело шли на конфронтацию и подготавливали ее всеми силами. Достаточно взглянуть на результат Первой мировой войны: США не потеряли ничего, заработали на военных поставках кучу денег и становятся все сильнее и сильнее. Англия уничтожает опасных соперников — русских и немцев, и выходит из войны, лишь немного ослабнув. Однако по сравнению со всеми остальными участниками войны, она оазис благополучия. Хуже всех «поджигателей войны» приходится Франции — война идет на ее территории, она несет большие человеческие и экономические потери. И все же, французы достигают своей цели — пересмотра итогов франко-прусской войны и возвращения потерянных провинций! Главный противник Парижа — Германия будет повержена в прах, а большие потери французской армии — это плата за устранение опасного соседа...

Правду о сараевском убийстве знали единицы. В каждой хорошей пьесе любому актеру отведена определенная роль: есть время выходить на сцену, произносить слова и совершать действия. Затем наступает пора отправляться за кулисы. Вот так в небытие уходили и основные свидетели и действующие лица убийства Франца Фердинанда. Первым ушел из жизни Неделько Габринович. За ним 1-го мая 1918 года, также от туберкулеза, в тюрьме тихо скончался Гаврила Принцип. Свою роль молодые террористы выполнили дважды: убив эрцгерцога и дав австрийцам «правильный» след. Отыграли уготованный им сценарий военные и политические организаторы покушения. Глава тайной организации сербских националистов «Черная рука», полковник Апис (Дмитриевич), честно провоевал на фронте спровоцированной им войны четыре года, когда неожиданно был арестован по приказу своего собственного правительства. Важный организатор закулисных дел теперь уже ненужный свидетель: военно-полевой суд без проволочек приговаривает начальника разведки сербского генштаба к расстрелу.

При загадочных обстоятельствах ушел из жизни и «политический» организатор сараевского покушения — Владимир Гачинович. Он был одновременно членом всех трех организаций, подозреваемых в злодеянии: «Молодой Боснии», «Народной Обраны» и «Черной

руки». К тому же в «Млада Босна», которая осуществила террористический акт, он был наиболее влиятельным членом и главным идеологом. Именно через него осуществлялись контакты этих организаций с российскими революционерами, которые с успехом воспользуются шансом на революцию, который им дал Гачинович. В его друзьях и знакомых ходили лидер эсеров Натансон, социал-демократы Мартов, Луначарский, Радек, Троцкий. Последний даже почтил его память некрологом. Потому, что в августе 1917 года, здоровый и цветущий 27-летний Владимир Гачинович внезапно занемог. Так непонятна и загадочна была эта болезнь, что оперировавшие его дважды(!) швейцарские врачи ничего так и не обнаружили. Но в том же месяце Гачинович скончался ...

Первая пуля попала в грудь эрцгерцогини. Она лишь успела охнуть и моментально упала на спинку сиденья.

— Платье, платье — пробормотала она, увидев красное пятно расплывавшееся на белом шелке.

Но это была не ее кровь. Вторая пуля застряла в позвоночнике ее мужа, пройдя сквозь воротник его мундира и шейную артерию. Наследник австрийского престола схватил себя за шею, но сквозь его пальцы кровь толчками, пульсируя, в считанные секунды залила собой белоснежное платье его супруги и щеголеватый голубой мундир самого эрцгерцога.

— Софи, Софи не умирай! Останься жить для наших детей! — прохрипел Франц Фердинанд, повернувшись к жене.

Она уже не слышала его слов, скончавшись почти моментально. В тот же момент новая порция его крови вылилась прямо на расставленные руки губернатора Поттиорека, что попытался помочь эрцгерцогу. К машине бежали люди, адъютанты наследника.

— Шею, зажмите ему шею! — истошно кричал кто-то. Рядом хлопал вспышкой оказавшийся рядом фотограф, который едва не заснял сам момент выстрела.

Чьи-то пальцы попытались закрыть рану Франца-Фердинанда. Но кровь продолжала литься ручьем — зажать сонную артерию и в спокойной обстановке задача непростая, а тут еще мешал воротник мундира. Сильно пополневший за последнее время эрцгерцог, со свойственным ему юмором пошутил когда-то, что портной сшивает одежду прямо на нем — иначе пуговицы могут отлететь. Теперь в этот роковой день адъютанты отчаянно пытались расстегнуть перепачканный голубой мундир, чтобы остановить кровотечение. Ножниц ни у кого не было.

Генерал Поттиорек пришел в себя первый.

— В госпиталь, быстро! — заорал он на водителя и тем вывел его из состояния прострации. Машина с ходу рванула с места. На заднем сиденье, поддерживаемый двумя адъютантами, тщетно пытавшимися зажать рану, умирал Франц-Фердинанд. Потеряв сознание, эрцгерцог дышал еще пятнадцать минут. Потом он скончался в автомобиле рядом со своей женой, чье белое платье было залито кровью обеих августейших супругов.

Через месяц с небольшим кровью будет залита вся Европа ...

Глава 4. Британское «миролюбие».

Если бы Принцип не покушался на жизнь австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, международные сторонники войны изобрели бы другой повод.

Великий князь Александр Михайлович Романов

Так-то и удалось старому пиратскому государству Англии, опять вызвать резню в Европе ...

Альфред фон Тирпиц, германский гросс-адмирал

— Это моя жена, Анечка — сказал штабс-капитан Татищев и обнял супругу за

плечи.

Она чуть смутилась, и, протянув руку гостю, представившись совсем официально: — Анна Васильевна.

Он же поцеловав мягкую и изящную кисть графини, щелкнул сапогами с лихостью бывалого офицера.

— Позвольте представиться, полковник Крымов — и широко улыбнувшись, добавил — Александр Михайлович.

Не то, чтобы Анна Васильевна не любила гостей, но в этот воскресный день, муж поступил уж совсем непорядочно — вышел на пять минут купить свежих газет и вернулся обратно уже не один. А ей нечем угощать гостя. Так не делается.

Строго взглянув на мужа, графиня шагнула назад, проходя в комнаты.

— Анечка, мы должны спасти полковника — шутивым тоном говорил ее Николенька, направляясь следом за супругой — Я ему это торжественно обещал и только таким образом сумел заманить к нам.

Анна Васильевна с удивлением взглянул на мужа, но в светлой комнате задавать вопрос ей даже не пришлось. Весь мундир полковника Крымова был забрызган грязью, и не заметить этого можно было только в полутемном коридоре.

— Извозчик, видимо очень торопился — улыбнулся тот слегка виновато — Право, мне так неудобно Вас стеснять, но Николай Владимирович и впрямь предложил меня выручить. В таком виде мне даже не доехать до моей квартиры.

Ситуация была похожа на комедию, одну из тех первых немых, что крутили на Невском в синематографе. Полупьяный извозчик, большая свежая лужа — и как результат с ног до головы обрызганный полковник, страшно ругающийся и одновременно беспомощно озирающийся.

— Александр Михайлович сегодня приехал из Ташкента — рассказывал Татищев жене — Видишь, какой загорелый. И надо же так случиться: первый дождь за две недели!

— Мне просто повезло — вновь заулыбался гость — если бы не эта лужа и не этот пролетевший мимо мерзавец, я бы не познакомился с Вами, очаровательная Анна Васильевна.

Его мундир уже срочно стирали и сушили, а когда где-то в глубине дома раздался детский плач, Анна Васильевна бросилась на выручку няньке.

— Вы и вправду меня очень выручили Николай Владимирович — сказал полковник Крымов, когда они остались одни.

— Полноте, Александр Михайлович, о чем тут говорить — усмехнулся штабс-капитан, — Скажите лучше, что Вы думаете по поводу поведения австрияков, вчера ведь истек срок их ультиматума.

Полковник внимательно посмотрел на графа Татищева. Молодой, красивый. Жена очаровательная.

— Хотите знать, будет ли война? — переспросил гость и, помедлив секунду, неожиданно спросил — Вам сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Двадцать шесть — задумчиво повторил Крымов — Дети, я полагаю, бог не обидел?

— Трое у нас. Машенька, Петя и Софочка. Только полгода назад родилась. Но к чему Вы это спросили, Александр Михайлович? Простите, я не понимаю.

Полковник Крымов поставил чашку чая на стол и посмотрел на Татищева. Лицо полковника было серьезное и строгое.

— Один мой приятель буквально недели две назад ехал через Берлин. Он у меня лошадики страшный, вот и пошел к одному из лучших в Европе торговцев лошадьми. Посмотреть, полюбоваться. Так вот, Волтман, у которого всегда был самый роскошный выбор, показал только пустые конюшни. Всех скакунов купила германская армия.

Татищев молчал. Полковник Крымов закурил и продолжил:

— Дорогой Николай Владимирович, война будет. Очень скоро и очень страшная. Гораздо быстрее, чем Вы можете себе представить. И у Вас штабс-капитан представится возможность быстро догнать меня по званию. Впрочем, и я надеюсь в полковниках не засидеться.

— Вы в этом уверены?

— Ровно, как и в том, что лошадей сейчас закупают по всей Европе и Россия не исключение. Я Ваш должник Николай Владимирович, и потому настоятельно рекомендую Вам — постарайтесь провести ближайшие дни с женой и детьми. Поверьте, это самое лучшее, что можно сейчас сделать.

Татищев задумался. Как раз послезавтра, Машенька и Петя отправляются в Евпаторию. Там матушка супруги приобрела домик, а детям после сырого петербургского климата нужен целебный морской воздух. Еще через месяц туда направится и Анечка с малышкой. Неужели, и правда война из-за сербских террористов дойдет и сюда, в столицу огромной Российской империи.

— Вы действительно думаете, что войны не избежать Александр Михайлович? — только и смог снова спросить штабс-капитан лейб гвардии Преображенского полка граф Николай Владимирович Татищев...

Позже политиков разных стран спрашивали, как же так внезапно разразилась самая кровопролитная война в истории человечества. Большинство разводило руками, некоторые обвиняли в произошедшей катастрофе противников своей страны. Но был один человек на политическом Олимпе Европы, который скромно молчал. Не вступал в дискуссии, и писал воспоминания. Имя этого человека, виконт Фалладон, лорд Эдуард Грей. В 1905-1916 годах этот уважаемый джентльмен был министром иностранных дел Великобритании. Не он придумал Первую мировую войну, но именно благодаря его стараниям чудовищные замыслы воплотились в реальность. Именно стараниями сэра Грея отправились в могилу миллионы взрослых и детей, были разрушены сотни и тысячи цветущих городов и сел, а с политической карты мира была стерта Российская империя.

Но вернемся в душный июль 1914 года. Начавшееся следствие сразу давало австро-венгерскому руководству однозначный ответ на извечный вопрос «кто виноват». Убийцы эрцгерцога не только получили оружие и инструкции в Сербии, но и непосредственно перед покушением были переправлены на боснийскую территорию. Это был тот самый долгожданный повод, которого не хватало австрийцам для нанесения удара по ненавистному Белграду. Сербские экстремисты совсем распоясались и убили наследника престола. Их действия явно угрожали самим основам многонациональной империи Габсбургов.

Именно так выглядели события из окна венского кабинета. Совсем недавно в мае 1903 года в Сербии произошел государственный переворот. В результате него сербский король Александр Обренович и королева Драга были убиты. Говорили, что офицеры — заговорщики, ворвавшиеся во дворец, выбросили собственного монарха в окно, однако в последний момент он успел ухватиться за край. Тогда один из убийц отрубил ему пальцы, и король рухнул на мостовую, разбившись насмерть. Прошло еще несколько лет и на счету сербов жизнь очередной венценосной особы — на этот раз Франца-Фердинанда! Теперь, когда австрийское правительство намеревалось предъявить Сербии требование самого полного удовлетворения, а в случае отказа отправить в Сербию войска, германский император Вильгельм II разделял эти намерения. Характерна пометка немецкого кайзера на одной из дипломатических телеграмм: «(Сербия)... Это не государство в европейском смысле, а банда разбойников!».

Но перед тем, как решиться наказать Белград, Германии и Австрии предстояло разрешить для себя одну проблему: понять, как поведет себя в этой ситуации Россия. Трижды, в 1908, 1912 и 1913 — м отступали в Вене перед желанием разгромить Сербию, трижды и Россия отказывалась от идеи вооруженной защиты славянского государства. Теперь, когда жертвой убийц стал будущий император, Николай II, по мнению немцев, не мог препятствовать наказанию убийц. Альфред фон Тирпиц, германский гросс-адмирал в своих мемуарах пишет, что кайзер Вильгельм «считал вмешательство России в пользу Сербии маловероятным, так как царь, по его мнению, не стал бы поддерживать цареубийц...».

В справедливом гневе германский кайзер не обращал внимания на малозаметные, но очень важные факты, свидетельствующие о том, что приближалась большая война. Немецкий морской атташе писал в Берлин еще до покушения, 10 июня (29.05) 1914 года: «Меня поражает та уверенность, с которой все ожидают здесь в ближайшем будущем войны с Германией... то едва уловимое, но все же ясно осязаемое „нечто“, которое висит в воздухе подобно состраданию, вызванному еще неоглашенным смертным приговором». **Вильгельм II еще не**

принял своих губительных решений о начале войны, а его рейх уже считается почившим в бозе. Стоило задуматься: откуда же у японских политиков и атташе других стран Антанты, такая уверенность в скором начале военного конфликта?

Ответ прост — был сценарий будущего мирового пожара. Истинные цели этой войны знали единицы, но достаточно многие были посвящены в отдельные детали. Сценарий конфликта реально существовал. Никто не видел его в виде бумаги с таблицами и параграфами, но многие свидетельства подтверждают его реальность. Об этом говорит нам в своих воспоминаниях глава русской партии социалистов — революционеров (эсеров) Виктор Михайлович Чернов.

Были у эсеров теплые взаимоотношения с Партией польских социалистов (ППС). Дружба была долгой и проверенной: вместе разрушали Русское государство во время первой революции, вместе убивали полицейских и солдат. Но вот наступает 1914 год и ситуация меняется.

«... На нас пахнуло чем-то необычным и тревожным от выступления Иосифа Пилсудского в начале 1914 г.» — пишет глава эсеров. Что же случилось, какая кошка пробежала меж революционных партий? Ничего не произошло, просто глава ППС, и будущий глава независимого польского государства, прочитал в Париже в зале Географического общества лекцию. И все дело в ее содержании!

«Пилсудский уверенно предсказывал в близком будущем австро-русскую войну из-за Балкан» — пишет Чернов и далее приводит слова польского социалиста, **в точности угадывающего сценарий начала Первой мировой войны!** Уверенно и безошибочно Пилсудский рассказывает, какая держава, за какую вступится, кто и почему ввяжется в вооруженный конфликт. Но не это главное!

«... Пилсудский ставил ребром вопрос: как же пойдет и чьей победой кончится война? **Ответ его гласил: Россия будет побита Австрией и Германией, а те в свою очередь будут побиты англо-французами (или англо-американо-французами)**».

Проницательность будущего польского диктатора невероятная! Николай II, Вильгельм II, Франц Иосиф еще даже не подозревают, что будет война. Эрцгерцог Франц-Фердинанд спокойно играет с детьми в своем дворце Бельведере, Гаврила Принцип учится в университете. Организация «Млада Босна» еще даже не думала убивать наследника австрийского престола, генеральные штабы будущих противников еще не имеют никаких планов будущей войны. **А Иосиф Пилсудский не просто досконально знает ее сценарий, но ему даже известно, чем она закончится!**

Понять логику Пилсудского сложно даже ненавидящему царское самодержавие эсеру Чернову: как же может быть разбита одна Россия, если на ее стороне и Англия, и Франция, и США, которые, по словам самого оратора, войну выиграют?! В 2005 году нам просто согласиться с поляком — потому, что мы знаем дальнейшие события. Но в 1914 году его прогноз выглядит, по словам Чернова «карточным домиком, мечтой политического комбинатора». Пилсудский же, ничуть не смущаясь, не только предрекает будущую войну и в точности называет ее результаты, но и намекает на выигрышную тактику в ее ходе для борцов за независимую Польшу. Только намекает, потому, что в аудитории сидят посторонние люди. Для конкретики он присылает к Чернову своего соратника по фамилии Иодко, будущего посла Речи Посполитой в Константинополе.

«Этот разговор в моей памяти останется, как один из самых замечательных, которые мне приходилось вести» — указывает глава русских социалистов-революционеров. Конечно, любому человеку не часто приходится беседовать с людьми, досконально знающими будущее. Однако, чем больше говорит посланец Пилсудского, тем более становится удивление и непонимание Чернова. Иодко рассказал ему, что в случае войны поляки будут помогать немцам «очищать губернии царства польского» от русской армии.

«Я буду с вами совершенно откровенен... Мы уже теперь усиленно готовимся на случай всеевропейской войны ... Мы предпочитаем германской армии — австрийскую. У нас в Галиции уже идет военная подготовка польских военных кадров... Австрию мы предпочли Германии, потому, что она слабее и ей можно будет ставить условия» — приоткрывает свои кадры посланец Пилсудского.

По ходу разговора грустнее Виктор Михайлович Чернов. Имевший «опыт» первой русской революции, Чернов понимает, что затевается что-то громадное и масштабное, а он — глава партии эсеров **ничего об этом не знает** ! Рулевые и направляющие потоки мировой закулисной политики на этот раз обходят его стороной. Потому, что одно дело читать «сумасшедшие» лекции, совсем другое им следовать и готовить военные кадры для австрийской армии. На карту ставится ведь независимость Родины — ошибись Пилсудский со своим прогнозом, который похож на бред сумасшедшего, и последствия для будущего Польши могут быть непредсказуемыми. Значит Пилсудскому известно нечто, для него Виктора Чернова, пока неизвестное.

А Иодко рассказывает дальше: оказывается в плане польских социалистов учтено все. В нужный момент они предают немцев и меняют свою ориентацию на англо-французскую:

«... И для Парижа, и для Лондона это не является тайной. Первая фаза войны — мы с немцами против русских. Вторая и заключительная фаза войны — мы с англо-французами против немцев».

После этих слов воцарилось молчание. Чернов окончательно поражен. Остается удивляться и нам. Хотя, зная цели англичан и французов в будущей войне, удивляться, не приходится. Они кропотливо готовят Первую мировую войну. По ее результатам Россия и Германия должны быть уничтожены, поэтому все, кто ненавидит эти два государства — помощники. Но комбинация планируется «союзниками» настолько сложная и виртуозная, что у поляков может возникнуть непонимание на крутых политических виражах. Для этого и делятся с Пилсудским информацией, чтобы поляки готовились и вели себя правильно. Утечки можно не бояться — расскажи тот же Иодко все это русскому жандарму, его слова всерьез никто не воспримет. Как не восприняли бы в январе 1991 года информацию об августовском путче в СССР, будущем распаде союза и начале первой чеченской войны. Это просто кажется невероятным. Пока не происходит в действительности.

По всей истории Первой мировой войны и выросшей из нее русской революции разбросаны такие невероятные и фантастические истории. Ими пестрят известные мемуары и абсолютно открытые источники, нужно просто обратить на них внимание. Вот, например, будущий герой Финляндии, а тогда еще русский кавалерийский генерал Карл Густав Маннергейм провел в боях мировой войны три года. В феврале 1917-го он приехал в родную Суоми на побывку. Начались радостные встречи, приемы и свидания. И в мемуарах Маннергейма мы читаем: «На обеде у моего давнишнего приятеля по кадетскому корпусу я встретил несколько бывших офицеров и старых друзей. Во время обеда никто даже не обмолвился о том, что за последние два года, около двух тысяч добровольцев выехало в Германию, чтобы получить там военное образование. **Между тем именно эти люди должны были вступить в армию, которая, в случае давно ожидаемой революции в России, могла освободить Финляндию** ».

Стоп! На дворе 1917-й, если за последние два года уезжали финны в Германию, то начался этот процесс в 1915 году. Но в то время в России революцией и не пахло, откуда же горячим финским парням известно, что она непременно будет? Да мало того, она для них еще и «давно ожидаемая», поэтому они загодя готовят антирусскую армию, что сделает их страну независимой. Совпадение, случайность, предчувствие?

Нет, точное знание, как и в случае с Пилсудским. «Союзники» готовят уничтожение России путем мировой войны. Для осуществления плана им нужны помощники, Россия ведь очень большая, одними поляками не обойдешься. Только Польше в будущем раздроблении нашей страны отводится первостепенная роль, а Финляндия в силу ее величины может подключиться к процессу и в 1915-м году. От нее требуется гораздо меньше, поэтому и информация туда попадает позже, в точном соответствии со сценарием.

Сценарий разжигания мировой войны был невероятно сложным по организации, но очень простым по своей сути. Австро-Венгрия, получая поддержку от Германии, предъявляет претензии Сербии. В Белграде проявляют несговорчивость, заручившись гарантиями России. При этом австрийцы и немцы, рассматривая в качестве оптимального решения сербской

проблемы именно силовой вариант, должны быть убеждены, что Петербург за сербов не вступится и ограничится дипломатическим осуждением. Только в таком варианте запаливался бикфордов шнур войны. Если бы в Австрии и Германии, знали, что их акция против Белграда приведет к схватке с Россией, они бы на нее не пошли, потому, что в условиях франко-русского договора это означало войну с Францией, а в перспективе и с Англией.

Ясность такого развития событий и была главной гарантией от разжигания вооруженного конфликта. Первую мировую войну было очень просто предотвратить. Великобритания всего лишь должна была заявить Германии, что она ни в коем случае не останется нейтральной в случае европейской войны и выступит на стороне своих соратников по блоку Антанта. Именно так Великобритания и поступила несколькими годами ранее, предотвратив франко-германскую войну во время Марокканского кризиса. Так надо поступить и сейчас — конечно, в случае, если лондонским джентльменам нужно сохранение мира. Но в Марокко тогда были «показательные выступления» для завлечения России в сети Антанты. Теперь совсем другое дело: подготовка уничтожения России и Германии путем страшнейшего военного столкновения закончена. Великобритании нужна война, но чтобы зажечь ее британцам придется рядиться в тогу миротворцев.

Вот тут на политической сцене и появился во всей своей красе лорд Эдуард Грей. Именно от позиции правительства Ее Величества зависела судьба всего человечества жарким летом 1914 года. Эту позицию до всего человечества и доводил достопочтимый лорд. Как и всякий дипломат, глава английского МИДа обладал даром говорить много, ничего не говоря. Этот свой дар он потом блестяще продемонстрирует в мемуарах. Слова сэра Грея в то решающее лето были полны намеков и недоговоренностей. Вместо четкой позиции и ясного ответа. Это не случайно.

После убийства Франца Фердинанда, 29(16) июня 1914 года глава британской дипломатии публично в парламенте выразил Вене глубокие соболезнования и ...затих. 6 июля (23.06) после общения германского кайзера с австрийцами, немецкий посол в Лондоне князь Лихновский отправился к Грею прощупать позицию Великобритании в возникшей ситуации. Все последнее время англичане, словно напоказ, демонстрировали немцам свое миролюбие. Были кроме дипломатических экивоков и материальные символы английского расположения к немцам. Главный корень германо-британского соперничества — это флот, большая судостроительная программа, запущенная рейхом. В Лондоне относятся к немецкому флоту с нескрываемой враждебностью. И вдруг — позиция меняется! Адмирал Тирпиц напишет об этом так: «... Отношения двух стран выглядели так хорошо, что впервые за многие годы английская эскадра прибыла в Германию на празднование Кильской недели. Она ушла после убийства в Сараево».

Вот с разговоров об этом немецкий посол и начнет беседу с Греем. Лихновский сообщил о глубоком удовлетворении, которое испытывает император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в германскую гавань, а потом мягко принялся прощупывать британскую позицию в надвигающихся международных осложнениях. Для этого он сообщил, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии. После чего откровенно изложил немецкую позицию: отказать своему основному союзнику в помощи Берлин не может, но если это будет сделано, возможны осложнения с Петербургом. Немцы прекрасно знают, что кроме этнических симпатий две монархии связывают и родственные связи: мать сербского наследника — родная сестра Великого князя Николая Николаевича Романова, будущего главнокомандующего русской армией в грядущей войне. Сам русский монарх приходится сербскому королевичу Александру дядей. Всего несколько месяцев назад Николай II лично дал обещание оказать Сербии «всемерную военную помощь» и даже любую «поддержку, которая ей понадобится».

Вот германский посол и запускает «пробный шар», задает главный вопрос, за ответом на который, он, собственно говоря, и пришел. Немцам известно, что между Англией и Россией ведутся какие-то переговоры о морской конвенции и, что этот факт может поощрить Россию на сопротивление Австрии. После жесткого заявления лондонского дипломата немцы сразу должны будут дать задний ход. Конфликт с Россией, в котором ее поддержат англичане, для германцев неприемлем. Отличный случай показать германскому послу хваленую британскую твердость, но вместо этого сэр Грей говорит, что Англия «не может допустить уничтожения

Франции». Дипломаты всегда говорят на особом языке, не всегда понятном другим смертным. Но один дипломат прекрасно понимает другого и во многом их работа и состоит в расшифровке чужих намеков и недомолвок, и умении говорить, не говоря ничего. В переводе на «человеческий» язык фраза о том, что Англия «не может допустить уничтожения Франции» означает следующее:

- Петербург ведет или вел с Лондоном некоторые переговоры;
- Британия никаких гарантий безопасности России не давала;
- в случае военного столкновения Германии и России, англичане останутся вне конфликта;
- единственное, что беспокоит британцев и против чего они выступят решительно — военный разгром Франции.

Вот как много информации можно заложить в маленькую фразу. Таким образом, не отвечая по сути на немецкий зондаж, сэр Грей намекает немцам, что уничтожение России Великобританию не беспокоит.

Сила тех, кто желал разжигания войны в том, что они играли сразу по обе стороны баррикад, сразу в обеих командах. Это британское изобретение: перед войной они друзья немцев, и «союзники» русских. Когда в России будет назреть революция, те же джентльмены будут обнимать Николая II и одновременно выделять деньги на его свержение. Потом они будут слать приветственные телеграммы Керенскому, и обещать поддержку генералу Корнилову для его свержения. Затем к власти придут большевики, а «союзники» будут продолжать консультации и с ними, и с их противниками. В разразившейся Гражданской войне, британцы будут помогать белым и одновременно зорко следить, чтобы те в итоге не победили. Это не какое-то особое английское коварство и лживость, это простое следование своим интересам и своему плану. Играя на одной доске одновременно и за белых, и за черных, всегда можно поставить шах и мат тем, в ком больше не нуждаешься.

Все это еще только будет, но чтобы план «союзников» по уничтожению России случился, сэр Грей после встречи с немецким послом радушно принимает у себя русского посланника Бенкендорфа. И говорит уже совсем другие вещи. 8-го июля (25.06) глава английского МИДа обрисовал перед Россией всю серьезность положения. Он не сомневается в нападении Австрии, и даже выразил мнение, что Россия должна выступить на защиту Сербии. Кроме того, лорд всячески подчёркивал враждебность Германии к России. Он намекал, что, по его сведениям, в случае конфликта, центр тяжести военных операций Германии должен довольно быстро переместиться с Запада на Восток. Великий актер пропал в Эдуарде Грее: перед германским послом он оптимист, перед русским — пессимист каких мало. Когда Бенкендорф попробовал изобразить ситуацию в менее тревожном свете, Грей ему горячо возражал, и сказал, что «известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся», «положение представляется очень серьезным».

Посеяв зерно сомнения в русском правительстве, 9-го июля (26.06), министр иностранных дел Великобритании сэр Грей снова встречается с германским послом Лихновским. Совсем недавно, три дня назад, Грей уже намекал ему, что Англия не будет вмешиваться в события на материке, если они не будут грозить «уничтожением Франции». Для уверенности, что они правильно поняли позицию английского правительства, немцам необходимо еще раз убедиться в правильности «расшифровки» намеков британского министра. Позиция Англии, по-прежнему может остановить сползание европейского континента в бездну. Что же говорит многоуважаемый глава британской дипломатии? Наверное, что-то о важности сохранения мира и необходимости решать конфликты мирным путем?

Ничего подобного. Сначала Грей долго говорил о миролюбивом настроении России. Осторожный немецкий посол в соответствии со своими инструкциями поинтересовался согласится ли Англия, в случае австро—сербского конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Петербург. Лорд заверил Лихновского, что сделает «всё возможное, чтобы предотвратить войну между великими державами».

«Я сказал, — сообщает Грей в мемуарах, — что если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определённых рамках, то будет, конечно, сравнительно легко склонить Петербург к терпимости». И при этом, как писал посол в Берлин — «сэр Грей излучал

оптимизм». Вот так сияя и лучась, и сказал Грей, то самое главное, что хотели узнать немцы. Предоставим слово германскому послу. Вот, что он пишет в своей телеграмме в Берлин:

«Он (сэр Грей) заявил, что он ничего не имеет добавить к тому, что он говорил 6-го и может лишь повторить, что между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой, **не заключено никаких секретных соглашений, которые связывали бы Великобританию в случае европейской войны**».

Далее, Грей заявил, «что Англия, хочет сохранить для себя полную свободу рук». **В переводе с дипломатического языка на общечеловеческий, это означает нейтралитет Англии в возможной войне!**

Вот тебе и Антанта! Вот тебе и «союзники», вот вам и «сердечное согласие»! Это разрешение и на войну с Петербургом, а то и на разгром Парижа! Но как может сэр Грей говорить о том, что никакие соглашения не связывают Англию в случае войны? Ведь Россия, Англия и Франция вместе образовали блок Антанта?!

Самое интересное, что сэр Грей говорил чистую правду. Историки об этом нигде не пишут, стараясь не подымать этот странный вопрос. Дело в том, что:

До самого начала мировой войны Антанта не была оформлена специальным договором!

В действительности было три совершенно отдельных документа. Первый — англо — французский, с которого и ведет отсчет времени блок Антанта. Речь, правда, идет в нем о Ньюфаундленде, Западной Африке и Сиаме с Египтом! Про военные обязательства в случае войны в нем ни слова. Второй — это конвенция 1907 года между Россией и Англией. Почитаем договор, подписав который, Россия считается вступившей в блок Антанта:

— «Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны ...»;

— «Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий...»;

— «Россия со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий ...»;

— «Условлено, что доходы всех персидских таможен... В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам...»;

Погодите, погодите — нам всегда говорят, что, подписав этот документ, царская Россия вступила в блок Антанта, соединив свою судьбу с Англией и Францией. А мы все читаем про какие-то таможи и концессии! Наверное, самое главное дальше, надо просто прочитать весь текст.

В союзном договоре должны быть прописаны обязательства России и Великобритании в случае конфликта их партнеров с другими державами. Но далее в тексте начинается что-то еще более далекое от четко очерченных рамок договора между двумя державами:

— «Правительство его британского величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана»;

Чудесно, но причем здесь блок Антанта? Далее следует еще пять статей об этой забытой богом стране. Потом речь начинает идти о Тибете:

— «Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом ...обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление».

И — полстраницы об этом «наиважнейшем» месте политической карты мира. Читая, сей интереснейший документ, терпение начинаешь терять очень быстро. Также быстро растет и удивление. О чем же этот договор? Где тут слова о войне с «третьими державами» и о помощи друг другу?

Чтобы получить ответы на все вопросы сразу надо просто посмотреть на название. Мы забыли, что документ этот называется «Конвенция между Россией и Англией по делам Персии,

Афганистана и Тибета!»! Поэтому речь в нем идет о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете. И больше ни о чем — про военные обязательства ни слова!

Вот это новость. Интересно, а читали его вообще царские дипломаты, когда подписывали. С чего это вдруг все решили, что Англию и Россию связывают договорные «союзнические» обстоятельства? Лондон только и должен, что уважать «территориальную целость Тибета» и «независимость Персии»!

Третий договор, на котором базируется Антанта — франко-русский, подписанный еще Александром III. Он является единственным настоящим документом! По нему французы и русские должны немедленно объявить войну державе, напавшей на Россию или Францию. Но такие обязательства имеют по отношению друг к другу ... только Париж и Петербург.

Мы видим невероятный дипломатический казус! Блок Антанты существовал лишь в воображении наших дипломатов!

Блок Антанты есть, но его как бы нет! Это такое очень удобное образование — если русские должны умирать за Францию и Англию, то он есть! Если британцы должны поддержать Россию — то «Англия, хочет сохранить для себя полную свободу рук». Куда смотрели царские дипломаты, да и сам царь, нам остается только догадываться! Потому, что реальный союзный договор будет подписан странами Антанты уже после начала Первой мировой войны. Какая разница? Очень большая! Отсутствие нормального договора позволяло англичанам заявлениями о своем нейтралитете провоцировать Германию на войну, и одновременно обещать свою помощь России. Если Антанта была бы оформлена документально, то немцы вели бы себя совсем по-другому, а ведь неясность в позиции Лондона и есть тот крючок, на который попались немецкие дипломаты.

Французский посол в России Морис Палеолог так и говорит своему британскому коллеге сэру Джорджу Бьюкенену: «Я настаиваю на решающей роли, которую Англия может сыграть, чтобы унять воинственный пыл Германии, я ссылаюсь на мнение, которое четыре дня тому назад высказывал мне император Николай: **Германия никогда не осмелится напасть на объединенные Россию, Францию и Англию иначе, как потеряв совершенно рассудок**».

Конечно, на три сверхдержавы Германия не нападет. Именно поэтому англичане и доказывают Берлину, **что немцам не противостоят три державы!** Чтобы немцы и австрийцы не боялись проявить твердость. Чтобы началась долгожданная война.

И немцы поверили. Лед недоверия к традиционно враждебной политике Британии таял под лучистым обаянием сэра Грея. Адмирал Тирпиц указывает: «Еще 9 июля в министерстве иностранных дел держались трезвого взгляда, что, если вопреки ожиданиям сохранить европейский мир не удастся, Англия тотчас же станет на сторону наших врагов, не дожидаясь результатов военных действий. Однако мирная позиция, занятая Foreign Office в последующие недели, все более и более обманывала близкие Бетману круги. По-видимому, и в генеральном штабе склонялись к мысли о мирных намерениях Англии».

Желай Англия мира, можно было сказать просто два слова, и немцы поняли бы, на каком волоске висит судьба их страны. Но сэру Грею, его хозяева дали задание и он с мастерством его выполняет, загоняя в гроб миллионы людей, что пока беззаботно греются под июльским солнцем. Как и во всем мире, в Британии есть помимо дипломатии официальной, еще и неофициальная. На этот раз ставки так высоки, что молчит и она. «На этот же раз Англия воздержалась даже от предупреждения с глазу на глаз» — сетует Альфред фон Тирпиц.

Вместо этого британские «независимые» газеты начали публикации статей, которые иначе, как провокацией и не назовешь. «Standart» и «Daily Chronicle» прямо указывали виновников в смерти австрийского наследника: «Нет сомнения, что целый заговор был подготовлен в Сербии, и на Россию падает часть ответственности, если не вся»; «основой убийства является российская система устранения каждого невыгодного противника на Балканах». Весьма интересно, что, и русские революционеры подливали масла в огонь. Лев Давыдович Троцкий в своей книге «Европа в войне» указывает: « Убийство ... было несомненно инспирировано сербским правительством. С другой стороны, и Россия косвенным путем участвовала в подготовке этого убийства».

Успокоенный британским «миролюбием», германский кайзер отправился в свою ежегодную морскую поездку в норвежские фьорды. Австрийцы же, согласовав с ним свои

будущие действия, стали готовить текст ультиматума Сербии. Благодаря стараниям лорда Грея перед Веной и Берлином вырисовывалась очень радужная картина: в случае нападения Австрии на Сербию, Россия не обязательно вмешается в конфликт, а если это и случится, то Англия ее точно не поддержит. Вероятным было вмешательство Франции, но в таком варианте это было очень даже неплохо, потому, что именно Париж с воодушевлением ждал возможности отобрать обратно Эльзас и Лотарингию, а, следовательно, был настоящим противником Германии.

Прозрачные намеки сэра Грея сделали для разжигания войны куда больше выстрелов Гаврилы Принципа.

Наступал кульминационный момент. 20(7) июля в Россию приехал президент Франции Пуанкаре — «война». Чтобы Николаю II было не страшно помогать славянским братьям, он заверил, что в случае войны с Германией, Франция выполнит свои союзнические обязательства. Заодно были еще раз обсуждены и военные планы сторон. Россия в соответствии со своими обязательствами должна была обеспечить на 15-й день мобилизации полную готовность армии к наступлению на Германию. На Австро-Венгрию наступление планировалось на 19-й день мобилизации. Пока русский монарх и французский президент совещались, события, словно замерли. Зато после отъезда Пуанкаре они понеслись со скоростью бешеных лошадей. В России оставалась одна неделя мирной жизни.

23(10) июля «союзный» президент отбыл восвояси, а накануне лорд Грей успешно торпедировал последнюю возможность мирного решения конфликта. По инициативе царя русский министр иностранных дел Сазонов предложил, чтобы Россия, Англия и Франция коллективно воздействовали на венское правительство и принудили его к политическому разрешению своих претензий к Сербии. Грей это предложение отклонил. Оно могло испортить все дело, потому, что он ждал австрийского ультиматума. Эта бумага была бикфордовым шнуром Первой мировой войны — от момента ее вручения до начала боевых действий оставались считанные дни.

И он дождался. 23(10)июля он был вручен австрийцами послу Сербии. Не случайно свой ультиматум венские дипломаты вручили сербам сразу же, как Пуанкаре отбыл восвояси — теперь Парижу и Петербургу не проконсультироваться. Это удобно для немцев и австрийцев. Для наших «союзников» важно другое: уехав, французский президент не должен отвечать на конкретные вопросы Николая II, и может вместо этого просто «слать телеграммы». Ведь не дай бог, русский царь снова предложит сделать какое-нибудь совместное заявление. Например, передать решение австро-сербского конфликта на решение какого-нибудь международного комитета и долгожданная война не начнется! Теперь вместо конкретного обсуждения сложившейся ситуации французы могут отделаться лишь общими фразами. А до конца ультиматума, всего 48 часов! И время стремительно летит, так быстро, что войну уже не остановить! Основная задача Грея теперь — это сделать события необратимыми!

В день вручения ультиматума английский министр в первый раз встретился с австрийским послом. Содержание ноты англичане прекрасно знали — накануне его смысл очень точно передала газета «Таймс». Любому, кто немного понимает в политике, ясно — это повод для вооруженного конфликта. Когда русский министр Сазонов получил телеграмму с сообщением об ультиматизме, он моментально воскликнул: «Это европейская война!». Лорд Грей этого «не понимает». Вместо того, чтобы предостеречь австрийцев на самом пороге войны, он только сожалеет, что предъявленная Сербии нота имеет ограниченный по времени срок ответа и **отказывается ее обсуждать, пока не увидит документ воочию!**

Затем он говорит послу Австро-Венгрии об ущербе, который может нанести торговле война между **четырьмя великими державами**. Венский посол Менсдорф считать умеет хорошо. Четыре державы это: Россия, Австрия, Франция и Германия. О пятой державе — Англии, Грей не обмолвился ни словом. Это уже даже не намек, а прямое свидетельство будущего нейтралитета Великобритании. Донесение о беседе австрийский посол закончил следующими словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружелюбно и не без симпатии по отношению к нам». После беседы с Греем, окончательно успокоенная Австро-Венгрия убеждается в том, что она может нанести удар по Сербии.

Теперь снова обратимся к фактам. После получения австрийской ноты, состоящей из десяти пунктов, Белград заметался. В воздухе уже пахло порохом, и Сербия один на один

стояла с разъяренной Австрией. «Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше величество оказать нам помощь возможно скорее» — писал в своей телеграмме сербский принц-регент Александр Николаю II. В ответ сербам предложили принять австрийские условия, не оказывать сопротивления, но заявить, что она уступает силе и вручает свою судьбу великим державам.

Срок ультиматума истекал через 48 часов. С этого момента, как в часовой бомбе, начинался обратный отсчет! Прошла половина отведенного австрийцами срока, когда австрийский посол в Лондоне привёз Грею копию ультиматума. И тут великий актер лорд Эдуард Грей закатил глаза! Он заявил обескураженному Менсдорфу, что это «самый страшный документ из всех когда—либо порожденных дипломатией».

Последние минуты мира неуклонно истекают как песок в часах, а словоохотливый глава британской дипломатии вызывает уже германского посла Лихновского! Любит сэр Грей общаться, и ничего с этим не поделаешь! Теперь, когда Европе осталось наслаждаться миром всего 24 часа, британцы скажут свое веское слово и спасут миллионы жизней? Как бы не так!

«В случае вступления Австрии на сербскую территорию, — справедливо заметил Грей, — опасность европейской войны надвинется вплотную... Всех последствий **подобной войны четырёх держав** совершенно нельзя предвидеть».

Английский дипломат снова говорит о возможном ущербе мировой торговли, потенциальном революционном взрыве и грозящем всеобщем обнищании, но это не имеет особого значения, это просто слова. Главное, что он снова подчеркивает, теперь уже перед немецким послом, что война возможна между ЧЕТЫРЬМЯ великими державами, снова указывая, что Англия останется нейтральной! Не зря Грей подчеркнул это еще раз — ведь ему нужно не просто предъявление австрийского ультиматума, а боевые действия по его истечению. Только окончательно убедившись в нейтралитете Англии, немцы и австрийцы могут решиться и на войну с Россией и Францией.

25(12) июля, в назначенный срок, сербский премьер Пашич привез ответ сербского правительства. Только на одно Сербия отказывалась дать своё согласие: она не желала допустить австрийских представителей к расследованию заговора на жизнь эрцгерцога, считая, что это «было бы нарушением конституции и закона об уголовном судопроизводстве». И хотя Белград принимает девять из десяти пунктов ультиматума, австрийский посол неудовлетворен и заявляет о разрыве дипломатических отношений. Благодаря британским намекам одна сторона к войне готова. Что на другой стороне?

Русские дипломаты пытаются спасти мир. В тот же день, когда Австрия разорвала отношения с Сербией, Сазонов обратился к сэру Грею с просьбой «ясно и твёрдо» осудить перед австрийцами их политику. Никакого осуждения не последовало, ведь это могло еще остановить австрийские войска, стягивавшиеся к сербской границе. Зато в этот же день русский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал в Петербург прямо противоположные впечатления об английском «нейтралитете»: «Хотя я не могу представить вам, никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома, ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого—либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьёзно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определённого впечатления обратного порядка».

Задача у Эдуарда Грея непростая: он одновременно должен демонстрировать немцам свой нейтралитет, показывая русским, что эта «нейтральность» полностью на стороне России.

В Берлине встревоженный кайзер обсуждает с приближенными сложившуюся ситуацию. В этот день в Потсдам прибыл из Англии брат Вильгельма II, принц Генрих, с посланием от английского короля Георга V. В кампанию по дезинформации Германии вступали коронованные особы. Британский монарх заявил принцу Генриху следующее: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну, и останемся нейтральными».

«Когда я выразил в этом сомнение, кайзер возразил: Я имею слово короля и этого мне достаточно» — пишет в своих мемуарах гросс-адмирал Тирпиц. Время спрессовалось в стремительном полете. 28(15) июля австрийские пушки начали обстрел сербской территории. В Петербурге настойчиво требовали, чтобы Англия, наконец, определила свою позицию. В ответ из Лондона несло что-то невнятное. Посол Франции в России Морис Палеолог только и мог

написать в своих мемуарах, что его британский коллега «Бьюкенен обещает нам энергично поддерживать перед сэром Эдуардом Греем политику сопротивления германским притязаниям».

Под давлением военных и министра Сазонова русский царь принимает решение о всеобщей мобилизации. Он колеблется, принимая это, поистине, роковое решение. В тот же день, получив телеграмму от кайзера Вильгельма с заверением выступить посредником между Россией и Австрией и просьбой не ускорять военных приготовлений, вечером Николай решает отменить всеобщую и провести только частичную мобилизацию в четырех военных округах. Указ о частичной мобилизации в Варшавском, Киевском, Одесском, Московском округах (только против Австрии) был объявлен по телеграфу поздно ночью 16 (29) июля. Проблема, однако, состояла в том, у России **не было планов частичной, а был лишь план мобилизации всеобщей!**

Получалось, что было невозможно провести военные приготовления отдельно против Австро-Венгрии, а было необходимо мобилизовать войска и против Германии, к которой у России не было никаких претензий.

В Берлине это понимают, но там знают и другое: мобилизация это война. Это угроза. Поэтому 29(16) июля германский посол Пурталес прочел Сазонову телеграмму немецкого канцлера Бетмана. Тот требовал, чтобы Россия прекратила всякие военные приготовления, иначе Германии тоже придется объявить мобилизацию, а это может легко привести к войне.

В этот момент в Лондоне все-таки слышали требования Петербурга прояснить свою позицию и 29(16) июля наши «союзники» приоткрыв карты, показали свою верность обязательствам на деле. Жалко, что Николай II этого так никогда и не узнал! 29(16) июля британский министр иностранных дел дважды встретился с германским послом. Во время первой беседы Грей не сказал ничего существенного. Он ждал известий о начале русской мобилизации. Получив необходимую информацию, сэр Грей известил Лихновского, что хотел бы его повидать ещё раз.

Казалось, ничто не предвещало сюрпризов, когда совершенно неожиданно сэр Грей заявил... Впрочем, дадим слово самому послу немецкому посланнику Лихновскому: «Грей заявил, что британское правительство желает поддерживать прежнюю дружбу с нами, и оно останется в стороне, поскольку конфликт ограничится Австрией и Россией. **Если же мы втянем и Францию, то положение немедленно изменится и британское правительство, может быть, вынуждено будет принять немедленные решения**».

— То есть как? — только и смог в ответ произнести немецкий посол, а кайзер начертал на его телеграмме свой совершенно правильный вывод — «то есть они на нас нападут». В Берлине не знали, что за два дня до этой беседы милый и дружелюбный Эдуард Грей на заседании кабинета министров яростно требовал участия Англии в войне, угрожая в противном случае выходом в отставку!

Сейчас, когда события приобретали необратимый характер, вдруг выяснялось, что в случае конфликта с Парижем рейху придется воевать еще и с Англией! А это в корне меняло дело. Борьба с обладавшей обширными колониями и практически неисчерпаемыми людскими и сырьевыми ресурсами Британской империей, а в перспективе и с Соединенными Штатами означала столкновение со всем миром! Шансов на победу в такой борьбе у Германии не было.

Заявление Грея произвело в Берлине эффект разорвавшейся бомбы. Сам кайзер дал волю чувствам: «Англия открывает свои карты, в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом являются адресованные мне слова короля в разговоре с Генрихом: „Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне сколь возможно дольше“.

Прозрение приходит к германскому монарху поздно. Мир уже на краю пропасти. Однако оставим посла Лихновского в его недоумении, а Вильгельма II в его благородном гневе Нам надо обратить внимание на другой факт. Сэр Грей, дает немецким дипломатам совершенно новую вводную. Фактически он предъявляет им ультиматум: **если хотите избежать войны с Англией (т.е. со всем миром), воюйте только с Россией!** Не трогайте Францию!

Вот это и есть самое главное. Англичане не просто организовали мировую войну, они

попытались подстроить ситуацию так, чтобы сначала битва разгорелась только между Австрией, Германией и Россией. Сами они хотят остаться в стороне, сохранить для себя «свободу действий», если пользоваться лексиконом сэра Грея. Все логично. Вспомним цели этой войны для «союзников» — уничтожение России и Германии. Вот пусть друг дружку и истребляют, а французы и англичане вступят в драку в последний момент. Можно даже войну и объявить, зафиксировать статус-кво, а воевать по-честному точно незачем. Так «союзники» сделают и в 1939-м, когда истекающая кровью Польша помощи от них не дожидается.

В Берлине прошел шок, вызванный выступлением британского министра. Ситуация кардинально менялась. Надо было думать, как выходить из сложившегося положения. И решать, причем очень быстро. В то же время стало известно, что Италия скорее всего не будет воевать на стороне своих союзников — Германии и Австрии. Положение становилось совсем невеселым. Картина разом изменилась: теперь в Берлине были близки к панике. Предупреждения Грея были переданы в Вену, а австрийцев начали уговаривать удовольствоваться занятием Белграда как залогом и оставить дело на рассмотрение международных посредников.

В этот момент организаторам войны надо было снова подстегнуть противную сторону, раз немцы и австрийцы готовы были избежать войны. Русский царь не знает о предательстве своих «союзников» и поздно вечером 30(17) июля, подписывает указ о всеобщей мобилизации. Первым ее днем был назначено 31(18) июля 1914 года. Начинается цепная реакция. Узнав о начале русской мобилизации, в Германии реагируют соответственно: французскому послу сообщают, «что ввиду общей мобилизации русской армии Германия вводит положение „кригсгефар“ (военной опасности)». Германия просит Россию демобилизоваться, иначе она начнет свою мобилизацию. Собранный совет министров Франции под председательством президента республики Раймонда Пуанкаре решает ответить на возможную германскую мобилизацию своей. До начала войны остаются одни сутки.

Стараниями лорда Грея для Берлина получалась серьезная ситуация: ее союзник Австрия уже вела боевые действия с Сербией. Россия мобилизуется, в ответ на немецкие приготовления начнет мобилизоваться и Франция. У немцев практически не остается выбора: либо они будут выжидать ничего не предпринимая, и тогда Россия может ударить по Австрии. Германия будет вынуждена поддержать своего союзника, а Франция обязана поддержать своего. Следом в войну вступит и Великобритания. Это путь тупиковый, практически не дающий шансов на победу. Второй вариант действий немцам напрямую предлагает сэр Грей: воевать только с Россией, проявив инициативу самим. Заодно и повод подкидывают: русская мобилизация это непосредственная угроза безопасности рейха! Таким образом, англичане подталкивают к войне и Германию, и Россию! Костер поджигают с обеих сторон.

Правильно поняв английский намек, Берлин пытается в последний момент выйти из тупика, в который кайзер Вильгельм II сам себя и загнал. Последний шанс для этого — заставить, попросить Россию (конечно не теряя собственного достоинства) не вмешиваться в австро-сербский конфликт. Для этого надо, чтобы русские остановили мобилизацию. Тирпиц приводит слова кайзера: «...Русская мобилизация сделала войну неизбежной. Предотвратить ее могло теперь лишь чудо. Дальнейшее промедление с нашей стороны отдало бы нашу территорию во власть врагу, и было бы совершенно неоправданным».

Германия пытается это чудо сотворить. 31 (18) июля, в полночь, германский посол Пурталес предъявил России ультиматум. Если к 12 часам 1-го августа дня Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию. Сазонов спросил, означает ли это войну.

— Нет, — ответил Пурталес, — но мы к ней чрезвычайно близки.

Одновременно с действиями своих дипломатов, германский кайзер шлет телеграммы лично Николаю II, отчаянно пытаясь получить от него заверения в миролюбии России. Но в ситуации, когда англичане уже Вильгельма обманули он хочет получить от русского царя не слова, а **заверения его мирных намерений делом** ! Дилемма проста и трагична: либо «кузен Ники» одумается, и тогда войны можно избежать, или, объявив ему войну, Германия получит конфликт только с Россией. Как и обещает немцам сэр Грей! Кайзер близок к отчаянию — он понимает ситуацию! Русский царь куда как спокойнее, у него за спиной «союзники», т.е. **он не**

понимает ничего !

До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство еще могло предотвратить мировую катастрофу, если бы ясно заявило о своем твердом намерении вступить в войну . Оно этого не сделало. Потому, что англичанам была нужна эта война.

Пошли последние часы мира. Телеграммы летят в обе стороны.

Николай II — Вильгельму II, 1 августа (19.07) 1914 года

«Получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, (в прошлой телеграмме Николай обещал, что „его войска не предпримут никаких вызывающих действий“), т.е., что эти мероприятия не означают войны и, что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас. Наша долгая испытанная дружба должна с Божьей помощью предотвратить кровопролитие. С нетерпением и надеждой жду твоего ответа. Ники».

Вильгельм II — Николаю II, 1 августа (19.07) 1914 года

«Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны (отмена мобилизации!). Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был вынужден мобилизовать свою армию. **Немедленный утвердительный, ясный и недвусмысленный ответ твоего правительства — единственный путь, которым можно избежать неисчислимых бедствий .** Пока я не получу этого ответа, я, увы, не могу обсуждать твоей телеграммы по существу. Во всяком случае, я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам, безусловно, воздерживаться от малейшего нарушения наших границ. Вилли».

Ужас ситуации в том, что им не договориться, как бы они к этому не стремились — события становятся необратимыми. В ситуации, когда Россия мобилизуется и отменять этот процесс не собирается, единственно разумное действие для Германии сделать так, как хочет сэръ Грей. Только сделать это формально, а потом попытаться уже неформально решить проблему за столом переговоров. В конце концов, можно ведь объявить войну, и, не воюя, тут же сесть за стол мирных переговоров! Будем честными: до последнего момента Вильгельм II пытался избежать войны с Россией! А британские «союзники» России, буквально заставляли Германию объявить ей войну!

Утром 1-го августа (19.07.) Николай II принял германского посла. Он горячо убеждал его, что мобилизация не означает угрозы для Германии и тем более враждебных по отношению к ней намерений, что остановить ее сразу невозможно ввиду огромных размеров территории. Пурталес немедленно передал содержание разговора в Берлин. Немцы словам больше не верят, **а в реальности в России мобилизация продолжается .** Идет ее второй день. По предвоенным планам, прекрасно известным в Берлине, на 15-день русская армии должна быть готовой к наступлению.

Вечером, 1-го августа кайзер делает свой выбор. Германский посол в России граф Пурталес прибывает к русскому министру иностранных дел. «Не давая Сазонову времени сделать какое-нибудь замечание, он говорит дрожащим торопливым голосом: — Согласитесь на демобилизацию! Согласитесь на демобилизацию! Согласитесь демобилизоваться!» — пишет Морис Палеолог со слов самого русского министра.

Затем немецкий посол спросил, намерено ли русское правительство дать благоприятный ответ на вчерашнюю ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отрицательно. Спросив еще два раза, не отменяет ли Россия мобилизацию, Пурталес вручает ноту с объявлением войны. В ней германское правительство ответственность за развязывание войны возлагало на Россию. Причем он так волновался, что вручил сразу два варианта ноты.

Это была формальная часть. Великий князь Константин Константинович со слов Николая II описал в своем дневнике неформальную. Поздно вечером, 1-го августа царь, получив немецкую ноту с объявлением войны, отбил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый он в два часа ночи зашел к императрице, попил чаю. Потом принял ванну и уже пошел в опочивальню, когда его нагнал камердинер. В его руке была... телеграмма от Вильгельма II. **Уже объявив войну, глава Германии зывал к миролюбию, прося о прекращении**

военных действий! Бездна раскрылась, и кайзер увидел ее дно! И совершил последнюю, отчаянную попытку спасти их обоих! Николай ничего ему не ответил.

Действуя в соответствии с собственным мобилизационным планом, немцы сталкиваются с похожей проблемой, что и русский Генштаб: их мобилизация возможна только совместно против России и Франции. Для успокоения англичан, желающих втравить Германию в войну только против России, кайзер Вильгельм отправляет телеграмму британскому королю Георгу. Ее цель подтвердить намерения немцев следовать «советам» сэра Грея:

«По техническим причинам моя мобилизация, объявленная уже сегодня днем, должна продолжаться на два фронта — Восточный и Западный, согласно плану. Это невозможно отменить, поэтому я сожалею, что твоя телеграмма пришла поздно. Но если Франция предлагает мне нейтралитет, который должен быть гарантирован флотом и армией Великобритании, **я, конечно, воздержусь от нападения на Францию и употреблю мои войска в другом месте**. Я надеюсь, что Франция не будет нервничать. Войска на моей границе будут удержаны по телеграфу и телефону от вступления во Францию».

Только, что Германия объявила войну России. Сэр Грей мог спокойно идти отдыхать. Он славно поработал в последние дни и, наверное, невероятно устал. Вместо этого глава британской дипломатии еще раз встречается в события, для того, чтобы подстраховаться и гарантированно направить их в нужное русло: немцы должны воевать только с Россией!

Из Лондона в Берлин с небольшим перерывом приходят две депеши. Первая сообщила о британских гарантиях Бельгии. Затем поступила телеграмма от германского посла Лихновского. Посол сообщал, что министр иностранных дел Великобритании сэр Эдуард Грей обещает удержать Францию от вступления в войну в случае ненападения на нее самой Германией. Эта депеша из Лондона вызвала радостное оживление в Берлине! Казалось, ужасной войны на два фронта можно было избежать, а возможно и самой войны тоже, ведь в одиночку Россия стала бы куда сговорчивее.

Но действительность быстро испортило настроение кайзера. Дальнейшие действия военного руководства немцев прекрасно проиллюстрировали, зачем сэр Грей так настойчиво просил Германию воевать только с одной Россией. Все очень просто. Коротко и ясно суть вопроса сформулировал один из руководителей германской армии генерал Эрх Людendorф: «Наступление на Россию и оборона на Западе при существующей обстановке заранее означали бы, как это показали многочисленные военные игры, затяжную войну и были ввиду этого забракованы генералом графом фон Шлиффеном».

Поспешное объявление войны России вызвало огромное удивление в руководстве германских вооруженных сил. По всем тщательно разработанным планам воевать надо было сначала с Францией! Не понимает действий своего руководства и командующий немецким флотом гросс-адмирал Тирпиц: **«Таким образом, разгадка того, почему мы первые объявили войну, остается для меня неизвестной.** По всей вероятности, мы сделали это из формально-юридической добросовестности. Русские начали войну без объявления ее, мы же считали невозможным обороняться, не объявив войну».

Наступать на Россию на первом этапе войны немцы не могли, не хотели и не готовились. Чтобы это понять, надо просто ознакомиться с германским планом военных действий. Он носил название «Плана Шлиффена», по имени начальника немецкого Генштаба, который и «забраковал» идею наступления на русских. Сделал он это не от большой любви к нашей стране, а исходя из железной прусской логики, хладнокровно планируя возможную войну в условиях франко-русского союза. Наличие такого плана не говорит о чрезмерной агрессивности «германского империализма», военные планы есть у каждой страны и сейчас. Были они в 1914 году у всех вовлеченных в конфликт, именно в соответствии с ними и проводилась мобилизация.

План графа Альфреда фон Шлиффена, начальника германского генерального штаба гласил:

1. Война с Францией неизбежна.
2. В сложившихся политических условиях это может быть только война на два фронта.
3. Единственная возможность победить — это разгромить противников по частям.
4. Быстрая победа над русской армией невозможна по причинам условий России и ее

местности.

5. Следовательно, удар надо наносить на Западе, а на Востоке обороняться.

6. Французская армия должна быть разгромлена до полного развертывания русской армии. Это может быть осуществлено в рамках операции на окружение.

7. Французская линия крепостей не может быть быстро прорвана, следовательно, должна быть обойдена.

8. Такой обход возможен только по территории нейтральных Бельгии и Швейцарии. По условиям местности второй вариант неприемлем.

Вот так стройная немецкая военная логика приводила к необходимости наносить удар по Франции. И не просто, а именно нарушив нейтралитет Бельгии! Это правильно, ведь настоящим противником Германии является Франция, поэтому германский Генштаб планирует именно ее разгром в первую очередь. Россия немцев интересует во вторую очередь, если война с ней начнется на Восточном фронте лучше уйти в оборону. Вот и получается, что если пустить дело на самотек, то немецкая армия начнет громить сначала французов, а не русских! Просто потому, что именно к этому она готовилась более двадцати лет, и не может за один день все поменять.

Разведка существовала во все времена, поэтому выводы, которые сделал фон Шлиффен, секретом не являлись. То, что, немцам придется нарушить нейтралитет Бельгии, было абсолютно ясно. Именно поэтому и приходит из Лондона еще до начала боевых действий гарантии нейтралитета Бельгии. Это еще одно напоминание, о том, **как правильно** должна поступать Германия. Путь к разгрому Франции лежит через Бельгию, но тогда в войну вступит Англия. Если Берлин хочет британского нейтралитета, надо наносить удар на Востоке, вопреки германским планам, вопреки здравому смыслу, вопреки всему! **Только загнав Германию в угол можно добиться, чтобы она реально начала воевать с Россией.**

Этого и пытается добиться сэр Грей. Ведь никто не может ему гарантировать, что русская армия, толком не подготовившись, сама начнет наступать на немцев. Надеяться на такой подарок со стороны Николая II нельзя (хотя в реальности так и будет). В Лондоне сидят не дураки, они прекрасно понимают, что самое умное, что может сделать царское правительство — это готовясь к войне, не воевать фактически, а тихо стоять на своей границе и наблюдать за схваткой немцев и французов. Формально готовиться к борьбе, реально ее не вести. Тогда ослабевать будут французы, которые при выжидательной позиции русских будут разгромлены. Война пойдет совсем не тем путем, что нужно ее организаторам! Далее Германия может с Россией, и примириться, так как повода для дальнейшей войны с Петербургом у нее нет. Тогда не будет мирового катаклизма, не будет морей крови, не будет РЕВОЛЮЦИИ в Берлине и Петербурге! Этого допустить нельзя: Германия и Россия должны взаимно уничтожить друг друга. Именно поэтому и толкают англичане немцев объявить войну только России.

Среди высшего руководства германских вооруженных сил царит полное недоумение. Кайзер не объясняет своим военным, какую грязную игру ведут англичане, как они буквально за уши тащат Германию на Восток. Поэтому поведение правительства вызывает у рационально мыслящих немецких генералов и адмиралов шок. Они прекрасно знают, что никакой особой надобности в столь поспешном объявлении войны России немецкий план войны не вызывал. Он требовал лишь скорейшего открытия военных действий против Франции. Всякая отсрочка боев на востоке могла принести немцам только выгоду. Зачем нужно объявлять войну и брать на себя позор стороны, совершающей нападение, если Германия не планирует вторжения в Россию? Зачем надо объявлять войну государству, от которого вы собираетесь только защищаться?

Самое забавное, что почти все историки пишущие о Первой мировой войне задают тот же самый вопрос. Задают, все, как один. И никогда на него не отвечают! Потому, что ответ на него они ищут в Берлине, а он находится в коридорах британского министерства иностранных дел!

А, тем временем, вслед за военным недоумевать начинают немецкие дипломаты. Объявление войны Берлином сразу приводит к тому, что в этот сложный момент Италия решает за благо для себя, своих союзников Германию и Австрию не поддержать и остаться нейтральной. В дальнейшем итальянцы и вовсе выступают на стороне Антанты. Дело в том, что по условиям соглашений с немцами и австрийцами, Италия была обязана выступить на стороне

своих союзников **лишь в случае оборонительной войны**. Поскольку войну объявили германцы, любители пиццы и макарон имели законный повод им не помогать. Вот и недоумевают германские дипломаты — зачем так спешить объявить войну России, теряя при этом итальянского союзника? Пусть бы сами русские запятнали себя — тогда Италия была бы обязана объявить им войну!

Не зная причин загадочного поведения собственного правительства, германские военные накануне надвигающегося конфликта действуют по своим давно разработанным планам. Когда Вильгельм, желая избежать конфликта с англичанами и надеясь на французский нейтралитет, распорядился всеми войсками двинуться на Восток, его начальник генерального штаба Мольтке резко воспротивился и отказался выполнять этот приказ на том основании, что он противоречит **всем** планам, а изменить их в короткий срок не представляется возможным. У немцев даже не было готового плана железнодорожных перевозок и сосредоточения войск на русско-германской границе, не говоря о планах боевых действий.

Ситуация становилась патовой. В военной истории всегда было так: сначала мобилизация, потом объявление войны, затем уже боевые действия. У немцев в 1914 году все наоборот: сначала разрыв дипломатический, потом 1-го августа они начинают мобилизацию. Боевых действий нет совсем. Наоборот, после мобилизации германцы занимают оборону! Нонсенс! Зачем тогда войну объявляли, обороняться-то можно и без ее объявления!?

Это вообще невиданный случай: до того дня объявление войны всегда было прерогативой нападающей стороны. Именно агрессор ее объявлял, чтобы «с чистой совестью» обрушиться на свою жертву. В 1914 у немцев все неправильно: Германии по планам надо разбить Францию, а она объявила войну России. Поэтому надо направить войска на Восток, но можно их направить только на Запад! Поведение немцев выглядит полным идиотизмом. С одной оговоркой — если на время забыть о «намеках» сэра Грея. И наоборот, помня о них, приходится согласиться с тем, что по-другому немцы поступить не могли.

Однако пока кайзер ругался со своими генералами, старый довоенный план немецкой мобилизации выполнялся, и армия продолжала концентрироваться на западных, а не на восточных границах. Начальник генерального штаба Мольтке пытался объяснить своему монарху очевидную истину. **В случае переброски немецкой армии на Восток, Германия останется абсолютно беззащитной, если Франция все же решит напасть!**

Аргумент весомый, после стольких выкрутасов англичан и странного поведения русских, на слово верить нельзя никому. Тут Мольтке выкладывает и свой последний козырь. В соответствии с «Планом Шлиффена», 16-я германская дивизия **уже** выдвигается в сторону Люксембурга и вот-вот прейдет границу. Кайзер и его канцлер в панике требуют остановить войска, ведь за нарушение нейтралитета Люксембурга британцы могут вступить войну. Дивизию успевают остановить буквально в километре от границы. Но тут из Лондона приходит очередная телеграмма. На этот раз от английского короля Георга. Это ответ на послание кайзера. Британский монарх заявляет, что он знать ничего не знает ни о каких английских гарантиях французского нейтралитета!

Отчаяние охватило Вильгельма II. Вынужденный послушаться сэра Грея и объявить войну России, он, разумеется, надеялся, что конфликт этим ограничится, а теперь Лондон снова лавирует и не хочет брать на себя обязательств, что Франция не ударит в спину германской армии. Во Франции полным ходом идет мобилизация, в полную готовность приведены морские и сухопутные силы. У кайзера остается только один выход — обратиться к самим французам.

Запрос сохраняют ли в Париже нейтралитет, немцы направили еще 31(18) июля. Совсем недавно, в апреле, на выборах в парламент во Франции **случайно** победили пацифисты. Новый премьер Вивиани тоже сторонник мира, он желает избежать войны. Не беда, что тем самым он предаст своих русских «союзников». Наплевать, что Пуанкаре-«война» обещал в Петербурге совсем другое. Во Франции демократия, а потому мнение премьера совсем необязательно совпадает с точкой зрения президента. Это очень удобно, когда левая рука не отвечает за правую! Одним словом, играют уважаемые французские лидеры в доброго и злого следователя. Но одними разговорами не ограничиваются: 31 июля, т.е. еще до объявления немцами войны России, по приказу военного министра французские войска отводятся на десять километров от границы «в доказательство миролюбия Франции, и во избежание случайных инцидентов и

провокаций». Это продолжение «намеков» сэра Грея. Немцам намекают: не бойтесь, и смело объявляйте войну с русским!

На следующий день, уже **после объявления немцами войны России**, позиция Франции становится более неопределенной. На германский запрос ответ дается весьма уклончивый: «Франция поступит так, как требуют ее интересы». Премьер Вивиани вынужденный объявить мобилизацию 1 августа (19.07), прибавил, что «она еще не означает войны». По русско-французскому договору Франция была обязана объявить войну Германии, а вместо этого она делает такие «миролюбивые» заявления! **Это — нарушение «союзного» договора, предательство в первый же день войны, в ожидании того, что немцы вопреки своим собственным планам и здравому смыслу, начнут воевать с одной Россией!**

Вместо того, чтобы прямо объявить войну Берлину, как того требует союзнический долг, французы ломают настоящую комедию. Мотивация наших соратников по Антанте похожа на детский лепет. Русский посол в Париже Извольский, доносил 1 августа (19.07): «По политическим соображениям... для Франции весьма важно, чтобы ее мобилизация не предшествовала германской, а явилась ответом на таковую», что «было бы лучше, если объявление войны последует со стороны не Франции, а Германии». Французский маршал Жоффр уже 2 августа (20.07.) писал своим командирам, что «по национальным соображениям морального порядка и по настоятельным соображениям дипломатического характера необходимо возложить на немцев полную ответственность за открытие враждебных действий». На самом деле все куда как проще — наши верные «союзники» не оставляют надежды натравить Германию исключительно на Россию. Отсюда и вся эта дипломатическая шелуха.

Вот после таких ответов из Парижа и слал кайзер Николаю II телеграммы в два часа ночи, пытаясь в последний раз спасти и себя, и его! Теперь весь подлый замысел «союзников», становился ясен главе Германии. Сэр Грей обманул его дважды: первый, когда говорил, что Англия вообще не будет участвовать в войне и второй — когда заставлял Германию объявить войну одной России. Теперь после начала русско-германского конфликта, немцы не имели никаких гарантий нейтралитета Парижа, ни от англичан, ни от самих французов. Париж мог в любой момент благородно заявить, что начинает боевые действия, как верный «союзник» России. И ударить Германии в спину! Берлин же должен был этого терпеливо ждать.

Может быть, так бы и получилось, и вошли бы в историю французы предателями, если бы лицо Парижа не спасли немцы. В условиях, когда французское правительство отвечало Берлину туманно и невнятно, ждать удара в спину было бессмысленно. Французы не обещают ничего конкретного и совершенно непонятно воздержатся ли они от вступления в войну. Британцы готовы не воевать, при условии ненападения немцев на Францию. Но и для нарушения всех своих планов развертывания, германское командование и сам Вильгельм должны получить **официальные** французские гарантии нейтралитета. Поэтому

2-го августа (20.07.) германское правительство предъявило ультиматум Бельгии с требованием пропустить германские войска через свою территорию к французской границе, как того требовал «План Шлиффена». 3 августа (21.07.) Бельгия отвергла требование Германии и обратилась за помощью к Англии. В тот же день, понимая, что тянуть больше нечего, Германия объявила войну Франции, представ перед всем миром, как отпетый агрессор. Затем уже Англия предъявила ультиматум Германии с требованием не нарушать суверенитет Бельгии. Как мы уже понимаем, выполнить его немцы никак не могли. 4-го августа (22.07) Великобритания вступила в войну в «белых» одеждах защитника бельгийской свободы ...

Закулисная деятельность сэра Грея принесла долгожданные плоды. Буквально за считанные дни германо-русский и австро-сербский конфликты обрели необходимую мировую форму. Начиналась самая жестокая война в истории человечества. Тщательно подготовленная и виртуозно организованная британским правительством. Признаки этой подготовки тщательно маскируются до сих пор. Но если внимательно читать посвященную Первой мировой войне литературу, то в огромных отвалах лжи обязательно проблеснет золотник правды. Английский Королевский флот встретил начало мировой бойни в полной боевой готовности, уже полностью отмобилизованный, читаем мы в книгах о морских битвах той эпохи. И приказ о начале мобилизации британских моряков был отдан 10 июля (27.06.) 1914 года намного опередив подобные действия всех остальных участников конфликта. **Случайное совпадение** - говорят

нам историки. А Уинстон Черчилль, бывший в момент начала войны английским морским министром, позднее заявлял совсем другое: «Ни разу в течение трёх последних лет мы не были так хорошо подготовлены». Он прав — отличная, блестящая подготовка к войне случайной не бывает. Это плод многолетних планомерных усилий. Это результат титанической работы военного руководства, политической верхушки страны, ее дипломатов и разведчиков. Поэтому, проведя учения, для которых флот якобы и мобилизовывался, англичане никого по домам и не распустили. И через две недели полностью укомплектованный «миролюбивый» британский флот вступил в войну защищать бельгийцев от «агрессивной» Германии, которая свою мобилизацию еще только начинала...

Организаторы Первой мировой войны, были в ней нашими «союзниками» и их главной целью была не скорейшая победа над общим врагом, а максимальное ослабление России с тем, чтобы в ней началась новая революция. Только так, можно правильно понять и оценить «странное» поведение англичан и французов во время ведения боевых действий. Наши «братья по оружию» вступали в мировой конфликт, имея четкий сценарий своих действий. Их план разрушения России мы будем называть **Революция — Разложение — Распад**.

Глава 5. Братство по оружию.

В течение всех этих четырех лет главные силы немецкого великана заняты были на востоке и на юге. На западе он зачастую держал только второстепенные силы.

А. Гитлер «Моя борьба»

Боевые припасы являются главным источником боевой силы артиллерии.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 год

Снаряд с яростью врезался в землю. Комья сухой подгоревшей земли на мгновение закрыли собой небо и тут же рухнули на землю, покрыв все вокруг слоем песка и грязи. Копыта разогнавшихся лошадей скользили уже по воздуху, а из горла кавалеристов неслась даже не крик, а уже какой-то вой: «Ура — ааа!»

В голове стучала только одна мысль:

— Только доскакать, только доскакать, только доскакать!

3-й эскадрон гвардейского Конного полка в развернутом строю, размахивая шашками, несся на германскую батарею, вопреки всем правилам воинского искусства. Потому, что другого выхода уже не было. В прусской деревеньке Каушен, засела немецкая пехота, поддержанная этой батареей, и успешно держалась, несмотря на несколько атак русской гвардии. Поле перед деревней уже было завалено трупами конногвардейцев и кавалергардов. Это был цвет русской кавалерии, по жестокой иронии судьбы, погибавшей в бесплодных попытках штурма в пешем строю. Вот тогда командир дивизии генерал Казнаков бросил в бой свой последний резерв — эскадрон под командованием ротмистра барона Петра Врангеля.

Это был тот самый шанс, который представлялся один раз в жизни. Врангель понял это отчетливо, а потому страха не испытывал. Либо он сейчас возьмет эту проклятую батарею и отсюда начнется его восхождение, либо останется лежать на поле перед забытой богом деревенькой Каушен. И потому вопреки логике, вопреки смерти, вопреки всему повел своих кавалеристов вперед в конном строю.

В голове его стучала только одна мысль:

— Только доскакать, только доскакать, только доскакать!

Мозг лихорадочно на полном скаку искал решение. Атака в лоб была гибелью. Красивой картинной смертью, поэтому этот вариант Врангель отбросил сразу. Еще не получив приказ, он словно знал, что ему предстоит и потому заранее вглядывался в местность, рассчитывая тот единственно верный путь к батарее, продолжавшей

обстреливать дивизию. Туда на своем вороном коне во главе эскадрона барон и повел своих людей.

Перелесок, пригорок, еще пригорок. Батарея стояла прикрытая мельницей. Именно она укрывала немцев от огня русской артиллерии, именно она и прикрыла конников Врангеля от германских артиллеристов. Эскадрон вылетел напротив батареи совсем рядом, шагах в двухсот. Вот здесь и заревели конногвардейцы, и, размахивая шашками, на полном скаку бросились вперед. Уже не скрываясь, в лоб.

Залп. Разрыв — и всадник справа от барона вместе с конем подброшенный в воздух, рухнул прямо в распоротую снарядом землю.

— Господи — мелькнуло в голове барона — Умоляю только не сейчас! Не сейчас!

Немцы срочно опускали прицел. Стоящие рядом с орудиями несколько пехотинцев, присели и отчаянно палили в приближающуюся воющую смерть из винтовок. Еще двое, разворачивая пулемет падали в дорожную пыль.

Залп. Последний. Разрыв — и черный конь барона страшно захрипев, в невероятном прыжке рухнул прямо перед германскими пулеметчиками на колени, а сам Врангель буквально перелетел через их голову. Удар о землю был очень сильный, но боли он не почувствовал. Огляделся и обомлел — шашку сжимал так крепко, что она и после падения осталась в его руке. Взмах и первый германский пулеметчик кулем рухнул на землю, еще удар — и второй, закрывавший лицо руками, упал на свой пулемет.

Рядом со своим командиром остатки эскадрона дрались на немецких позициях врукопашную. Каушен был взят, ротмистр Врангель начал свою головокружительную карьеру. Через пять с половиной лет генерал Врангель станет главнокомандующим Русской армией ...

Начало мирового конфликта было необычно. До сих пор, тот, кто войну объявлял, тот и начинал наступательные действия. В 1914-м году Германия объявив войну России, **сразу перешла к обороне**. Действия Берлина и вправду достойны изумления, но еще удивительнее выглядят действия австрийцев. Начав войну против Сербии, они словно не замечают начавшегося из-за них русско-немецкого конфликта. Не слышат в Вене и объявления войны немцами Франции. Не реагируют австрияки и на вступление в войну Британии. Они объявляют войну России 6-го августа (25.07.), через 6 (!) дней после Германии.

Получилась интересная ситуация. Россия мобилизовывалась в условиях существования угрозы **возможного** австрийского нападения. Во всяком случае, такая версия звучит во всех официальных русских документах того времени. Но войну из-за нашей мобилизации нам сначала объявляет Берлин и только почти через неделю — Вена. Как и немцы, австрийцы наступательных действий на русском фронте также не ведут. Карл Маннергейм, чья часть находилась против австрийцев, пишет о тех первых днях войны: «Мы с нетерпением ожидали возможности атаковать австрийцев, но проходили дни, а Россия и Австро-Венгрия **все не начинали войну**».

Об этой странной задержке в боевых действиях и удивительно миролюбивых агрессорах, историки нам рассказывать не любят. Немцы сначала объявляют войну, а только потом выясняют, что их военные планы написаны для совсем другого конфликта. Венскому кабинету ясно, что схватки с Россией не избежать, но войну он объявлять не спешит. Русское правительство тоже хранит молчание — нет смысла этого делать, не закончив развертывания войск. Разумно, но совсем не вписывается в общепризнанную схему Первой мировой войны, которую нам навязывают победившие в ней англосаксы и французы.

В калейдоскопе событий последовавших за убийством Франца-Фердинанда легко запутаться. В одних источниках приводятся даты по новому, в других — по старому стилю. Сделано это с одной лишь целью: запутать хронологию и не дать досконально разобраться в вопросе, кто же виноват в разжигании страшной войны. Ведь в голове мало-мальски изучавших историю твердо отложилась дата начала Первой мировой войны: 1 августа 1914 года. Поэтому, если такой человек прочитает, что, к примеру, казачий генерал Краснов принял свой первый бой в той войне уже 4 августа, то он и не подозревает, что его вводят в заблуждение. Вроде все в порядке: бои идут сразу за формальным объявлением войны. **На самом деле боевые**

действия на русско-австрийском фронте начинаются лишь 12 августа (30.07.) , а на русско-германском фронте еще позднее — 13 августа (31.07) 1914 года. Факт этот отрицать сложно, но можно его скрыть, манипулируя датами и намеренно путая старый и новый стиль. Ведь от начала конфликта прошло не 3 дня, а целых 16! Вроде и нет прямого обмана, но суть происшедших событий искажается очень сильно. А исказить их надо обязательно, иначе сложно понять, почему наступление начала не «напавшая» Германия, а «защищавшаяся» Россия!

Пытаясь остановить мощный напор русской армии, пытавшейся прорваться в глубину немецкой территории, германская армия испытала серьезные трудности. Приходилось импровизировать на ходу, словно карточный шулер, вытаскивая неизвестно откуда новые воинские подразделения. **Германия к войне не готовилась.** Не будем считать немецких военных пацифистами и уточним: **Германия не готовилась к нападению на Россию! У немецких генералов действительно не было отдельного плана сокрушения России. Германский генштаб имел планы на случай войны с Францией, которую поддержит Россия, но не против России !**

Это прекрасно знали военное и политическое руководство России. Поэтому своим объявлением войны германский кайзер в Петербурге всех невероятно удивил. В недоумении были и его собственные, и русские военные. В тяжелом положении оказались и будущие историки, занимающиеся историей возникновения конфликта. Полное изумление охватило и русского императора. В своей телеграмме английскому королю Георгу V, на следующий день после немецкого демарша, Николай II дал волю чувствам, оправдывая свою мобилизацию: «Что я имел основание так поступить, доказывается внезапным объявлением войны Германией, **совершенно для меня неожиданным** , так как я дал императору Вильгельму самые категорические заверения, что мои войска не двинутся до тех пор, пока продолжаются переговоры о посредничестве».

Мировая война начинается. *На Западе, закончив развертывание армии, германцы наносят через территорию Бельгии сокрушительный удар по Франции. На русском фронте — тишина. Пока русская армия сама не начнет наступление! Тогда Германия вынуждена открыть боевые действия и на Восточном фронте.* Германский адмирал Тирпиц указывает: «**Обстоятельства заставили нас наносить удары на фронте, который не соответствует нашим политическим интересам** ».

Давайте на минутку передохнем, выйдем из кровавого кошмара охватившего Европу и зададимся очень простым вопросом: а действительно, **почему** русская армия стала атаковать немцев? Зачем вслед за этим начала она наступление на Австро-Венгрию?

Ответ лежит в причинах и целях этой схватки, спровоцированной англичанами. **Русская армия наступала потому, что ее об этом просили «союзники» по Антанте.** Даже не просили, а умоляли! И с точки зрения *Николая II* они имели на это право. Для него внезапное объявление войны стало показателем вероломства и агрессивности Германии, а вступление (вопреки желанию) в войну Франции и Англии — проявлением их верности и преданности союзу с Россией. После этого русский монарх чувствует себя бесконечно обязанным Парижу и Лондону! То есть он, благодаря ловкости сэра Грея и других манипуляторов, воспринимал ситуацию с точностью до наоборот! Результатом этого поистине трагического заблуждения стала готовность *Николая II* помочь французам сдержать немецкий удар. Помочь в ущерб себе, оплачивая, не имевшийся в реальности моральный долг Парижу и Лондону, кровью тысяч русских солдат. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал *Н.Н. Янушкевич* написал 10 августа (28.07.) 1914 года командующему армиями, сосредоточенными против Германии *Я.Г. Жилинскому*: «Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция, как союзница наша считала своим долгом немедленно поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев».

У англичан и французов в самом начале войны было две реальные проблемы, имевших одно и то же решение. Первая — это возможность германо-русского замирения. Такое развитие событий надо было раз и навсегда перечеркнуть. В вариант «войны без войны», путал все карты

англичан и сводил на нет всю их хитроумную комбинацию. Нужна была кровь германских и русских солдат, море крови и тогда замирение между противниками будет уже невозможно. Немцы и австрийцы наступать не собираются, значит, наступать должны русские армии. *Вторую проблему для французов создали германские солдаты, неожиданно быстро разгромившие Бельгию и устремившиеся к Парижу. Таким образом, решением обеих задач англичан и французов, становилось скорейшее начало крупномасштабных боевых действий на русско-германском фронте.*

Наше наступление:

- окончательно отрезало пути мирного решения конфликта;
- переносило тяжесть войны с Западного на Восточный фронт;
- начинало подтачивать государственный организм Российской империи потому, что русская армия была к этому наступлению не готова.

Именно поэтому, с самого первого дня войны «союзные» правительства стали добиваться перехода русской армии в наступлении. Французский военный министр Мессими буквально этого требовал, а посол в России Морис Палеолог «умолял» Николая II «повелеть наступление», так как иначе Франция будет «неминуемо раздавлена». Генерал Брусилов, несомненный герой той войны, автор знаменитого Брусиловского прорыва вспоминает «С начала войны, чтобы спасти Францию, (главнокомандующий)... решил нарушить **выработанный раньше план войны и быстро перейти в наступление, не ожидая окончания сосредоточения и развертывания армий**».

*Особую ценность нашему наступлению придавало в глазах «союзников» даже не окончательность разрыва между Петербургом и Берлином, а именно **неподготовленность** нашего броска вперед. Ведь главная задача этой войны — обескровливание и ослабление России, чтобы революционные бациллы смогли поразить ее государственный механизм наверняка.* Глава государственной думы М.В. Родзянко пишет в своих воспоминаниях: «В весеннюю сессию 1914 года в Государственной Думе прошел законопроект о большой военной программе, которая, выполненная в два года, **то есть к 1917 году**, делала нашу армию и численно, и по снаряжению значительно сильнее германской». Но наступать надо в 1914 году, когда вся эта чудесная программа перевооружения только составлена на бумаге! Наступать ранее сроков обозначенных в русских военных планах, идти вперед вооруженными «большой военной программой», а не новейшими артиллерийскими системами. Ничем, кроме катастрофы это закончиться не могло. Это план разрушения России **Революция — Разложение — Распад**, разработанный западными разведками, и предусматривал.

Тогда мало кто представлял себе, что подходила к концу и сама Россия — империя, казавшаяся сильной и могучей. Вариант избежать дальнейшей катастрофы у России был — надо было просто не воевать, а военные действия имитировать. Воевать в полсилы, отсиживаясь в обороне. Так и будут себя вести наши «союзники» по Антанте, но русский царь так поступить не мог — мешало рыцарское воспитание наших монархов. *Ослепленный и дезориентированный Николай II соглашается помочь «гибнущей» Франции.*

До Парижа оставалось менее пятидесяти километров. Накал боев был такой, что французское командование хваталось за любую возможность остановить противника. В начале сентября 1914-го года около 600 парижских такси, сделав несколько рейсов, переправили к линии фронта около **6 тыс.** французских солдат. И даже это незначительное подкрепление сыграло свою роль: на реке Марна немцы неожиданно встали и покатались назад. Историки назовут это «чудом на Марне». На самом деле никакие не чудеса, а убитые и пленные русские спасли Париж, заплатив за это десятки тысяч жизней. В момент острых боев под Парижем на территорию Восточной Пруссии вторглись две русские армии генералов Самсонова и Ранненкампа. Потерпевшие поражение под Гумбиненом германцы начали отступать, вынудив верховное командование немецкой армии снять с парижского направления около **100 тыс.** солдат и перебросить их против русских. Результатом неподготовленного наступления, нашей помощи «гибнущим союзникам», стало окружение и гибель целой русской армии. Генерал Самсонов, не вынеся позора, застрелился.

Стремление оттянуть на Восточный фронт, как можно больше немецких, и австрийских войск красной нитью прослеживается во всех операциях русской армии в 1914 году.

Одновременно с ударом по немецким войскам, другая часть русской армии начала наступление против австрийцев в Галиции, на этот раз, чтобы помочь сербам. Наши войска идут вперед, окончательно не отмотелизовавшись и толком не подготовившись. Сначала следует серия поражений, но общее превосходство русских воинов в тактике, вооружении, моральном духе делает свое дело. В результате упорных боев австро-венгерские войска терпят серьезное поражение.

Не понимая истоков и целей вспыхнувшей мировой войны, русской руководство не могло и правильно оценить возможные варианты развития событий. В Петербурге убеждены, что война долго не продлится: ведь Германии и Австрии не устоять против совокупной мощи Антанты. И Германия действительно была бы разгромлена быстро при одном условии: если цели у всех членов Антанты одинаковые. Но Россия боролась за общую победу над врагом, а британцы и французы — за будущее устройство мира, в котором Российской империи не было места. Русская армия шла в наступление, под красочные истерики английских и французских представителей, но вот стрелять красивыми словами и торжественными клятвами пушки и ружья не могли. Требовались снаряды и патроны, причем в огромных количествах. Но их не было — программа перевооружения русской армии принята только полгода назад, а до ее выполнения еще очень далеко.

Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, родной брат будущего ленинского управделами был в это время уже начальником штаба Северного фронта. «Не только военное ведомство, кабинет министров Государственный совет и двор, но и „прогрессивная“ Государственная дума **были уверены, что война с немцами закончится в четыре, от силы — в семь-восемь месяцев** — напишет он в своей книге «Вся власть Советам» — **Никто из власть имущих не предполагал, что военные действия затянутся на несколько лет.** Все мобилизационные запасы делались с расчетом на то, что кампания будет закончена, если и не до снега, то, во всяком случае, не позже весны». Генерал Маннергейм, говорит в своих мемуарах то же самое: «Хотя материальное обеспечение российской армии было гораздо лучше, чем десять лет назад, Россия все же не была готова к затяжной войне в Европе. Между тем, считалось — и это было всеобщим заблуждением, — что конфликт между великими державами не сможет длиться долго».

Все считали, что война будет легкой прогулкой, а она закончилась для России катастрофой, первые признаки которой, появились очень быстро. В соответствии с довоенным планированием продолжала работать и военная промышленность. В результате недостаток боеприпасов очень быстро принял угрожающие размеры. Во вспыхнувшем конфликте расход снарядов нарушал все теоретические расходы, он был просто другого порядка: по подсчету Ставки за три недели боев была израсходована полугодовая норма 76-мм зарядов. Уже в конце августа 1914 года генерал Янушкевич писал военному министру Сухомлинову, что «вопрос о патронах для артиллерии — ужасный кошмар», и телеграфировал начальнику Главного артиллерийского управления, что положение в отношении снабжения пушечными патронами «критическое». Чтобы понять всю важность артиллерии в той войне, надо помнить, **что около 70% потерь в ней падали на долю орудийного огня**, 20% ружейного и 10% на все остальные виды поражения, включая газы.

Проблема с военным снабжением столь остра и очевидна, что о ней писали буквально все мемуаристы. «Единственным большим и серьезным затруднением для наших армий является то, что у нас опять не хватает снарядов. Поэтому во время сражений нашим войскам приходится соблюдать осторожность и экономию, а это значит, что вся тяжесть боев падает на пехоту; благодаря этому потери сразу сделались колоссальны». Это сетует не фронтовик-очевидец, это написал в своем дневнике 19 ноября 1914 года сам император Николай II. И далее: «Пополнения прибывают хорошо, но у половины нет винтовок, потому, что войска теряют массу оружия».

Добавить тут нечего — прошло лишь **три месяца** боев, а в русской армии «опять не хватает снарядов». Когда же их не хватило в первый раз? Через неделю борьбы со слабыми германскими силами прикрытия восточной границы? Или в самый первый день боев? Ведь мы знаем, что основная масса немецких войск сосредоточена на Западе! Об этом император не пишет, но не забывает указать, что артиллерия наша должна «соблюдать осторожность и

экономии» и толком противника не обстреливать. Потом вперед идет пехота, несет колоссальные потери от огня немцев, а для нового пополнения даже нет винтовок! Но, если нет снарядов, и ваша артиллерия молчит, то может быть надо обороняться, а не наступать? Разве можно идти вперед, не имея винтовок, с одними шашками в руках? Нужно, если об этом просит французский «союзник». Мы же ему так обязаны...

Сами англичане помочь не могут. Они воюют, как обычно чужими руками. В помощь Франции на континенте была высажена британская экспедиционная армия генерала Френча, состоящая из двух корпусов и одной кавалерийской бригады, общей численностью всего 70 тыс. человек! **Потери русской армии в одной операции больше численности всего британского экспедиционного корпуса!** Это даже хорошо — чем больше русских и немцев будет убито, тем быстрее вспыхнут революции в ослабленных империях. Но почему же так малочисленна британская армия в Европе?

После окончания Первую мировую назвали Великой войной. Буквально через несколько месяцев, вместе с запасами снарядов, растаяли и иллюзии о ее скором завершении. Воюющие державы очень быстро призвали под свои знамена миллионы военнообязанных. Так сделали все страны, кроме ... Великобритании. Ее армия по-прежнему комплектовалась добровольцами. Как долго это продолжалось? Очень. Всеобщая воинская обязанность была введена в Соединенном королевстве **6-го января 1916 года, т.е. через 16 месяцев после начала мирового конфликта.** Все это время английская армия не могла помогать своим союзникам в полной мере. Разумеется, совершенно **случайно**. На просьбу о помощи британцы могли с полным основанием развести руками: не можем ничего сделать, ведь наша армия так мала, так мала!

Поэтому французский главнокомандующий маршал Жоффри и английский военный министр лорд Китченер просят о помощи в Петербурге. Вместо того, чтобы прекратить губительные попытки ворваться в сердце Германии, русская армия, подхлестываемая истерикой французских штабов, опять пытается наступать. Ведь у нас одно дело, одна обед. Наш удар отвлечет новые германские части с Западного фронта. Спасая Францию, император Николай II губит и Россию, и себя. «Наши наиболее боеспособные части, и недостаточный запас снабжения были целиком израсходованы в легкомысленном наступлении 1914—1915 г. г., девизом которого было: „Спасай союзников!“ — напишет позднее Великий князь Александр Михайлович Романов. Гибель наиболее преданных, отборных частей аукнется позже, когда в феврале семнадцатого новые призывники, надевшие серые шинели, станут бикфордовым шнуром революции. Навести порядок, будет некому: в первый же год войны почти целиком погибнет русская гвардия, огромные потери понесет кадровый офицерский корпус. Это еще одна причина, почему так торопили русскую армию наступать „союзники“: в 1905 году именно армия и гвардия подавили в стране смуту. С каждой братской могилой, засыпанной в Восточной Пруссии, верных трону и присяге становилось все меньше.

Русская армия наступает, на этот раз мы рвемся в Моравию и Силезию. Силезия — это уголь и важнейший промышленный район Германии, поэтому немцы вынуждены вновь перебрасывать войска с французского фронта на русский. Тяжелая германская артиллерия безответно перемалывает нашу пехоту. Потери ужасны. Некомплект частей всего за полгода войны уже 50%! Ради чего? Война вступила в позиционную фазу — противники исчерпали последние подготовленные резервы, у немцев нет сил на окончательную победу, речь идет лишь о захваченных лишних километрах французской территории. Вот за эти квадратные километры чужой земли русская армия платила сотней тысяч своих жизней. **Наше наступление не обеспечивалось нужными ресурсами, не вызывалось ходом войны, политическими и стратегическими соображениями.** Причина одна — просьба англичан и французов, которым мы не можем отказать.

Россия, по расчетам «союзников» не должна была войну выигрывать, она должна была вести ее неудачно. Лондону и Парижу надо не общей победы, а чтобы немцы разбили русских, при этом сильно ослабев. Потом в истерзанной России вспыхивает революция, ведущая к развалу и распаду государства, а доблестные англо-французы, добивают Германию. Так оно потом и получится. Только под таким углом зрения становятся понятными, все дипломатические и военные маневры наших «друзей». Ведь в сложные моменты боевых действий, в критическое время нехватки вооружений, англичане и французы не оказали России

никакой поддержки. «И Англия и Франция не скупилась на посулы. Но обещания оставались обещаниями. Огромные жертвы, которые приносил русский народ, спасая Париж от немецкого нашествия, оказались напрасными — те же французы и англичане с редким цинизмом фактически отказывали нам во всякой помощи» — пишет горькую правду генерал Бонч-Бруевич — На каждое предложение снабдить Россию боеприпасами французские и английские генералы заявляли, что им нечего дать». В то же время, сами англичане, по свидетельству британского премьера Ллойд-Джорджа, «копили снаряды, будто бы это было золото, и с гордостью указывали на огромные запасы снарядов, готовых к отправке на фронт». Более того, когда Россия оплатила изготовление боеприпасов на американских заводах, то уже готовый к отправке груз достался ... англичанам. Они его просто перехватили и использовали для своих нужд, а дальнейшие переговоры и переписка по этому поводу ни к чему не привели.

Корни русской революции, разработанной и рассчитанной в уютных лондонских кабинетах, уходят в братские могилы наших воинов, густо усеявшие поля Восточной Пруссии и Галиции. Именно огромные потери привели в конечном итоге к общей усталости от войны, затем к обвинениям царя и царицы в предательстве. Закончилось все это двумя революциями и катастрофой. Бездумная политика помощи в ущерб собственной стране, привела империю к гибели именно в период правления Николая II. *Десятков и сотен тысяч жизней будет стоить России ее жертвенность, отзывчивость и настоящая верность союзному долгу.* Неужели Николай II не понимал, что желание помочь своим партнерам по Антанте, имеет свои разумные пределы? Ответ на этот вопрос он унес с собой в могилу...

Странности поведения всех стравливаемых монархов начинались после того подстрекательства, что имело место из Лондона и Парижа. В случае с немцами имел место наглый шантаж и обман, что так виртуозно воплотил в жизнь глава министерства иностранных дел Великобритании. Такое же подталкивание произвели англичане и на русской стороне баррикад. Через небольшой промежуток времени наступил черед Турции.

Самое время поговорить о вступлении в войну Стамбула. Здесь загадок не меньше, чем во всей мутной истории того времени. Россия вступает в мировую войну, просто защищаясь. Это очень сильная мотивация, но должна быть у русского правительства и другая более корыстная цель. Иначе, предложи германцы мир, и Россия может на него согласиться. Но по плану **Революция — Разложение — Распад** русские должны бороться до тех пор, пока не разгорится пожар очередной революции и внутренняя мина не разнесет империю на куски. Нужна лакомая приманка, для Петербурга — это турецкие проливы. Однако «союзники» не могут предложить России желанных Дарданелл, без участия Турции в мировом конфликте. Да и самим англичанам можно будет получить часть турецкой территории, только в случае, если Стамбул выступит **против** держав Антанты. Из этого вытекает и дальнейшая логика действий британской дипломатии: они всеми силами пытаются спровоцировать Турцию поддержать Германию. Не надо удивляться кажущейся абсурдности поведения англичан, только нестандартные ходы и смелые решения могут позволить им выполнить сложнейшую задачу — провести мировую войну по своему сценарию. Потом, разбив Турцию в этой войне, британцы славно поделят ее территорию. Вот только России ничего из этого не достанется — для нее у сэра Грея были запланированы Гражданская война, хаос и потери территорий, а никак не их приращения. Конечно, есть в таком поведении и значительный риск, но без него и не сорвать запланированный куш. Поэтому в случае с Турцией, британская дипломатия лезет из кожи вон, стараясь пополнить ряды собственных противников. И это не самый «нестандартный» ход, который совершат англичане в ходе Первой мировой войны и будущей русской революции...

В определенный момент получается, что дипломатические усилия России и Великобритании оказываются направленными в противоположные стороны. Русская дипломатия прилагает усилия, чтобы привлечь турок на свою сторону или убедить их сохранить нейтралитет. Петербургу совсем не нужен еще один противник. Для этого министр иностранных дел Сазонов предлагает гарантировать Турции неприкосновенность и возвратить ей остров Лемнос. Английская дипломатия отвечает на это согласием гарантировать туркам неприкосновенность только на период войны. По поводу островов из Лондона следует категорический отказ. Англия почти в открытую провоцирует турок, явно «уступая» в сговорчивости немцам, готовым на любые условия турецкой державы.

Помимо дипломатических уловок в ход идут и оскорбительные, недружелюбные выпады в адрес Турции. Как главной судостроительной державе мира, Великобритании многие государства заказывали постройку новейших кораблей. За несколько лет до войны Бразилия заказала в Англии свой третий по счету линкор — дредноут, вооруженный четырнадцатью мощнейшими 305-мм орудиями. Однако страна кофе и карнавала немного не рассчитала свои финансовые возможности, и уже готова была отказаться от заказа, когда на сцену выступила Турция. Она не только перекупила строящийся бразильский корабль, но оплатила постройку еще одного корабля такого же класса. К лету 1914 они должны были быть преданы заказчикам. Однако английские фирмы под всеми предложениями стали затягивать сдачу кораблей, а 28(15) июля 1914 года (в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии), Великобритания реквизировала оба турецких дредноута и включила их в состав своего флота под названием «Эйджинкорт» и «Эрин».

В то время, как сэр Грей всеми силами «боролся за мир», военное ведомство Британии заканчивало приготовления к войне. О мировой войне тогда не думал никто, кроме, пожалуй, британского и французского руководства, да польских националистов, упорно тренировавшихся в австрийских военных лагерях. Поэтому для турецкого правительства реквизиция кораблей была оскорблением, публичной пощечиной. Интересная логика: **Австрия объявила войну Сербии**, а поэтому Англия забрала корабли у Турции? Такие действия вызвали в Стамбуле взрыв негодования, ведь часть средств на постройку кораблей была собрана по общественной подписке. Неожиданная брешь в размере двух сильнейших кораблей подрывала оборонную мощь турецкого флота. Виновными в этом были англичане, но ненависть Турции распространялась на всю Антанту, ближайшим географическим членом которой для турок была ... Россия.

Немецкое военное командование решило срочно воспользоваться сложившейся ситуацией и тайно предложило турецкому правительству приобрести два новейших германских боевых корабля, находившихся с 1912 года в Средиземном море. Это были линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Как часто бывает в политике, смелая операция германского командования по привлечению Турции на свою сторону полностью совпадала с интересами англичан. Поэтому «Гебен» и «Бреслау» благополучно доплыли до Стамбула. История эта настолько интересна, что остановимся на ней поподробнее.

Советский морской историк А. Шталь писал: «В истории флотов нет примера, чтобы один корабль сыграл роль, подобную той, какая выпала на долю „Гебена“. С ним полностью соглашался Уинстон Черчилль: „Народам Среднего Востока „Гебен“ принес больше крови, страданий и разрушений, чем любой другой корабль в мировой истории“.

«Гебен» и «Бреслау» находились в море в кульминационный момент начала мировой войны: Англия и Германия должны были стать врагами с минуты на минуту. Уничтожить оба германских корабля лучшему в мире британскому флоту не составляло труда. Английская эскадра шла по пятам, но ... **упустила** немецкие крейсеры. Когда же англичане снова настигли корабли в Стамбуле, ситуация в корне изменилась. Правительство Турции объявило, что оно купило «Гебен» и «Бреслау» у Германии и отныне это не немецкие, а турецкие корабли «Султан Явуз Селим» и «Мидилли». Команды на судах остались немецкие. Они просто поменяли немецкие бескозырки на турецкие фески.

Последствия британской «халатности» были серьезными. 29(16) октября 1914 года немецкий адмирал Сушон, принявший должность главнокомандующего турецкого флота вывел эскадру в море, якобы для учений. И сделал то, что от него страстно желали руководители германского государства и ... английской разведки. «Гебен» открыл огонь по Севастополю, «Бреслау» — по Новороссийску, крейсер «Хамидие» — по Одессе. На следующее утро русский посол в Константинополе затребовал паспорта, и Турция вопреки желанию России оказалась нашим очередным противником и новым союзником Берлина. Следствием этого стало блокирование судоходных черноморских путей, по которым могло осуществляться снабжение России всеми необходимыми грузами. Да и основной поток русского экспорта шел через проливы: накануне первой мировой войны от 60 до 70 % всего нашего хлебного экспорта шло через Босфор и Дарданеллы, а общий вывоз русских товаров именно таким путем составлял около 34% всего товарооборота. Теперь у России были проблемы с продажей своих товаров и

получением необходимых материалов. Нехватки первых лет войны во многом объясняются, той трагической «случайностью», когда два германских корабля «обманули» британский флот. Теперь оружие и амуниция могли попадать к нам только через Владивосток или через Мурманск и Архангельск, что сильно удлиняло его путь на фронт и без того требующий огромное количество боеприпасов. Значит, их дефицит сохранялся, и Россия не могла воевать во всю свою мощь. Англичане и французы с одной стороны подталкивают нас наступать, а с другой стороны всеми способами ограничивают поступление русским военных материалов. Всячески избегают «союзники» и согласования совместных действий всех членов Антанты. К концу первого года войны истощенные германцы наступать больше не могут, и Западный фронт стабилизировался, упершись с одной стороны в нейтральную Швейцарию, а с другой в море. Противники зарывались в землю, непрерывно совершенствуя свою оборону. Борьба затягивалась, конца ей не предвиделось. Странное дело — провоевав уже полгода, «союзники» по Антанте так и не научились согласовывать свои действия. Никак не получалось нажать на рейх с двух сторон одновременно. Британцы боятся такого удара по Германии, ведь немцы могут и не выдержать. А быстрое поражение Германии англичанам совсем не нужно, ведь тогда Россия окажется в числе победителей!

Костлявая рука истощения медленно, но верно начинала подбираться к Европе. Следом за ней на карты России, Германии и Австро-Венгрии начинала бросать свою тень будущая революция. Это очень важный момент. Правильное понимание происходящего пришло к немцам очень быстро: «Англичане надеялись раздавить нашу страну с помощью русского парового катка, причем франко-бельгийско-британская армия должна была сдерживать наше наступление; в случае, если бы появилась опасность слишком большой победы России, они намеревались прекратить войну» — справедливо указывает адмирал фон Тирпиц.

Перед германским руководством встала дилемма выбора дальнейшей стратегии борьбы. Куда направить свои усилия: на Восток или на Запад? Немцам очевидно, что хуже всех вооружена именно наша армия, что отсутствие у нее боеприпасов дает германским войскам большое преимущество. Помимо того, неумная активность русских и их постоянное стремление перейти в наступление, не позволяют оставить их в тылу, повернувшись лицом на Запад. Зато пассивность англичан и французов при ударе по русским просчитывалась легко. В 1914 году они ни разу России не помогли, и германцы справедливо рассчитывали на их «невмешательство» и в этот раз.

На Западном фронте германцы занимают стратегическую оборону. К обороне готовятся и англичане с французами. Можно спокойно вздохнуть, ведь теперь немцы будут громить Россию уже по собственной инициативе, и русских не надо будет подстегивать. Но этого мало! Оборона всегда сильнее наступления. Обороняющуюся русскую армию немцам будет разбить сложно. Поэтому, под давлением представителей Антанты русское командование также решает наступать! И даже не на одном, а на двух стратегических направлениях: на Берлин через Восточную Пруссию и на Вену через Карпаты. Получался интересный казус: германцы стремились разгромить нас, так как мы слабо вооружены и еще безмерно воинственны, а мы, чтобы убедить их в правильности выбора снова рвались вперед.

План «союзников» действовал безукоризненно — Россия и Германия ослабляли друг друга. Германское наступление началось в январе 1915 года и продолжалось почти беспрерывно практически до конца лета. В результате наши войска оставили захваченную Галицию и понесли значительные потери. Однако катастрофы не было: фронт держался и оставление Польши, последовавшее за поражением в Галиции, было планомерной операцией по выравниванию фронта. Германская армия тоже выдохлась: русский фронт поглотил все ее подготовленные резервы.

Когда мы будем истекать кровью, англо-французское командование не предпримет ничего, чтобы облегчить участь нашей армии. Вместо этого оно спокойно займется своим военным строительством. За 1915 год Франция увеличила производство винтовок в полтора раза, патронов — в пятьдесят раз, крупных орудий почти в шесть раз. Англия в свою очередь увеличила производство пулеметов в пять раз, самолетов почти в десять раз. Может, не знали в туманном Альбионе и солнечном Париже о страшном положении русской армии? Прекрасно знали. Французский посол Морис Палеолог воспроизводит в своих мемуарах слова начальника

русского генерального штаба генерала Алексеева: «Наши потери в людях были колоссальны. Если бы мы должны были только пополнять наличный состав, мы бы быстро его заменили, там у нас в запасе есть более 900.000 человек. Но нам не хватает ружей, чтобы вооружить и обучить этих людей...».

Только не подумайте, что доблестные «союзники» не поставляли нам никакого снаряжения. Это не так — поставки были, но небольшие и нерегулярные. Так, например, в 1915 году, «союзники» поставили России лишь 1,2 млн. снарядов — меньше 1/6 ежемесячного производства снарядов Германией. Генерал Свечин писал: «На нашу просьбу к французам о заказе снарядов со своих заводов мы получили отказ. У них не оказалось той жертвенности, которую проявили мы в начале войны, готовыми наступать для помощи союзнику. Лишь в 1916 году французское правительство дало нам разрешение покупать небольшой процент продукции завода в Крезе. Дирекция завода не постеснялась брать с нас непомерно высокие цены».

Не зря старались англичане, чтобы «Гебен» доплыл до Стамбула и спровоцировал вступление Турции в войну. Русские черноморские порты заблокированы, поэтому большое количество вооружений «союзники» поставляли через Мурманск и Архангельск, но из-за трудностей с транспортом многие из этих материалов так там и застряли, **никогда** не дойдя до фронта. Транспортные корабли для перевозки вооружения давались англичанами лишь при условии ответных поставок им хлеба, масла, леса, спирта и важного стратегического сырья, в котором нуждалась сама Россия. Вскоре британское правительство вообще потребовало, чтобы Россия в качестве гарантии оплаты заказов перевела свой золотой запас в Лондон. Десятки тонн русского золота отплыли туда и составили, так называемое «царское золото», которое не было России возвращено и не было покрыто поставками.

Вот вам еще пример: ощущая острую нужду в транспорте, в конце 1915 года русское военное ведомство решило построить пять автомобильных заводов. Планировалось выпускать на них около 7,5 тыс. грузовиков в год. Получив их, русские войска станут мобильными, легче станет перебрасывать резервы с одного участка фронта на другой. Разве это плохо для общей «союзной» победы? Разве не поедут прямо на Берлин и Вену русские пехотинцы на свежесобранных автомобилях? Как еще, кроме нежелания общей победы можно объяснить, что все эти заводы не были пущены в ход и даже не были достроены! Просто потому, что предназначенное для них иностранное оборудование не было прислано «союзниками».

Настоящие партнеры по коалиции так не поступают, потому, что кровно заинтересованы в **общей конечной победе**. Так, к примеру, поступает Германия, везде и всеми силами поддерживающая боеспособность своих австрийских, болгарских и турецких соратников. Но англичане и французы еще до войны вычеркнули Россию из списка победителей и внесли ее в число держав, которые эту бойню пережить не должны. Отсюда и **странная** пассивность британцев и французов в моменты немецких наступлений, вызывающее удивление у всех историков и исследователей Первой мировой войны. В 1915 году сотни тысяч наших солдат погибли из-за нехватки вооружений. А за ним наступит 1916, а потом и роковой 1917 ...

Пока военное счастье России не улыбается, русские дипломаты пытаются обсудить с союзниками вопросы послевоенного устройства мира. Единственным призом для России за участие в этой войне могут стать заветные турецкие проливы, словно пробка закрывающие русскому флоту выход из Черного моря. Англичане это прекрасно понимают. Именно они столетиями не давали русским разгромить Турцию и овладеть Босфором и Дарданеллами. Теперь они используют их в качестве приманки. «Крайняя необходимость подбодрить Россию посреди ее неудач в восточной Пруссии — пишет в „Мировом кризисе“ Черчилль — заставили Эдуарда Грея, английского министра иностранных дел, еще 14 ноября 1914 года проинструктировать нашего посла в Петербурге Бьюкенена уведомить Сазонова о том, что правительство признает, что вопрос о проливах и Константинополе, должен быть улажен в соответствии с желаниями России».

В начале 1915 года царское правительство решает, что пришло время расставить точки над «i». 4-го марта 1915 года министр Сазонов направляет союзным послам «Памятную записку»: «Ход последних событий приводит е.в. императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен и сообразно вековым стремлениям России». Далее перечисляются наши требования: Константинополь, западный

берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, Южная Фракия до линии Энос-Мидия.

Стоило провоевать полгода, потерять около полутора миллиона ранеными, убитыми и пленными, чтобы, наконец, начать выяснять, а за, что собственно мы воюем! Так и хочется сказать Николаю II: ну как же можно вступать в Антанту, не подписывая договора, как же можно заключать союзы, не обговаривая точных условий его заключения! Разве можно воевать, не имея четких гарантий получения военных призов и трофеев! Ведь это просто азы политики! Читая все эти документы, начинаешь четко понимать, почему революция произошла именно в царствование Николая, а не его твердого отца. Но свою вину перед Россией последний русский царь искупил своей кровью и кровью своих невинных детей ...

Для «союзников» вопрос о проливах весьма непростой и болезненный. Дать согласие России на обладание ими и Константинополем, означало пустить ее в зону своих жизненных интересов, куда англичане никого пускать не хотели. Но и отказывать России в этом праве тоже было рискованно — прямой отказ русским мог вызвать активность сторонников мира с Германией, с последующим выходом Петербурга из войны. Тогда прощай революция и все планы, ради которых война и затевалась. Приходится Николая II успокаивать.

Но — очень своеобразно. Вместо наступления на германском фронте, что вынудило бы немцев ослабить натиск на русскую армию, англичане и французы наносят удар ... по Турции, пытаясь захватить те самые проливы, судьбу которых русское правительство начало обсуждать. Официального ответа Николаю II англичане не дают, зато спешно пытаются Дарданеллы оккупировать. Мы, знающие истинные цели наших «соратников» в этой войне, в отличие от царя их не знавшего, удивляться не будем. Все очень логично — «союзники» загодя готовятся к окончанию войны. Для этого, чтобы опередить русские войска, 25(12) апреля 1915 года они высаживают десант в Галлиполи. Цель — захват Дарданелл и Константинополя и недопущение туда России.

Русское правительство не на шутку встревожилось и забеспокоилось. Британская прыть вызывает беспокойство даже у Николая II, который справедливо считает проливы своим естественным (и единственным!) будущим военным трофеем. Ему непонятно, почему, вместо помощи на германском фронте английские войска отправляются в Дарданеллы. Произведенный десант так неожиданен, и место его такое пикантное, что обеспокоенное русское правительство срочно требует «союзников» подтвердить, что проливы будут отданы России. Британское посольство заявляет, «что, только исходя из соображений пользы общего дела правительство е. в. предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды: она сама не намерена там обосноваться».

Однако факты говорят об обратном. Готовилась Дарданельская операция крайне поспешно, что совершенно не характерно для таких сложных военных операций, как высадка десанта в хорошо укрепленном противником районе. Тем более, что оборона Дарданелл находилась в немецких руках, которые уже давно подчинили себе всю турецкую армию. Англо-французским войскам предстояло штурмовать двадцать четыре старых турецких форта, находившиеся под командованием германских офицеров. Начались тяжелые бои, и в июле «союзное» командование высаживает на берег еще две дивизии, потом еще и еще. С потерями не считаются — захватив Константинополь, англичане стали бы хозяевами положения и могли оспаривать русские притязания на проливы с весьма благоприятной позиции. Позже английский адмирал Валис признал, что «во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована». Что делать — когда обстоятельства требуют, приходится нарушать все писанные и неписанные правила.

Вернемся к документам английского посольства. Цитировать их можно бесконечно, общий смысл таков: после войны все решим полюбовно, не беспокойтесь дорогие «россияне!» Теперь и у вас есть смысл участвовать в бойне — вы боретесь за проливы. Наши «союзники» щедры на обещания, зная, что выполнять их не придется. Ведь по их плану к окончанию Первой мировой войны России уже быть не должно! Значит, и отдавать ничего не надо. Попутно заметим, что в начале января 1916 года все войска с дарданельского фронта эвакуируются. Уйма «союзных» дивизий без толку проторчало в Галлиполи весь разгар боев 1915 года на русско-германском фронте. Для общего дела победы над Германией пользы от

этого никакой. Для плана **Революция-Разложение-Распад** польза очень большая...

В сложный для себя момент германского наступления, русское командование тщетно пытается получить от «союзников» хоть какую-то реальную помощь. У стран Антанты, не в пример ее противникам, координация действий продолжает отсутствовать. Именно так объясняют наши англичане и французы свою пассивность и нежелание оттянуть на себя часть немецких сил. Но Россия не получившая никакой поддержки, настаивает на решении вопросов координации действий. Под давлением Петербурга, 7 июля (25.06.) 1915 года в Шантильи, созывается межсоюзническая военная конференция. Почти через год боевых действий страны Антанты впервые(!) попытаются теснее увязать стратегические планы для достижения конечной победы в войне. На первом же заседании французский генерал Жоффр заявил, что «существующая несогласованность действий союзников» может привести к тому, что «австро-германцы будут последовательно наносить главные удары по каждой из союзных армий и выводить ее, одну за другой, из сражения». Вывод напрашивался простой и логичный: та из союзнических армий, на которую придется главный удар врага, должна получить помощь от других членов Антанты. Полковник Игнатъев, фактический глава русской военной разведки, родной брат которого представлял на этой конференции Россию, пишет: «Несмотря на эти красивые заявления, создать центральный координирующий межсоюзнический орган не удалось в основном **по вине Англии** — слишком велики оказались противоречия между ее участниками».

Снова мы наблюдаем интересную картину: британские представители топят на корню любую идею, помогающую Антанте выиграть войну быстрее и легче. Даже если мысль эта проста и очевидна, как желание координации действий, англичане всеми силами ее торпедируют. Война должна длиться долго и быть катастрофой для ее «монархических» участников по обе стороны баррикад. Иначе как можно объяснить тот факт, что **после года (!) боевых действий, страны Антанты еще только согласились наладить обмен данными разведки!** Уже больше года разведслужбы разных стран действуют каждая на свой лад. Только после такого невероятно большого срока «принимается решение: разведывательная информация, которая уже имеется у Англии, Бельгии и Франции, будет сообщена Италии и России». До этого данные своих разведчиков, за редким исключением «союзники» складывали в сейфы и русским партнерам не показывали. Для понимания элементарнейших вещей британцам и французам требуются годы. Разве генералы двух великих стран отличаются особой тупостью и скудоумием? Конечно, нет, просто препятствование быстрой победе над Германией и усилением трудностей, создаваемых для России идет одновременно по всем направлениям. «Страны Антанты обладали колоссальными людскими и материальными ресурсами, значительно превышающими возможности германского блока. Однако из-за неумелой координации военных усилий Антанта никак не могла одержать решительный успех над своими противниками» — пишет по этому поводу глава русской разведки граф Павел Игнатъев.

Прошел очередной год борьбы. В 1916 году германское командование снова стоит перед выбором стратегии. Убедившись, что ни огромные потери, ни отступление русских войск не приводит к решительному разгрому России, оно решает сосредоточить свои усилия на выводе из войны Франции. Главный удар германцы решают теперь нанести на Западном фронте. «Союзники» и Россия тоже собираются наступать. Для выработки и согласования своих планов Антанта проводит вторую конференцию в Шантильи в декабре 1915 года. Новый представитель России генерал Жилинский, снова пытается добиться от партнеров по коалиции абсолютно простых и понятных вещей. Русское командование настаивало, чтобы наступление на Западном и Восточном фронтах велось **одновременно!** Промежутков между началом операций отдельных армий быть не должно. Помимо того, русский генерал добивался решения о незамедлительном наступлении остальных союзников, если кого-либо из них атаковали германцы, даже если подготовка к нему еще не окончательно завершена. Вот такие очевидные истины британским и французским генералам надо было объяснять...

Конференция Жилинского услышала и вполне согласилась, что предлагаемое им поведение не позволит противнику свободно маневрировать резервами. И — все! Были приняты лишь общие положения, конкретные задачи не были разработаны. Сроки будущих

наступлений определялись в меморандуме, составленном французским генеральным штабом. Первоначально все там было запланировано, как требовал генерал Жилинский: одновременное наступление на Западном и Восточном фронте, но потом были внесены «незначительные» коррективы.

По обновленному общесоюзному плану наступление на французском фронте намечалось на 1 июля (19.06.) 1916 года, а на русском — на две недели раньше. Как раз хватит времени, чтобы германцам перебросить свои дивизии по железной дороге на русский фронт. Иными словами, в подготовленном англичанами и французами плане, основная нагрузка войны была снова взвалена на нас, и дальнейшие события ничего не меняли, несмотря ни на какие изменения политической и боевой обстановки.

Историки почему-то обходят стороной одну интересную закономерность: **какая бы страна, ни вступала в войну, неважно даже на чьей стороне, хуже от этого становилось только России!** В 1915 году предав своих прежних союзников по Тройственному блоку, на стороне Антанты в войну вступила Италия. На стороне Германии и Австрии, также предав русских освободителей, выступила Болгария. Войну она начала, нанеся удар по Сербии, что привело к полному разгрому сербской армии, и Россия для облегчения ее положения снова пыталась оттянуть силы противника на себя. Обескровленные русские войска принялись выручать сербов. Наступление Юго-Западного фронта в декабре — январе 1915-1916 годов было снова плохо подготовлено и потому полегло еще 50 тыс. русских мужиков.

Дальше — больше. Теперь уже итальянцы безуспешно штурмуют австрийские позиции на реке Изонцо. Следует одно наступление, за ним второе, третье и т.д. Итальянцы готовятся уже к пятому наступлению, когда австрийцы решают атаковать сами. Их удар в Трентино, начатый 15(02) мая 1916 года успешно развивается. Итальянские войска потеряли все завоеванное ранее и едва держатся за последние отроги гор. В русскую ставку снова сыпятся телеграммы с мольбой от помощи: от итальянского главнокомандующего Кадорна, итальянского короля, а также французского маршала Жоффра. Россия, как всегда, не отказала. Наступление русского Юго-Западного фронта, началось по просьбе «союзников» на 11 дней ранее намеченного срока. Это был знаменитый Брусилловский прорыв. Австро-Венгрия была буквально сметена, потеряв до полутора миллиона солдат. Одних пленных было взято до 500 тыс. человек! С этого момента войска дунайской монархии думали только об обороне. Но ...

Последствия нашего удара прекрасно описывает Карл Маннергейм, командовавший дивизией именно на русско-австрийском участке фронта: «Австрийцы прекратили свое продвижение на итальянском фронте, а натиск на участок французского фронта во Франции близ Вердена ослаб. Из Франции на восточный фронт были переброшены двадцать четыре немецкие дивизии, и это позволило французским и британским войскам 1 июля начать наступление на Сомме». Австрийцы и болгары также срочно затыкали возникшую брешь: всего около 34 дивизий наших противников появились в короткий срок против русских войск. С каждой услугой оказанной России «союзникам», им становилось легче, а нам тяжелее.

Прекрасной иллюстрацией вышесказанного стало вступление в войну Румынии 27(14) августа 1916 года. Точнее показательна та настойчивость, с которой «союзники» втягивали в нее Бухарест. «С военной точки зрения для России это составило определенную проблему» — пишет Маннергейм. Широко известно высказывание, приписываемое разными авторами различным военным авторитетам. Суть его такова: не важно, на чьей стороне выступит Румыния, потому, что количество военной силы, необходимое для ее разгрома или спасения от него совершенно одинаково. В этом и состояла «проблема»: вступление Румынии в войну никакой пользы Антанте не приносило, зато России наносило ощутимый вред. Вооруженные силы Румынии были очень слабы, а наша страна имела с ней протяженную границу. В случае вступления румын в войну, русский фронт автоматически удлинялся. Для его заполнения пришлось бы потратить все резервы и ослабить другие участки фронта. Именно поэтому англичане напрягают все силы, чтобы втянуть Бухарест в войну. Чтобы румынское правительство вступало в войну с легким сердцем, британскими дипломатами были обещаны территориальные приобретения за счет Австро-Венгрии, и поддерживалась странная уверенность, что Румыния сможет объявить войну одной только Австрии. Так румыны и поступили, но войну им объявили и Германия, и Болгария, и Турция.

Ситуация удивительная: члены Антанты, борющиеся с одним и тем же врагом, имеют диаметрально противоположные точки зрения на вступление Румынии в войну. Так было и с Турцией. Однако ничего удивительного в этом нет — просто истинные цели войны у России, и ее «союзников» разные, отсюда и разница в подходах.

Новую головную боль получал и русский Черноморский флот: у него появилась дополнительная задача прикрытия от неприятельских судов еще и румынского побережья. Командовавший этим флотом адмирал Колчак, на допросе, перед самым своим расстрелом в январе 1920 года, вспоминал интереснейшие слова императора Николая II, сказанные ему лично: « Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии: я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, **но на этом настаивает французское союзное командование** ; оно требует, чтобы Румыния, во что бы то ни стало, выступила. Они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, **и приходится уступать давлению союзного командования** ».

Показательна в этом смысле реакция главы французского командования Жоффра: узнав о вступлении Румынии в войну, он восторженно провозгласил: “Ради этого ничего не жаль!”. Почему так радовался французский генерал, вы поймете, если проследите за событиями, последовавшими за вступлением Румынии в войну.

В конце августа 1916 года закончилось русское наступление (Брусиловский прорыв) и сразу после него румыны объявили свое решение выступить на стороне Антанты. После чего, они начали атаки в Венгрии, немного потеснив австрийские части. Германия отреагировала немедленно. Два месяца ушло у немцев на перегруппировку, а уже 11 ноября (29.10.) 1916 года германские войска под командованием генерала Маккензена начали наступление. Быстро разгромив румынскую армию, германцы вышли к Бухаресту. Затем уже в ходе Бухарестского сражения, через три дня наголову разбили остатки румынских войск и вошли в столицу. За считанные дни румынская армия потеряла 120 тыс. человек убитыми и пленными и фактически перестала существовать.

«Уже на ранней стадии военных действий Румыния запросила у России помощи, причем размер этой помощи постоянно увеличивался по мере того, как развивалось наступление Германии и Австро-Венгрии. К началу весны 1917 года на румынском фронте, протяженность которого составляла 500 километров, находилось 36 пехотных и 6 кавалерийских русских дивизий. Это означало, что российская армия отправила в Румынию примерно четвертую часть своих сил и сама осталась практически без резервов. **Ко всему прочему, Россия должна была снабжать румынскую армию продовольствием и снаряжением** , а в это время ее собственное положение день ото дня ухудшалось. **Хрестоматийный пример того, как слабый союзник приносит больше забот, чем от него можно получить помощи!** » — пишет в своих мемуарах генерал Маннергейм.

Французский маршал Жоффр разразился требованиями послать 200 тыс. русских солдат на спасение Румынии. Румынский помол Диаманди обивал пороги царя с планом бухарестского генштаба, чтобы русские сосредоточили 3 — 4 корпуса прорвались через Восточные Карпаты и ударили во фланг наступающим немцам. «Союзники» требовали невозможного: столько войск в такие сжатые сроки было просто неоткуда взять. Поэтому, не отказываясь помочь Румынии, Николай II и генерал Алексеев отвергли предлагавшийся план. Резервов в таком количестве не было, а снятие войск неизбежно оголяло фронт и могло привести к прорыву противника в другом месте. Но, похоже, что этого «союзники» и добивались. Их истерика была неопишуемой. Диаманди бежал жаловаться Палеологу, тот сигнализировал в Париж, а оттуда давили и давили. В итоге румыны все же были спасены именно нашими войсками, так как британские войска «завязли» на Салоникийском фронте и не смогли «пробиться» на помощь Румынии. Это можно было легко предсказать. Русские войска всегда приходят на помощь «союзникам», у англичан и французов всегда есть в запасе убедительная причина, почему они это не сделали.

«В отношении Румынии, — пишет А.Зайончковский, известный русский военный теоретик, командовавший корпусом на румынском фронте, — Антанта дала высокий образец военно-политического разнобоя». В смысле, что в войну ее уговорили вступить, а от разгрома не уберегли. Догадайтесь почему? Откуда были взяты германские силы, разгромившие румын? Конечно, с Западного фронта. Откуда брали русские корпуса, чтобы остановить немцев? С

нашего фронта. Следовательно, вступление Румынии в войну ослабляло и Россию, и Германию: еще большее количество немецких и русских войск воевало друг с другом, что полностью соответствовало сценарию «союзников». Немецкие войска ослаблялись на западном фронте и усиливались на Восточном, так незаметно тяготы войны перекладывались на наши плечи, усиливая и без того огромные потери. Артиллерии и оружия у нашей армии стало еще меньше в расчете на километр фронта. «Союзных» поставок вооружения не было по-прежнему, а новые немецкие дивизии не забывали прихватить с собой всю свою артиллерию.

Первая мировая война буквально пестрит такими неприглядными примерами английской политики, что на определенном этапе удивляться их предательству уже перестаешь. Но история вступления в войну Румынии даже на общем фоне выделяется, имея еще один тайный смысл. Чтобы понять это, надо просто ознакомиться с русскими планами того периода, которые были хорошо известны и «союзникам». После внезапной высадки англичан и французов в Галлиполи, обеспокоенный Николай II отдает приказ разработать план захвата этих стратегически важных для России проливов. Правительства Антанты, как мы помним, на словах не возражают. Но выводы делают и меры принимают. Вот здесь мы снова подходим к весьма интересному моменту. Оказывается дивизии, закрывшие собой возникшую «румынскую» брешь на фронте, готовились к Дарданельской операции! Их перебросили **на румынский фронт, отказавшись от операции по захвату проливов и Константинополя!**

Таким образом, втянув Румынию в войну, англичане сумели сорвать русскую операцию по захвату Босфора и Дарданелл! Первоначально Босфорскую операцию русское командование планировало на осень 1916 года, потом занятое спасением румын, перенесло ее на апрель 1917-го. Но и в этот раз десант не состоялся — возможный захват Босфора Россией был одной из причин, отчего революция произошла именно в феврале...

Откройте **любую** книгу, посвященную Первой мировой войне и вы найдете множество примеров настоящей союзной солидарности России. На тех же страницах вы не найдете **ни одного примера** соответствующего поведения англичан или французов. Обычно авторы стараются эти «союзные странности» не комментировать, ограничиваясь их простой констатацией, либо объясняя их самым наивным и простым способом: так получилось. Мало кто понимает, что все это не было случайным стечением обстоятельств, а заранее спланированной политикой, конечный результат которой был многоуровневым. Для России — революция, распад и гибель, а для Великобритании новые колонии и территориальные приобретения. Богатые полезными ископаемыми и нефтью, как Ближний Восток, принадлежащий пока Турции. Ведь не только для ослабления России пропустили английские корабли немецкий крейсер «Гебен» в начале августа 1914 года, но и для того, чтобы потом откусить от турецкой империи ее самые лакомые куски...

За бурным развитием боевых действий Первой мировой войны осталось незамеченным одно очень интересное событие. На фоне развернувшейся катастрофы оно было маленьким и незаметным, потому никто ему особого внимания не уделил. И зря. Словно в маленьком осколке большого зеркала, отразилась в этом событии будущая Февральская русская революция. Ее сценарий и движущая сила проявили себя ровно накануне мирового конфликта — в июле 1914 года. Буквально за неделю до начала неожиданного вспыхнувшего мирового конфликта в столице Российской империи... начались забастовки! Страну, измученную первой русской смутой, удивить стачками было сложно. Привыкла к подрывной деятельности революционеров полиция и охранка, но эти забастовки были действительно необычными. Настолько, что во многих мемуарах они нашли свое отражение. Главной же особенностью этих волнений и забастовок была их таинственность и загадочность. Возникли они без видимой причины, неожиданно, «случайно». Так же внезапно потом и закончились.

Татьяна Боткина, дочь царского медика, расстрелянного со своими венценосными пациентами в Екатеринбурге, в своих «Воспоминаниях о царской семье» упоминает и об этих странных стачках: «Рабочие бастовали, ходили толпами по улицам, ломали трамваи и фонарные столбы, убивали городских. **Причины этих беспорядков никому не были ясны**; пойманных забастовщиков усердно допрашивали, почему они начали всю эту переделку.

— А мы сами не знаем, — были ответы, — нам надавали трешниц и говорят: бей трамваи и городских, ну мы и били».

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в своем труде «Государственная дума и февральская 1917 года революция» тоже уделяет этим событиям много внимания: «Петроград в 1914 году, перед самой войной, был объят революционными эксцессами. Эти революционные эксцессы, возникшие среди рабочего населения Петрограда, часто влекли вмешательство вооруженной силы; происходили демонстрации, митинги, опрокидывались трамвайные вагоны, валялись телеграфные и телефонные столбы, устраивались баррикады». Родзянко даже указывает нам на время возникновения беспорядков: «во время посещения России представителем дружественной нам державы — Президентом Французской Республики Пуанкаре».

«Возлагать венок на гробницу Александра III французскому президенту пришлось под последние отголоски уличной борьбы» — пишет и товарищ Троцкий в своей «Истории и русской революции». Посол Морис Палеолог, встречавший в русской столице своего президента в своих мемуарах вспоминает: «Возвратясь в Петербург по железной дороге в три четверти первого, я узнаю, что сегодня, после полудня, **без всякого повода, по знаку, идущему неизвестно откуда, забастовали главнейшие заводы**, и что в нескольких местах произошли столкновения с полицией».

Проанализировать причины неожиданной вспышки рабочих демонстраций никто в правительстве не успел. Потом в стране произошли такие потрясения, по сравнению с которыми пара сломанных трамваев показалась золотым веком. Но в конце июля 1914 года у русского руководства эти беспорядки вызвали серьезное беспокойство: «Волнения в столице были настолько сильны, что Президент вынужден был ездить по городу в сопровождении значительного военного конвоя — рассказывает нам Лев Давыдович — **То же самое, хотя, разумеется, в меньшем масштабе, происходило и на местах**».

По причине возникшей войны разобраться в причинах и организаторах таинственных забастовок не успели и русские спецслужбы. Затем у них появились более важные заботы, потом возникшая революция быстро и эффективно уничтожила сами спецслужбы. Поэтому причину забастовок так никогда и не выяснили. Точнее сказать — не доказали, потому, что во всех указанных мемуарах виновные и организаторы называются авторами легко и без промедления.

«Не подлежит никакому сомнению, что и волнения среди фабрично—рабочего класса были результатом деятельности Германского Генерального Штаба» — пишет Родзянко. Согласна с ним и Татьяна Боткина, написав о немецком происхождении «трешниц», что давали таинственные агитаторы несознательным рабочим. Виновник ясен — это немцы! Доказательство на редкость простое: а кто же еще? Кто может устраивать забастовки в России, прямо накануне войны с ней? Конечно, тот, кто готовится на нее напасть — немцы! И все в этом построении логично и верно, если забыть об одном факте: **Германия не готовилась к нападению на Россию!**

Ее единственный существовавший «План Шлиффена» этого не предусматривал. И зачем ей тогда организовывать демонстрации и битье городских в Петербурге? Вот к войне с Францией Германия действительно готовилась, поэтому логичнее создать беспорядки в Париже, дестабилизировать промышленность и обстановку именно там. Но эти немцы всегда так нелогичны: объявляют войну и не наступают, объявив ее — шлют телеграммы с мирными предложениями ...

Президент Франции Пуанкаре приехал в Россию 20(7) июля 1914 года. Это ключевое время завязывания будущего конфликта. Уехал Пуанкаре через три дня — 23(10)июля, в тот же день австрийцы вручили свой ультиматум Сербии. В течение 48 часов ультиматума и будет сэр Эдуард Грей говорить немецкому послу Лихновскому, что война возможна между четырьмя великими державами, намекая на нейтралитет Англии. Британский МИД создает, тщательно создает у немцев ощущение уникальности момента: только сейчас Англия будет нейтральна, поэтому можно быть жесткими и твердыми. Можно сразу решить сербскую проблему, а заодно и поставить на место Россию и Францию! Для создания этого ошибочного ощущения у германского и австрийского правительства, «союзники» готовы на любые трюки. В том числе и на имитацию слабости России, путем фабрикации стачечного движения.

Германию на Россию всеми силами натравливали «союзники». Именно они и

провоцировали таинственные забастовки и волнения. Все это — не более, чем часть масштабной кампании по дезинформации германского правительства, в которую чуть позже включится даже британский монарх. Цель — развязывание мировой войны.

«Забастовки возникали и организовывались без всяких видимых причин, и **только теперь стало ясно**, где лежал корень всех этих событий» — уже в эмиграции делает выводы Родзянко. Все мемуары написаны после русской катастрофы, после проезда Ленина через германскую территорию, после Брестского договора. Поэтому Родзянке все абсолютно «ясно»: за забастовками стоят немцы. Его не смущает другие странности, о которых он сам же пишет: «Однако, за несколько дней до объявления войны, когда международное политическое положение стало угрожающим, когда маленькой братской нам Сербии могущественной соседкой Австрией был предъявлен известный всем и неприемлемый для нее ультиматум, **как волшебством сметено было революционное волнение в столице**».

«Как только была объявлена война, вспыхнул грандиозный патриотический подъем. Забыты были разбитые трамваи и **немецкие трехрублевки** ...» — вспоминает о первых днях начавшейся войны Татьяна Боткина.

Если бы за подготовкой беспорядков стояли бы германские спецслужбы, то после начала реальной войны России и Германии их деятельность должна была только увеличиваться и нарастать. Мы же видим обратную картину: буйство забастовок **«как волшебством сметено»**. Документы и исчерпывающая информация о подготовке Первой мировой войны «союзниками» появится значительно позже, поэтому наши мемуаристы не подозревают о великом актере сэре Грее и его вкладе в дело поджигания мирового пожара. Мы это знаем, поэтому можем уверенно назвать организатора таинственных забастовок июля 1914 года. Это — английские и французские спецслужбы. Они выпускают русских рабочих на улицы, чтобы показать слабость России и своей цели достигают. «Престарелый посол граф Пурталес, который провел семь лет в России, пришел к выводу и постоянно заверял свое правительство в том, **что эта страна не вступит в войну из-за страха революции**» — пишет Барбара Такман в своей книге «Первый блицкриг. Август 1914». Когда цель достигнута и тщательно подготовленная война началась, то забастовки уже больше не нужны, и они моментально заканчиваются.

Таинственные события — это фирменный почерк глубоко законспирированной агентуры «союзников». Почерк знакомый по революции 1905 года. Вспомним таинственные письма, полученные вкладчиками тогдашнего русского Сбербанка **в самый первый день** русско-японской войны, удивительную способность руководителя польских националистов Пилсудского к предсказаниям и многое другое. Вся история гибели нашего государства в 1917 году будет полна таких необъяснимых и непонятных фактов. Непонятны и таинственны они только в одном случае: если считать, что плана **Революция — Разложение — Распад** не было, а Россия развалилась сама собой...

Заканчивался 1916 год. Наступал год великих потрясений в России. Революционная бомба, зажженная на деньги иностранных разведок, разорвала Россию в клочья. Русские солдаты в это время на многочисленных фронтах отдавали свои жизни за Веру, Царя и Отечество. Они не знали, что очень скоро у них не станет царя, потом отберут веру, а следом за этим многие из них потеряют отечество.

Глава 6. Кто стоял за Февралем?

История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю.

П. Н. Миллюков

Наблюдатели со стороны в большинстве своём чувствуют, что царизм держал Россию воедино, а если это единство отнять — Россия пойдёт прахом.

Лондонская газета «Таймс», 4 марта 1917 года

Звонок телефона вырвал капитана Татищева из лап сна. В последнее время, особенно после ранения он спал очень плохо. Снилось вообще что-то невообразимое: атака, взрывы, рукопашная и заканчивалось все это одинаково. Немцы пускали газы, он судорожно хватался за бок, где должна была болтаться противогазная сумка, а ее не было! И волны иприта накрывали его, он пытался не дышать и убежать от мутной волны, но ноги не слушались. И когда не мог уже не вдохнуть подступающий яд, он широко глотал его ртом, чувствовал страшное жжение и просыпался.

Так и сегодня. Уже, казалось, мог бы выучить этот сон наизусть, сообразить, что все это нереально и не паниковать. Но не получалось — и два раза в неделю он искал противогазную сумку и чувствовал жжение в груди, туда, куда вонзился зазубренный германский осколок.

Дежурный поручик был краток и резок: полковник Кутепов срочно требует штабс-капитана через час прибыть в старые Преображенские казармы на Миллионной. В душе он обрадовался. Кажется, начинают наводить порядок. После ранения он долго лечился и только пару недель назад почувствовал себя вполне здоровым. Только кошмары мучают ...

События последних дней в Петрограде графа Татищева сильно расстроили. И не то, чтобы он сильно придавал им значения, но вид расхлестанных солдат, пьяных и возбужденных, его офицерский глаз не радовал. Когда же вчера, какой-то штатский пытался натравить на него толпу, пришлось даже пальнуть разок в воздух. Анечке он этого не рассказал — нечего ее волновать. Но и из квартиры решил пока не выходить. Нет, он не боялся, смешно бояться тому, кто почти три года провел на фронте. Просто не хотелось погибать по дурацки.

Теперь дело другое. Как выздоравливающий, капитан Татищев мог преспокойно сидеть дома. Получив приказ от полковника — должен был его выполнять. Около полутора лет он и служил на фронте под командой Александра Павловича Кутепова. Это был настоящий герой, с ним Татищев ходил в атаки. С ним, видно суждено и бунт усмирять...

— Диспозиция простая — сказал Кутепов, и выглянувшие из-за питерской хмари солнышко, заиграло на золотом эфесе его Георгиевского оружия— Идем по Невскому, собираем служивых. Вы, Николай Владимирович возьмите роту кексгольмцев под свое командование. Потом сворачиваем на Литейный и в той части города наводим порядок.

Вид у солдат Кексгольмского полка был бравый. Это радовало. В последнее время из запасных батальонов, стоявших в Питере, в боевые части поступало такое пополнение, что хоть святых выноси. Даром, что гвардия, что преображенцы. Любимый полк Петра Великого, надежда династии. Теперь понабрали, напризывали такой швали, что пришлось прямо на фронте устроить ещё один запасной батальон и всех к чертям переучивать, пока в нормальных солдат не превращались. А потом следовал бой, и солдат тех клали в могилы и лазареты, а прибывали новые и новые. И опять все по кругу...

В районе Литейного проспекта уже и выстрелы слышались. Где-то здесь громила здание окружного суда беснующаяся толпа. И как ведь ее поведение предсказуемо. Едва только наберет силу, как сразу айда громить тюрьмы, суды, да полицию с жандармами. Там бы ее и встречать. Но в этот раз, власти явно не на высоте положения. Позавчера Татищев со знакомцем на улице встретился, тоже капитаном, командиром броневой роты Польшаевым. Его броневики стоят на Путиловском заводе, ремонт идет. Их бы на улицы — глядишь очередей пара, и разбегутся все. Гранат то нет, да и броневик еще в диковинку шпане и новобранцам, что бездумно буйствуют на улице. Так нет, приказ — форсировать ремонт и машины скоренько разобрать. Вот так.

— Эх, жаль, что сам настоящий Преображенский полк далеко теперь на Юго-Западном фронте — подумал Татищев — По — простеcki бы с солдатиками разобрались. Мои подошли бы, да в морду бунтарям дали. Вправили мозги. Вы тут, суки, бузите, а мы там за вас головы складываем!

Щелк. Пуля просвистела, откуда-то сверху, и звонко ударила о каменную брусчатку. Стреляли то ли с квартиры, то ли с крыши. Татищев выхватил револьвер и поднял голову. Так и убить могут.

— И чего палят сволочи — выругался рядом молодой кексгольмский прапорщик.
— В офицеров стреляют — спокойно ответил Татищев — То есть в нас с Вами.
Отрядите пару человек, пусть за крышами, да балконами наблюдают.

Так и шли, пока Кутепов не поставил его, Татищева, на углу Сергиевской улицы и очертил тем большой квадрат, пока от мятежников свободный. Дальше идти нельзя — солдат больно мало. Надо подождать пока подойдут резервы обещанные: эскадрон драгун из Красного Села, да одна ораниенбаумская пулемётная рота.

Только встали, как толпа словно, волна морская попыталась выплеснуться на Литейный.

— Будут стрелять кексгольмцы или нет — подумал граф Татищев, но мысли плохие от себя отогнал и звонко скомандовал — Пли!

Стреляли. Толпа схлынула, паля наугад и оставив на мостовой несколько тел. Один раненый тяжело привставая на руках, пытался заползти во двор, рядом с которым упал на мостовую.

А потом пошли вновь. Да и не солдаты вовсе, не шинели серые, а все рабочие блузы темные и коричневые. И палят, палят. До того как всем пойти, только один подошел, говорить хотел. Руки поднял, показывая, что безоружный.

И такая взяла капитана Татищева злорада, что он сам подивился. Он, дворянин, русский офицер, в русской столице стреляет по русским же людям. И все из-за таких вот сознательных говорунов.

— Солдаты, вас обманывают! — кричал штатский, смело идя на цепь кексгольмцев — Неужели вы будете стрелять в народ!

Выстрел прозвучал, как удар хлыстом. Штатский тихо и покорно лег на снег, как и шел — вытянув руки вперед.

— Вот так, — сказал капитан Татищев, убирая револьвер в кобуру. — Вот так...

Нам всегда говорили, что события февральской революции просты и понятны: голодные люди вышли на улицы, требуя хлеба, а потом перешли к политическим лозунгам. Так, мол, и пало в России самодержавие. Но, так кажется только на первый взгляд. Павел Николаевич Милюков, один из руководителей февральского переворота, лидер партии конституционных демократов (кадетов) явно с такой простотой не согласен. Ему, непосредственному участнику событий, написавшему свою «Историю второй русской революции» сразу по горячим следам, не ясен механизм происхождения Февраля.

«Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции» — пишет Милюков, начиная свой рассказ о событиях, положивших начало Февральской революции. Показательно и название главы его книги, откуда взяты эти строки: «Тайные источники рабочего движения». Вопрос, как и почему она началась и есть «самый темный момент» в истории Февральской революции. Это очень странно: начинаешь читать мемуары главных действующих лиц и постоянно натыкаешься на «белые пятна». До этого была в голове полная ясность: хлеб — демонстрации — революция, но вот открываешь мемуары одного из основных «февралистов» и начинаются загадка за загадкой.

«Некоторым предвестием переворота было глухое брожение в рабочих массах, источник которого остается неясен, хотя этим источником наверняка не были вожди социалистических партий, представленных в Государственной Думе».

Начало перевороту положили рабочие демонстрации, но кто их организовал, и почему они начались Милюкову абсолютно непонятно. Ясно только то, что сами кадеты их не инициировали, не делали этого и все их парламентские союзники по думскому Прогрессивному блоку. Не выводили людей на улицы и эсеры. В этом легко убедиться, полистав мемуары известного нам лидера этой партии Виктора Чернова. После главы о ходе мировой войны и попытках революционеров разных стран найти взаимопонимание, он сразу пишет о своем возвращении в Россию уже после Февральской революции. Соверши столь важное деяние эсеры, они бы трубили об этом на каждом углу: это мы начали процесс, приведший к свержению проклятого царизма!

Не организовывали рабочие демонстрации и большевики, позже приписавшие устами советских историков заслуги организации манифестаций себе. Но это будет сделано ими значительно позднее, когда многих участников событий не будет в живых, а остальные будут

писать книги в эмиграции. Поэтому вопрос «кто вывел людей на улицу в феврале 1917 года», будет уже интересен только узкому кругу специалистов, и с красными историками никто не будет спорить. Для истинных организаторов гибели России это было удобно и выгодно — Ленин и его партия делали для них стопроцентное алиби. Хотя опровергнуть ложь совсем не сложно, достаточно спросить, кто из большевистских вождей организовал рабочие демонстрации, приведшие к свержению царизма. Тут и станет абсолютно ясно, что все они сидели по заграницам, ссылкам и тюрьмам, а Владимир Ильич Ленин узнал о «подготовленной его партией» революции из свежих швейцарских газет. И удивлению его не было предела.

Но для нас момент начала Февраля — момент ключевой. Нам важно знать точно, с чего началась гибель Российской империи, а потому наберемся терпения, и углубимся в материал. Здесь нас ждут новые открытия. Если быть совсем точным, то логическая цепочка событий должна быть такова: хлеб — демонстрации рабочих — их столкновения с полицией — восстание солдат городского гарнизона — революция. Загадки тут на каждом шагу:

— **почему рабочие вышли митинговать — неизвестно;**

— **неизвестно и кто эти демонстраций организовал.**

Выходит, сами собой рабочие прекратили работу, от скуки нарисовали плакаты и лозунги, и сами не зная почему, двинулись свергать самодержавие. При дальнейшем углублении в хронологию февральской революции ясности не прибавляется. Никто не может вразумительно ответить на второй ключевой вопрос:

— **кто вывел на улицу солдат?**

«Как раз накануне него (выступления солдат — Н.С.) было собрание представителей левых партий, и большинству казалось, что движение идет на убыль и что правительство победило — пишет Милуков, цитируя своего коллегу по Думе В.Б.Станкевича, и добавляет от себя — Но, во всяком случае, **закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами**».

Вот это уже интересно! Произошла революция, а никто не может толком сказать, как случились ее основные события, приведшие к смене власти в России. Вроде никто не готовил ни рабочих, ни солдат, а они как по команде, вышли на улицы в нужный момент и тем решили исход дела в пользу переворота. «Руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых партий» — делится впечатлениями Милуков. В словах руководителя кадетов, чувствуется неуверенность и смущение. Революция свершилась, но ни правые (т.е. кадеты и октябристы), ни левые (т.е. эсеры и социал-демократы) ее не организовывали. Есть от чего смутиться: ждали «свободы» десятилетиями, а когда она пришла никто не знает, кому говорить за это спасибо!

Не спасают старые проверенные штампы: если, что произошло — это сделали немцы! Удобно, а главное доказывать ничего не надо. Главное доказательство просто как мир: а кому же еще это было выгодно? С кем мы воевали с Германией, значит — все плохое делали именно они. Так можно было объяснить забастовки лета 1914 года, но никто в историографии никогда не писал о том, что революция 1905 года со всеми ее стачками дело рук кайзеровской разведки. В таком виде обвинения германцев в разжигании русского «освободительного» движения нелепы и смешны, ведь в 1905 году мотива для таких действий у Берлина нет. С началом Первой мировой войны мотив у немцев появляется.

Но вот беда: мы уже говорили, что почерк во всех сомнительных событиях русских революций похожий. Одна рука водила, с одного сценария снималась калька. И если мы знаем, что первую нашу смуту немцы точно не подготавливали, почему же и Февраль с Октябрем мы к ним в актив записываем? И если насчет третьей русской революции, есть неопровержимые свидетельства, что приехал Ленин через Германию и деньги от нее же получал, то насчет «великой бескровной» Февральской революции, ни одного такого документа нет.

Февраль организовала не Германия! Хотя бы потому, что спасительный сепаратный мир кайзер Вильгельм мог пытаться заключить только со своим венценосным племянником Ники, а не со сторонниками «войны до победного конца» из которых комплектовалась новая российская власть. В тот момент это было ясно всем. Немецкие агенты использовали смуту в своих целях — это правда. Если идет толпа пьяных солдат, то почему бы не направить их на погром контрразведки? Или не заставить убивать, как в Кронштадте не просто офицеров, а «по

списку»!

Февраль семнадцатого — это странные и таинственные события. Нет авторов, нет причин, но есть катастрофические для страны последствия. Их пока не знает почти никто, они еще не заметны. Кто из радостных демонстрантов в феврале семнадцатого, упоенных произошедшими переменами, мог себе представить, что через полгода мощная русская армия станет толпой мародеров и дезертиров, солдаты начнут убивать своих офицеров, а через восемь месяцев власть в стране захватит кучка фанатиков. В страшном сне не могли увидеть они Гражданскую войну, тиф, голод, разрушенную до основания родную страну и миллионы погибших! Так кто же все это организовал, кому обязана Россия неисчислимыми страданиями своих сыновей и дочерей?

Ответить на этот вопрос можно, но документально доказать невероятно сложно. Начнем с очевидных фактов, которые оспорить невозможно. Победившая попытка изменения существующего строя называется революцией, потерпевшая поражение — бунтом, мятежом и антигосударственным заговором. Для любого проявления недовольства действующей властью нужен повод, который либо перерастает в победоносную революцию, либо бесславно подавляется. В Первой мировой войне участвовало 38 стран, в том числе и крупнейшие европейские монархии. К 1917 году все участники мировой схватки понесли огромные человеческие и экономические потери. Число этих потерь было, безусловно, разным, но и размеры участников войны и их экономический и мобилизационный потенциал были также различными. Причинами недовольства во время войны могут быть военные поражения или невероятное ухудшение уровня жизни населения.

В конце мировой войны революции произошли Германии и Австро-Венгрии. Это изменение государственного строя было во многом обусловлено именно военным поражением данных держав и ужасающим состоянием их экономики. **В 1917 году революция произошла только в России!** Если следовать логике, то получается, что на целых полтора года ранее своих противников Россия либо потерпела военное поражение, либо страдания и лишения ее граждан превзошли все мыслимые пределы. Так нам и внушала советская историография. Правда, для партийных историков Ленин и большевики, по вполне понятным причинам, закрывали собой февральскую революцию. Трактовалась она, как что-то мелкое, несущественное. Как ступень к коммунистической революции. Хотя большевистский переворот вообще бы был невозможен без переворота «буржуазного», и в отрыве от него не может быть правильно понят. Советские историки сочли за благо спрятать помощь англичан и французов в захвате власти Временным правительством в феврале, ведь тогда возникал резонный вопрос о немецкой помощи большевикам в октябре. Вот оттуда и пошла гулять легенда о том, как русский народ сам, без посторонней помощи устроил две революции за полгода.

Ни военно-стратегических, ни экономических причин для бунта у русского населения в феврале 1917 года не было.

Потенциал развития нашей страны в начале XX века был столь мощным, что ситуация в стране, на фронтах и в армии не ухудшалась, она даже наоборот улучшалась. Фронт был стабилен, внутри страны было спокойно. Разумеется, Россия образца третьего года войны была не так хлебосольна, как в предвоенное время. Но не будем забывать о том, что во все времена война приносила с собой голод, лишения и мобилизацию. Колоссальная, небывалая доселе схватка повлекла за собой соответствующие сложности во всех сферах жизни. Уровень жизни, безусловно снизился, продовольственная ситуация ухудшилась по сравнению с мирным временем. Но так было везде, и у противников, и у «союзников» наших тоже. Практически везде правительство переходило к нормированию потребления, т.е. вводило продовольственные карточки. В Германии правительство почувствовав, нехватку продовольствия из-за английской морской блокады, достаточно быстро перешло к прямому изъятию и распределению продуктов. В Австро-Венгрии еще в начале 1915 года была введена карточная система на хлеб, а потом на другие товары народного потребления. Были введены ограничения на продукты даже в более «хлебной» Венгрии. Почти полное прекращение импорта вызвало острую нехватку в Австрии промышленного сырья. В мае 1917 года, как когда-то наш Петр I, император Франц Иосиф обязал церковь сдать колокола. Вскоре их лишились и немецкие кирхи. В докладе своему монарху австрийский министр иностранных граф фон Чернин прямо указывает, что 1917 год

станет последним годом борьбы: «Совершенно ясно, что наша военная сила иссякает. Я не буду останавливаться на этом положении, потому что это значило бы лишь злоупотреблять временем вашего величества. Я хочу только указать на сокращение сырья, необходимого для производства военного снабжения, на то, что запас живой силы совершенно исчерпан, и главное — на тупое отчаяние, овладевшее всеми слоями населения в силу недостатка питания, и отнимающее всякую возможность дальнейшего продолжения войны. Если я и надеюсь, что нам удастся продержаться в течение еще немногих ближайших месяцев и провести успешную оборону, то для меня все же вполне ясно, что дальнейшая зимняя кампания для нас совершенно немыслима, то есть, другими словами, что поздним летом или осенью мы во что бы то ни стало должны заключить мир».

Недоедали в Британии, чьи корабли с заморским продовольствием один за другим, пускали на дно германские подлодки. Английский премьер Ллойд-Джордж писал: «К осени 1916 года, продовольственный вопрос становился все более серьезным и угрожающим». Серьезные проблемы с продуктами были и во Франции, половина территории которой была оккупирована немцами, а многие промышленные предприятия просто оказались в зоне боевых действий. Троцкий, возвращавшийся в 1917 году в Россию через Швецию, пишет, что в этой нейтральной скандинавской стране ему «запомнились только карточки на хлеб».

Словом голодали русские люди не больше других воюющих стран и куда меньше, чем в «свободной» России через небольшой промежуток времени после второй и третьей революций. Экономика страны кряхтела, трещала, но — выдерживала даже огромные расходы на войну. Если в 1914 году Россия тратила на военные расходы 1 655 млн. рублей, то в 1915 году эта цифра равнялась 8 818 млн. рублей, а в 1916 году — 14 573 млн. рублей. Поставки военного снаряжения из-за рубежа во многом покрывались путем английских и американских кредитов. Мобилизация вычерпала в России до 15-ти миллионов взрослых мужчин — но подобная картина была в любой воюющей стране, кроме Англии, как всегда воюющей чужими руками. В Германии призвали 17-ти летних, раздавались голоса о необходимости тотальной мобилизации всего мужского населения от 15 до 60 лет. Верховное военное командование требовало, чтобы эта повинность, «хотя бы с ограничениями, была распространена и на женщин». В январе 1916 года императорским указом в Австрии военнообязанными были объявлены мужчины 50-55-летнего возраста, а в Турции до 50 лет. Французы, как мы помним, уже давно искали себе солдат в русских казармах. Истощены были и армии других воюющих держав. Вывод напрашивается сам собой: тяжести войны коснулись России ничуть не больше других воюющих стран. Так почему же революция произошла именно у нас?

Этот вопрос мы должны задавать снова и снова. Может быть, дело в оккупации противником территории страны? Но тогда революция, безусловно, должна была начаться в Париже, а не Петрограде, ведь половина французской земли была под немецкой пятой. Отличная ситуация для потрясений сложилась в Румынии: полностью разгромлена армия, большая часть страны и столица также оккупирована Германией. Мы же потеряли только очень важную Польшу и некоторые Прибалтийские земли. Никакого значения для продовольственного снабжения страны они не играли. Вся собственно русская территория, была в целостности и сохранности. Работала промышленность, а население не испытывало ужасов войны, оставшейся за линией стабилизовавшегося фронта. Основная цветущая часть России будет разрушена значительно позже, в Гражданскую войну, которая именно для этого и будет развязана при прямом подстрекательстве и сильной помощи «союзников».

Таким образом, никаких классических предпосылок, из которых в военную пору может вырасти бунт, а за ним и революция, мы не находим. Кроме одной — желания «союзников» уничтожить Российскую империю. Поэтому и произошла революция именно у нас, что процесс ее возникновения был совсем не случайным, будучи очередной ступенькой плана **Революция — Разложение — Распад**.

Вопрос «почему в России произошла революция», наивен. Мы ведь знаем истинные цели наших «союзников» в войне. Так давайте не будем удивляться ходу событий, в «союзных» спецслужбах работают ребята серьезные, если чего решат — выполняют обязательно. Не зря сэр Эдуард Грей старался изо всех сил. Вся предыдущая политическая игра по разжиганию мировой войны была лишь подготовительным этапом, расстановкой фигур перед запуском в

действие сценария русской трагедии. И февраль, и октябрь семнадцатого были нам запланированы нашими «друзьями» уже с самого начала — при нашем вступлении в невиданную до этого войну. Исполнители для каждой фазы сценария тоже были заготовлены заранее, хотя какая-то доля импровизации, естественно, имелась. В плане будущего хаоса и распада России были схематично даны ответы на все вопросы, не были проставлены только даты начала наших несчастий. Правда о русской смуте семнадцатого года, завалена за прошедшие десятилетия таким количеством домыслов и фальсификаций, что докопаться до нее очень сложно. Но надо, потому, что сценарий развала России опробованный в 1917 году, был с небольшими изменениями повторен в 1991 году с Советским Союзом. И если наши геополитические противники, и организаторы двойного уничтожения нашей страны и далее будут нашими «союзниками», целостность и само существование нынешней России всегда будет находиться под угрозой! Знание прошлых сценариев уничтожения, может предотвратить будущую гибель...

Тысячи, возможно десятки тысяч сценариев государственных катаклизмов и переворотов было создано за человеческую историю. Успешные «проекты» воплощены в жизнь в количестве нескольких десятков. **Революций такой разрушительной силы, с таким количеством жертв и таким тотальным уничтожением мощи страны, как случившиеся в России, не было более ни одной!**

Огромное количество незаметных глазу фактов, деталей и случайностей должны были, словно в мозаике, удачно совпасть друг с другом, наложиться одно на другое, чтобы получилась РЕВОЛЮЦИЯ. Именно поэтому, успешно проходят лишь единицы восстаний и мятежей. В таком масштабном «проекте» как наша революция, множество фактов сложились удачно для губителей России и неудачно для ее народа и правительства.

Главный виновник трагических событий в стране — «союзные» спецслужбы. Следом за ними основная тяжесть вины падает на русского императора. Именно его государственные «talанты» позволили осуществиться замыслу врагов России. Именно он расставил на ключевых постах людей, которые его предали. Именно он вызвал у своего ближайшего окружения стойкую аллергию к своей персоне. Именно он позволил втянуть страну в мировую войну и пожертвовал сотнями тысяч жизней наших солдат, за мифические «союзные» идеалы. Именно он своим внезапным для армии и страны отречением, сделал рабочие волнения и мятеж Петербургского гарнизона свершившейся Февральской революцией. За свои ошибки Николай II заплатил страшную цену: жизни своих невинных детей...

Другие виновники крушения страны должны быть также названы. Точнее виновник. Это не человек, это не организация, это целый слой. **Это — элита русского общества.** Революцию и все последовавшие за ней события старательно направляли и взращивали «союзные» спецслужбы. Они основные виновники произошедшего, но мы должны отчетливо понимать, что именно предательское поведение русской элиты, помогло зловещим планам «союзников» воплотиться в жизнь. В наше время, когда от лиц занимающих самые высокие посты в государстве раздаются призывы к единению, к сплочению элиты, надо ясно осознавать, что **именно отсутствие такой консолидации погубило Российскую империю!** Поговорка гласит, что благими намерениями устлана дорога в ад. Именно пожелания процветания страны и улучшения русской действительности привели к миллионам жертв и уничтожению цветущей страны. Политика Николая II вела монархию к гибели. Так считали другие члены правящей династии. Царь ведет страну к катастрофе — считали лидеры большинства думских партий. Бездарное руководство войной привело к неоправданным потерям и поражениям — делились своими опасениями высшие военные руководители страны. Все они видели в сложившейся ситуации единственный выход: отстранение Николая Романова от власти. Никто из них не предполагал, что именно их действия по спасению страны и станут спусковым механизмом ее уничтожения. Не начни все эти круги «спасать» Российскую империю, вполне возможно, что она существовала бы еще и сегодня! Именно предательство элиты, дало шанс «союзникам» на осуществление своего людоедского плана. Западные спецслужбы являлись главными зачинателями и вдохновителями заговора, но его идея падала в очень благодатную почву.

Заговор против монархии зрел в России давно. В войне желающие перемен видели благоприятное обстоятельство, ускользавшее от них со страшной быстротой. Удачный исход

войны укрепил бы ненавистное самодержавие, а потому надлежало прийти к власти сейчас и довести эту войну «в единении с союзниками до победного конца». Такова была позиция основных думских партий: кадетов и октябристов, образовавших так называемый «Прогрессивный блок». Во главе заговора стояли их лидеры Милюков и Гучков, а также председатель Государственной думы Родзянко. Приняли посильное участие и высокопоставленные военные: генералы Алексеев, Гурко, Рузский.

Вот в 1915 году, ставший позднее самым знаменитым членом Временного правительства эсер Керенский, решает поправить свое, подорванное думскими баталиями, здоровье. Едет будущий «отец русской демократии» отдыхать в пансионат в Финляндию. Дадим слово ему самому: «Вскоре после моего возвращения состоялась тайная встреча лидеров „Прогрессивного блока“, на которой было решено сместить с помощью дворцового переворота правящего монарха и заменить его 12-летним наследником престола Алексеем, назначив при нем регента в лице Великого князя Михаила Александровича». Ему вторит Гучков: «Мы не собирались, — писал он, — совершать переворот, в котором брату и сыну уготовано бы было переступить через тело брата и отца». Но это он оправдывается перед потомками, за свою непричастность к Гражданской войне. То, что переворот совершать собирались — этого Гучков не отрицает! Свою роль в перевороте сыграли и военные, а точнее высший генералитет, недовольный личностью царя и его поведением во время мировой войны. Жаждали отречения Николая и многие из семьи Романовых, надеясь на лучшее положение при новом монархе. Были среди членов правящей династии и поклонники республиканского способа правления, не чувствовавшие аномалии своих идей для лиц царской крови. Словно львы — вегетарианцы, мечтали они о том времени, когда никто не будет никого «есть», забывая о собственной неминуемой голодной смерти в этом случае.

Борцы за свободу в белых перчатках тайно, во время страшной войны, готовятся удалить главу государства от власти. Естественно, бескровно. Это как, если бы Московский горком партии решил в декабре 1941-го «без насилия» отправить Сталина в отставку. О том, что идет война и что надорванный непомерно тяжелыми усилиями организм страны может и не выдержать борьбы за власть, никто не думал. Не приходила заговорщикам в голову мысль, что вожделенной власти они могут и не удержать. Большинство тех Романовых, кто наивно радовался февральскому перевороту, будут позже убиты большевиками, а остальные еле унесут ноги из взбесившейся страны.

Желание изменений русской элитой и стало основным материалом «союзного» плана разрушения страны. «Мягкие» монархисты как Родзянко, Милюков и Гучков, надеялись на установление конституционной монархии во главе с царевичем Алексеем или братом Николая II Михаилом. Левые элементы, рупором которых стал Керенский, желали установления республики. Военные хотели твердой власти и прекращения предательства со стороны «немецкой» партии царского окружения. Отсутствие реальных доказательств этого никого не смущало: царица немка, следовательно, в наших поражениях виновата она. Она же вместе с Распутиным возглавляла попытки заключения сепаратного мира с Германией. Подобными слухами полнились великосветские салоны, душевные казармы и думские коридоры.

Для приведения замыслов заговорщиков в жизнь первоначально планировалось арестовать царя и царицу и принудить его написать отречение. Такой вариант был определен основным у думско-военных заговорщиков. Поскольку планы «союзников» были более обширными, их спецслужбами было решено подкорректировать план — придать ему естественность. Дать повод и придать перевороту вид народного недовольства, а не вид заговора.

Информация о заговоре против Николая, тогда действительно была известна очень многим. Однозначно знали о ней и в Лондоне и в Париже. Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич знал многих заговорщиков лично: «Мысль о том, что, пожертвовав царем, можно спасти династию, вызвала к жизни немало заговорщических кружков и групп, помышлявших о дворцовом перевороте ... О заговоре, наконец, были осведомлены Палеолог и Джордж Бьюкенен, послы Франции и Великобритании».

В мае 1916 года Европу посетила русская парламентская делегация во главе с Милюковым. «Союзные» правительства питали к этой «парламентско-общественной» группе

горячие симпатии. Русская разведка докладывала, что во время неформальных встреч парламентариев, разговоры у них частенько заходили на такие темы, за которые в военное время принято просто расстреливать. Николай получает все больше подобной информации, узнает он о поддержке правящими кругами Англии и Франции думских оппозиционеров. Фрейлина императрицы Анна Вырубова пишет: «Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол сэра Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против Их Величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому поводу». Свидетельств таких невероятно много. Вот генерал— майор свиты, дворцовый комендант Воейков, вспоминает о своем впечатлении, которое произвела на него встреча с английским и французским послами во время новогоднего приема 1917 года в Царском Селе: «На этом приеме послы — Бьюкенен и Палеолог — были неразлучны. На их вопрос о вероятном сроке окончания войны, я ответил, что, на мой взгляд, состояние армии настолько поднялось и улучшилось, что если ничего непредвиденного не произойдет, то с началом военных операций можно ожидать скорого и благополучного исхода кампании. Они мне ничего на это не ответили; но обменялись взглядами, которые на меня произвели неприятное впечатление».

«Союзники» не просто знали о готовящемся заговоре против руководителя России, а организовывали и координировали его. Для того, чтобы направлять события в нужное русло вновь используется законспирированная агентура западных разведок. Как по мановению волшебной палочки, начинаются забастовки, митинги и шествия, которые **никто не организовывал**, а уже затем ослепленная элита возглавляет разрушительные силы. Большинство тех, чьими стараниями была уничтожена Россия, действительно искренне хотели блага своей Родины и использовались «союзниками» втемную. Как матрешки, вложенные одна в другую, так и заговорщики знали каждый свою, строго дозированную правду об истинных замыслах. Ведь истинные кукловоды всегда остаются в тени, отправляя под свет прожекторов своих подопечных. Такая скрытая агентура находилась до поры до времени на вторых и третьих ролях, а после переворота совершила рывок к власти, чтобы в самый короткий срок разрушить основы государства и ввергнуть Россию в хаос. Для сокрушения России надо поставить у руля страны марионеточное правительство, которое бы послушно выполняло чужую волю. Позднее, уже, будучи членами Временного правительства, они, эти подопечные, будут совершать странные и необъяснимые на первый взгляд поступки, буквально «копать себе могилу», приближая большевистскую революцию. Невозможно здраво объяснить дальнейшие шаги «февралистов», не предположив, что выполняли они приказы своих хозяев и отработывали деньги, вложенные в их «безупречные биографии».

Чтобы сделать следующий шаг для правильного понимания февральских событий, надо говорить не о причинах революции вообще, а о причинах ее наступления **именно в феврале семнадцатого**. Таких причин несколько, их совпадение привело к тому, что именно этот месяц стал началом русской трагедии.

Русская промышленность делала все возможное для скорейшего перевооружения своей армии. Опыт всей войны со всей очевидностью показал, что рассчитывать нам приходилось только на себя. Поставки военной техники от «союзников» были строго дозированными и преследовали двоякую цель: не допустить разгрома России и выхода ее из войны, и одновременно избежать решающих побед на Восточном фронте. Ослабевшая, но сопротивляющаяся Россия была необходима для планов, срок выполнения которых наступал...

В то же время русское правительство с уверенностью смотрело в будущее — на следующий год было запланировано изменение военного положения страны. Подходил к концу страшный бич русской армии — снарядный голод. Невозможно подсчитать сколькими жизнями заплатили мы за хроническое молчание русской артиллерии. В начале войны Россия получала по 50 тыс. снарядов ежемесячно — к концу 1916 года общее их производство в стране увеличилось в 40 раз. В непрекращающихся боях летом 1916 года русская полевая артиллерия расходовала уже 2 млн. снарядов в месяц! При таком увеличении стрельбы нашей артиллерии выросли и запасы. В начале войны русская полевая артиллерия была обеспечена по 1 000 снарядов на орудие, к 1917 году запас на орудие составлял 4 000 снарядов. Это означает, что теперь любое крупное наступление можно было планировать, учитывая массивную

артиллерийскую обработку обороны противника. Ясно, что прорыв и победа в такой ситуации были куда более вероятными. Ведь если русские солдаты умудрялись воевать и без снарядов и без патронов, с ними же они были бы просто непобедимы!

С одними винтовками наперевес наши солдаты выкосили весь цвет австро-венгерской армии на полях Галиции и в ущельях Карпат. Досталось и немцам — статистика гласит, что полки германской армии, дравшиеся на восточном фронте, несли вдвое большие потери, чем сражавшиеся на западном. Турки, разгромившие англичан и французов, потерпели от русской армии страшное поражение, и русские воины стояли в предместьях Ирака! И эта героическая армия вступала в новый 1917 год сильная, как никогда!

На очередной конференции в Шантильи в ноябре 1916 года вырабатывается концепция войны в следующем году. На весну-лето 1917 года очередное свое наступление готовила и Россия, и «союзники». Напротив, германская армия готовилась к стратегической обороне. «Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным — пишет в своих воспоминаниях германский генерал Людендорф, фактически руководивший действиями всей германской армии — О наступлении думать не приходилось, мы должны были держать резервы наготове для обороны. **Нельзя было надеяться также на то, что какое-либо из государств Антанты выйдет из строя. Наше поражение казалось неизбежным ...».**

Оттого так пессимистически настроены немецкие военные, что им ясна печальная перспектива германских вооруженных сил. В условиях сильно возросшей боевой мощи русской армии, уставшая немецкая не смогла бы долго противостоять натиску с Запада и Востока. Вместе с немцами на дно безоговорочно следовали и Австро-Венгрия, Болгария и Турция, чьи войска держались исключительно благодаря германской помощи. **Единственная надежда немцев, НЕ ВЫИГРАТЬ ВОЙНУ, а хоть как-то выстоять — это действия их подводных лодок.** «Без подводной войны разгром четверного союза в 1917 году казался неизбежным» — указывает Людендорф. На сухопутную армию, стало быть, надежды уже не было.

Катастрофа Германии, а с ней и всех ее сателлитов неминуемо наступала в 1917 году. Победа была очень близка. Это первая причина, почему революция стала именно Февральской.

Наши противники это прекрасно понимали. «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями, — сказал в 1934 году канцлер Венгрии граф Бетлен. — Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей...» **Чтобы понять вторую причину**, надо вспомнить цели организаторов мировой войны. Наша общая победа, все признаки которой были налицо «союзникам» была не нужна в принципе, ведь тогда придется делиться трофеями и отдавать России обещанные проливы. Не нужно и простое окончание бойни в наступающем году — еще рано! Нужный «союзникам» вариант — это не победа, а уничтожение России и Германии, как крупных держав, с полной ликвидацией их экономического потенциала. Для этого желательно возникновение в этих странах хаоса и Гражданской войны, как фактора окончательного ослабления. В начале 1917 года народы России и Германии еще не готовы убивать своих соплеменников, надо еще более усугубить их страдания, чтобы сценарий сработал. Благодаря стараниям «союзников» война не закончится в этом году, продлившись еще полтора года. Миллионы солдат еще сложат свои головы для выполнения планов наших «союзников», которым нужна не просто победа над врагом, а его тотальное сокрушение и смена политического строя. Первой должна была вспыхнуть Россия, сбросить царский режим и послужить детонатором для остальной монархической Европы. Именно поэтому война протянется еще больше года и Германия падет в ноябре 18-го, а не летом 17-го.

Как можно «удлинить» войну, если одна из сторон конфликта готова проиграть? Только ослабив ее соперников. Февральская революция, несмотря на свою видимую прогрессивность, быстро приведет к крушению русской армии, а это в свою очередь придаст второе дыхание Германии, Австрии, Турции и Болгарии. Война будет продолжаться. **Это вторая причина «буржуазно-демократического» Февраля.**

1-го декабря 1916 года Николай II обратился к Армии и Флоту с приказом, которым подтвердил намерение бороться до восстановления наших этнографических границ и достижения обладания Константинополем. Таким образом, были обнародованы те секретные договоренности, которые имелись между «союзниками». Не выполнить их после войны становилось невозможным. Помимо общей военно-политической ситуации на февраль, как на крайний срок переворота указывала отложенная из-за помощи Румынии, Босфорская десантная операция. Планировалась она в штабах русской армии на март — апрель 1917 года. В случае успеха русского десанта взрыв энтузиазма в стране был бы невероятный, и он мог окончательно похоронить надежды «союзников» на уничтожение России. **Это третья причина выбора времени для Февральской революции.**

Если свести все **три** причины к одной единственной, то можно смело сказать, что, как это ни странно звучит:

Именно улучшение, а не ухудшение военной ситуации привело к февральскому перевороту!

Революция после мартовского наступления становилась невозможной, февраль был ее последний, крайний срок! Делать революцию надо было именно сейчас. Уже забрезжил свет в конце тоннеля — для русских патриотов. Для организаторов мировой бойни и авторов сценария нашего разгрома это был последний звонок. Надо было спешить с развалом России — после войны такого шанса уже не будет. Еще немного и не будет войны, а значит и повода для самой революции! Сомневаетесь — вспомните, что было дальше. Как по заказу, падение монархии положило конец планам захвата Константинополя и проливов. Временное правительство много об этом говорило, но ничего не смогло предпринять, из-за полной политизации армии и флота и нежелания солдат и матросов воевать.

Все вышеуказанное составляло внешний фактор причин, по которым переворот в России должен был произойти до весны семнадцатого года. **Но была еще и четвертая, сугубо внутренняя причина, заставлявшая торопиться со свержением русского императора.** Историки, рассказывающие нам об этих событиях, совершенно забывают один важный факт:

В ноябре 1917 года истек срок полномочий Государственной думы четвертого созыва. В конце июня 1916 года на стол Николая II легла докладная записка, результат совещания у премьер министра Штюрмера. «Создание в будущей Государственной Думе работоспособного и патриотически-настроенного большинства приобретает особую важность при вызванном войной серьезном положении» — совершенно правильно формулировали стратегию правительства в будущих выборах участники совещания. Прошлые выборы дали России множество антигосударственно настроенных депутатов, которые использовали Думскую трибуну для постоянных нападок на государство и его руководство. Во время войны в Думе говорили, такое, что даже не могли позволить себе в «парламентских» Англии и Франции. Дошло до того, что военный министр Сухомлинов был отдан под суд по обвинению в государственной измене, а его дело было инициировано думскими кругами. Сэр Эдуард Грей по этому поводу заметил русскому посланнику, что «у вас должно быть очень смелое правительство, если во время войны оно отдает под суд военного министра».

И вот все эти крикуны могли остаться запросто без трибуны, славы и перспектив. Потому, что руководство страны имело намерение провести выборы, как военную операцию: быстро, успешно и полностью дезориентировав «думского противника». По плану должны были распространяться слухи о абсолютно решенном продлении полномочий, с одновременным массовым выпуском политических памфлетов, изобличающих оппозиционных лидеров и целые партии. Готовились на предвыборную кампанию правительством и огромные деньги: около 5 млн. рублей, из которых 2 млн. должны были быть отпущены из казны, а оставшуюся сумму выделяли банки. За этот счет планировался выпуск брошюр «Правда о кадетах», «Желтый блок», рассказывавшие правду об антирусской деятельности думских фракций и Прогрессивного блока в целом. Случись так, что правительство осуществит все эти меры на фоне успешного десанта на Босфоре и на карьере большинства отечественных «демократов» можно будет ставить крест. **Честолюбцы и прожектеры станут простыми гражданами, и путь во власть для них закроется скорей всего навсегда.** Оттого и молчат историки об окончании депутатских полномочий, что это знание придает последующему перевороту очень

меркантильный вид. Борцы за свободу предстают заурядными карьеристами, готовыми ради своего возвышения рискнуть благополучием государства.

Сорвать нежелательный для депутатов ход событий мог только государственный переворот. Февральская революция смела царское правительство: теперь как раз деятели Думы, рассеявшиеся после переворота в кресла министров Временного правительства, контролировали выборы, их подготовку и ход.

Карл Маннергейм указывает еще один мотив, почему откладывать далее переворот было нельзя: «... Правительство впервые открыто заявило, что оно напало на следы революционной организации, и полиция произвела многочисленные аресты». Но даже мягкий и нерешительный Николай II ясно осознавал, что сил терпеть осиное думское гнездо до осени семнадцатого, уже нет. Готовится указ о роспуске парламента — новые выборы будут после победы. 22(9) февраля 1917 года Николай Маклаков, бывший министр внутренних дел, получает распоряжение императора написать проект этого манифеста. Маклаков уже почти два года находится в отставке, отправленный туда после кампании его травли в прессе и думских кругах. Причина нелюбви к нему депутатов — это его нелюбовь к ним. Будучи министром, он неоднократно сигнализировал монарху, о мягко говоря, странном и вредном для страны, поведении руководителей парламента.

«... Я слишком больно ощущаю все эти неуклонные, хотя и замаскированные старательно течения в рядах нашей воинствующей интеллигенции и чересчур ясно учитываю их значение и смысл, чтобы не дерзнуть повергнуть это на Ваше всемиловитившее внимание» — пишет Маклаков государю еще в апреле 1915 года. Реакция следует незамедлительно: после бурных словоизвержений в парламенте, уже в июне он отправлен в отставку.

И вот теперь именно ему поручает Николай II написать проект.

«... Надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти, для того, чтобы встретить все временные осложнения, на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут ту часть населения в связи с роспуском Государственной Думы...» — указывает Маклаков.

Власть готовилась к решительной борьбе с внешним врагом в 1917 году. Для этого закономерно планировалось сначала утихомирить врага внутреннего. О том, что главный враг Российской империи — это ее «верные союзники», никто из власть предержащих не думал и не верил. Хотя сигналов тому было много. Это и удивительная Дарданельская операция «союзников», и их постоянное запаздывание с помощью в нужный момент. Доклады о ситуации русский царь получал регулярно — русская разведка исправно собирала и обрабатывала информацию.

Граф Павел Алексеевич Игнатьев, один из руководителей русской разведки, в конце октября 1916 года прибыл в Петербург из Парижа, где состоял в качестве начальника Русской миссии в Межсоюзническом бюро при военном министерстве Франции...

— Не хотите ли проводить меня в мои апартаменты?

Граф Игнатьев давно ждал этого разговора. Государь уже несколько раз любезно спрашивал его о дате отъезда в Париж, и напоминал, что перед этим хочет побеседовать. После сегодняшнего обеда в Ставке, Николай II подошел к главе своей разведки увлек его за собой.

Дверь в небольшой рабочий салон-кабинет, со стуком захлопнулась, но император этим не удовлетворился. Он дважды повернул ключ и только после этого уселся в кресло за письменным столом.

— Полковник, я сразу перейду к делу. Считайте, пожалуйста, что говорите с одним из ваших генералов, с которыми поддерживаете постоянные и дружеские отношения. Мне нужна ваша помощь и ... — тут Николай внимательно посмотрел на графа — И ваша откровенность! Разговаривайте со мной так, как вы разговаривали бы со своими друзьями.

— Конечно, государь — кивнул головой Игнатьев.

— Чудесно — продолжил император. Лицо его было абсолютно непроницаемым, но в голосе и жестах чувствовалась какая-то нервозность — Прежде всего, скажите мне, что вы думаете о Германии и Австрии? Только прошу вас, полковник,

откровенно.

— Ваше величество может быть уверенным, что я скажу все. Все, что знаю и все, что думаю — кивнул головой граф Игнатъев — Даже рискуя вызвать ваше неудовольствие моими словами и оценками.

По лицу Николая пробежал легкая тень, но он быстро прогнал ее и внимательно смотрел на собеседника своими большими красивыми глазами. Вокруг них рисовались темные круги, испещренные рядами мелких, словно иссеченных морщин.

— Германия оказывает сопротивление столь сильное и затяжное, которое никто и не предполагал. Безусловно, она имела преимущество в вооружениях до объявления войны, однако тяжелые потери, которые понесла Германия, уменьшили ее мощь. Я убежден, что ее разгромили бы довольно быстро, если бы с самого начала боевых действий союзники могли скоординировать свои действия и назначить единое командование всеми операциями. Однако уже заканчивается третий год борьбы, а такой координации все нет. Зато есть непонимание, а может даже нежелание или соперничество среди стран Антанты, когда одна из них наступает, другая стоит с винтовкой у ноги. Благодаря своим великолепным железным дорогам, Германия легко перебрасывает массу войск с Востока на Запад, или, наоборот, в зависимости от обстановки. И тем самым, сковывает любое противное ей усилие на фронте.

Полковник Игнатъев сделал паузу, ожидая вопроса о причинах такой вопиющей несогласованности, но Николай спросил его совсем о другом.

— Как вы оцениваете положение населения в Германии?

— Население принуждается к самоограничению. Оно пассивно терпит свою судьбу, подчинившись военной касте, и все еще верит в свою избранность. Тут черты тевтонского характера, как раз кстати. Кроме того, Германия снабжается за счет нейтральных стран, в основном через Голландию, а сама Голландия все получает из Англии.

И опять ожидал Игнатъев вопроса, как же так получается, что в итоге британцы сами кормят своих и наших врагов, и готовил ответ. Готовил сказать все, что накопилось в его душе за время общения в Париже. Все, что могли сказать своему государю, те окопные офицеры, что умирали «За Веру, Царя и Отечество» в грязных фронтовых траншеях. Но он опять не угадал.

— А, что думает Австрия?

— Я уверен, что ее руководители отдадут себе отчет в том, что натворили, они также чувствуют, что их лоскутная империя не сможет сохраниться. Чехо-Словакия, Трансильвания, Хорватия, Герцеговина, Босния потребуют или уже требуют независимости. Империя может сохраниться только в том случае, если они одержат победу, поэтому ее правители так отчаянно цепляются за Германию. Франция и Англия не жалеют слов для тех народов, о которых я только что упомянул, а Италия требует установления естественных границ.

Снова и снова пытался граф Игнатъев вывести разговор на «союзников», на их более, чем странное поведение. Вот взять, к примеру, Австро-Венгрию. Боясь собственного распада, она готова предать своего германского союзника. Надо только дать гарантию ее целостности, и тогда появляется реальная возможность отколоть Вену от Берлина. Но как можно желать окончания ее военного сопротивления, одновременно предлагая частям Австро-Венгрии государственную независимость? А ведь англичане так и делают.

Но Николай, словно не слышал его. Он задумчиво смотрел куда-то поверх головы полковника и так же задумчиво продолжал разговор.

— Значит, война затянется? Что же будет с нашей бедной Россией? А Болгария?

— Ваше величество, Вам известны имевшие место переговоры и их провал. Болгария против нас.

— Болгария! Кто смог бы предположить, что Болгария осмелится напасть на Россию?

Император был разгневан и возмущен. Предательство болгар, всем обязанным России, выводило его из себя. Однако он быстро успокоился.

— Полковник, вы хорошо организовали вашу разведслужбу во время пребывания во Франции — сказал император — Этот путь усеян многочисленными шипами, но я знаю, что вы не отступите ни перед какими препятствиями.

— Ваше величество мне льстит.

— Вы — Игнатьев, и этим все сказано. А какие чувства питают союзники к России?

— Наконец-то! — мелькнуло в голове полковника.

— Очевидно, союзники не могут понять, какой тяжелый материальный и политический кризис переживает наш народ — продолжал царь — А может быть, союзники иногда не по своей воле создают нам трудности?

Игнатьев знал, что этот разговор будет. Более того, он к нему готовился, но сейчас, когда император задал вопрос, которого он так ждал, Игнатьев растерялся. Выложить всю правду сразу было просто невозможно — не поверит. Скажет, выпереутомились, возьмите отпуск, а про себя подумает — бред сумасшедшего. Информацию, как лекарство, надо дозировать.

— Франция всегда вела себя по-рыцарски. Что же касается Англии, то у меня было мало контактов с ее разведывательными службами, тем более с Интеллидженс Сервис, деятельность которой весьма сомнительна. У этой организации совершенно четкие и весьма специфические задачи, которые держатся в строгом секрете. Не придерживаясь никаких моральных соображений, она шпионит как за вражескими, так, и за союзными разведками; противодействует усилиям и тех и других в соответствии с секретными указаниями своего правительства. А во всем остальном — горько улыбнулся Игнатьев — руководители и офицеры британской разведки предельно вежливы со мной. Что касается Италии, то с ее стороны я получал ценную помощь.

— Вот сейчас он спросит, спросит — кричал внутренний голос полковника. Но он ошибся и на сей раз.

— То, что вы рассказываете, полковник, малоутешительно — император встал и быстро заходил по кабинету — Поговорим же теперь на другую тему, которая сильно ранит мое сердце.

— Сейчас я узнаю, почему он сидел, как на иголках — подумал Игнатьев.

Очень возбужденный, охваченный сильным и глубоким гневом, император расхаживал по кабинету. Граф также встал вместе с ним, поскольку никто не имеет права сидеть, когда стоит император.

— Садитесь, полковник, — милостиво разрешил Его величество, — а мне надо немного подвигаться.

Наконец он снова пристально посмотрел на полковника:

— Что вы думаете о слухах, циркулирующих в Париже, Лондоне, а также в иностранной печати, согласно которым я и императрица якобы хотим заключить сепаратный мир?

— Действительно, ваше величество, я слышал об этом, не придавая большого значения: мало ли какая ложь в ходу!

Лицо Николая исказилось. Он долго ходил большими шагами по кабинету, куря папиросу за папиросой. Наконец, немного успокоившись, он возобновил беседу:

— Императрица очень задета подобными инсинуациями. Это гнусная клевета. Я позволяю повторить мои слова всем, кто будет заговаривать с вами на эту тему. Слышите, всем. Русский царь и русская царица никогда не предавали своих союзников. Эти разговоры оскорбляют меня и императрицу и очерняют трон в глазах простого народа. Прошу вас, полковник, по возвращении во Францию провести глубокое расследование, чтобы узнать источник этих слухов. Используйте все ваши связи и не останавливайтесь перед любыми расходами, чтобы добиться результата. Я хочу, решительно хочу, чтобы, узнав это, вы прекратили распространение слухов порочащих меня и императрицу. Николай остановился и совершенно спокойным тоном произнес, глядя на графа Игнатьева:

— Это крайне важно для меня, Павел Алексеевич...

Неслучайно именно в это время поползли зловещие слухи о предательстве России императрицей и ее окружением. Подорвать авторитет власти — наиважнейшая задача накануне ее свержения. Главное оружие — клевета. Все, что делал русский царь, всегда делалось им в интересах государства. Ни один русский царь не мог своими руками довести страну до полного уничтожения: он «помазанник божий» и призван заботиться о своем народе. Монарх мог ошибаться, действовать из ложно понятого им блага собственного народа. Одно было

неизменно всегда — царя было невозможно купить или запугать. Царя можно было только обмануть, используя особенности его личности, чтобы сам монарх мог создать такую ситуацию, при которой дремавшие в «союзном анабиозе» деструктивные революционные силы могли проснуться и начать уничтожение своей Родины. Это «союзники» и сделали, втянув Россию в войну. Они это делали, обескровливая страну, не предоставляя ей помощи, требуя кровь и жизни русских солдат в виде ранних и плохо подготовленных наступлений. А потом в ход шла клевета ...

Вкладывая в уста своих марионеток тяжкие обвинения в сепаратных переговорах и измене, англичане и французы сами обманывали русского царя, ведя их за спиной России. Молодой австрийский император Карл, взошедший на престол после смерти дряхлого Франца Иосифа, незадолго до русской революции, попытался завязать переговоры о мире. Предложения такие поступали ранее и Николаю II от германцев и австрийцев, со многих сторон, но всегда отменялись им как занятие недостойное. О том, что русский царь вел сепаратные переговоры, говорили многие и слухи эти распускались с целью компрометации монарха и русской власти. Однако ни разу не было представлено реальных доказательств этого. Он был не так воспитан, этот последний русский государь, чтобы предавать своих соратников по Антанте.

Поэтому Австро-Венгрия и пыталась теперь стучаться в западные, а не восточные двери. И ошиблась дверью. Понятное дело, что Англии и Франции мир был не нужен. Такой мир, в котором, Россия была сильной и неделимой, а Австро-Венгрия не усеяла своими отделившимися кусками середину Европы. Тем не менее, тайные переговоры Австро-Венгрии с Францией, Англией и Италией длились весь март семнадцатого. Россию о них никто не информировал, что само по себе было прямым предательством. Правда, на фоне заговора против монархии это выглядело невинной забавой. Вы уже догадались, что переговоры закончились полной неудачей — «союзники» отвергли предложение кайзера Карла и предпочли затянуть войну на полтора года и погубить еще миллионы жизней. Министр иностранных дел Временного правительства Милюков узнал о них только несколько лет спустя, уже после войны, из мемуарной литературы. Николай II так об этих переговорах и не узнал, но обманывать его постоянно было невозможно. Рано или поздно, по политическим вексям пришлось бы платить. Чтобы этого не случилось, вступала в силу первая часть «союзного» плана — **Революция**.

Однако вернемся в морозный февраль. В исторической литературе все даты Февральской революции обычно даются по старому стилю (собственно говоря, по новому стилю она уже Мартовская), будем этому правилу следовать и мы.

Все сходилась в одной точке: интересы наших предателей-«союзников», интересы внутренних заговорщиков. Для врагов России надо было немедленно запускать в действие свой разрушительный план, затяжка могла привести к потере контроля над ситуацией. И руководство западных спецслужб дало своим агентам зеленый свет. Благо прямо накануне переворота у них появился абсолютно легальный способ находиться на месте будущих событий и корректировать свои планы прямо в Петрограде. Здесь проводится ... очередная Межсоюзническая конференция! Официальная цель конференции не нова — координация действий. Неофициальная — последние приготовления к перевороту. Совпадение конечно чисто **случайное** : накануне устранения русской монархии, финансируемого и подталкиваемого «союзниками», впервые устраивается совет Антанты **именно в русской столице** . Пока генералы и дипломаты говорят о войне — заговорщики проверяют готовность к перевороту, дают последние инструкции и...деньги. Делегаты прибывают в русскую столицу 16 февраля 1917 года, уедут 20— го. Через три дня, 23-го февраля в Петрограде начнутся беспорядки.

Тщательно подготавливая свержение русского царя, «союзники» не скупятся на выражение своих дружеских чувств к нему, его просто душат в объятиях. Их лицемерие не имело пределов: к 1916 году император Николай II отмечен высшими наградами Франции, Англии, Бельгии и Сербии. Был русский царь и фельдмаршалом Великобритании, хотя это звание не имел даже английский король! Все это происходило в то время, когда участь империи Николая Романова была практически решена.

«Ни к одной стране рок не был так беспощаден, как к России, — писал лорд Уинстон

Черчилль. — Ее корабль пошел ко дну, когда пристань была уже в виду. Он уже перенес бурю, когда наступило крушение. Все жертвы были уже принесены, работа была закончена. Отчаяние и измена одолели власть, когда задача была уже выполнена...».

После провала скоропалительной Дарданельской операции «союзников», Черчилль был отправлен в отставку. Теперь пришла пора отправляться «в отставку» и России...

Эта книга посвящена не революционным процессам в России, поэтому мы пройдемся по февральским и октябрьским хроникам вскользь. Нас революционеры и их действия интересуют в первую очередь своей связью с нашими «союзниками». Скажу сразу: прямых доказательств финансирования англичанами и французами февральской революции и заговора против русского царя нет. Есть огромное количество намеков, ссылок в различных книгах, наблюдений и логических выводов. Именно логика событий поступков и действий неопровержимо подтверждает, что именно они организовали и оплатили уничтожение русского государства. К этому выводу начинаешь приходить и анализируя общее поведение Антанты. Об этом кричат и последовательность организации мировой бойни, и ее результаты, где России было уготовано место среди побежденных, хотя она три года воевала на стороне победителей! Косвенным доказательством причастности «союзников» к разрушению русской монархии являются сроки наступления революции, столь удачные, сколь и внезапные для всех.

Не ожидали скорого развития событий думские заговорщики, готовившие дворцовый переворот, оказались не готовы помогавшие им генералы. Не подозревали о революции эсеры и большевики, сидевшие за столами уютных швейцарских кофеен и пивных. Не надеялся на нее в Цюрихе Владимир Ленин, не верил строкам Нью-Йоркских газет Лев Троцкий, Иосиф Сталин не подозревал, что доживает последние дни своей ссылки. Спокойно садился в свой поезд русский император, с легким сердцем провожала его в ставку супруга. Будущие события знали единицы, те из сотрудников «союзных» спецслужб, кому было поручено организовать в столице Российской империи рабочие беспорядки.

Все должно было выглядеть так, словно события развивались сами собой и волны народного гнева потребовали смещения ненавистной монархии. Для этого нужны были беспорядки и беспорядки масштабные, способные сойти за народную революцию. Недовольная часть русской элиты была готова к действиям, но и ей не хватало повода. Керенский в своих мемуарах прекрасно определил их настроение: «Сцена для последнего акта спектакля была давно готова, однако, как водится, никто не ожидал, что время действия уже наступило».

И повод для недовольства людей был выбран безошибочный — хлеб. Продовольствия в России было в достатке — излишек хлеба, за вычетом собственного потребления и союзных поставок в 1916 году составил 197 млн. пудов. Но именно в феврале начались перебои в поставках. Очередная смута снова начиналась по сценарию 1905 года: демонстрации, войска, жертвы. С той только разницей, что в столице в 1917-м году стояли не отборные гвардейские полки, а их запасные части. К тому же только, что закончился призыв новобранцев, родившихся в 1898 году. Казармы были полны молодыми людьми 18 и 19 лет, которых из-за больших потерь призвали на службу ранее положенного срока. В случае столкновений с «народными» демонстрациями можно было смело предсказывать, что эти войска не будут эффективно бороться с бунтом.

Первый звонок русской трагедии прозвучал 18-го февраля: как и накануне «Кровавого воскресенья» на Путиловском заводе вспыхнула забастовка! Предприятие это по-прежнему было не простое, а оборонное и выпускало продукцию, от наличия которой в окопах зависела жизнь или смерть русских солдат. В демократической Франции завод, работающий на оборону и забастовавший в военное время, был бы оцеплен колониальными войсками, а все зачинщики были бы быстро арестованы, судимы и расстреляны. В «темнице народов» как нам представляют царскую Россию, не сдвинулся с места ни один городовой. Правительство полагало, что решение проблемы это дело самих рабочих и администрации.

Много странностей было в поведении властей в том феврале, с этого попустительства забастовщикам все и началось. Зерно бунта в зародыше не подавили. И тут сама природа, казалось, выступила против России. В феврале в центральной России ударили сильные морозы до минус 43°. Это привело к выходу из строя свыше 1200 паровозов, что в свою очередь и затруднило подвоз продовольствия. В столице начались перебои с продуктами, поэтому 19 —

го февраля власти объявили о введении в столице хлебных карточек. Помимо всего этого в Петрограде упорно распространялись абсолютно беспочвенные слухи о предстоящем голоде. Естественно горожане, стали закупать больше хлеба, что усилило нехватку продуктов еще сильнее. Хлеба не стало, но только черного, белый, чуть подороже, лежал свободно! У магазинов выстроились огромные очереди, в которых почему ругали правительство. Оставалось «правильно» объяснить недовольному населению причины возникших трудностей. Это был тот самый, присущий только монархиям, недостаток: в лавки не завезли булку, а во всем виновато самодержавие!

Непонимающий серьезности ситуации, после окончания консультаций с «союзными» делегациями, прибывшими на конференцию, Николай II спокойно отбыл в свою ставку в Могилев. 22-го февраля он покинул с виду спокойную столицу. Царя часто упрекают в том, что он покинул Петроград в самый ответственный момент. Но основания для отъезда были у русского монарха веские: он командует вооруженными силами страны и должен быть в Ставке. Причины для особого беспокойства не было. Несмотря на то, что день открытия заседаний Государственной Думы, 14-го февраля, планировался, как начало рабочих демонстраций, благодаря четким действиям охранного отделения беспорядки были предотвращены, произведены аресты. Последние в истории русских жандармов...

Запланированные выступления не состоялись. Бастовало лишь до 20 тысяч рабочих. На двух заводах рабочие вышли было с пением революционных песен и криками: «долой войну», но были рассеяны полицией. На Невском проспекте студенты и курсистки собирались толпами, но тоже были разогнаны. Казалось, столица успокоена, и Николай II может спокойно отправляться руководить боевыми действиями. Но, уезжая и ощущая тревожную ситуацию в своей столице, царь отдает приказ отправить в Царское Село с фронта надежные части. На всякий случай. Разве мог он предполагать предательство высшего военного руководства!?

«В половине февраля, — писал министр внутренних дел Протопопов, — Царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В.И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе, моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)». Исследователь февральских событий Иван Солоневич пишет: «Это, конечно, можно объяснить и глупостью; это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, даже человеческая глупость. Это была измена. Заранее обдуманная и заранее спланированная».

Помимо невыполненных военных приготовлений, царь перед отъездом принял премьер-министра князя Голицына и оставил в его распоряжении свой подписанный указ о роспуске Думы. В случае необходимости надо было просто проставить дату и уведомить депутатов, что они могут отправляться по домам. После этого поезд монарха отправился в Могилев, в Ставку.

На следующий день, в городе, как по команде, **неожиданно** начались серьезные беспорядки. «23 февраля было международным женским днем. Его предполагалось в социал-демократических кругах отметить в общем порядке: собраниями, речами, листовками — напишет позднее Троцкий в своей „истории русской революции“ — Накануне никому в голову не приходило, что женский день может стать первым днем революции. **Ни одна из организаций не призывала в этот день к стачкам**».

Никто к забастовкам не призывает, но они начинаются. Стихийно, сами собой, просто так. Однако тот факт, что обострение ситуации началось **сразу после отбытия Николая**, уже заставляет задуматься о «стихийности» народного гнева. Императрица, оставшаяся в Царском селе посылает мужу на следующий день письмо: «Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова и против них вызывали казаков. Все это я узнала **неофициально** (курсив мой Н.С.)».

Вот это чрезвычайно важно! Информационная блокада царской семьи — обязательное условие успешности переворота. Она вступает в завершающую фазу — **в городе уже революция**, а царица узнает об этом не от тех, кто должен ее информировать по долгу службы. Николаю II его приближенные тоже ничего не докладывают, а из сообщения жены он может понять, что приключились сущие пустяки. Царь не знает, что сейчас в Петрограде решается судьба династии, вопрос жизни и смерти его страны и его семьи. А ведь он мог понять, что

ждет его, просто почитав стенограмму думских заседаний!

Позже деятели Временного правительства вину за расстрелянную семью Романовых, будут переключать на большевиков. В этих обвинениях правды ровно столько же, сколько и лукавства. Тот же Керенский, именно в день, когда планировались предотвращенные демонстрации и беспорядки, 14 февраля 1917 года в своей речи в парламенте заявил: «Исторической задачей русского народа в настоящий момент, является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом? С нарушителями закона есть только один путь борьбы — физического их устранения».

Председательствующий Родзянко прервал выступление Керенского вопросом, что он имеет в виду. Ответ последовал незамедлительно: «Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Древнего Рима». Это прямое подстрекательство к мятежу. Такого в адрес монархии в России еще никто не позволял себе говорить! Но ведь не самоубийца же он — за такие высказывания — призыв к государственному перевороту и убийству царя — полагается смертная казнь и в мирное время! О военном и говорить нечего. Но не надо беспокоиться за Александра Федоровича — ничего ему не будет. Он из тех немногих, кто знал о «союзных» планах значительно больше других. Керенский осмелел настолько потому, что знает — Николаю II на троне сидеть остались считанные деньки. Не получилось сегодня раскатать лодку — ее раскатают ровно через неделю. Постоянные оговорки «по Фрейдю» торчат из всех мемуаров, будущего главы Российской республики. Действия, которые он на этом посту совершит, будут еще более красноречивы...

Но не всегда читал царь парламентские хроники, он был главнокомандующим русской армией, и для таких мелочей времени у монарха уже не оставалось. Из столицы же рапортовали о практически полном спокойствии. Вот и супруга снова пишет ему в письме 25-го февраля о событиях в Петрограде, как о незначительных мелочах: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать».

Скажите честно, получив такое письмо от жены, вы бы бросили все и немедленно отправились бы в столицу? Многие историки, упрекающие царя в бездействии, удосужились бы сначала почитать эту переписку. Однако Николай осознает необходимость наведения порядка — только в его списке дел на день, вопрос этот отнюдь не самый важный. На первом месте, как всегда, положение на фронтах. Уже вечером 25-го февраля он посылает командующему петроградским гарнизоном генералу Хабалову телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Отправив строгую телеграмму в Петроград, столь часто цитируемую историками, в своем дневнике он запишет: «26 февраля. Воскресенье. В 10 часов пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял... Вечером поиграл в домино».

О беспорядках ни слова. План заговорщиков идет, как по маслу — точка кипения уже близка, а царь спокойно гуляет и играет в домино, явно не осознавая размера грозящей опасности. Он отдает приказ, не понимая, что выполнить его уже почти невозможно.

Разворачиваясь по заранее заготовленному сценарию, беспорядки росли как снежный ком. 23-го февраля на улицы Петрограда вышло уже 88 тыс. бастующих рабочих и работниц с криками «Долой войну!» и «Хлеба!». В основном это были представительницы прекрасного пола. Причина проста — по новому стилю этот день соответствовал 8-му марта — международному женскому дню. Тысячи факторов, случайных и подготовленных складывались в эти дни против Российской империи. Военное руководство столицы могло, имело шанс спасти страну. Однако вместо решительных действий, которые как мы теперь знаем, спасли бы миллионы жизней, командующий генерал Хабалов запретил применять оружие! Подстрекаемый агитаторами, народ собирается в толпы — солдаты и казаки бездействуют. Полиция борется с беспорядками изо всех сил, но ей тоже запрещено применять оружие. Почувствовав свою безнаказанность, 24-го февраля движение расширилось, снова не встречая противодействия. В этот день бастовало уже 197 тыс. рабочих. Появились красные флаги. Наступал решительный момент — если сейчас не восстановить порядок, потом может быть уже

поздно.

На улицах Петрограда простой хлебный бунт? **Нет, простых бунтов такого размаха не бывает!** Нам, наблюдающим всевозможные бархатные, розовые и оранжевые революции на территории бывшего СССР легче поверить, что и в 1917 году за кулисами беспорядков стояли западные спецслужбы. Забастовщики ведь должны что-то кушать, а значит, кто-то должен их простой оплатить. Кому все это выгодно — тот и платит. Вот на этой справедливой мысли и проходит граница, за которой историки и политики делают из правильного посыла неправильные выводы. Анализировать надо не Первую мировую войну, не предвоенный период. Необходимо уйти значительно глубже в толщу истории и вспомнить, кто постоянно мутил воду в мировой политике и претендовал на мировое господство. Надо хорошенько вспомнить, кто неоднократно на протяжении XIX века пытался ослабить и уничтожить Россию сначала шпагой Наполеона, а затем кривыми турецкими ятаганами. Ответ на вопрос «кто был историческим и геополитическим врагом Российской империи» и есть ответ на вопрос о таинственном авторе нашей революции. Слабость и гибель России нужна «союзникам», следовательно — и деньги их. Звездный час германских марок наступит позже — в Октябре. Но и их германское происхождение отнюдь не безупречно! В феврале семнадцатого германские монеты звякают в карманах лишь некоторых забастовщиков, но основную «мелодию» переворота играют английские фунты и французские франки.

Сомневаетесь, не верите Милюкову — тогда почитайте Ленина. Представители разных политических течений в один голос говорят об одном и том же. Ленин прямо пишет о причастности «союзников» к Февралю: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и „связями“, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова».

Глава военной миссии Франции в Петрограде генерал Жанев позже простодушно рассказывал, что ему докладывали об английских агентах, которые платили солдатам запасного Павловского полка на Миллионной улице по 25 рублей, чтобы они выходили из казарм и не подчинялись своим офицерам. «Закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами» — пишет Милюков. Он почти не ошибся: не за кулисами, а за портьерами, прикрывшими окна «союзных» посольств. Так маленькие части одной большой мозаики складываются в единую, страшную картину планомерного предательства России.

25-го февраля по правительственным сведениям бастовало уже 240 тыс. человек! В этот день пролилась первая кровь: на Знаменской площади был убит полицейский, пытавшийся вырвать флаг у демонстранта. Затем новая неприятность — казаки впервые отказались разгонять мятежную толпу. Кое-где, пока еще робко, как проба сил, уже были выброшены лозунги «Долой Самодержавие!». Зато начинаются погромы, грабежи магазинов и избияния полицейских. Гарнизон столицы большой: это почти 200-тысяч, но не солдат, нет — **новобранцев** ! Зато полицейских на весь миллионный город всего 3300! Избиваемая полиция начинает применять оружие для самозащиты, но войска продолжают быть пассивными наблюдателями.

Распоряжения военного министра генерала Беляева, вселяли в толпу уверенность в собственной безнаказанности: «Целить так, чтобы не попадать», «Стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая...». Такие приказы во время революции может отдавать министр по защите окружающей среды, но никак не главный военный в России! Мотивация такого странного поведения в решительный час, не менее удивительна — «какое ужасное впечатление произведут на наших союзников трупы на петроградской мостовой!»! Снова «союзники», и снова во вред России!

А как поступили бы в подобном случае в демократической Англии? Ответ можно дать не приблизительный, а совершенно точный — стреляли бы залпами, до полной ликвидации бунта. Не хватило бы ружейного огня, англичане бы смело применили артиллерию. Именно так они и поступили почти год назад в Дублине. Напомню, что Ирландия в свое время была присоединена к Британии отнюдь не добровольно и война давала ирландцам шанс на

освобождение.

Мятеж произошел в пасхальный понедельник 24-го апреля 1916 года. Около 1500 волонтеров были поддержаны двумястами членами профсоюзной милиции и Ирландской гражданской армии. Они захватили несколько зданий в центре Дублина и выпустили «Прокламацию о создании Ирландской Республики». Английские власти не стали проявлять преступной медлительности и не дали выступлению охватить всю страну. За считанные часы к Дублину было стянуто мощное подкрепление, и если соотношение сил в понедельник было примерно 3:1, то уже к среде — 10:1, естественно, не в пользу повстанцев. Двадцать тысяч британских солдат взяли город в кольцо. Однако плохо вооруженные восставшие оказали неожиданно сильное сопротивление. Тогда ни минуты не колеблясь, в четверг 28-го апреля англичане подтянули к городу артиллерию и корабли. Главной своей мишенью британское командование избрало Почтамт, где укрывались основные силы повстанцев. В результате обстрела был разрушен весь прилегающий к нему квартал Сэквилл Стрит и убиты тысячи мирных жителей. «Союзников» это ничуть не тревожило. Им было абсолютно плевать на общественное мнение и произведенное впечатление — они методично давили мятеж! И своего добились — в воскресенье 30-го апреля сложили оружие последние из повстанцев. Вот так решались подобные вопросы в демократических странах: как сказал бы Бисмарк, «железом и кровью».

У нашего самодержавия генералы были «демократами» не в пример британским — и в результате погубили всю страну! Подстрекательство и деньги, раздаваемые «союзной» агентурой придают бунту второе дыхание. В день, когда Николай II повелел беспорядки прекратить, они наоборот вышли на новый уровень: В городе стреляли, появились многочисленные убитые и раненые. Поведение толпы было также провокационно, как и в 1905 году. «По-хорошему» не расходились, затем из толпы или из-за угла кто-то стрелял в солдат и те отвечали залпом. Оружие в течение 26-го февраля применялось неоднократно. Толпы начали разбегаться. В ночь на 27 февраля в Думе был обнародован заранее заготовленный царский указ о ее роспуске. Именно тогда всем и показалось, что беспорядки окончены.

Но военные заговорщики, используя ситуацию, делали все возможное для того, чтобы помешать подавлению бунта. Великий князь Александр Михайлович по телефону беседует со своим братом, находящимся в Петрограде. Он знает о приказе Николая II отправить в столицу гвардейские части с фронта, поэтому и изумляется Великий князь, ответу брата на вопрос о состоянии дел:

«Дела в Петрограде обстоят все хуже и хуже, — нервно сказал он. — Столкновения на улицах продолжаются, и можно с минуту на минуту ожидать, что войска перейдут на сторону мятежников.

— Но что же делают части гвардейской кавалерии? Неужели же и на них нельзя более положиться?

— **Каким-то странным и таинственным образом** приказ об их отправке в Петербург был отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт».

Странности и таинственность. Никуда от них не деться в разговоре о наших революциях!

Утром 27-го февраля случилось худшее, что могло случиться: военный бунт. Тимофей Кирпичников, унтер-офицер учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, убил своего начальника капитана Лашкевича. Русский солдат во время войны убил выстрелом в спину безоружного русского офицера! Это был первый выстрел в длинной цепи русской междоусобицы. Это была первая смерть, открывшая счет океанам братской крови, пролитой в Гражданскую и Великую Отечественную. Временное правительство позже чествовало Кирпичникова, как «первого солдата, поднявшего оружие против царского строя». Но настоящая награда нашла «героя» позже...

Невероятно переплетутся судьбы участников февральских событий. Все перемешается, вся страна встанет на дыбы. Сразу после Февраля генерал Корнилов, будущая икона Белого движения, наградит Кирпичникова Георгиевским крестом и произведет его в офицеры (подпрапорщики). Через год, уже во время Гражданской войны, к другому герою белого движения полковнику Кутепову, с просьбой обратится офицер по фамилии Кирпичников.

Заметив, что его фамилия не произвела должного впечатления, он достанет из кармана

газетную вырезку, рассказывавшую о его февральском «подвиге», и выложит ее на стол. Кутепов, в том самом феврале пытавшийся усмирить бушующий Петроград, с интересом взглянет на виновника мятежа: «А, так это вы убили своего безоружного начальника!». И прикажет его расстрелять...

После убийства первых офицеров началось самое страшное. Был разгромлен арсенал, истреблена полиция, сожжен окружной суд и выпущены арестанты из тюрем. Толпы восставших смяли оставшиеся верными войска. Власти в Петрограде больше не было. Не ожидавшие такого развития событий думские заговорщики, пытаются понять, как направить «стихийный» мятеж в нужное им русло.

Николай II, отдав распоряжение о подавлении беспорядков, далее получал успокоительную информацию. Главу государства не информируют о событиях чрезвычайной важности. Те военно-думские круги, что планировали добиться низложения монарха, арестовав его, корректируют свои старые планы. Цель все та же: добиться отречения, скрывая информацию сначала и преувеличивая размеры бунта потом.

Тем более неожиданно для него прозвучала телеграмма председателя Государственной Думы Родзянко: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах идет беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя...».

Беспорядки уже достигли нужного накала. Теперь пришла пора шантажировать ими царя. Арестовать монарха в Ставке невозможно, необходимо, чтобы он оттуда уехал. Так ему события и подаются. Монарх должен приехать в столицу, чтобы на месте разобраться в случившемся и просто сформировать новое, ответственное перед Думой, правительство. До его отбытия из Ставки речи об отречении нет! Это понятно, ведь в распоряжении Николая II многомиллионная армия, а на стороне бушующего мятежа — пьяные новобранцы и погромщики. Одна, две верные дивизии наведут в столице порядок за считанные часы. Ярким примером, что так могло быть успешное сопротивление мятежникам в самом Петрограде отряда полковника Кутепова. Под его командой всего 500 солдат, но и с этой горсткой верных присяге людей Кутепов успешно сопротивляется. Однако, не будучи поддержанным, терпит поражение.

Благодаря дезинформации Николай II не до конца понимает размеры случившегося. В свой дневник царь записал: «27 февраля. Понедельник. В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и **получать отрывочные нехорошие известия!** Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село, поскорее и в час ночи перебрался в поезд».

Он решает ехать, полный беспокойства за свою семью, находящуюся в Царском селе, т.е. всего в нескольких десятках километров от военного мятежа. Бунтовщики легко могут напасть на дорогих его сердцу детей и безгранично любимую супругу. Перед отъездом он решает направить для подавления бунта генерала Иванова. 28-го февраля Николай запишет в дневник «... Лег спать в 3, так как долго говорили с Н.И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев...».

Советские историки всегда старались показать Февраль, как некую неполноценную революцию, противопоставляя ее «полноценному» Октябрю. Сложность задачи состояла в том, что одновременно надо было показать, с каким трудом была сброшена царская власть, и приписать именно большевикам все заслуги в деле свержения самодержавия. Поэтому эпизод с посылкой генерала Иванова вообще не упоминался. Потому, что к его остановке ленинцы никакого отношения не имели.

Сейчас у историков задача диаметрально противоположная. Это Октябрь был предательством и ошибкой, а вот Февраль мог дать России процветание и свободу. Доказать эти суждения документально невозможно, представить февральскую революцию заговором неудобно. Оттого и рождаются в среде писателей и публицистов странные «кентавры» суждений на несбывшиеся надежды с «ма-аленькими» историческими неточностями. Так вот и

с генералом Ивановым, носившим редкое сейчас отчество Иудович.

Яркий пример искажения истории в угоду конъюнктуре — книга В.Л. Стронгина «Керенский». Открываем ее и читаем: «Стало известно, что царь и Ставка двинули на Петроград войска с фронта, возглавляемые генералом Ивановым, наделенным диктаторскими полномочиями».

Не случайно в таких книгах, вы не найдете ни одной цифры. Расчет на незнание и эмоции.

Подумайте, сколько же войск направил Николай на подавление революции, если население Петрограда около двух миллионов человек, а взбунтовавшийся гарнизон почти 200 тысяч? Десять, двадцать, пятьдесят тысяч?

Не будем гадать, просто скажем правду. Правду, которую не хотят говорить защитники заговорщиков, подтолкнувших Россию к краю обрыва, а потом и вовсе спихнувшие ее под откос. **Генерал Иванов шел умирять Петроград с отрядом георгиевских кавалеров в 800 человек!** Но даже эти солдаты могли еще спасти ситуацию. Пока сам царь не остановил их движение на столицу! Сделал он это полностью дезинформированный, запутанный и преданный своим ближайшим окружением, своими родственниками, своим парламентом. Сделал исходя из своего понимания блага России и для того, чтобы избежать кровопролития. Тем самым упустил последний шанс сохранить страну и избежать дальнейших потрясений.

Февраль победил, потому, что власть не стала его подавлять, а вовсе не потому, что так велико было стремление народных масс к свободе! Февраль — это не революция в классическом смысле, когда, несмотря на сопротивление власти, восставшие ее сметают. Это заговор, причем заговор неудачников, которые не организуют события, а плетутся у них в хвосте. И только предательство всех тех, кто должен бунт подавлять, приводит к его победе.

Судьба страны балансирует на весах истории. 27 февраля еще ситуация абсолютна неясна, царь отрекаться и не собирается. Вооруженными мятежниками громятся государственные учреждения и фактически захвачена столица. И все. Есть старая законная власть, и есть беснующиеся толпы, которые рано или поздно будут разогнаны. Для того, чтобы мятеж перерос в революцию должен возникнуть новый властный орган. Вот тут оппозиционеры в Думе словно получают какой-то сигнал. Растерянные депутаты, «неожиданно» решаются организовать новые властные органы. И не один даже, а **сразу два новых центра власти**, противоборство которых и составит потом всю дальнейшую драму русской революции! Совершенно **случайно** это происходит, **в один день в одном и том же здании — в Таврическом дворце!**

Подумайте, откуда такое единодушие? Бунт ведь могут и подавить. Создание в такой ситуации нового правительства — явная государственная измена. Но хитрость в том и состоит, что под флагом борьбы с анархией Временный комитет думы организуется не для ее ликвидации, а для демонтажа существующей власти!

Думские деятели создают Временный комитет Думы — фактически новое революционное правительство. Его председатель — Родзянко. В составе все главные заговорщики: Милюков, Гучков, Львов, Керенский. Левые партии тоже торопятся и в тот же день создают Петроградский Совет рабочих депутатов, и выбирают его временный исполнительный комитет. Председателем исполкома выбрали лидера меньшевистской фракции Государственной думы Чхеидзе, а его заместителями членов Думы: меньшевика Скобелева, Стеклова — Нахамкеса и ...«независимого депутата» Керенского. Таким образом, Александр Федорович Керенский стал связующим мостом между Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Думы, который взял на себя верховную власть. Он решителен и смел. В эти дни он и составил свою бешеную популярность и головокружительную карьеру. Такая «всенародная» любовь представителей двух образующихся центров власти именно к этой персоне вполне оправдана. К созданию обоих Керенский приложил руку лично! Просто потому, что **Керенский знает, что будет дальше**, а остальные к живительному источнику знаний, бьющему из резидентуры «союзных» спецслужб не припадают.

Только нерасторопность столичных властей позволила депутатам снова собраться в Таврическом дворце. Никто не принял никаких мер, чтобы не допустить распущенных парламентариев в здание Думы. Хватило бы трех десятков солдат и пары решительных офицеров, чтобы прикладами за десять минут в точности выполнить царский указ. Но караула нет, и депутаты свободно проходят в здание. Собравшись там, они принимают решение: указу о

ропуске подчиниться, считать Думу не функционирующей. Вот здесь и появляется энергичный Керенский. С его подачи возникает мысль выполнить указ лишь на половину. Считать Думу распушенной, но депутатам не разъезжаться и немедленно собраться... просто на частное совещание. Не боялся Керенский призывать к цареубийству, теперь не боится он и нарушить царский указ. Именно Александр Федорович звонит в колокольчик для сбора депутатов в Большой зал заседаний. Это погребальный звон русской монархии. Керенский наперед знает будущие события и ведет своих коллег по заранее намеченному плану — срочно сформировать новый властный орган. Пришло время сформировать новую власть, **за это ничего, кроме славы и почестей уже не будет**.

В это же время, только чуть позже начинает свою работу Петроградский Совет. В том же здании, в соседнем помещении. Это совсем не случайно, что второй орган власти, располагается там же, где и первый. Об этом нам рассказывает сам Керенский: «Еще одним важным преимуществом Совета было психологическое воздействие размещения его в Таврическом дворце. В глазах политически неискушенных обывателей **из-за непосредственной близости Совета к новому правительству этот институт представлялся им в какой-то мере равнозначным правительству и посему обладавшим властью в пределах всей страны**».

Хитро поступили отцы основатели Петроградского Совета. Но кто же они? Много «чудес» мы наблюдали в истории русской революции, еще больше ждет нас впереди. Имена можно при желании найти прямо в мемуарах Александра Федоровича: «У меня в памяти живо стоит воспоминание о нашей встрече с М. В. Родзянко в одном из коридоров Таврического дворца приблизительно в 3 часа пополудни того же дня (27-го февраля— Н.С.). Он сообщил, что член Думы от меньшевиков Скобелев обратился к нему с просьбой предоставить помещение для создания Совета рабочих депутатов, дабы содействовать поддержанию порядка на предприятиях.

— Как вы считаете, — спросил Родзянко, — это не опасно?

— Что ж в этом опасного? — ответил я. — Кто-то же должен, в конце концов, заняться рабочими.

— Наверное, вы правы, — заметил Родзянко. — Бог знает, что творится в городе, никто не работает, а мы, между прочим, находимся в состоянии войны».

Вот круг и замкнулся. Скромничает Керенский — именно он и инициировал создание совета, он же и помог ему расположиться под крылом правительства, чтобы спроецировать на себя его авторитет. Так один человек смог заложить основы будущего Двоевластия.

«Передайте союзникам, — писал в июле 1918 года генерал Алексеев, одному из своих соратников, — что я считаю, что главным образом А.Ф. Керенскому Россия обязана уничтожением своей государственности». О деятельности незабвенного Александра Федоровича мы поговорим еще неоднократно. И странности его поведения на самых высоких государственных постах, будут нам ясно говорить, чьи интересы Керенский отстаивает, какие цели преследует.

Итак, органы будущей власти уже сформированы, но чтобы они смогли полноценно запустить процесс развала России, надо чтобы нынешняя царская власть исчезла. Поэтому седовласый генерал Алексеев вместе с другими военными участниками заговора, ставившего целью перемены на троне, готовился оказать давление на царя, чтобы добиться его отречения. Военные возлагали большие надежды на регентство (при малолетнем царевиче Алексее) великого князя Михаила Александровича, брата царя. Монарх передвигается по своей стране с минимальной охраной. Мы помним, что на подавление мятежа он отрядил целых 800 штыков, а его личный конвой еще меньше. Арестовать, изолировать Николая будет несложно.

Дальнейшие события надо изучать пристально. Именно в хронологии и таится ответ, о том, кто все это замыслил. Итак, Николай в поезде двигается в столицу. Чтобы он ехал, не беспокоясь о своей безопасности, ему ничего не сообщается о появлении сразу двух новых центров власти. Наоборот Родзянко, в тот же день 27-го февраля шлет царю новую телеграмму, из которой можно понять, что именно решения монарха могут ситуацию изменить: «Занятия Государственной думы указом Вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков

охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. **Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты.** Возвестите безотлагательно высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и **крушение России, а с ней и династии** неминуемо. От имени всей России прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной думы. Родзянко».

В действительности именно крушение Династии приведет к разрушению России. Поэтому, так важно добыть отречение царя. Председатель Государственной думы Родзянко отбивал телеграмму не только царю. 1-го марта он отправил сообщения генералам-заговорщикам Алексееву в Ставку и Рузскому в Псков о принятии власти Временным правительством под председательством князя Львова и просил отозвать войска, посланные царем в Петроград. Рузский немедленно доложил об этом Николаю, и вечером 1-го марта последовало его роковое повеление генералу Иванову ничего не предпринимать. Для фактического ареста и задержания монарха, Временное правительство уже отдало приказ железнодорожникам: царский поезд не пропускать и блокировать. Николай запишет об этом с удивлением: «1 марта. Среда. Ночью повернули с М. Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор. Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!».

«...Временный комитет принялся за свою главнейшую задачу — ликвидацию старой власти. Ни у кого не было сомнения, что Николай II более царствовать не может» — вспоминает Милюков. Цель номер один для всех заговорщиков, «знавших» и не знавших будущее, вечером 1 марта была одна и та же — отречение. Но единодушие в среде думцев лишь видимое. Дальше предстояла первая «развилка», где первая часть заговорщиков, неожиданно поняла, что события развиваются совсем не так, как они себе представляли. Ощущение, что явные договоренности, имевшиеся накануне Февраля, вдруг странным образом начали нарушаться, не покидает, когда листаешь мемуары и воспоминания участников тех событий.

Первым почувствовал себя неловко именно глава кадетов Милюков. Утром 2-го марта, выступая перед толпой о составе Временного правительства, он объявил о том, что Великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Почему он так говорит — понятно. Таковы, собственно говоря, и были цели дворцового переворота, замышлявшегося в Думе и армии. Но разрушительным силам нужно не перемена лица на троне, а скатывание страны к хаосу и анархии.

Керенский, который знал куда больше своих партнеров по Думе, пишет в своих мемуарах совершенно открыто: «С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, кому суждено быть новым Царем, а к тому, что царь на Руси необходим. **Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру**. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя».

Милюков протестует, он говорит о том, что России нужен царь, а без него страна погибнет. Силам, чьи желания будут осуществлять Керенский, на службу которым он отдаст свой незаурядный ораторский талант нужно совсем другое. Поэтому, Александр Федорович выводы делает моментально: «Заявление Милюкова вызвало бурю негодования всех солдат и рабочих, собравшихся в Таврическом дворце. Однако в ночь с 1 на 2 марта почти единодушно было принято решение, что будущее государственное устройство страны будет определено Учредительным собранием. **Тем самым монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории**».

Отличить наивных заговорщиков, от тех, кто потом будет сознательно губить

собственную Родину очень легко. Надо просто понять их логику. Вот и попробуем это сделать. Какие варианты выхода из кризиса были у России в Феврале?

Первый — Николай II остается на троне. Это не устраивало никого. Второй — отречение в пользу наследника Алексея Николаевича, при регентстве брата бывшего монарха Михаила Александровича. Только эти два варианта были абсолютно законны. Именно поэтому их и постарались избежать. Третий вариант, к которому и склонят в итоге Николая — отречение в пользу брата Михаила. Четвертый вариант — установление в России Республики, за что так горячо ратовал Керенский. Эти два варианта, вложены друг в друга, как матрешки и являются незаконными.

Пойди события по пути вариантов один или два, может, и стояла бы Российская империя до сих пор. После развития событий по другим вариантам шансов на спасение уже не было. Давайте разбираться. Законом о престолонаследии вообще не предусматривался вариант отречения помазанника божьего. Однако в случае такого поворота дел, согласно порядку престолонаследия царем становился сын Николая, цесаревич Алексей. В силу своего малолетства править самостоятельно он не мог и должен был получить опекуна-регента. Таковым умеренные заговорщики и мыслили Великого князя Михаила Александровича. Для России это был наилучший выход. Благодаря отречению, страсти успокаивались, мятеж заканчивался, и страна могла продолжать войну до победного конца. Конечно, были бы изменения, связанные с некоторым урезанием прав монарха и переменами в высших эшелонах, но в целом государственный строй изменился бы минимально.

Минимально, по сравнению с теми потрясениями, что предусматривались вариантами три и четыре. «Союзники» не могли допустить перехода престола к малолетнему Алексею. **Ведь главной помехой на пути уничтожения страны становится именно возраст наследника!** Чтобы быть уверенным в успехе, надо движение страны к распаду и гибели не просто направлять и прогнозировать, а возглавлять. Для этого разрушители России должны взять в свои руки всю полноту власти: Династия должна полностью уступить ее новым властным центрам: Временному правительству и Петроградскому Совету. В случае передачи власти малолетнему Цесаревичу этого не произойдет. Власть остается в руках Династии. Степень сговорчивости Михаила Романова и остальной части семьи неограничена. Опекуны цесаревича, могут согласиться на думское правительство, но они никогда не согласятся переломать весь государственный механизм страны. При наведении порядка в стране, снова надавить на власть уже не получится. Повода для бунта уже не будет: на троне мальчик, который ни в чем не повинен. Убрать же его от власти законным путем невозможно.

Его отца заставляют уговорами и угрозами передать власть. Михаил Романов тоже может отречься от престола. Они взрослые люди, и вольны сами решать, хотят ли они царствовать. **Малолетний наследник не может отречься — его отречение недействительно в силу юридической недееспособности малолетнего ребенка.** И еще один важный момент: опекун наследника может поменять правительство, отправить его в отставку. В случае если увидит, к чему ведут Россию керенские и миллиуковы. Такие полномочия у опекуна есть. Как вы будете в таком случае разрушать страну и принимать безумные декреты (о которых мы поговорим в следующей главе)? Никак.

Зато Временное правительство, **никому** не подотчетно, его **никто** не может отправить в отставку. Никак не сорвать их преступную деятельность, кроме как путем переворота, а это уже и есть хаос и анархия нужные «союзникам!» Получается заколдованный круг: стоит во главе страны такое правительство и губит ее, хочешь свергнуть злодеев и получаешь тот же результат.

На пути «союзного» плана пусть малолетний, но монарх, и его властные полномочия, переданные на время опекуну. Это можно обойти, если принять конституцию, при которой власть русского монарха сократится до чисто представительских функций. И опять таки, забрав власть, направить государственный корабль России прямо на скалы. Но сделать это также не позволяет ... возраст Алексея Николаевича!

Взрослый государь Михаил может присягнуть новой измененной конституции. Малолетний цесаревич Алексей — нет! Значит и конституцию при нем не изменить. Возраст наследника полностью блокировал все изменения государственного строя. При объявлении

цесаревича новым государем процесс уничтожения России останавливался в самом начале. План **Революция-Разложение-Распад** не был бы реализован: не было бы разложения, не было бы и распада. Удалось бы миновать Гражданскую войну, болезни и разруху. Поэтому единственным выходом для врагов России, оставалась передача власти не Цесаревичу Алексею, а Великому князю Михаилу Александровичу. Его можно заставить отречься или ввести новую конституцию. **Следовательно, необходимо заставить Царя отречься именно в пользу своего брата.** Это нарушение закона. Но разве в ситуации, когда на улицах революция, до буковок закона ли?

«Если здесь есть юридическая неправильность... Если Государь не может отречься в пользу брата... Пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время... Некоторое время будет править Михаил, а потом, когда все уgomонится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу...» — рассуждает Шульгин, известный монархист, принимавший отречение у Николая II. Так думали умеренные заговорщики, сторонники сохранения царской власти. Этого желали военные. Казалось, их цель близка: Николай II, не устраивавший их персонально, от власти отстранен. При регенте Михаиле, все будет по-другому.

Именно на этом и «поймала» их «союзная» агентура. Поэтому, когда лидер кадетов делает заявления о введении регентства, то те, кто знал больше Милюкова, сделают вид, что согласны с ним. На самом деле все идет по плану, в котором монархии в России места нет. Керенский ведь проговорился в своих мемуарах, что «монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории».

Обратите внимание на даты: это очень важно! Николай II отрекся в середине дня 2-го марта. А Керенский решил судьбу института монархии **утром 2-го марта**, т.е. до **формального отречения венценосца**. Допустим, что отречение императора было очевидным фактом еще до формального подписания самой бумаги Николаем, но почему тогда сторонник регентства Милюков, который был на том же самом собрании, понял события наоборот! Керенскому ясно, что царя нет, и более уже никогда не будет, а его коллеге это невдомек. Такое может быть только в одном случае — Керенский знает куда больше Милюкова. Поэтому именно он поведет нашу страну уверенной рукой в ее страшное будущее. Обратите внимание, что будущий главный «демократ» России безапелляционно хоронит монархию **еще и до того, как Михаил Романов отрекся от престола**. Он сделает это на следующий день, 3-го марта, а 2-го Великий князь еще даже не знает, что брат отречется в его пользу. О свалившемся на его плечи бремени власти Михаил узнает из телеграммы, в середине 2-го марта. Он только еще начнет обдумывать ситуацию, а Керенский уже знает, каково будет его решение.

Как мы знаем, вся февральская революция сведется к образованию Временного правительства, которое соберет Учредительное собрание и только этот орган должен будет решить монархической или республиканской быть нашей стране. Но Керенский все уже знает наперед, он и «союзные» спецслужбы уже все решили за русский народ, и спрашивать мнения рядовых жителей России им не нужно. Все дальнейшие игры в демократию, всего лишь красивый спектакль призванный прикрыть неприглядную деятельность по развалу России, которую развернуло Временное правительство и А.Ф. Керенский **с самого первого дня** своего нахождения у власти.

Керенский прожил долгую жизнь — 89 лет. Он родился в один день со своим «приемником» Лениным, в одном с ним городе — Симбирске, но позже его на одиннадцать лет и скончался в Лондоне 11-го июня 1970 года, пережив вождя большевизма почти на полвека. Говорят, что под конец своей жизни он спросил своего собеседника: «Знаете, кого бы я расстрелял, если бы мог вернуться назад, в 1917-й? Себя, Керенского...»

Теперь мы понимаем, что добивались деструктивные силы, и какой вариант развития событий их устраивал. Именно его реализацией они и начинают заниматься. Первый этап — отречение в пользу Михаила.

Роковым днем для русской монархии стало 2 марта 1917 года. В дневнике Николая II появилась очередная запись: «2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется

социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман! »

Эти последние строки монарха очень любят цитировать. И, правда — зная, как развивались события, сложно с Николаем Романовым не согласиться. Именно так, он будет называться после своего отречения. Фактически этого и потребовал командующий Северным фронтом генерал Рузский, который блокировал движение царского поезда к столице. Давления одного командующего фронтом было мало — Николай колеблется. Тогда генерал Алексеев разослал всем главнокомандующим телеграмму, в которой изложил требования Думы об отречении царя и просил их высказаться по этому поводу. Но чтобы настроить командующих фронтами, у которых царь просит совета на нужный лад, генерал Алексеев обманывает и их. В начале посланной телеграммы он дописывает несколько слов, от себя. «Упорство же Государя способно лишь вызвать кровопролитие» — вот те слова, после которых почти все высшие военные чины России поддержали требование отречения Николая II. Естественно они не представляли, что именно отречение и приведет очень быстро страну к катастрофе!

Ответы командующих положили на стол царя. Поразительно, из какого количества лжи и обмана выросла Февральская революция! Когда тонкие листочки телеграмм упали на стол монарха, его снова обманули, показав только те ответы, где речь шла об отречении. Телеграмму командира Гвардейского конного корпуса Хана Нахичеванского и сообщавшего о готовности гвардейской конницы умереть за своего Государя, ему не показали. Не увидел Николай и ответа командира конного корпуса графа Келлера, лучшего кавалериста империи. Да и остальные военные не настаивали, а рекомендовали отречься во имя спокойствия страны! Они просили государя отказаться от трона в пользу сына — об уничтожении или свержении монархии никто и не помышлял!

Воспользовавшись, «стихийными» беспорядками военные заговорщики просто воплощают свой старый план. Они не подозревают, что «случайные» и «загадочные» выступления рабочих и солдат для того и созданы, чтобы направить события совсем в другое русло. Военное окружение используется для создания у Николая иллюзии, что вся страна хочет его отречения. Вожди армии — люди, которым он безгранично доверял, находили, что оно пойдет на благо страны. Кроме чувства любви к Родине, заговорщики угрожают гибелью царской семье в случае его упорства. Вестей от жены царь не получает и не может знать, что реальная опасность его близким не угрожает. Раз так — он не видит смысла упорствовать. Обманутый самодержец соглашается передать власть.

Обратите внимание, как ловко, поэтапно власть будет передана от Николая Временному правительству. Сначала он отрекается в пользу Михаила и только потом тот в свою очередь передает власть «временщикам». Сделано это потому, что даже под угрозой смерти Николай II не отдал бы свои полномочия никому, кроме представителя царской династии. А отречение в пользу Михаила **уже нарушающее закон**, дает возможность нарушить его и Михаилу, передав права не следующему по старшинству Романову, а Временному правительству.

Чтобы запустить механизм русской смуты, Николай сначала должен отречься в пользу брата, а не сына. Он же, естественно, подписал отречение в пользу цесаревича Алексея Николаевича. Регентом становился великий князь Михаил Александрович, Верховным главнокомандующим — великий князь Николай Николаевич, председателем ответственного министерства — князь Львов, командующим войсками Петроградского военного округа — генерал Корнилов. Царь сделал все так, как хотели умеренные заговорщики. Желавшим разрушения России и части в темную используемых думцев, этого было мало. Чтобы не допустить публикации царского манифеста, после которого отыграть назад будет почти невозможно, они направляют к царю делегацию для обсуждения условий отречения. Настоящая их цель — убедить его отречься в пользу брата Михаила. Причина — состояние здоровья больного гемофилией Алексея и «требования восставшего народа».

В ожидании делегатов Николай Романов повелел задержать манифест об отречении в пользу цесаревича. Они прибыли в Псков поздно вечером 2 го марта и Николай после краткого колебания отрекся от престола за себя и за наследника в пользу своего брата. Итак, первый этап плана заговорщиков был блестяще выполнен. Власть переходила к Михаилу Романову, но и это была лишь ступенька, а не цель. Теперь приходилось уже водить за нос тех, кто помогал на первом этапе, но мог помешать на последующих. Председатель Думы Родзянко и Керенский толкают депутатов и министров новообразованного Временного правительства на ликвидацию монархии вообще и создание республики. Военные этого вовсе не желают, поэтому приходится их обманывать. Генерал Рузский присутствовал при отречении и собирается разослать манифест о воцарении Михаила Александровича по всей стране. На рассвете 3-го марта Родзянко вызвал генерала Рузского по телеграфу и потребовал документ народу и войскам не объявлять. Удивленному генералу председатель Думы сообщил, что при известии о возможном сохранении монархии вечером 2-го марта в Петрограде вдруг вспыхнул сильнейший солдатский бунт. Взбунтовавшиеся войска якобы требуют низложения династии, грозя в противном случае, смести всех. Эту же ложь Родзянко передал вслед за тем и Алексею, прося и Ставку задержать манифест. Генералы удивлены, слегка смущены, но распоряжение выполняют, хотя в некоторые места манифест уже был передан. Приходится телеграфировать туда и просить задержать его обнародование. Такая чехарда привела в итоге к страшной путанице. Такой, что командующий Черноморским флотом адмирал Колчак прямо таки взмолился в своей телеграмме, прося объяснить, кто же является высшей властью в стране.

Никакого нового бунта в Петрограде, конечно, не произошло. Просто заговорщикам нужно было выиграть время для «обработки» Михаила. Седовласый глава русского парламента бессовестно врал, словно карточный шулер. Такого генералы представить себе не могли. Наступал последний этап в захвате власти.

«А.Ф. Керенский еще накануне вечером в Совете рабочих депутатов объявил себя республиканцем» — вспоминает глава кадетов Миллюков. Снова именно Керенский буквально за волосы тащит Россию вперед, форсируя события и как локомотив двигаясь к конечной цели — уничтожению монархии. Он опережает даже решения собственной партии: **2-го марта** на конференции петроградских эсеров принимается резолюция только о «подготовке Учредительного собрания пропагандой республиканского образа правления». Но **3-го марта с утра** именно Керенский убеждает депутатов в необходимости добиться отречения Михаила. Аргументация проста — якобы другого варианта народ не примет. Под народом понимаются толпы погромщиков и разнузданных солдат. Остальная Россия безмолвствует, ничего не говорит и многомиллионная армия. Однако красноречие Керенского ведет депутатов в сторону их собственных скрытых стремлений. **В случае ликвидации монархии, члены Временного правительства автоматически становятся высшей властью в России.** Конечно, большинство из них не желало будущей катастрофы, но Керенский явно был не один, кто сознательно толкал Россию к обрыву. Но, безусловно, **ОН** — главное действующее лицо, основной персонаж этих важнейших дней. На стороне сохранения конституционной монархии один Миллюков.

Казалось бы — движущая сила переворота честолюбие беспринципных политиков. Нет. Так спокойно и хладнокровно идти на полное изменение государственного строя России во время мировой войны можно, только имея гарантии поддержки их «союзниками». Переворот одного члена Антанты — это не просто его внутреннее дело, от этого зависит судьба всей войны, а, следовательно, и остальных участников блока. Керенский знает, что гарантии поддержки англичан и французов у него есть. В случае поражения ему обеспечат безопасность и вывезут из России. Так и случится — только не в Феврале, а уже после Октября. Был Керенский верным «союзником» англичан, вот его и вывезли на британском миноносце от большевистской расправы — скажут историки. Но Николай Романов был еще более верным соратником Лондона, однако его никуда не вывезли, хотя возможность такая имелась всегда. Интересные получаются параллели!

Керенский позвонил Великому князю Михаилу Александровичу и договорился о незамедлительной встрече с членами Временного правительства и Временного комитета Думы. После страстных споров вся делегация направилась на квартиру княгини Путятиной на

Миллионной улице дом 12, где находился Романов. Руководители всех партий Думы, за исключением Милокова настаивали на отречении, т. е. вернее, на передаче власти Временному правительству до Учредительного собрания. Главное действующее лицо спектакля, Керенский: в своих мемуарах он называет вещи своими именами, а Великому князю Михаилу он говорил совсем другое: «Великий князь Михаил Александрович объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось созвать Временное правительство. **Вопрос был решен: монархия и династия стали атрибутом прошлого**. С этого момента Россия, по сути дела, стала республикой, а вся верховная власть — исполнительная и законодательная — впредь до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного правительства».

Шантаж, демагогия и угрозы вот тот инструмент, что позволил обмануть и Михаила, сказав ему, что форму правления для страны должен выбрать сам народ. Мягкотелый Михаил Романов радостно согласился на эту лазейку для ухода от ответственности и опасности расправы. Тем временем, его отрехшийся брат тоже внимательно следил за развитием событий, но еще был далек от мысли, что его попросту обманули. Обманули дважды: первый раз убедив отречься в пользу брата и второй раз — добившись отречения Михаила. 3-го марта появляется очередная запись в дневнике Николая: «... Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрехся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. **Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!** В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше».

Через несколько дней, Николай Романов встретит свою мать, императрицу Марию Федоровну и дядю, Великого князя Александра Михайловича. Тяжелая сцена описана последним: «... Мария Федоровна сидела и плакала навзрыд, он же, неподвижно стоял, глядя себе под ноги и, конечно, курил. Мы обнялись. Я не знал, что ему оказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без Императора.

— **Миша, не должен был этого делать**, — наставительно закончил он. — **Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет**».

Бывшему царю еще непонятно, что цепь роковых событий отнюдь не случайна и брата его обманули те же заговорщики, что обвели вокруг пальца самого Николая. А вот Керенский знает, что все уже решено и события развиваются по «союзному» сценарию. Снова он проговаривается в своих мемуарах. Демонстрирует «дар предвидения»: по договоренности с Думой Михаил может в будущем принять власть монарха, если его попросит Учредительное собрание. Вопрос только отложен, под таким соусом и уговаривали Михаила отречься — у Александра Федоровича Керенского «монархия и династия» уже «стали атрибутом прошлого!» Снова он знает более всех присутствующих, опять понимает события в их истинном смысле. Это еще один «ясновидящий», вроде пана Пилсудского и финских социал-демократов ...

Квартира как-то разом стала совсем маленькой, хоть на самом деле таковой и не была. Просто в ней одновременно появилось много грузных солидных мужчин. Пройдя в большую гостиную, министры и видные политики полукругом столпились в одном конце комнаты, оставив другой одиноко стоявшему Великому князю Михаилу Александровичу.

— Спасибо, что приехали, господа — заговорил он — Не буду скрывать, мне в нынешних непростых условиях чрезвычайно нужна ваша поддержка и совет.

— Ваше императорское высочество может на нас положиться — шагнул вперед толстяк Родзянко — После долгих прений, мы готовы представить две точки зрения, кои имеют место быть.

— Я слушаю Вас — тихо ответил Михаил.

События последних дней привели его на грань нервного срыва. Сначала он не придавал возникшим беспорядкам большого значения. Потом даже телеграфировал брату о возникшей опасности. Ответа не было. Когда в городе, стрелять стали практически круглые сутки, он решил переехать в квартиру своего друга. История французской революции учила, что громят и жгут в первую очередь дворцы. Потом,

он даже решил уехать из Петрограда. И — не смог. Просто не добрался до Николаевского вокзала. Это было уже невозможно. Живым до своего поезда можно было и не доехать. Тогда Михаил фактически спрятался, закрылся вместе с женой. Потому, что ему просто стало страшно. Пока в отношении его никто враждебных действий не предпринимал, вся ненависть погромщиков вылилась на брата. Но, кто мог предугадать, что будет дальше! То, что бунт подавят, Михаил не сомневался — Ники в Ставке, войск достаточно. Привезут в бунтующую столицу и хлеба. Однако быть единственной жертвой беспорядков из правящей Династии, ему совсем не улыбалось. Именно поэтому он и приказал генералу Хабалову, убрать верные присяге войска из зимнего дворца.

Тот послушал. А как он мог отказать!

— Я не хочу, чтобы в народ стреляли из дворца, в котором живут Романовы — сказал Михаил тогда. Сейчас, когда все так сложилось, он уже готов был признать, что смалодушничал, испугался. Толпа, озлобленная, как потревоженный рой ос, могла выместить ярость именно на нем — на брате государя. На ком же еще ...

— Господи, — думал Михаил — Почему нет у меня той силы, той твердости, что была у отца. Он бы точно не допустил такого.

— Мишкин, Мишкин... — зашелестел кумачовым флагом на улице озорник ветер. Михаил вздрогнул. Отец называл его именно так, хотя озорником он был весьма порядочным, и частенько врвался в папин кабинет, в момент обсуждения государственных дел.

Теперь они, эти дела, были весьма плачевны. Последним официальным документом, прочитанным им, была телеграмма, пришедшая внезапно, снег на голову. Из нее Михаил и узнал, что уже несколько часов был не просто Великим князем, братом императора, дядей наследника, а страшно подумать — самим императором! Он читал лист телеграммы и не понимал ее смысла. Ведь это было просто невозможно!

«Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом... Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

Помочь — но как? Ведь не имел права Николай отречься за своего сына, это невозможно. Но сделал это. Да и как сделал, внезапно, не предупредив, не спросив. Хотя прекрасно знал, что он никогда не хотел возложить на свою голову корону, и когда у Ники рождалась одна дочь за другой, какую тяжесть испытывал Михаил, нося гордое имя наследника престола. Звание это давило, душило его. Мешало жить. Но пришло облегчение — родился Алексей и груз упал с плеч Михаила. Но вот так внезапно снова упал на него.

— Словно с неба свалился — прошептал Михаил — С неба... — и уже громче, взяв себя в руки, сказал — Я слушаю Вас.

Толстый, невероятно толстый Родзянко шумно набрал воздух и заговорил далее.

— Ситуация требует незамедлительного решения. Единственно разумное в данной ситуации для Вас и для России — тут Родзянко сделал многозначительную паузу — Власть не принимать, а передать ее Временному правительству для созыва Учредительного собрания. Как собор, призвавший на царство предка Вашего Михаила Романова, так и собрание русского народа, помолясь, попросит Вас принять корону. Если Вы этого не сделаете, бунт укротить будет совершенно невозможно. Мне сложно это говорить, но о Вашем восшествии на престол толпы не хотят и слышать. Вчера днем, Павел Николаевич Милюков имел неосторожность сказать об этом возле Думы, так его едва не растерзали.

Михаил подошел к окну. Светило холодное мартовское солнце, в его лучах светился шпиль Петропавловского собора. Мысли путались, крутились и опять возвращались к одному и тому же:

— Как все неправильно, как все неправильно! Как Ники мог так поступить? Надо было, по крайней мере, вывезти меня из Петрограда и только потом отречься!

— ... Бунт во время войны играет на руку Германии — продолжал глава Государственной думы — Задача каждого патриота сделать все для нашей победы. Только она сможет оправдать огромные жертвы, что принес наш народ во имя уничтожения напавшего врага. Власть есть опора ...

Дальнейшие слова Родзянко Великий князь слышал, как в тумане. Он почти и не заметил, как в разговор вступил Гучков, глава партии октябристов.

— Возникший мятеж и бунт воинских частей можно успокоить — сказал он, по своей привычке во время разговора, вытирая лоб ладонью — Я объехал многие части. Собственно говоря, их требование одно — отречение.

— Мое отречение? — переспросил Михаил, не отрывая взгляда от окна. Так ему говорить удобнее, так никто не видит выражения его лица.

— При упоминании фамилии Романов, начинаются крики и угрозы. Но так будет не всегда. Нельзя принимать власть и ставить страну на грань Гражданской войны. Страсти улягутся. Учредительное собрание примет новую конституцию и призовет Вас на трон. Более некого.

— А если я, так же, как мой брат Николай Александрович, отрекусь от власти — Михаил резко повернулся на каблуках — Только не в пользу Временного правительства, которое правит пока только в Петрограде, а в пользу следующего законного наследника?

— Ваше высочество не должны превращать высшую русскую власть в ярмарочный балаган — жестко ответил Родзянко, глядя прямо в глаза Великого князя — За два дня — два отречения, это уже комедия. Только с печальным концом. Еще одно отречение — и при упоминании Романовых будут просто смеяться. Особенно, если отречения продолжатся и далее.

— Позвольте мне, Михаил Владимирович — шагнул вперед Керенский. Лицо усталое и чуть бледное, глаза горят. И, чтобы не видеть этих глаз, Михаил поспешил снова отвернуться к окну и слушать дальнейший монолог, стоя к оратору спиной.

А Керенский говорил. Он говорил убежденно и страстно. Невозможность обеспечить безопасность, позднее решение императора, патриотический долг.

— Я не скрываю, что мои убеждения — республиканские. Но речь сейчас идет не об убеждениях, а о спасении страны! Посмотрите в окно, ваше высочество. Посмотрите, что хочет Ваш народ. Я знаю настроение массы, настроение рабочих и солдат. Приняв престол, вы не спасете России! Наоборот, именно это станет причиной кровавого развала! Перед лицом внешнего врага начнется гражданская, внутренняя война! И поэтому я обращаюсь к вашему высочеству, как русский — к русскому! Умоляю вас во имя России принести эту жертву! Это единственный шанс спасти Россию и привести ее к процветанию, победе и миру.

— И вся эта благодать — горько усмехнулся Михаил — Наступит после моего отречения.

Кажется, все они сговорились, все, как один предлагают ему короны не принимать. Даже монархисты — октябристы, просто невероятно! Но ведь говорил толстяк Родзянко, что точки зрения две.

— Эта позиция мне вполне ясна, спасибо господин Керенский. Кто придерживается иного мнения?

Павел Николаевич Милюков осознавал серьезность момента. Собственно говоря, за принятие Михаилом короны выступал только он один. Даже Гучков, на которого он рассчитывал, под влиянием Керенского и Родзянко сегодня с утра заколебался. Возможно, именно в эту минуту решалась судьба Династии и России. И если первую Милюков не любил, то ради второй стоило постараться.

И он заговорил. Сказал, что сильная власть необходимая для укрепления нового порядка, нуждается в привычном для масс символе. Что одно Временное правительство, без монарха, является «утлой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений. А это грозит полной анархией раньше, чем соберется Учредительное собрание. Новая власть может просто до него не дожить.

Великий князь слушал внимательно, ни разу не перебил. Зато вопреки договоренности не спорить, а излагать свою точку зрения, возражения посыпались со всех сторон. Более других старался Керенский, практически повторивший свое первое высказывание.

— Позвольте еще добавить — встрял Милюков и, увидев ненавидящий взгляд Керенского, быстро сказал — Великий князь имеет право выслушать все аргументы!

Он заговорил снова, стараясь вложить в свои слова весь свой дар убеждения. А он у него был! Ведь повторяли же его думские выступления, их наиболее удачные места по всей стране. Теперь слушатель у Милюкова был один, но от его решения зависела

судьба миллионов людей. Даже тех, кто сейчас так громко и радостно кричал «долгой Романовых» на Английской набережной. Как нарочно, прямо под окнами.

— Прямо под окнами — подумал Милюков. Игра и раньше шла по грубым правилам, но, похоже, что в этой комнате кто-то очень страстно желал отречения.

И глава кадетов вновь заговорил. Он уже потом, в эмиграции часто вспоминал тот момент, и многократно спрашивал себя: все ли сделал он тогда для спасения России.

— Страна на грани хаоса, без сильной привычной власти она распадется. Хотя правы утверждающие — тут он посмотрел на Керенского — что принятие власти грозит риском для личной безопасности Великого князя и министров, но на этот риск можно и нужно идти. Во имя Родины! Вне Петрограда есть полная возможность собрать воинскую силу, необходимую для защиты монарха и нового правительства...

— Я согласен с Павлом Николаевичем — неожиданно сказал Гучков — Вне Петрограда власть будет в безопасности. Риск, конечно, есть, но ради России надо рисковать.

— Я вас услышал — сказал Великий князь — Спасибо господу. Теперь мне надо подумать. Сказал он и указал рукой в сторону председателя Государственной Думы Михаила Владимировича Родзянко:

— Прошу Вас пройти со мной!

Когда дверь комнаты закрылась, Великий князь Михаил Александрович тяжело опустился на стул. Так тяжело ему уже давно не было. Может даже и никогда. Господи, ведь если стояла бы под окнами его квартиры не беснующаяся толпа, а хотя бы одна верная рота, то и сомнений бы никаких не было.

— Скажите, Михаил Владимирович... Честно скажите: вы можете гарантировать мне безопасность, если я приму власть?

— Я могу гарантировать Вашему высочеству, что умру вместе с Вами — ответил Родзянко, шумно вздохнув ...

... Дверь распахнулась. Первым из кабинета вышел Великий князь. Он обвел взглядом всех присутствующих и твердым голосом, произнес свое окончательное решение.

— Мой окончательный выбор склонился на сторону мнения, защищавшегося председателем Государственной Думы Родзянко.

— Ваше Высочество. Вы благородный человек! — патетически произнес Керенский — Я буду всюду это говорить!

Милюков взглянул на потупившего взор Гучкова, и почувствовал, как его прошибает холодный пот. Он в одночасье понял, что так томило и мучило Михаила, и осознал мотивы его губительного решения. Страх за себя! И все, ничего другого! Ни боли, ни любви к России ...

Вот и случилась третья «развилочка». Путь к катастрофе был окончательно расчищен. За «бескровным» и «демократическим» Февралем в дымке истории уже начинал появляться мощный силуэт кровавого и трагического Октября. В истории нашей страны неотвратимо наступал период, о котором никто из февральских деятелей не мечтал.

Многим из них он сулил смерть, многим изгнание. «Герои» Октября получали свою награду в подвалах НКВД, когда Сталин приводил в исполнение смертные приговоры «врагам народа». Многие «герои» Февраля получили по заслугам еще раньше. Почти все думские деятели отправились в изгнание и вместо власти получили ее полное отсутствие, а вместо свободной демократической России, ради которой все, якобы, затевалось — красный Советский союз. Всю оставшуюся жизнь они писали мемуары, а на самом деле огромные оправдательные записки перед потомками. Мучила ли их совесть неизвестно...

Мучила ли совесть генерала Гурко, после Февральской революции арестованного Временным правительством и заключенного в Петропавловскую крепость теми, ради которых он изменил своему государю? Что чувствовал генерал Алексеев, назначенный после революции на пост главнокомандующего, который до него занимал так веривший ему Николай? Раскаивался ли он в своем предательстве царя, буквально сразу отправленный в отставку Временным правительством? Что думал в свою последнюю минуту, умирая в тифозном бреду в Екатеринославле в самом начале Гражданской войны? Что почувствовал командующий Балтийским флотом адмирал Непенин, своей телеграммой также поддержавший отречение

государя и ровно через два дня после этого убитый в Кронштадте «неизвестным в штатском»? Вспоминал ли, высланный большевиками в Пермь Михаил Романов, о своем малодушном уходе от верховной власти? Какие последние мысли были в его венценосной голове, когда, несмотря на заверения Ленина, что к нему нет никаких претензий, он был похищен и расстрелян сотрудниками ЧК? Думал ли генерал Рузский о своей измене присяге, когда под шутки пьяных красноармейцев, в буквальном смысле слова рыл себе могилу? Раскаялся ли, стоя на ее краю, когда чекисты рубили ему голову шашкой, заставляя вытягивать шею и нанося по четыре-пять ударов? Мы этого не знаем. Одно известно точно — в истории России наступал один из самых страшных этапов. План «союзников» — **Революция — Разложение — Распад** вступал в свою вторую фазу.

Глава 7. Приказ №1 и другие приключения Шурика.

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую. Россию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма.

А.И. Деникин

Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России, как А.Ф. Керенский.

М. В. Родзянко

...Очередной пушечный выстрел прозвучал в октябрьской темной ночи громким хлопком. Но это не робкий звук детской хлопушки — это стрелял крейсер «Аврора», бросивший якорь напротив Зимнего дворца. Совсем рядом, потому и сотрясение воздуха было нешуточным.

В зал, где уже почти несколько суток безвылазно находились министры Временного правительства, вошел Пальчинский, ответственный за оборону дворца, помощник генерал-губернатора Петрограда.

— Вот, господа, полюбуйте! — сказал он и выложил на стол осколок — Теперь они стреляют боевыми снарядами!

Министры, их помощники, все кто находился в тот момент в зале, с любопытством смотрели на покореженный кусочек металла. Внутри каждого с таким же металлическим холодом что-то сжалось. Похоже, дело становилось безнадежным — до сих пор большевики стреляли только холостыми!

— Голубчик, мой! — слегка усмехнулся морской министр адмирал Вердеревский, находившийся в зале вместе с министрами — Если бы они стреляли действительно по дворцу, поверьте мне, мы бы уже с Вами не разговаривали! Попасть с расстояния в километр в неподвижно стоящее здание не составляет никакого труда. Это последнее предупреждение нам, можно даже сказать, ультиматум!

В словах адмирала сквозила гордость за русский флот, но сейчас это было несколько неуместно.

— Мерзавцы! — резко выдохнул Пальчинский и вышел в коридор. На душе у него было невероятно тошно. На Дворцовой площади уже давно стояли броневики военно-революционного комитета. Ни выйти, ни войти. Потом перекрыли и набережную, а по Неве патрулировали большевистские миноносцы. Там же и встал, этот чертов крейсер «Аврора». При таком грохоте, что издавали его орудия, охотников ходить на набережную уже не находилось. Петропавловская крепость объявила нейтралитет. Прямо, как в одном рассказе, когда между собой повздорили разные части тела. И вот ругаются печень и почки, а селезенка хранит вооруженный нейтралитет. Не понимает, дура, что всех потом положат в один и тот же гроб.

Хотя нейтралитет был своеобразный: с Нарышкинского бастиона крепости было произведено несколько выстрелов. Большинство холостые — брали на испуг. Потом пару раз засадили шрапнелью: один снаряд влетел в угловое окно бывшей приемной

комнаты Александра III и разорвался около стены. Об этом попадании Пальчинский министрам даже не сказал, чтобы лишний раз не будоражить. Затем орудия Петропавловки и вправду прекратили стрельбу, зато на ее территории, прямо у берега Невы на прямую наводку выкатили несколько трехдюймовок.

Вскоре большевики предложили сдаться. И он, Пальчинский, послал их куда подальше. Тогда вот в восьмом часу вечера и началась ружейная, а потом и орудийная стрельба по дворцу. Правда шрапнель разрывалась еще над рекой и никакого ущерба, кроме морального дискомфорта, не причиняла.

Теперь вот ухнул и «Аврора». Есть обстрел, нет штурма. Очень странно. Один снаряд упал где-то возле Сенной площади, к счастью не разорвавшись. Зачем надо было стрелять в ту сторону, оставалось загадкой. Скорей всего и здесь не обошлось без извечного русского бардака. Ведь и некоторые телефоны дворца большевики почему-то забыли отключить и министры спокойно по ним разговаривали. Точнее спрашивали, всех, кого могли: когда же подойдут верные правительству части, за которыми уехал Александр Федорович Керенский?

Пора бы уж, потому, как настроение юнкеров второй Ораниенбаумской школы было близко к паническому. Проходя мимо, Пальчинский видел растерянность на их юных мальчишеских лицах. А на нижнем этаже дворца, со стороны Канавки, по чем зря орали большевистские агитаторы, обещавшие пощаду, тем, кто сложит оружие и страшную смерть тем, кто останется в Зимнем. Было над чем задуматься юнкерам! Именно поэтому болтовню надо было немедленно прекратить.

— Господин поручик, — обратился Пальчинский — У меня радостная новость. Общественные деятели, купечество и духовенство направляются колонной к дворцу, чтобы поддержать нас и образумить безумцев. Приказываю, вам незамедлительно очистить от большевиков часть дворца и прекратить их агитацию.

— Слушаюсь — рявкнул поручик.

Как глаза у него загорелись! Хорошая новость приободрила и упавших духом юнкеров. Быстро и энергично очистили они несколько залов и даже освободили своих товарищей, уже было разоруженных большевиками.

— Странный мятеж — подумал Пальчинский — Ни воевать, ни стрелять никто не хочет. Идет простое вытеснение, да соревнование у кого нервы крепче. Придет подкрепление к нам — сдадутся большевики, не придет — мы сдадимся.

— Господин комендант, когда же подойдут делегаты городской думы?

Тот же ораниенбаумский поручик. В глазах вопрос. Что же ему сказать? Правду нельзя, а врать и не хочется.

— Колонна общественных деятелей на подходе ...

В глазах министров тот же вопрос. В зале, где они сидят, возбуждение, и напряжение все нарастают. Да, просто усидеть в такой момент сложно. Кто смотрит в окно, кто мерит шагами комнату, несколько человек шепчутся в центре.

Министр государственного призрения, кадет Кишкин громко разговаривает по телефону. Он уже позвонил всем, кто мог помочь. Хотя бы теоретически. Выбирать уже не приходилось. И с трудом дозвонился до товарища министра финансов Хрущева, тоже кадета.

— Андрей Георгиевич, прошу Вас, сообщите, куда возможно, что правительство нуждается хотя бы в небольшом подкреплении, чтобы продержаться до утра, когда наверняка придет Керенский с войсками!

Когда Кишкин произнес фамилию премьера, почти все в комнате обернулись. В трубке что-то говорили, объясняли. Но даже сквозь плохое освещение зала было видно, как багровело лицо министра государственного призрения.

— Что это за партия, — наконец взорвался он — которая, не может нам прислать хотя бы триста вооруженных людей?

Прокричав последние слова, министр вдруг затих на секунду, а потом странно посмотрел на трубку и оторвал ее от уха.

— Отключили, господа — уже абсолютно нормальным тоном сказал Кишкин — Все, связь отключили...

Через пару часов все было кончено. Низенький невзрачный человек, в пенсне и широкополой шляпе шагнул в зал. Правительство сдавалось.

— Я член Военно-революционного комитета. Моя фамилия Антонов — сказал вошедший и его пенсне торжественно блеснули — Объявляю вам, членам

Временного правительства, что вы арестованы!

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития — ответил адмирал Вердеревский.

Часы на стене показывали 2 часа 10 минут ночи 26-го октября 1917 года...

Этот день знал каждый советский школьник. Двадцать пятое октября 1917 года резко и быстро вошло в мировую историю. С этой даты, начинался новый отсчет времени. И учебники истории делили жизнь на два неравных по времени отрезка: до Октября и после. Вопросов у читателей этих книг не возникало — все было объяснено просто, понятно и довольно толково. Сейчас объяснение диаметрально противоположное. Но ни одно, ни другое не отвечают на главный вопрос:

Что же сделало своему народу Временное правительство за восемь месяцев своего правления, если в двухмиллионной столице практически никто не пришел его защищать?

Коммунистические историки изображали в эти октябрьские дни борьбу и многочисленные жертвы, новые исследователи все свое внимание уделяют германскому происхождению большевистских денег. Но вопрос то не в этом. Сейчас уже достоверно известно, что Зимний дворец был захвачен практически без сопротивления. Никакого штурма не было. Об этом говорит и число погибших во время «операции»: шестеро юнкеров. Последние защитники Временного правительства: это ударная рота женского батальона, сорок георгиевских кавалеров, под командой одноногого штабс-ротмистра на протезе и юнкера, юнкера, юнкера. Женщины, патриотически-настроенные инвалиды и мальчишки — это все, что смогла русская демократия выставить на свою защиту темным октябрьским вечером семнадцатого года. В тот час, когда история, по мнению советских ученых, начала свой новый отсчет. В самый решительный момент. В точке, где решилась судьба России на будущие семь десятилетий, в час, от которого без малого зависела будущая судьба всего мира!

Да как же это возможно!? Ведь прошло всего **восемь** месяцев с момента февральской революции свергнувшей «ненавистный царский режим»! Революции «бескровной и общенациональной», по мнению тех, кто ее делал. И число погибших в феврале — всего 1433 человека! Да и, что их жалеть, в основном это полицейские, жандармы и всевозможные офицеры — кто же еще мог защищать антинародный царский режим, рухнувший почти без сопротивления. Защищали царские сатрапы царскую власть и погибли. **Так почему же первое русское демократическое правительство, которое ждали многие поколения передовых отечественных мыслителей, приходу которого, по словам его организаторов, радовалась вся страна, вообще не защищали?** Как же получилось, что «антинародный большевистский переворот» свергнувший красу и гордость русской демократии, обороняли так самозабвенно, что погибло всего **шесть** мальчишек юнкеров? Ведь это просто невероятно!

Почему министры Временного правительства подчинились большевистскому насилию, тихо и без шума? Хотели избежать кровопролития? Так нет же своим «милосердием» они открыли счет миллионам жертв, рекам крови и неисчислимым бедствиям России. Дело, конечно же, не в этом: так безропотно пошли министры-капиталисты в Петропавловскую крепость под конвоем, что не было у них никаких сил для сопротивления. Никто за них умирать не хотел.

А вопросов становится все больше. Германия выделила Ленину деньги, говорят нам современные историки, поэтому он совершил переворот. Но позвольте — финансовые ресурсы подрывным элементам в истории человечества давали сотни, если не тысячи раз, а бунтов и мятежей мы насчитаем в десятки раз меньше. Успешные революции, вообще можно пересчитать по пальцам. Как получилось, что германские «шпионы» большевики столь вольготно чувствовали себя в столице России, что преспокойно подготовили и осуществили государственный переворот? Куда же смотрело, Временное правительство, орган легитимной власти? Почему в решающий момент в Зимнем дворце не оказалось ее главы Александра Федоровича Керенского? Что же случилось с его безграничной популярностью, раз он бросил своих министров в решающий момент в полутемном зале и убежал из Зимнего дворца в машине американского консула?

Где были наши верные «союзники», столь горячо приветствовавшие падение монархии,

как же не указали своим демократическим протезе на большевистскую опасность? Почему не уберегли своего союзника Россию от опасности захвата власти германскими агентами? Неужели неясно им было, что германские миллионы Ленину придется отрабатывать? И, что вариант тут у Ильича только один — любой ценой вывести Россию из войны с Германией, разве это непонятно? Ведь именно на это, собственно говоря, денежки ему немцы и давали. Английская, французская, американская и другие «союзные» разведки этого не понимали, не знали и не видели? Не ждали такого развития событий, не верили, что их соратник Россия может заключить сепаратный мир с противником и, лишившись своей боеспособности, погрузиться в хаос и анархию?

Вопросов много, а ответ один. Все они знали. Именно этого и ждали. К такому повороту событий и готовились. Точнее готовили ...сами события.

«Союзники» и являются основными организаторами, спонсорами и вдохновителями Великой Октябрьской Социалистической Революции.

На первый взгляд такое заявление кажется бездоказательным, но только на первый. Привыкли мы: либо «революционные массы», либо злая воля германского Генштаба объявляются причиной третьей русской революции. Но за восемь месяцев, лежащие между Февралем и Октябрем произошло столько всего интересного, что поневоле приходится призадуматься — а так ли все просто и ясно, как мы привыкли думать.

Уже никто не будет спорить, что корни Октября находятся в Феврале, что одна революция логично выростала из другой. Взятые власть в феврале, не удержали ее и потеряли. Другие силы, практически не участвовавшие в свержении монархии вышли к вершинам русской истории. Так и было запланировано «союзным» планом **Революция-Разложение-Распад**. Начинаясь второй этап гибели России. Пришедшие к власти «союзные» марионетки, за восемь месяцев должны были уничтожить русское государство. Точнее разложить его изнутри настолько, чтобы отбить у народа всякое желание сопротивляться, вызвать апатию и безразличие.

Давайте прямо скажем — с этой нелегкой задачей Временной правительство успешно справилось. Но это единственная задача, этими людьми решенная со знаком плюс. Все остальные действия и начинания их закончились фиаско. **Но именно отсутствие успехов и есть самый главный успех Временного правительства!** Не для России конечно, а для тех, кто замыслил ее уничтожение, а для этого вытолкнул на вершины русской власти горстку авантюристов, шпионов и бездарей.

Именно поэтому «союзники» радостно приветствовали февральскую революцию. Первыми, 9(22) марта 1917 года, Временное правительство официально признали Соединенные Штаты Америки. Через день, 11(24) марта — Франция, Англия и Италия. Вскоре к ним присоединились Бельгия, Сербия, Япония, Румыния и Португалия.

Повод для радости действительно был большой: в Лондоне и Париже могли вздохнуть спокойно. Никто не мог даже надеяться, что буквально за считанные дни операция «союзных» спецслужб по изменению государственного строя России, закончится таким грандиозным успехом! Были выполнены все задуманные шаги, решена не программа минимум, а ее наиболее полный вариант!

Новое правительство приняло на себя все обязательства царского правительства, как финансовые, так и политические. Были признаны все долги и декларирована решимость вести войну до победного конца. И если старое царское правительство хоть иногда могло отказать «союзникам», то новые властители России зависели от них полностью. И даже не задумывались о том, как поступили англичане и французы, по отношению к свергнутому русскому монарху. Сначала они заставили его пролить моря крови своих солдат во имя утопических «союзнических» идеалов, а потом выбросили Николая Романова на помойку истории. После отречения — ни слова поддержки, ни одной фразы в его защиту. Туда же, в небытие, через короткий промежуток отправится и Временное правительство. Удивляться не надо — отработанный материал, шлак никто с собой в политическое будущее не берет.

Радовались Февралю и его незримые спонсоры. В начале марта американский финансовый магнат Якоб Шифф, финансировавший первую русскую революцию, требовавший равноправия евреев у русского премьера Витте в 1905 году, послал министру иностранных дел

Временного правительства Милюкову телеграмму: «Позвольте мне, как непримиримому врагу тиранической автократии, поздравить Вас и при Вашем посредстве русский народ по случаю блестяще совершённого подвига и пожелать Вам и Вашим товарищам полного успеха». Милюков, бывший личным другом Шиффа, ответил: «Нас с Вами объединяет общая ненависть и антипатия к старому режиму, ныне свергнутому». Миллионные финансовые вливания Шиффа объединяли Временное правительство с ним куда крепче разных антипатий и симпатий. Об этом, естественно, Милюков в телеграммах не писал.

«Союзные» представители отмечали в своих дневниках и докладах восходящую звезду русского политического Олимпа — Александра Федоровича Керенского. 3-го марта французский посол Морис Палеолог отметил: «Молодой депутат Керенский, создавший себе, как адвокат, репутацию на политических процессах, **оказывается наиболее деятельным и наиболее решительным из организаторов нового режима** ». Член миссии Красного Креста в России американский полковник Робинс дал Керенскому такую характеристику: «Человек с характером и мужеством, выдающийся оратор, человек неукротимой энергии, осязаемой физической и духовной силы...».

Обожают Керенского и в России — и недаром. Смелый, пламенный трибун, «хороший организатор», он действительно сильно выделялся на фоне других членов Временного правительства. Поэтому и невероятно быстро оттеснил всех тех, с кем вместе вступал в Февраль. Временное правительство очень быстро стало ассоциироваться именно с личностью Керенского. И именно ему обязано оно катастрофическим падением своего рейтинга в глазах граждан России. Именно Керенский с горечью напишет в своей книге «Россия на историческом повороте»: «На деле же, однако, три четверти офицеров Петроградского военного округа, ... **саботировало все усилия правительства справиться с восстанием** , которое быстро набирало силу».

Это сказано об Октябре и описанные офицеры отнюдь не большевики. Просто прошло полгода бурной деятельности февральских реформаторов, и граждане России оценивают Керенского уже совсем по — другому. Генерал Алексеев именно ему припишет позорные лавры разрушителя Отечества. Генерал Петр Николаевич Краснов просто не выносит Керенского на дух: «Я его никогда не видал, очень мало читал его речи, но всё мне было в нем противно до гадливого отвращения...». Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич также относится к Александру Федоровичу по-особенному: «Режим Керенского с его безудержной говорильней показался мне каким-то **ненастоящим** » — пишет он.

Ощущение это знакомо каждому человеку, который когда-либо встречал на своем жизненном пути персону, что, говоря одно, делает совершенно другое. Режим Керенского на словах вводит невиданные ранее свободы и права, проводит реформы и преобразования, а под аккомпанемент красивых фраз уверенной рукой ведет Россию к гибели. Возглавляя правительство, пользуясь тем, что власть в его руках, он умело блокирует и забалтывает все попытки спасти ситуацию. За, что же Керенского любить?

«Он разрушил армию, надругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его» — поясняет переполняющие его чувства П.Н. Краснов. Ошибается Петр Николаевич, ох, как ошибается! Не армию разрушил Керенский и его подельники из Временного правительства, а страну! Причем, абсолютно сознательно и целенаправленно.

Человека судят по делам его — последуем этому мудрому правилу и начнем разбираться в делах новой российской власти. Начали мы эту главу октябрьским вечером, а продолжим ранним мартовским утром, когда на шинелях солдат петроградского гарнизона стали пропадать погоны и появляться красные банты, символизирующие победу «великой и бескровной» русской революции — Февраля. Именно с этого месяца русского революционного календаря и началось разложение страны, армии и душ русских людей, открывшее дорогу большевикам. Без этого их приход был невозможен.

Февраль не был бархатной революцией, и основные жертвы его погибли от бесчинств обезумевших людей в военной форме. Помимо петроградских уличных столкновений, большое количество жертв было в Кронштадте. Разъяренная толпа матросов буквально на клочки разорвала командующего Кронштадтской крепостью адмирала Вирена, убила многих офицеров. «...Людей обкладывали сеном, и облив керосином, сжигали, клали в гробы вместе с

расстрелянным живого...» — повествует об ужасах «великой и бескровной» Татьяна Боткина. Десятки офицеров убиты, сотни заключены в тюрьму. Растерзаны полицейские и жандармы. Убиты случайные прохожие, горожане. Всего, по официальным данным, напомним, 1433 человека. Согласитесь, для «бескровной» революции немало. И вот на крови этих людей к власти пришло новое правительство, назвавшее себя Временным. Чем же эти достойные люди занимались с Февраля до Октября, когда их почти в полном составе отвели в Петропавловку?

Давайте представим себя на месте Гучкова, Милюкова, Керенского и компании. Для этого забудем о горах той лжи и обмана, которыми они расчищали себе путь к власти. Не будем вспоминать об используемых втемную своих собственных соратниках, о простодушно поверивших им военных. Оставим без внимания и дважды введенного в заблуждение Николая II, и так легко отдавшего им корону Михаила Романова. Не будем замечать подозрительных совпадений во времени различных событий. Не станем подозревать никого в организации беспорядков и искусственного дефицита хлеба в столице. Представим себе на минуту, что ненавистный царский режим действительно смело стихийное народное недовольство. Пусть так. Согласимся, что Временное правительство — это лишь идеалисты, стремящиеся спасти страну от хаоса в сложный момент истории. Отлично. Давайте всех их считать горячими патриотами России, не возражаю ни секунды. Но вот, все эти достойные люди получили в свои руки то, к чему они, конечно, никогда не стремились. Власть. Именно в этом слове и заключен весь смысл нашего перевоплощения. Став Керенским, Гучковым или Милюковым, на что вы власть употребите?

Поразмышляем. Страна ведет тяжелейшую войну. Она на грани истощения и усталости, но в 1917-м году, наконец, наступает время, когда чаша весов готова склониться на нашу сторону. В этот важнейший момент вдруг «случайно» происходит революция, и вся политическая верхушка Думы оказывается у руля. Первое, что они должны сделать — это успокоить страсти внутри страны. Объяснить всем, что произошло и призвать спокойно продолжать выполнять свой долг. Особенно важно обратиться к своим собственным офицерам и солдатам. Выдать в печать что-то вроде сталинского «братья и сестры», чтобы поняли, чтобы прониклись они осознанием того, что теперь сражаются не только за свою Родину, но и за свою свободу!

Приведя всех в спокойствие и умиротворенность, можно будет, и подумать, как выигрывать войну. Хотя, в принципе и думать особенно не надо. Все военные на месте, вся верхушка армии на своих местах. Пусть и думают. Это они вместе с англичанами и французами разработали планы кампании на весну — лето 1917 года. Надо все это воплотить в жизнь и набраться терпения — немцы уже на пределе своих возможностей. Если кто из командующих доверия не вызывает можно его поменять. Все это делается простым приказом, обычным армейским порядком, приказом военного министра Гучкова.

Это Николай II все делал неправильно. Это у него руки были повязаны обещаниями, династическими интересами и аристократическими предрассудками. У простых думских патриотов всего этого нет, а есть лишь любовь к Родине и свежие подходы к решению старых проблем. Так решайте же их — засучите рукава своих фраков и вперед! Потуже затяните пояса, наведите порядок там, где мягкотелый царь этого сделать не мог. Победа, а вместе с ней получение обещанных «союзниками» Дарданелл уже рядом. Рухнуть в двух шагах от долгожданного мира, после стольких жертв — непростительная роскошь. Беспощадно давить все пораженческие и пацифистские настроения: после случившейся революции помощь врагу это двойное предательство: и страны и новообретенной свободы! Одним словом дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина! Так, или примерно так, должна была выглядеть программа Временного правительства. Гипотетически. В действительности все было наоборот, поэтому и назвал генерал Бонч-Бруевич режим Керенского «ненастоящим».

Почти сразу новая власть забрала Зимний дворец под свои учреждения. Там разместилось само Временное правительство, причем премьер-министр занял под жилое помещение историческую комнату Александра III. Эти скромные и достойные люди пользовались музейными предметами как утварью, а караул из тысячи солдат был размещен в парадных залах дворца. Но это мелочи, хотя уже и они не прибавляли властям авторитета в среде горожан. Давайте смотреть на действия, а не на место расположения! И верно, какая разница, где будет

новое правительство размещаться. В конце концов, все его министры люди небедные, к комфорту привычные, вот пусть и служат Отчизне, как привыкли — с серебряными вилками и золотыми блюдами. Главное — чтобы дело знали.

Будем же честными до конца, служение на благо Родины, «временные» министры начали задолго до переезда в Зимний дворец. В первый же день своего существования, вечером 2-го марта было подписано, а днем позже опубликовано заявление Временного правительства. Это его программа, все будущие шаги там отражены. Почитаем внимательно «Декларацию Временного правительства о его составе и задачах» от 3-го марта 1917 года. Сразу обращая внимание на даты: хоть на документе стоит третье число, т.е. день отречения Михаила Романова, но в печать документ был отдан **вечером второго**, когда только «ясновидящий» Керенский знал, что монархии в России уже никогда не будет. Выходит, что и беседа с Михаилом была пустой формальностью.

«В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д. (Все убийцы, бунтовщики, подстрекатели, мятежники и дезертиры, революционеры— террористы, крестьяне— поджигатели получают немедленную амнистию и завтра же пополнят собой ряды русской армии и оборонных предприятий.)

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями. (Во время войны разрешаются стачки на оборонных заводах, забастовки на железной дороге и собрания на хлебопекарнях. Теперь уж точно перебоев с хлебом не будет! Дискуссии на политические темы, безусловно, удвоят, а то и утроят мощь нашей армии и количество выпускаемых вооружений.)

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

(На деле, означает отмену черты оседлости и ограничений для евреев.)

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. (Именно подготовка всеобщего, равного, тайного и прямого голосования является основной проблемой и главной задачей России, ведущей Мировую войну с миллионами убитых и искалеченных. На этом и нужно сосредоточиться правительству.)

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. (Всем известно, что преступность во время войны идет на убыль. Первая мировая практически свела ее к нулю. Все убийцы, насильники и грабители в едином патриотическом порыве прекратили свою преступную деятельность. Поэтому, именно сейчас, наступил момент для замены полиции народной милицией.)

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. (См. пункт 4)

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. (Эти достойные уважения солдаты, отказавшие в повиновении своим командирам, убивавшие офицеров, громившие магазины и лавки, очень не хотят попасть на фронт. Правительство им это гарантирует.)

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении воинской службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. (Давно ведь известно, что главное для солдат это не хорошее питание и теплое белье, не современное оружие и хорошее руководство, а «пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам». Тут уж не поспоришь. Отсидел в окопе — и айда на митинг!)

Вот так Временное правительство успокоило своих граждан. Самые умные отреагировали сразу. Ленин со свойственной ему категоричностью заявил: «Весь манифест нового правительства ... внушает самое полное недоверие, ибо он состоит только из обещаний и не вводит в жизнь немедленно ни одной из самых насущных мер, которые вполне можно и должно бы осуществить тотчас». Генерал Алексеев, ознакомившись с этим программным документом,

также немедленно высказал Родзянко свои опасения насчёт будущего России. Бывший председатель Государственной думы в ответ ему заявил: «... а я вот и все мы здесь настроены бодро и решительно». Оптимист, он был в то время. Потом уже в эмиграции он заговорит по — другому.

Одновременно с Временным правительством в столице возник еще один очаг власти — Петроградский Совет. Основу его составили меньшевики и эсеры. Таким образом, после свержения монархии, в России образовалось двоевластие, что давало внешним силам отличную возможность для шантажа русских политиков, подкупа и маневра. Можно было проводить нужную политику через Советы, а можно и через «временных» министров. К октябрю инициативу перехватят большевики, а на первом этапе основная активность будет исходить от Временного правительства. А оно не теряя буквально ни дня, сразу приступило к выполнению своей основной задачи — разложению страны и подготовку ее дальнейшей деградации. Центральная фигура зловещего процесса Александр Федорович Керенский. Он единственный, кто является членом Петроградского Совета и одновременно «министр — капиталист» Временного правительства! А вы говорите двоевластие — одно дело делаем, товарищи!

Вся дальнейшая история революции — борьба между двумя разными властями. Если конфликт между ними вредит России, то Керенский просто обязан быть первым в поиске взаимопонимания и помощи в установлении гражданского мира в стране. Тем более, что по профессии он адвокат. Ему ли не уметь объяснять, сближать позиции. Двигаться вперед, к гражданскому миру и к победе в страшной войне. Мы с Вами уже знаем, что такой поиск консенсуса закончился Октябрем и посадкой Временного правительства в полном составе. Все «министры-капиталисты» отправились в казематы. За исключением — Керенского. Умеет, Александр Федорович, выпутываться из тяжелых ситуаций. Снимать с себя ответственность, перекладывать ее на других, а то и просто врать.

«Кто-то один, или какая-то группа, подлинность которых до сих пор остается загадкой, со злым умыслом разослала этот приказ, предназначенный только для Петроградского гарнизона, по всем фронтам. И хотя эта акция и наделала много бед, отнюдь не она, вопреки абсурдным утверждениям многочисленных представителей русских и иностранных военных кругов, явилась причиной „развала русской армии“. Несправедливо и их заявление, будто приказ был разработан и опубликован если не непосредственно самим Временным правительством, то, по крайней мере, с его молчаливого согласия. Суть дела в том, что приказ был обнародован за два дня до создания Временного правительства. Более того, первым шагом этого правительства было разъяснение солдатам на фронте, что приказ этот относится не к ним, а лишь к Петроградскому гарнизону. Несомненно, распространение этого приказа на фронте сыграло свою отрицательную роль и ускорило создание солдатских комитетов ...».

О чем это Керенский говорит? Почему так активно оправдывается? Все очень просто: речь идет о знаменитом Приказе №1, развалившем русскую армию буквально за считанные недели. Это — факт. Поэтому и уходит Керенский в сторону, напускает на себя забывчивость: «кто-то один или какая-то группа», что издание этого приказа есть тягчайшее обвинение. Виновного историки ищут до сих пор, хотя впору этим заняться прокуратуре.

Результаты действия Приказа №1 были ужасны. Будущий президент Финляндии, а тогда русский генерал Карл Густав Маннергейм так отозвался о последствиях Приказа №1: «Сразу же по прибытии на фронт я понял, что за несколько недель моего отсутствия произошли значительные изменения. Революция распространилась, как лесной пожар. Первый известный приказ советов, который касался поначалу только столичного гарнизона, начал действовать и здесь, поэтому дисциплина резко упала. Усилились анархические настроения, особенно после того, как временное правительство объявило о свободе слова, печати и собраний, а также о праве на забастовки, которые отныне можно было проводить даже в воинских частях. Военный трибунал и смертная казнь были отменены. Это привело к тому, что извечный воинский порядок, при котором солдаты должны подчиняться приказам, практически не соблюдался, а командиры, стремившиеся сохранить свои части, вынуждены были всерьез опасаться за собственные жизни. По новым правилам солдат мог, в любой момент взять отпуск, или, попросту говоря, сбежать. К концу февраля дезертиров было уже более миллиона человек. А военное руководство ничего не предпринимало для борьбы с революционной стихией».

Быстро разлагаться начали и самые надежные казачьи части. Генерал Петр Николаевич Краснов, командовал дивизией. Теперь все изменилось: «До революции и известного Приказа № 1 каждый из нас знал, что ему надо делать как в мирное время, так и на войне... Лущить семечки было некогда. После революции все пошло по иному. Комитеты стали вмешиваться в распоряжения начальников, приказы стали делиться на боевые и не боевые. Первые сначала исполнялись, вторые исполнялись по характерному, вошедшему в моду тогда выражению — постольку поскольку. Безусый, окончивший четырехмесячные курсы, прапорщик, или просто солдат, рассуждал, нужно или нет то или другое учение, и достаточно было, чтобы он на митинге заявил, что оно ведет к старому режиму, чтобы часть на занятие не вышла и началось бы то, что тогда очень просто называлось эксцессами. Эксцессы были разные — от грубого ответа до убийства начальника, и все сходили совершенно безнаказанно».

«Я был убежден, что созданная на началах, объявленных приказом, армия не только воевать, но и сколько-нибудь организованно существовать не сможет» — соглашается на страницах мемуаров с Маннергеймом и Красновым, генерал Бонч—Бруевич. После октябрьской революции он будет служить у большевиков, Краснов возглавит антибольшевистское казачье движение, а Маннергейм отделит Финляндию от России. Но в своих оценках последствий Приказа № 1, генералы едины, вне зависимости от своих будущих убеждений и будущей судьбы.

Зловещие метастазы Приказа №1 быстро добрались и до русских бригад на «союзном» фронте. «Я ощущал, что повсюду нарастает беспорядок. Мои предчувствия сбылись через несколько дней. Зловещий Приказ № 1 начал действовать. Дисциплина исчезла. Русские войска во Франции стали потихоньку терять прежней порыв, испытав на себе последствия злобной пропаганды»— пишет глава русской разведки граф Павел Алексеевич Игнатьев. Уж кому, как не ему была очевидна «случайность» появления зловещего приказа.

Теперь, зная, к чему он привел, пора ознакомиться и с самим текстом.

Приказ № 1.

1 марта 1917 года.

«По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения и рабочим Петрограда для сведения. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей. (Эти комитеты и подменяют собой командование армией.)

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2-го сего марта. (Временное правительство «не причастное» к этому документу, находится в соседнем помещении с Петроградским Советом. Керенский вообще ходит из комнаты в комнату.)

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов . (Два пункта с одним подтекстом: правительство не распоряжается собственной армией. Командование, согласно п.1 — тоже.)

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям. (Вы себе это только представьте: оружие офицерам не выдавать! Это во время войны!)

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех

правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется. (В политической жизни солдат ущемлять нельзя, в частной жизни тоже. У солдата теперь одни права, а обязанностей почти нет. Так бардак и начинается: сначала не надо отдавать честь и стоять смиренно, потом не надо и воевать. Не хочется и все.)

7) Равным образом, отменяется титулование офицеров «ваше превосходительство, благородие» и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8) Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов».

Обращаем внимание на дату опубликования Приказа №1 — **1-е марта** ! Николай II отрекся от власти только в середине дня **2-го марта** . Снова «предвидение»? Нет — спешка! Еще толком неизвестно, чем все закончится, поэтому надо запустить тихую бумажную бомбу в русскую армию, пока позволяют обстоятельства.

Так кто же все-таки написал эту гадость, кто несет ответственность за гибель русской армии, а с ней и России? Мнения разнятся. Кто-то винит Петроградский совет, кто-то Временное правительство. Главное оправдание для «временщиков»: 1-го марта, когда вышел приказ, еще самого правительства не было. Но мы помним, что **оба центра новой русской власти созданы в один день, 27-го февраля** . Просто поначалу было другое название: Временный комитет государственной Думы, а не правительство. Но суть то от этого не меняется.

Свет на эту весьма темную историю проливают воспоминания В. Н. Львова, члена Временного правительства. 2-го марта, автор текста приказа, член Петроградского Совета, адвокат Соколов явился в комнату, где заседал Временный комитет государственной Думы. В руке он сжимал текст, который уже был опубликован в утреннем выпуске «Известий Петроградского совета». Бомба под русскую армию уже заложена, газету распространяют. Соколов — знаменитый адвокат, сделавший себе имя во время первой русской революции, защищая разрушителей России. Вместе с ними он теперь и заседает в Совете. Кроме того, именно Соколову Россия должна быть благодарна за Керенского. Он положил начало, его политической карьере, пригласив Александра Федоровича защитником в 1906 году на громкий процесс прибалтийских террористов, после успешного окончания которого, Керенский и начал восхождение к вершинам власти.

«...Быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д. Соколов и просит нас познакомиться с содержанием принесенной им бумаги... — пишет обер-прокурор Синода. В.Н. Львов — Это был знаменитый приказ номер первый... После его прочтения Гучков немедленно заявил, что приказ... немыслим, и вышел из комнаты. Милюков стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликования этого приказа... Наконец, и Милюков в изнеможении встал и отошел от стола... я вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесенная им, есть преступление перед родиной... Керенский подбежал ко мне и закричал: „Владимир Николаевич, молчите, молчите!“, затем схватил Соколова за руку, увел его быстро в другую комнату и запер за собой дверь...».

Петр Николаевич Врангель не был в Петрограде всего три месяца, но ощущение, что он попал в совершенно незнакомый город, его не покидало. Более всего шокировало обилие красного цвета: флаги на некоторых зданиях, банты в петлицах солдат и даже офицеров. Малодушные объясняли это тем, что одетому по старой форме проходу по городу не дадут, а при плохом стечении обстоятельств можно и лишиться жизни. Но Врангель гордо разгуливал по городу в своей генеральской форме, с вензелями наследника и ни один мерзавец к нему не придрался!

После знаменитой атаки у Каушена карьера барона резко пошла вверх. Ротмистр Врангель за неполные два года(!) стал генералом, а с января 1917-го командиром 1-ой бригады Уссурийской конной дивизии. О таком взлете он даже не мог мечтать. Это было не просто везение, это была судьба. Словно чья-то рука вела барона сквозь бури мировой войны к какой-то ему пока неведомой цели. И для этого сводила Врангеля на этом пути с замечательными людьми, у которых можно и нужно было многому поучиться.

Так вот и дивизией, в которой он сначала командовал полком, а затем и бригадой командовал генерал-майор Крымов. Они сработались сразу, словно их души срослись друг с другом. И Врангель жадно впитывал в себя, то новое, что заключал в себе его командир. Уссурийская конная дивизия, составленная из сибирских уроженцев, под начальством генерала Крымова успела приобрести в армии заслуженную славу. Полк, которым барон Врангель командовал уже более года, за блестящую атаку 22 августа 1916 года в Лесистых Карпатах был награжден высоким отличием. Честь была действительно высока: наследник Цесаревич Алексей Николаевич был назначен шефом полка. Быть командиром такой воинской части, было необычайно почетно. И весьма полезно для будущей карьеры. А она у Врангеля и без того была такой крутой, что поневоле захватывало дух. Теперь она и вовсе могла стать невероятной.

После присвоения высокого звания, он тогда должен был во главе делегации от полка отправиться в Петербург для представления молодому шефу. В подарок наследнику везли с собой маленького забайкальского коня и полный комплект формы Нерчинского казачьего полка. Благодарить за столь высокое отличие надо было генерала Крымова. Его профессиональное руководство дивизией принесло заслуженный успех в бою, а теперь давало возможность составить знакомство с самим русским императором.

Этот день Врангель запомнил на всю жизнь. Кроме него самого и царской семьи за обедом никого не было. Государь был весел и оживлен, расспрашивал о той памятной атаке, и со свойственной ему деликатностью не забыл справиться о ране полученной в этом бою самим бароном. Великие Княжны и сам наследник были веселы, шутили и смеялись. Алексей Николаевич, теперь шеф Нерчинского полка, все расспрашивал какие в полку лошади и ту ли форму, что подарена ему, носят теперь его чины. Потом пили кофе, просидели еще часа полтора...

Барон вздрогнул и непонимающим взглядом уставился на извозчика.

— Приехали, барин — сказал тот — Таврический, как просили.

Как недавно это было — кофе, разговоры с милыми царскими дочерьми, а теперь всего этого уже нет. А что есть? Этого не знал никто. Даже многоопытный генерал Крымов. Тогда по возвращению Врангеля из столицы, он подробно расспрашивал его о всех церемониях. При поминании об императоре, глаза генерала вспыхивали недобрым огоньком. Он на дух не переносил августейшую персону и считал ее источником неисчислимых бед для страны и монархии. Потому, так радовался он убийству Распутина. И встретил барона, размахивая свежими экземплярами газет, еще издали крича подходившему Врангелю:

— Наконец-то, подлеца Гришку ухлопали!

Уже тогда не понимал барон радости Крымова, его надежд, его стремлений. Да, возможно государь совершает ошибки, но разве можно замыслить то, о чем вполголоса, вполнамека рассказал командир дивизии. И смерть Распутина была к тому только началом...

Чем дальше, тем меньше понимал Врангель своего командира. 4-го марта вечером Крымов позвонил по телефону. Голос сильно взволнован:

— В Петербурге восстание, Государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам.

После манифеста Николая II, Крымов следом стал читать отречение Великого князя Михаила Александровича. И тут Врангель понял. Он понял, сразу и отчетливо, словно в его голове проявили фотографическую картину. Опустив трубку, сказал записывавшему слова начальнику штаба:

— Это конец, это анархия!

Потом он жарко пытался доказать это генералу Крымову в личной беседе. Ведь страшен был не сам факт отречения царя, нет — главное было не в этом! Опасность была в самой идее уничтожения монархии, исчезновении фигуры самого Монарха.

Передай власть Николай сыну и, присягнув новому государю, русские люди, продолжали бы верно служить царю и родине. Но не стало теперь царя, и уж видно более и не будет. С этим пала и сама идея власти, исчезли в понятии народа все связывающие его обязательства, и при всем при том обязательства эти не были ни чем соответствующим заменены.

Так говорил он, а Крымов на это жарко возражал, что все это уже было в истории во время Великой французской революции. Тогда армия, благодаря перевороту обрела новое дыхание и очень быстро разметала всех врагов и даже родила на свет гения Наполеона. И так будет сейчас в России! Крымов искренне продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Так они и спорили, до наступления раннего кишиневского рассвета.

Потом было чтение обеих манифестов перед войсками. И все было так, как предчувствовал Врангель. То, что произошло можно охарактеризовать одним словом — недоумение. Офицеры, как и солдаты, были озадачены и подавлены, даже как будто притихли. Крымов тогда, наоборот, блистал оптимизмом. От него барон узнал и состав Временного правительства. Особенно нахваливал он военного министра Гучкова, которого знал лично.

— О, Александр Иванович — это государственный человек, он знает армию не хуже нас с вами — улыбался генерал, и настроение его заметно шло в гору.

Врангель же наоборот переполнялся дурными ожиданиями. Чтение газет тоже навело пессимизм. Фамилии думских лидеров стояли чередом, но было непонятно, кто же в силу своей личности и характера удержит власть и обуздает взвившуюся на дыбы Россию. Кто поставит на место неизвестно откуда образовавшийся Совет рабочих и солдатских депутатов, никем не выбранный, но нагло лезший во все властные щели. Потом появился и Приказ № 1...

Словно в тумане барон проходил стоящих караульных у входа в Таврический дворец. За последний «императорский» визит в Петроград надо было благодарить Крымова, «спасибо» за сегодняшнюю поездку снова было по праву его. Ровно два дня назад генерал попросил немедленно прибыть к нему.

— Я прошу Вас, барон, сегодня же выехать в Петербург, — коротко и сухо сказал он по телефону.

А при личной встрече эмоции хлынули через край. Сбросив китель, он сидел за письменным столом, а вокруг него на столе, креслах и полу лежал ряд скомканных газет.

— Они с ума сошли! Там черт знает, что делается — сказал генерал Крымов — Я не узнаю Александра Ивановича Гучкова. Просто не понимаю, как он может все это допускать. Я написал ему письмо. Просто так, без вызова, я не могу покинуть дивизию. Поэтому, Петр Николаевич, прошу поехать вас и повидать военного министра.

И он стал читать свое письмо Гучкову. Оно говорило о том, что армия должна быть вне политики, о том, что те, кто трогают эту армию, творят перед родиной преступление. Ведь гибель грозит армии, а с нею и всей России. Врангель слушал молча, он был согласен с каждым словом, с каждой запятой. С той только разницей, что подобный исход был ему ясен еще в первый день, когда зачитывали манифесты об отречении. Но этого Крымову он не сказал, потому, что командир Уссурийской конной дивизии среди чтения вдруг схватил голову обеими руками и разрыдался. В тот же вечер Врангель выехал в Петроград.

Сегодня он шел к министру Временного правительства в Таврический дворец. Но не к военному министру Александру Ивановичу Гучкову, а к Павлу Николаевичу Милюкову, министру иностранных дел. Это было не совсем то, о чем просил его Крымов, но лучше не получалось. Гучкова не было в городе, барон оставил свой адрес, прося уведомить, когда военный министр вернется. Через день его пригласил к себе Милюков...

Кабинет министра был на втором этаже. Когда Врангель вошел, Милюков поднялся ему навстречу и с улыбкой усадил его в кресло.

— Александр Иванович Гучков отсутствует, — сказал он — но мы поддерживаем с ним связь каждый день. Я могу переслать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы пожелали бы мне сообщить.

Барон открыл свою папку и положил на стол письмо генерала Крымова.

Возможно, этого было достаточно, но, проделав столь долгий путь, он не мог не высказать и свои мысли.

— Последние приказы по армии расшатывают дисциплину и создают пропасть между офицерским составом и солдатами — начал Врангель — Сейчас, в настоящую минуту, когда особенно необходима твердая дисциплина, когда решается судьба страны, необходимо делать все для ее укрепления. Армия — это, прежде всего дисциплина. Исходит она от начальников к подчиненным и если не поддерживать престиж последних, рухнет все. Солдат, не имеет права, не должен рассуждать. Он должен повиноваться беспрекословно!

— Вам сложно возразить, генерал — ответил министр. Но по его лицу было заметно, что барон наступил на весьма болезненную мозоль.

— Позвольте тогда узнать, что означает требование дисциплины «лишь только в строю»? В таком виде оно вредно и бессмысленно. Нельзя быть солдатом наполовину, невозможно соблюдать военные правила только в бою.

Врангель посмотрел на умное, холеное лицо Милюкова и попытался представить его в грязном, вонючем окопе, забрызганном грязью и человеческой кровью.

— Сейчас война и мы все воины, и офицеры, и солдаты, где бы мы ни находились: в окопах, в резерве, или в глубоком тылу, — мы все время, несем службу и находимся в строю. Или воин должен слушать своего командира только вовремя штыковой атаки, а во время сна в блиндаже волен поступать, как ему хочется? У солдата на передовой нет времени, нет сил ни на что другое, кроме самой войны. У хорошего солдата нет ни политической, ни общегражданской, ни частной жизни о которой вы пишете в своих приказах. Это не для окопных ветеранов, а для сопливых болтунов, что облюбовали для себя теплые тыловые местечки. Всеми этими «свободами» воспользуются лишь отбросы и подонки. Те, что шатаются ныне по улицам столицы!

Министр слушал внимательно, все время делая пометки в свой блокнот.

— То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передам все это Александру Ивановичу Гучкову. Однако, должен заметить, что те сведения, которыми мы располагаем, то, что мы слышим здесь от представителей армии, освещает вопрос несколько иначе.

— Это возможно, — ответил Врангель, — но позвольте спросить вас, о каких представителях армии вы изволите говорить. О тех, что заседают в Совете рабочих и солдатских депутатов, неизвестно кем выбранные и кем назначенные, или о тех, которых я видел только что на улицах города, разукрашенных красными бантами. Поверьте мне, что из хороших офицеров и солдат в Петербурге сейчас находятся лишь те, что лежат в лазаретах, и едва ли они могут быть вашими осведомителями.

— Конечно, я не берусь судить, — улыбнулся Милюков — Будьте уверены, я в точности передам военному министру все, что вы сказали.

Министр снова припал к своему блокноту. Холеное лицо, упитанный вид, чистая рубашка и дорогой костюм. В этот момент Врангель понял, что для этого господина, все, что он ему сейчас здесь говорил просто информация. Ничуть не ценнее той, которую изложат Милюкову демагоги и дезертиры, увешанные красными бантами. Потом он вместе с Гучковым, после сытного обеда будут долго рассуждать о том, что вредно, а что полезно для русского солдата. Дискутировать и обмениваться мнениями.

Блокнот закрылся. Милюков поднял глаза. Генерал Врангель уже стоял у двери. Остановившись на секунду, он громко щелкнул каблуками и наклонил голову. А потом молча вышел за дверь...

Через несколько дней после опубликования зловещего Приказа №1, его содержание знали во всей армии. Потом правительство пыталось объяснять, что распространяется он только на петроградский гарнизон, а не на всю армию. Тщетно — обратно в бутылку джина было уже не загнать!

Виновных в гибели русской армии можно назвать прямо по именам. Это члены Петроградского Совета, написавшие текст приказа, Ю.М.Стеклов (Нахамкес) и Н.Д. Соколов. Виноват военный министр Гучков, виноваты, все, кто входил в состав правительства и с умным видом пописывал в своих блокнотиках. Но более других виноват Александр Федорович Керенский. Он ведь входил в состав Совета, написавшего и издавшего приказ, он был

министром правительства, которое имело возможность задушить в зародыше катализатор разложения собственной армии. Керенский все это мог предотвратить **дважды** ! Но этого не сделал, а наоборот помог приказу появиться на свет, хотя предвидеть его последствия совсем несложно. Ни одна армия по таким правилам жить не может. Даже самые горячие «сторонники» Приказа №1, большевики, использовали его только, как инструмент захвата власти и разложения старой армии. Едва придя к власти, они начали создавать новую Красную армию, с новой дисциплиной. Точнее говоря, с хорошо забытой старой — за неповиновение расстрел. Армия — это подчинение, четкая иерархия, где приказы выполняются беспрекословно. Нет дисциплины не будет и вооруженной силы, а будет огромный дискуссионный клуб. Это очевидно. Непонятным кажется другое. Не Ленин и Троцкий напечатали и распространили Приказ №1, не большевики его инициировали. Это сделали другие. Так, что же Временное правительство не понимало, что с такой армией войну выиграть невозможно? Неужели патриоты-идеалисты понимали в военном деле еще меньше нашего?

Для дальнейшего развала страны необходимо было в первую очередь разложить армию — сознательная и дисциплинированная она могла моментально подавить любые очаги антигосударственных действий

Вот вам и ответ на все вопросы сразу. Оправдывается Керенский: «кто-то один, или какая-то группа, подлинность которых до сих пор остается загадкой», этот приказ издала, и армию русскую развалила. А я, Керенский — белый и пушистый! Он одновременно находится в двух властных структурах и ничего не знает, о происхождении этого документа! Но для нас не так уж важно кто его издал. Предположим, что все темное и антирусское исходило от Петроградского Совета, а его член Керенский просто на заседания не ходил, а где-то кутил с милыми дамами. От этого ничего не меняется. Тогда нам придется признать, что и на заседания Временного правительства этот господин также не являлся. Вспомним «Декларацию Временного правительства о его составе и задачах 3 марта 1917». Там ведь говорится практически тоже самое, в армии вводятся демократические свободы, иначе говоря, армия начинает заниматься политикой и слушать того, у кого язык лучше подвешен. Керенский пытается снять с себя и своих коллег ответственность за развал армии, но делает это весьма неуклюже.

Но одним Приказом № 1 дело не ограничилось. Слишком крепка была русская армия, чтобы ее можно было уничтожить за один присест. Поэтому, следом за первым, появляется Приказ № 2, который разъяснял, что его предшественник не устанавливал выборность офицеров, а лишь разрешал комитетам возражать против назначения начальников. После его публикации, уже никто в армии не мог толком разобраться, как же осуществляется руководство русской вооруженной силой. Немцы били нашу армию почти три года, но хаоса и дезорганизации достигнуть так и не смогли. За три дня это осуществили несколько социал-демократов и эсеров, вкупе с Временным правительством. Но даже этого им показалось мало, поэтому 6-го марта военный министр Гучков устроил на своей квартире заседание с делегацией совдепа. Закончилось оно соглашением, которое аннулировало оба приказа! В результате каждый в нашей армии мог решить сам, какой приказ ему ближе и строить службу в соответствии с его духом.

Логика действий Временного правительства можно понять только, если вы представите себе, что их единственной целью было разрушение всех основ государственности и создание невообразимого хаоса. Воплощение «союзного» плана по уничтожению России.

Отбросив словесную шелуху о наивных демократах, случайно разваливших страну, получаешь сухой остаток: четкие, планомерные действия по развалу России. Для того, чтобы уничтожить любую державу надо разрушить те обручи, что скрепляют ее воедино. Они всегда одинаковы:

- армия;
- полиция и другие силовые структуры;
- государственный аппарат управления страной.

Именно по этим ключевым точкам бьет Временное правительство немедленно после прихода к власти.

По армии было нанесено несколько ударов, первым из которых стал зловещий приказ. Решение о наступлении теперь принимается на митинге, а строгого офицера можно просто послать... извините, отстранить. Раз свобода слова — милости просим в воинские части, товарищи агитаторы. Расскажите солдатикам, чем платформа левых эсеров отличается от программы правых, нарисуйте им все прелести анархизма. Правда, интересно? А если командир что-то о дисциплине вякнет — мы его мигом отстраним, царского сатрапа!

Попробуйте, покомандуйте толпой орущих и обнаглевших солдат, каждый из которых симпатизирует какой-нибудь партии. Пока еще офицеров убивали редко, но отношение к ним стало настороженным, а с приходом к власти большевиков истребление командного состава стало повсеместным.

Следующий удар наносится по государственному механизму: начинается уничтожение управленческой вертикали власти. Не успел Николай отречься, как **через два дня** уже посыпались изменения. Начали, как положено с себя: Совет министров переименовывался во Временное правительство. Упразднили Министерство императорского дворца и уделов, и из него быстренько скроили Министерство земледелия, Министерство торговли и промышленности, и Министерство внутренних дел (МВД). Но если вы думаете, что последнее занималось только ворами и убийцами, то глубоко ошибетесь, ибо пеклось новое МВД еще и о дворцах! В марте неутомимые перестройщики создают Юридическое совещание. На него возлагалась обязанность давать «предварительные юридические заключения» на мероприятия правительства. Вместо Главного управления по делам печати в апреле создаются Всероссийская книжная палата и бюро по составлению обзоров печати. При МВД во второй половине марта для руководства деятельностью комиссаров Временного правительства образуется Отдел по делам местного управления. 25-го марта 1917 года учреждается Особое совещание по местной реформе, готовившее законодательные акты о комиссарах, милиции, земствах и др. Вот откуда идут все эти комиссары, Особые совещания и другие «большевистские» радости!

Чтобы вам стало совсем понятен уровень хаоса, воцарившийся в России, добавлю, что 5-го марта Временное правительство **одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию**, т.е. уволило всех губернаторов и вице-губернаторов. Глава правительства князь Львов просто отправил циркуляр на имя самих губернаторов: «Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей по этим должностям. Управление губерний возлагается на председателей земских управ в качестве губернских комиссаров Временного правительства... На председателей уездных земских управ возлагаются обязанности уездных комиссаров...».

И все это упразднили в один момент. Внезапно. Без разъяснений и подготовки. Когда же из провинции в Петроград приезжали представители старой и новой администрации и пытались получить хоть какие-то инструкции и подробности, то они неизменно получали от главы правительства князя Г.Е. Львова категорический отказ: «Это вопрос старой психологии. **Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет.** В местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением».

Вы представляете себе, сколько необходимо сил, чтобы построить новую государственную машину? Перестройка в СССР началась в 1985 —м, а государство до сих пор в себя придти не может. А тут все эти колоссальные преобразования происходят за считанные дни, да еще руководители страны фактически устраняются от дел: **сами выбирайте, а мы никого назначать не будем!** Результат ясен — хаос неизбежен. И все это во время войны, с армией, где командиров отстраняют, а их приказы обсуждают на митингах! Вы еще удивляетесь, почему Россия так быстро превратилась в огромное поле хаоса и анархии?

Тут холодный пот стал прошибать, тех, кто еще неделю назад стоял в первых рядах новой «демократической» власти. Оптимист Родзянко, уговоривший Михаила Романова 3-го марта отречься, уже через два дня снова занимается уговорами. На этот раз председателя Временного правительства князя Львова. Родзянко доказывает всю пагубность распоряжения об отмене администрации на местах, но его никто уже не слушает. Он ведь не вошел в состав правительства, а Временный комитет Государственной Думы фактически ликвидирован: большинство депутатов, либо прекратило посещать Таврический дворец, либо вовсе бежало из

столицы. Теперь Михаил Владимирович Родзянко уже никому не нужен. Мавр сделал свое дело и может спокойно наблюдать, как Временное правительство совершает заранее запланированные «случайные ошибки». Причем его глава демонстрировал невероятный оптимизм. «Мы можем почитать себя счастливейшими людьми; поколение наше попало в наисчастливейший период русской истории» — говорит князь Львов 27-го апреля 1917 года на торжественном юбилейном заседании четырех Дум. Слова его кажутся жутким идиотизмом, когда вспоминаешь, что через полгода случится Октябрь. Нет, глава правительства не был полным дураком. Просто его «счастье» совсем другого рода! Счастливейшими людьми будут в ближайшие годы все те, кому нужно увидеть Россию, разрушенной и уничтоженной ...

Все реформы, затеянные Временным правительством, могли привести только к одному результату — катастрофе. Все утверждения, что они хотели «как лучше, а получилось, как всегда» не выдерживают даже самой легкой критики. Они знали, что делали. Проблемы в стране начались сразу во всех областях. Везде куда успели сунуться новоиспеченные революционеры. Гневно осуждавшие неэффективность царского управления, сделавшие нехватку хлеба предлогом для смены власти, «временщики» уже в первый месяц своего правления, в марте ввели карточную систему. В июне по карточкам выдавался хлеб, а также крупа и сахар. С 1-го июля карточная система распространилась на мясо, масло, яйца и другие продукты.

Самое обидное, что все трудности были искусственно созданными и абсолютно ненужными, никакого практического смысла в этом не было. Ведь правительство **ВРЕМЕННОЕ** ! Вот решит Учредительное собрание вновь монархию вводить, так, что снова перестраивать всю властную вертикаль? Такого не выдержит ни одно государство. К примеру, Советский Союз не выдержал. Хотя перестройка в СССР началась в мирное время, и немцы на подступах к Риге не стояли, а миллионы мужчин не томились в окопах.

Но может, старый аппарат власти мог саботировать решения новых властей, и потому необходимо было его заменить. Нет, не было смысла в перестройке механизма власти и по этим причинам. Временному правительству внутри страны никто не угрожал, оно было **абсолютно законной властью** . Царь отрекся, его брат Михаил ждал решения Учредительного собрания, что фактически означало то же самое. Почти все высшие военные своего государя предали, восстанавливать старый режим было некому. «Союзники» переворот тоже поддержали. Зачем менять весь государственный аппарат?

Ответ может быть только один: чтобы создать хаос.

«Полиция подлежит переформированию в милицию» — написало Временное правительство в циркуляре на имя смещаемых губернаторов. Но зачем? Чем милиция отличается от полиции? Вот человек конца века двадцатого, может с трудом на этот вопрос, и ответил, а представьте себе недоумение русских губернаторов воспитанных в веке девятнадцатом. Сколько надо времени, чтобы создать хотя бы одну новую «народную» милицию? Вы знаете? Я нет, но думаю, что долго. Очень долго. А взрослые дяди из Временного правительства этого не понимали? Так почему же новая власть буквально за считанные дни пытается перекрыть всю государственную машину, складывавшуюся столетиями. Куда они так спешат?

Свой первый приказ в качестве министра юстиции Керенский разослал по телеграфу **2-го марта 1917 года** . По своей вредоносности он мог бы соперничать с Приказом №1: прокурорам предписывалось **освободить всех политических заключенных и передать им поздравления от имени нового правительства**. Снова обратим внимание на дату: свое первое распоряжение Керенский подписал **прямо в день отречения** императора Николая II. Дата отречения русского монарха не просто имеет день и месяц, а еще и точные час и минуту: 2 марта 1917 года, 15 час. 5 мин. «Временное правительство было создано вечером 2-го марта» — пишут все учебники истории. Давайте просто посчитаем.

Информация о долгожданном отречении была, конечно, немедленно телеграфирована в Петроград и сообщена думским заговорщикам. Но даже при самом благополучном раскладе:

- если списки правительства готовы заранее;
- если все согласовано;
- если информация поступает без промедления,

то Временное правительство могло быть создано в промежутке между 16.00 и 17.00 часами. Раньше никак. После этого должны были последовать взаимные поздравления и объятия. Положим на радость еще минут 30. Значит в 17.00-17.30 Александр Федорович Керенский **срочно побежал** к телеграфу отправлять свой первый указ об амнистии! А до утра ему было не подождать?

Нет, до утра подождать было нельзя. Утром следующего дня, Керенский отправлялся добывать отречение Михаила Романова в пользу Временного правительства. И хотя Великий князь был безвольным субъектом, **стопроцентно гарантировать, что это случится, было невозможно!** Поэтому вредоносные постановления надо принимать как можно быстрее, потом это может и не получиться. Как и с Приказом №1, опубликованным накануне ...

Все те, кто взрывал бомбы в гуще толпы в 1905-м, кто убивал полицейских и военных, кто срывал военные поставки, митингуя и бастуя, все они теперь выходили на свободу. С извинениями! И с билетами, купленными за государственный счет. Многие герои будущей русской смуты спешили покинуть места заключения именно в эти дни. Например, скромный анархист Нестор Иванович Махно. «С убеждением, что свобода, вольный труд, равенство и солидарность восторжествуют над рабством под игом государства и капитала, я вышел 2 марта 1917 года из ворот Бутырской тюрьмы» — пишет он в своих воспоминаниях.

Екатерина Константиновна Брешковская—Брешко, пресловутая «бабушка» русской революции, один из организаторов и руководителей партии эсеров, не просто покидает место ссылки в Минусинске. Для возвращения в Москву ей был предоставлен специальный отдельный вагон! Она ведь так исстрадалась, собирая в США деньги на первую революцию. На них закупалось оружие, и никто никогда не узнает, сколько людей было из него убито. Но теперь другое время — у власти не просто наивные демократы, а сознательные разрушители страны, поэтому их посаженные соратники выходят на свободу с почетом. «Бабушка», например, после освобождения будет жить ... в Зимнем дворце! Благодарная Брешковская-Брешко, постоянно совершала поездки по стране и помогала окончательно задуривать головы населению. Особенно восхищалась она, естественно, Керенским. Этого «достоинейшего из достойных граждан земли русской, ...гражданина, своим решительным и мужественным словом и образом действий спасшего Россию в революционные дни февральского переворота», «бабушка» просто обожала.

Но не каждого освобожденного встречал Александр Федорович на вокзале с букетом пышных роз. Вдобавок к политической амнистии, 6-го марта в России была объявлена всеобщая амнистия. На свободе оказались тысячи воров и налетчиков, прозванных в народе «птенцами Керенского». Они точно также получают право на бесплатный проезд к месту проживания «любым классом». Когда вы будете поражаться нечеловеческим зверствам русской Гражданской войны, вспомните, **кто** выпустил на свободу, тех убийц и душегубцев, что пополняют собой ряды враждующих сторон. Уголовников выпускают прямо на следующий день после ликвидации полиции. Чисто **случайно**, разумеется...

Не покладая рук, трудятся лидеры новой России. 3-го марта 1917 года реорганизован институт мировых судей: местные суды стали формироваться из трех членов, судьи и двух заседателей. На следующий день были упразднены Верховный уголовный суд, особые присутствия Правительственного сената, судебные палаты и окружные суды. Мало им освобождения террористов, недостаточно возвращения всех политэмигрантов, не хватает амнистии уголовникам. Развал судебной системы также недостаточен. Вот 7-го марта Керенский едет в Москву, где встречается с членами Московского Совета рабочих депутатов и представителями различных общественных организаций. Им Александр Федорович сообщил, что в «ближайшее время правительство опубликует декрет об отмене смертной казни за политические преступления, и все такого рода дела будут впредь подлежать рассмотрению в суде присяжных». Сказано — сделано. **12-го марта правительство отменяет смертную казнь не только за политические, но также за уголовные и воинские преступления!** Отныне немецких шпионов и дезертиров, воров и насильников казнить нельзя — в стране бушует свобода! Свобода предавать, воровать и убивать. Теперь в Россию могут вернуться все эмигранты-пораженцы, все агенты неприятеля — ведь в самой свободной стране упразднена контрразведка! Кому она мешает? На этот вопрос можно ответить сразу: органы, основной

работой которых является борьба со шпионами и предателями, мешают именно предателям и шпионам. Ситуация на фронтах очень тяжелая. Идет страшная война, враг наступает. Именно в такой ситуации, Временное правительство амнистирует и возвращает всех политических ссыльных и уголовных каторжников, упраздняет полицию и корпус жандармов. Не правда ли — странные действия, очень папахивающие государственной изменой.

Уже позднее, на закате своих дней Керенский писал, определяя основные достижения возглавляемого им Временного правительства в преобразовании России: «Была установлена независимость судов и судей. Были ликвидированы все „специальные“ суды и все „политические“ дела или дела, связанные с государственной безопасностью, отныне стали подлежать рассмотрению в суде присяжных, как и все обычные уголовные дела».

Ну, что и говорить, молодец. Дела «связанные с государственной безопасностью» рассматриваются, как обычные уголовные дела. В порядке общей очереди, в суде присяжных. Не нравятся тебе лица присяжных, можно им отвод дать, других попросить. Потом приговор обжаловать, а там глядишь, и власть сменится! Явно поскромничал Александр Федорович — не о вкладе в преобразования писать надо, а о личном, огромном вкладе в Октябрьскую революцию!

Но если вы, уважаемые читатели, думаете, что при объявлении полной свободы, в российских тюрьмах наступила пустота, то глубоко заблуждаетесь. На волю вышли большевистские агитаторы, призывавшие к поражению, а на смену им отправились «реакционеры», т.е. те, кто сохранил верность присяге и кто возненавидел воцарившийся в стране бардак. Аресты начались сразу же, еще до отречения царя. По воспоминаниям одного депутата: «Целый ряд членов Думы занят исключительно тем, чтобы освободить арестованных... Дума обратилась в громадный участок... с той разницей, что раньше в участок таскали городские, а теперь тащат городских ... Арестованных масса».

Пока расформированная полиция превратится в народную милицию, всем арестованным приходилось терпеливо ждать в тюрьме. А новая власть бдительно следила затем, чтобы никого из старых «царских» служаек на службе не осталось. Вот и посидите, пока наберут новых сотрудников, пока назначат, пока следователь прочитает бумаги, пока разберется. Так, что долгое сидение на следствии совсем не современное изобретение. Например, арестованные во время Февраля и посаженные в казематы кронштадские морские офицеры, запросто сидели со 2-го марта по 7-е июня! Только в этот день начала свои действия следственная комиссия, которой надлежало разобраться в их делах.

И снова вспомним, что правительство было **ВРЕМЕННОЕ** ! Решит Учредительное собрание вновь монархию вводить, так снова распускать народную милицию и заново полицию создавать? Не проще ли было со всеми нововведениями подождать его созыва, не разумнее ли?

Странными все поступки новой власти, кажутся, только если забыть об ее истинной цели. Создав полную неразбериху в системе управления, Временное правительство приступило к созданию конфликтной ситуации и в самом щекотливом вопросе русской революции — земельном. Через три недели после падения монархии был создан Главный земельный кабинет. Временное правительство продекларировало земельную реформу «в соответствии с новыми потребностями экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий. Необходимость реформы была заявлена, суть, и сроки ее проведения откладывались до решения Учредительного собрания. Иными словами, сказав „А“, „Б“ правительство говорить не стало. Единственным конкретным шагом, стало состоявшееся 12-го марта изъятие в казну земель принадлежавших свергнутому монарху. Через четыре дня реквизируют и земли всех остальных Романовых, в большинстве своем так радовавшихся падению того, кто закрывал их своей короной от всех житейских невзгод. На этом конкретные дела по земельной реформе закончились.

В условиях вседозволенности и беспредела охвативших страну, каждый стал действовать так, как считал нужным. Результатом стал стихийный, массовый захват частных земель и разгул самого обыкновенного бандитизма. При подстрекательстве левозэкстремистских партий начались разгромы помещичьих имений. Многие крестьяне вместо работы, стали целыми днями бороться и драться друг с другом, следя за тем, кто какую землю захватил. Большевистская пропаганда будет падать в уже подготовленную почву. Но неужели в ответ на

погромные движения правительство ничего не предпринимало? В том то и дело, что вся кипучая деятельность Временного правительства цели преследовала совсем другие. Оно издавало грозные циркуляры, направлявшиеся губернским комиссарам, со строгим предписанием навести порядок. Но данные распоряжения не выполнялись, так как у местных властей не было реальной силы для проведения предписаний в жизнь. К тому же в стремлении завоевать популярность в массах, особенно среди крестьянства, правительство часто вообще закрывало глаза на многие случаи противоправных действий, призывая частных землевладельцев к миру и согласию в деревне.

«Черный» передел земли, бумерангом ударил и по дисциплине в армии. Эта тема была немедленно подхвачена немецкой пропагандой. «Идите домой — говорили немецкие листовки — Там делят землю, и вы можете опоздать!». Многие солдаты верили и дезертировали.

Следом за сельским хозяйством, конфликтная ситуация заботливо создавалась и в промышленности. Буквально через пару недель после своего прихода к власти, Временное правительство совместно с Петроградским советом принудила основных столичных капиталистов подписать соглашения о введении 8-ми часового рабочего дня. Как и все, что делали «союзные» марионетки, их благие намерения и правильные действия имели двойное дно. Этот прекрасный жест по защите прав трудящихся, вместе с набором таких же **невыполнимых в условиях войны** изменений, очень быстро привел к тому, что ... **вся Россия перестала работать, а стала бороться за свои права.**

«Все принялись бастовать напраполю: прачки бастуют уже несколько недель, приказчики, конторщики, бухгалтера, муниципальные, торговые, больничные служащие — часто с докторами во главе, — портовые рабочие, пароходная прислуга... Вот Донецкий бассейн поднялся — это уже хуже. А, что хуже всего, так это дело с железнодорожниками. Могу вам сказать, что на нас надвигается ни больше, ни меньше, как всеобщая железнодорожная стачка» — рассказывает В.М. Чернову его коллега по партии Гоц. И все, что он сказал, полностью соответствовало действительности. Забыв, что на дворе война все разом стали требовать увеличения заработной платы. Конечно, жизненный уровень в стране понижался, и требования забастовщиков были справедливыми — но только не во время мировой войны! Коллективный эгоизм плюс полное отсутствие власти в стране, привели экономику России к краху невероятно быстро. Вместо жестких мер, Временное правительство плодило комиссии. Одна из них под предводительством самого Г.В. Плеханова разбирало требования забастовщиков — железнодорожников. Когда—то их всеобщая стачка в 1905 году привела Николая II к необходимости уступок, в 1917-м году на волоске висит судьба фронта и страны. Показательны результаты работы комиссии Плеханова: были выработаны новые нормы оплаты, на основе индекса цен. Информацию доложили правительству. Оно ужаснулось и отказало. Справедливо, но невозможно — нет на это денег. Зачем же все это дело затевали? Чтобы раскатать ситуацию. Как еще объяснить дальнейшие действия «временщиков». Железнодорожники собираются бастовать, потому, что денег им не дают. Но и запретить бастовать власти не могут. Это ведь недемократично!

«Всеобщая забастовка во время войны была вещью чудовищной — пишет далее Чернов — Но и запрещение забастовок авторитетом власти, когда ее собственной комиссией установлено, что рабочим не обеспечен элементарный жизненный минимум, было делом чудовищным». Театр абсурда, да и только ...

Общество стремительно падало в анархию, при этом разные его части все более ненавидели друг друга. Предприниматели кричали о ненасытности рабочих и грозили массовыми увольнениями. Рабочие в ответ протестовали, говоря об огромных военных прибылях и чудовищных накоплениях их хозяев. Пожар Гражданской войны еще не разгорелся, но дрова уже были разложены и даже заботливо политы бензином.

Наиболее здравомыслящие члены Временного правительства видели надвигающуюся грозу и пытались ей противостоять. Правда, весьма своеобразно — просто уходя в отставку. «Развилка» следовала за «развилкой»: честные и порядочные люди (т.е. не знакомые с «союзным» планом разрушения страны) из Временного правительства уходили, негодяи оставались. Такая ротация шла до самого свержения. Поэтому, когда мы ищем ответственных за развал России, нам остается только посмотреть списки членов правительства от его начала и

до конца. Все сразу встает на свои места. Факт удивительный и легко проверяемый:

Из самого первого состава Временного правительства в его последнем составе остался только(!) Александр Федорович Керенский. Все остальные ушли или были убраны, когда на разных этапах мешали вести страну к катастрофе.

Но вернемся к странному поведению правительства во взаимоотношениях рабочих и хозяев. Абсурдность ситуации была очевидна всем здравомыслящим людям. 10-го мая на заседание правительства пришли представители тяжелой промышленности. Это-металлургия и обработка металлов, становой хребет любой экономики.

«При сложившихся условиях, заявляли промышленники, заводы дальше работать не могут. Промышленникам приходится оплачивать труд не за счет доходов, а за счет основных капиталов, которые будут израсходованы в короткий срок, и тогда предприятия придется ликвидировать» — рассказывает нам глава кадетов П.Н. Милюков. Обратите внимание: **Временное правительство у власти всего два месяца, а уже встает вопрос о ликвидации базовых отраслей экономики!** Ударный «труд», нечего сказать.

В чем же проблема? Как всегда, в деньгах. Например, в Донецком районе 18 металлургических предприятий владели основным капиталом в 195 млн. руб. и имели валовую прибыль 75 млн. руб. в год и дивиденды 18 млн. руб., а рабочие требовали повышения зарплаты на 240 млн. руб. в год от существовавших расценок.

«Промышленники соглашались увеличить плату на 64 миллиона. Но рабочие не хотят, и слышать об этом. Они не соглашаются и на предлагаемую владельцами уступку всей прибыли. Они говорят: **пусть предприятие перейдет к государству**. Но ведь и государство не может оплачивать рабочих в ущерб дальнейшему существованию предприятия» — указывает П.Н. Милюков.

Уже в мае начинаются разговоры об огосударвлении промышленности! Вам эта мысль ничего не напоминает? Правильно, это большевистская программа, это их лозунг «Фабрики — рабочим!». Кто внедряет эту мысль в рабочие массы? Ленин? Нет, Керенский! Он ведь один из ведущих членов Петроградского Совета, просто нам он известен куда больше по своей деятельности в правительстве. Вот Лев Давыдович Троцкий в своей биографии «Моя жизнь» любезно перечисляет нам главарей этого совета: «Церетели я знал мало, Керенского не знал совсем. Чхеидзе знал ближе, Скобелев был моим учеником, с Черновым я не раз сражался на заграничных докладах, Гоца видел впервые. Это была правящая советская группа демократии». Именно Совет, где заседает Александр Федорович и предлагает свой путь решения проблемы, заставляя Ленина быть жалким плагиатором.

На конференции фабрично-заводских комитетов и советов старост Петрограда 30 мая 1917 года впервые прозвучали слова: «Путь к спасению от катастрофы всей хозяйственной жизни, лежит только в установлении действительного рабочего контроля за производством и распределением продуктов... **Рабочий контроль должен быть немедленно развит в полное урегулирование производства и распределения продуктов рабочими**». Отсюда до диктатуры пролетариата даже не шаг, а полшага. А на дворе еще только май месяц! Ленин от этого документа в восторге: «Программа великолепна, — писал он, — и контроль, и огосударствление трестов, и борьба со спекуляцией, и трудовая повинность...».

Керенский в Совете вместе со всеми согласуется с явно экстремистскими предложениями, и сам же в правительстве создает почву для недовольства, путем бездействия и саботажа явно необходимых правительственных мероприятий. Таких, как запрет на забастовки, и мораторий на увеличение оплаты труда до победного окончания войны. **Но в том то и дело, что если Россия затянет потуже пояса, а ее армия не будет заражена Приказом №1, то война закончится в 1917-м году!** Победой «союзников» и России! Но такая победа британцам и французам не нужна, не для этого собирается вступить в войну в мае 1917 года капитал Соединенных Штатов. Поэтому именно то, что нужно России, Керенский и компания и не сделают.

Деятели Петроградского Совета занимаются откровенной демагогией. Скобелев, Чернов, Церетели указывают, что «промышленники должны отказаться от прибылей и дивидендов не только текущего, но и прошлых годов». Фраза красивая, а последствия предсказуемые и очень знакомые современной российской экономике. Уговорить человека расстаться с деньгами

можно только в одном случае: если он сидит в камере смертников. Так будут изымать капиталы большевики. Они добьются на этом поприще небывалых успехов. Временное правительство может только уговаривать, в результате русские капиталы потекли за границу, а в стране резко увеличилась покупка валюты. Менее терпеливые и более осторожные стали выводить активы за рубеж. Куда? В основном к «союзникам»: в Англию и Францию, меньшая часть в — Швейцарию и США.

Ничего подобного такому идиотизму не было ни в одной воюющей стране. Везде правительство жестко контролировало сферу экономики, пресекая эгоизм всех социальных групп и направляя общую энергию нации к одной цели — победе.

«Вы должны знать — рассказывал министр труда Великобритании, Артур Гендерсон — что вся промышленность, вся работа по снабжению армии взята английским правительством под строгий учет. И у нас в Англии при контроле над промышленниками почти нет конфликтов с рабочими. Все требования рабочих рассматриваются у нас государством, и оно, **если находит возможным удовлетворить их, удовлетворяет**. Когда началась война, мы предложили рабочим временно отказаться от борьбы за свои права, и они во имя интересов государства отказались. **Было время, когда рабочие работали семь дней в неделю, не зная ни праздников, ни отдыха**».

Так и должно быть, если нация стремится к победе. Так было во всех демократических странах. Но Россия стала «самой свободной страной». Чисто **случайно**, конечно.

Видя печальную перспективу, министр торговли и промышленности, *прогрессист А.И. Коновалов, уходит в отставку*. «Надежда на предупреждение кризиса, — говорил он, — могла бы быть лишь тогда, если бы правительство, наконец, проявило действительную полноту власти: если бы после трехмесячного опыта оно стало на путь нарушенной и поправленной дисциплины».

Чуть позднее на съезде военно-промышленных комитетов в Москве 17 мая он был еще более откровенен: «Россию ведет к катастрофе антигосударственная тенденция, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами». Большевики еще только начинали набирать силу — оратор говорит не о них, он говорит о Временном правительстве! И, пожалуй, лучше и не скажешь. Однако, вопрос, почему министры презревают только накануне отставки, и почему оставшиеся не слышат голосов своих ушедших коллег, историки никогда не задают.

Но самый страшный урон нанесла политика Временного правительства душам русских людей. Говорят, что перерождение нашего народа произошло под влиянием большевистской идеологии. Это неправда — всего за полгода своей деятельности, Керенский и кампания сумели полностью разложить крестьянство, рабочих и солдат. Ленин лишь довершил начатое ими. Ведь факт общеизвестный, что невиданная популярность пришла к Владимиру Ильичу именно после его возвращения из эмиграции в апреле семнадцатого. До этого времени его идеи столь бурного восторга в массах не вызывали. Вот это и есть результат деятельности Временного правительства. За короткий срок оно умудрилось вызвать ненависть ко всему, что касалась бывшего устройства русского государства, да и самому государству тоже. Достигли это путем самой разнузданной пропаганды, начатой сразу по приходе к власти. Информационный удар наносился по Российской империи, представлявшейся в печати, как чудовищная «тюрьма народов». Отличным средством этого была компрометация монархической идеи, путем замазывания грязью царской семьи. «Независимая печать» развернула широчайшую кампанию по дискредитации бывшего императора и его супруги. В иллюстрированных красочных журналах печатается невообразимая похабщина на царскую семью с Распутиным.

Как по мановению палочки невидимого режиссера, резко меняется тональность публикаций и в отношении всех остальных Романовых. Причем, не только в столичной и московской прессе, где работают самые талантливые «независимые» журналисты, но и по всей стране. Великий князь Александр Михайлович заметил перемену, читая киевские газеты: «Наступил момент, когда разрушение царских памятников уже более не удовлетворяло толпу. **В одну ночь киевская печать коренным образом изменила свое отношение к нашей семье**.

— Всю династию надо утопить в грязи, — восклицал один известный журналист на страницах распространенной Киевской газеты, и началось забрасывание нас грязью. Уже более

не говорилось о либерализме моего брата, Великого Князя Николая Михайловича или же о доброте Великого Князя Михаила Александровича. **Мы все вдруг превратились в «Романовых, врагов революции и русского народа».**

«Фантастические и порой совершенно недостойные описания стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись „полуофициальным“ голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне». Это сказал, не какой-нибудь отпетый монархист, а сам Керенский. Видно, писать начали **ТАКОЕ**, что даже он не выдержал и возмутился. Кто знаком с деятельностью прессы хоть немного, тот прекрасно представляет себе, что, обладая деньгами можно опубликовать все, что тебе заблагорассудится. Бюджет, отпущенный Шиффами и другими частными спонсорами нашей революции, соединялся с финансовыми ресурсами западных спецслужб. Вот газеты и печатали «чистую правду», а потом правительство в лице Керенского стыдливо морщилось — переборщили. Но, как и в случае, с Приказом № 1, так и в описании всех своих поступков Керенский лжет и лавирует.

О двуличии и отношении самого Керенского к царю хорошо сказал следователь Соколов, которому выпадет тяжкий жребий расследовать гибель семьи Романовых: «Много поработавший для расшатывания основных устоев старой власти, создававший в некоторых умах своими речами в Государственной Думе определенное общественное мнение, г-н Керенский шел в жилище Государя Императора, неся в своей душе определенное убеждение судьи, уверенного в виновности Государя Императора и Государыни Императрицы пред Родиной. Тая в своей душе такие чувства, г-н Керенский в то же время умышленно старался подчеркнуть свое великодушие и свое благородство в форме ярко выраженной корректности».

Странно ведет себя Александр Федорович, словно чей то заказ пытается выполнить. Во, что бы то ни стало найти доказательства и обвинить, замарать царя и царицу. А вместе с ними втоптать в грязь и всю русскую монархию! Эту особенность будущего главы России замечает и белогвардейский следователь: «В этом главным образом и заключалось убеждение г-на Керенского. Отнюдь не желая прибегать в таком деле к каким-либо натяжкам в выводах, следственная власть готова признать, что г-н Керенский только ошибался, хотя подобные ошибки в его положении представляются все же странными: опытный искусник-адвокат, все время выдававший себя за страдальца по народной правде, г-н Керенский, как профессионал-юрист, не мог не знать, что всякое убеждение должно основываться на фактах. Он же поступил как раз наоборот: **он сначала составил себе определенное убеждение, а потом постарался сыскать факты**».

Разложение страны шло так быстро, что уже при Временном правительстве начался и **Распад!** Прежде всего, распадается на составные части стала армия. Еще до Февраля были созданы некоторые национальные части: латышские батальоны, кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После переворота процесс национализации армии принял таки лавинообразный характер. Сначала был сформирован чехословацкий корпус, а потом формирования своих «армий» стали требовать все! Попробуй, откажи в этом горластым национал-революционерам! Офицерство забито, командование растеряно и не знает, как заставить солдат повиноваться приказам. Поэтому, генерал Брусилов и разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Тут же началась «украинизация» армии — у солдат появился прекрасный повод для отказа от отправки на фронт: «Підем під українским прапором»!

Лиха беда начало, и вот уже в конце лета 1917 года идет борьба за Черноморский флот! С кораблей «Воля» и «Память Меркурия» было списано около половины матросов-неукраинцев, и вместо Андреевского были подняты украинские национальные флаги. Морской министр контр-адмирал Вердеревский, 16-го октября послал Центральной Раде в Киев телеграмму следующего содержания: «Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, так как Черноморский флот есть флот Российской республики, содержащийся на средства государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разъяснить это увлекающимся командам Черноморского флота». Пройдет еще две недели и адмирал вместе со всем правительством отправится в казематы Петропавловки, а Центральная Рада вскоре объявит об отделении Украины от России. Это

будет позже, уже при большевиках, но корни всего этого заложило демократическое Временное правительство.

На фоне полного разложения вооруженной силы резко увеличилась численность аппаратчиков. В одном только Военном министерстве количество бюрократов увеличилось более чем в три раза. Министр финансов Некрасов был вынужден заявить на государственном совещании в Москве, что «ни один период российской истории, ни одно царское правительство не было столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России». Ну, это понять легко, если вспомнить, что щедрые господа через совсем небольшой промежуток времени окажутся кто в Париже и Берлине, а кто и Нью-Йорке. Там ведь надо жить на что-то, вот и подчищали казну, кто как мог.

Одновременно с распадом армии начался и территориальный распад страны. Так обычно все и начинается. Сначала люди должны почувствовать собственное отличие от других, своих соседей. Когда они это ощутили это в достаточной степени, очень легко будет развалить многонациональную русскую армию на многочисленные национальные войска и стравить их между собой. Огромная Российская империя тогда распадется на многочисленные национальные государства, друг другу, и особенно России, враждебные. Это нашим «союзникам» и нужно, так оно и будет. Лондон и Париж будут наперегонки признавать «молодые» государства, упорно не признавая русских правительств, ведущих борьбу с большевиками.

Весь этот ужас начался при Временном правительстве, а при большевиках лишь достиг своего логического развития. Польша и Финляндия потребовали независимости. Независимость первой Временное правительство согласилось признать после войны, второй отказало в самоопределении и финнов отпустил на волю уже Ленин. К сентябрю накалилась обстановка в Туркестане, да так, что для восстановления порядка пришлось применить силу. Обострившийся вопрос с Черноморским флотом, начался еще в марте 17-го года, когда на Украине ряд политических партий и организаций созвал Центральную Раду. В мае она решила добиваться от Временного правительства немедленного провозглашения принципа национально-территориальной автономии Украины. Предполагалось, что в ее состав должны были войти восемь украинских губерний, а также территории южного берега Крыма, некоторых уездов Курской, Воронежской, Бессарабской губерний, Донской области и Кубани с преимущественно украинским населением.

Признаки будущей катастрофы были уже налицо. Но Временное правительство только издавало «странные» распоряжения и ничего для предотвращения гибели страны не делало. Ираклий Церетели, лидер меньшевиков, активный деятель Петроградского совета, министр почт и телеграфов одного из составов этого правительства, обладал отменным чувством юмора. После Октябрьской революции он возглавлял независимую Грузию. Одним словом, разрушал Россию, как мог. Роман Гуль в своей «Апологии эмиграции» передает анекдот, случившийся с лидером меньшевиков уже гораздо позже, в эмиграции: французские социалисты пригласили Церетели на свой съезд и попросили сказать приветствие.

— Дорогие товарищи, я очень польщен... — сказал Церетели — Но я уже погубил две страны — Россию и Грузию, неужели вы хотите, чтобы я погубил еще третью — Францию.

Французы хохотали удачной шутке. Мы смеяться не будем, потому, что уничтожение России и миллионы загубленных людей штука совсем невеселая.

Единственной угрозой Временному правительству был хаос, который оно само и создало. Но оно упорно сеяло семена ненависти, вторгаясь в болезненные вопросы русской жизни и оставляя их без решения. Вскоре, появится и еще одна «опасность» — большевики.

План развала нашей страны уже приближался к своему заключительному аккорду — **Распаду**. Но для этого нужны были исполнители. Они то в хмуром марте 17-го на Родину и засобирались....

Глава 8.

Три источника, три составные части Октябрьской революции.

Между нашими представителями и представителями Антанты по различным поводам неоднократно устанавливался контакт...

граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии

Перо быстро скользило по листу бумаги. Ленинский почерк никогда не отличался разборчивостью, но в этот раз текст можно было разобрать без видимых усилий:

— Я, нижеподписавшийся, Ульянов (Ленин) В.И., удостоверяю своей подписью:

1) что условия, установленные Платтенем с германским посольством, мне объявлены;

2) что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки, Платтена.

Ленин на минуту остановился — он сомневался в успехе дела до самого конца, но вот, кажется, все действительно получается. Это просто невероятно, как быстро развиваются события. Даже он всегда готовый измениться, поменять точку зрения, объяснить что бывают «компромиссы и компромиссы», едва успевает за стремительным потоком времени. Перо снова скользнуло по бумаге, водимое уверенной рукой Ильича:

— 3) что мне сообщено известие «Petit Parisien», согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4) что всю политическую ответственность мою за поездку я принимаю на себя;

5) что Платтенем мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

Ну, вот, кажется, расписка готова. Ильич встал и подошел к окну, привычным жестом засунув большие пальцы за борта жилетки. Эти педантичные немцы с каждого, кто в запломбированном вагоне поедет через территорию Германии, взяли подобную бумажку. Ничего не поделаешь, немцы есть немцы. Хотя зачем она нужна непонятно. Точнее, как раз очень хорошо понятно: для истории, а если быть еще точнее, то для архивов немецкой разведки. Но какое это имеет значение, если благодаря этой бумажке он с товарищами попадет в Россию! Там все кипит и бурлит, там зарождается новая жизнь. Только там появляется единственный шанс на осуществление мечты всей его жизни. И в такой момент он сидит в этой сытой и скучной Швейцарии. Да, чтобы попасть туда он бы с удовольствием подмахнул бы и свой смертный приговор! Какая разница как — главное только попасть в Петроград, а уж там мы посмотрим...

— Нет, решительно в этом мире, возможно все, — несколько раз повторил Владимир Ильич поднимаясь и опускаясь на носках своих туфель. — Решительно все...

Поспевать за ленинской мыслью задача неблагодарная. Его скорость принятия решений не всем по зубам. Немногие обладали и его интуицией. Только вот в начале 1917 года она его подвела. 9-го января, здесь в Швейцарии делая «Доклад о революции 1905 года» он сказал: **«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции . Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».**

Иными словами, вам дорогие товарищи до светлого будущего дожить, а мне, старику, и надеяться не надо! И вдруг — Февраль! Революция! Как снег на голову. На первый взгляд странно, но объяснимо. Все мы люди и Владимир Ильич тоже не исключение. Следовательно, и он может ошибаться. Ошибаться, несмотря на всю свою гениальность. К тому же Ленин уже с 1900 — го года жил за границей в эмиграции и оторвался от нашей действительности. Русскую жизнь знал по письмам товарищей и статьям зарубежной прессы. Вот и просмотрел революционный момент будущий вождь мирового пролетариата. Но упрекать Владимира Ильича в политической близорукости будет неправильно. Февраль был плодом «союзного» заговора, в который Ленин не был посвящен. И в том нет его вины — каждый винтик страшной машины разрушения России знал только ему необходимую информацию. Когда его участие в процессе было необходимым, невидимые закулисные силы вытаскивали такого человека на поверхность политической жизни, когда он становился не нужен — быстро отодвигали его от

общего процесса. Для Февраля Ленин и его партия не были необходимы, «союзные» спецслужбы успешно организовали рабочие волнения и солдатский бунт, обойдясь без их помощи.

после бурной череды съездов во время первой русской смуты, среди пытавшихся взорвать Россию наступило затишье. Революционные элементы, их лидеры находились, «на консервации», спокойно проживая на территории Западной Европы. Они устраивали небольшие конференции, ругали друг друга почему зря в своих малотиражных газетах и ждали своего часа. И казалось он наступил — началась Первая мировая война. Но надежда быстро рассеялась: большинство революционеров поддержало свои правительства, и стало патриотами, хотя бы на период вооруженного конфликта. Так было и с большинством русских смутьянов. Например, глава эсеровских боевиков Борис Савинков решительно требовал прекращения всякой антигосударственной деятельности на период войны. Тот, кто в такой момент борется с царем и с самодержавием, считал он, борется против России.

Ленин же в самом начале Первой мировой войны, совершенно правильно понял, что именно эта страшная бойня дает единственный шанс на осуществление социалистической революции. Поэтому глава большевиков и выдвинул лозунг поражения царизма в войне. Логика ленинская понятна, одно только получалось не по Ленину: текущая ситуация в России никакой революцией и не пахла. После серии военных неудач русская армия готовилась эту войну успешно заканчивать. Поэтому и говорил Владимир Ильич в своем швейцарском докладе о революции, как о далекой, далекой перспективе.

Но тут неожиданно случился Февраль. И Ленин моментально сориентировался. Практически сразу по прочтении свежих швейцарских газет. Уже 3(16) марта, т.е. в день отречения Великого князя Михаила от престола, он пишет Александре Коллонтай: «Дорогая А. М.! Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(4).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков +Гучков+Керенский у власти! ... Премило! Посмотрим, как-то партия народной свободы... даст народу свободу, хлеб, мир...».

Получив ошеломляющие новости, гениальная ленинская голова стала искать варианты решения одной проблемы — как попасть в Россию из далекой Женевы. Задача эта не так проста, как кажется на первый взгляд. Кругом ведь полыхают фронты мировой войны. Маленькую Швейцарию со всех сторон окружают Франция, Италия, Германия и Австро-Венгрия, сцепившиеся в смертельной схватке. Отсюда и вариантов пути несколько. Точнее всего два: можно ехать через страну участницу Антанты или через территорию их противников. Логично выбрать первый вариант, ведь если последовать второму, то можно нарваться на крупные неприятности: по международным законам гражданина вражеской державы должны интернировать, т.е. посадить за колючую проволоку, до конца конфликта. Прекрасно знает это и Ленин. **Поэтому, второй вариант, поездку через Австрию или Германию (т.е. противников России) Ленин поначалу даже не рассматривает!**

Он думает об оптимальном пути **только через Антанту**, и начинает прощупывать почву только в этом направлении. Инесса Арманд, 5(18) марта получает следующую телеграмму: «Дорогой друг!.. Вчера... прочел об амнистии. Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. **Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать.** Жму руку. Ваш В. У.».

Спасибо, министру юстиции А.Ф. Керенскому — амнистия! Тот, кто призывал к поражению своей страны, может спокойно ехать на Родину. Только вот как? Со свойственной ему кипучей энергией, Ленин перебирает все возможные варианты. Даже самые экзотические и невероятные. **Но только в направлении «через Антанту»!**

Между 2(15) и 6(19) марта 1917 года Ленин телеграфирует своему соратнику Ганецкому (Фюрстенбергу) в Стокгольм. Этот товарищ сидит у Ильича на «финансовых потоках» и осуществляет связь с иностранными спонсорами большевиков. Вскоре Ганецкий получает по почте книгу, в ее переплете находится ленинское письмо: «Ждать больше нельзя, **тщетны все надежды на легальный приезд**. Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».

Но Ленин не был бы Лениным, если бы зондировал только одну возможность. 6-го марта он пишет В.А. Карпинскому: «Дорогой Вяч. Ал! Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма. **Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию (и Голландию)** в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике. Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пансион мы за Вас заплатим, разумеется. Если согласны, начните немедленно подготовку самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае. Ваш Ленин. Обдумайте все практические шаги в связи с этим и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами все останется в секрете абсолютном».

Стоп. На минутку остановимся и переведем дух. Проезд Ленина в революционный Петроград всегда был окутан тайной. Советская историография писала просто — «приехал». Как и откуда — подробности коммунистическим историкам были явно излишними. Современные авторы, обвиняющие Владимира Ильича в шпионаже в пользу Германии, наоборот, в подробностях расписывают его появление. История в их изложении получается простая и незатейливая: взял Ленин немецкие деньги, вот через Германию и поехал. И никто не объясняет, почему Владимир Ильич **сразу** не поступил самым простым и логичным путем — не связался со своими германскими кураторами и не озадачил их проблемой собственной доставки в Россию. Зачем он пытается поехать через страны Антанты? Что за странная просьба к Инессе Арманд почву «прощупать» не в Берлине, а в Лондоне?

Чего казалось бы проще — выйди на связь со своими немецкими друзьями. Не сам, конечно, а через посредников, да на Родину попросись. В немецких же интересах всю теплую ленинскую кампанию туда как можно скорее доставить. Времецко то идет, и каждый день пушки на Восточном фронте стреляют, и солдатики немецкие гибнут сотнями! А еще совместно с «союзниками» готовит русский Генштаб очередное наступление и неизвестно выдержит ли его натиска германский фронт. Ждать то немцам нечего — время работает против них. Но что-то тихо в ленинской квартире. Не стучит почтальон, не приходит никаких известий с германской стороны.

Молчат немцы. А Ленин продолжает думать и искать, словно только ему одному важно оказаться в России, а для немецких генералов, это вещь малозначимая и третьестепенная. Впервые упоминание Германии, как варианта транспортировки появляется в телеграмме Ильича уже упомянутому В.А. Карпинскому, 7(20) марта (т.е. на четвертый день поиска вариантов). Тут мы впервые находим свидетельство того, что Ленин начинает продумывать не только путь через Англию, но и возможный свой проезд через Германию. Он рассматривает все варианты и предложения. Интересную мысль выдвигает глава меньшевиков Мартов. Это в учебниках истории большевикам с меньшевиками не по пути. В реальной жизни все революционные деятели жили рядышком в Швейцарии, вместе подписали документы знаменитой конференции в Циммервальде, вместе и решали свои транспортные программы. Они даже дружили. Уже позднее во время красного террора, Ленин лично принесет меньшевику Мартову домой два билета на уходящий за границу поезд, и посоветует побыстрее на него садиться. Суть предложения Мартова вполне понятно из текста телеграммы: нейтральные деятели попросят германцев пропустить русских революционеров на Родину. И снова все события происходят при полном информационном вакууме с немецкой стороны. Судя по телеграмме Владимира Ильича, автором этой идеи является глава меньшевиков Мартов, а вовсе не германский Генштаб. Итак, Ленин пишет Карпинскому:

*«План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п., что и в Женеве можно сделать) с просьбой **поговорить об этом с послом германского правительства в Берне**. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие испортит все. Но план, сам по себе, очень хорош и очень верен».*

Ленин много пишет, и снова и снова пытается решить свою проблему. Отправляются телеграммы, прощупываются контакты. Через неделю после первого послания, Ильич посылает своему сердечному другу Инессе Арманд очередную весточку. Сначала он оценивает ситуацию в России, но нас больше интересует вторая часть послания: «... **В Россию, должно быть, не попадем! Англия не пустит. Через Германию не выходит**».

Основным Ильич рассматривает «английский» путь, поэтому указывает его первым. «Германский» вариант второстепенный и запасной. Тут впору и раздаться возгласу удивления. Вот представьте себе ситуацию — Владимир Ильич уже давно заключил сделку с дьяволом, т.е. с германским Генштабом, взял деньги на революцию. Пообещал развалить Россию, вывести ее из войны. И вот когда момент для этих действий настал, он не знает, как ему добраться до места событий! Сидит горемыка, голову ломает. Придумывает варианты, словно в плохом детективе: то «по тихому» через Англию, то в парике с чужими документами через Францию. Готов даже глухонемым шведом прикинуться, лишь бы проехать в Петроград. И только перебрав всю эту шпионскую атрибутику, Ленин решает попробовать проехать через Германию. Щупает почву и с горечью констатирует Инессе Арманд — «не выходит»!

Вдумайтесь в это: **Владимир Ильич не может договориться со своими «сообщниками» немцами, о проезде через их территорию!** Наверное, просто нет мест в поездах. И пограничники немецкие больно бдительны: как русский паспорт Ленина увидят, так его сразу в кутузку упрячут. Разведчики германские, тоже понятно, ничего сделать с ними не могут. Нет никакой управы на немецких пограничников. Плачут германские разведчики и со слезами смотрят, как гибнет родной фатерлянд в непосильной мировой войне. Рыдают, но Ильича с товарищами в Россию забросить не могут.

Смешно? Но именно так и получается, если принять версию о давнишней договоренности немцев с большевиками. Если считать, что они вместе планомерно готовили план проезда революционеров в plombированном вагоне. Немецкие спецслужбы, естественно, работали на развал и поражение своего противника — России. К примеру, активно велась работа среди военнопленных. Для немцев основными объектами в ней были русские солдаты нерусских национальностей. Немцы пытались формировать военные единицы из поляков, австрийцы создали «Союз Визволения Украины». Продавшие свою Родину получали повышенный паек. Однако результат был ничтожен: из 2,5 миллионов пленных в украинский легион вступило всего две тысячи бойцов. Справедливости ради заметим, что такая подрывная пропаганда велась всеми воюющими сторонами. Преследуя те же пропагандистские цели, Россия в пику немцам объявила одной из главных целей Первой мировой войны освобождение славянских народов от австро-венгерского и германского порабощения. В результате солдаты этих национальностей массами сдавались в плен, и русское командование формировало из них боевые части, намного превзойдя на этом поприще своих австрийских коллег.

Субсидировали германцы и революционные партии, призывавшие к поражению своей страны. Таких, как большевики. Ничего в том удивительного нет. **Удивляться надо не тому, что немцы забросили Ленина и его товарищей в Россию, а тому, что они никак не хотели этого делать! Или даже об этом не думали.** Именно это и приводило в отчаяние Ильича. Через Антанту нельзя, через Германию «не выходит». Круг замкнулся.

А теперь серьезно. Очень серьезно, если учесть, что результатом ленинских катаний на немецком поезде стал распад России, Гражданская война и миллионы вдов и сирот на просторах нашей страны. Ленин всегда был человеком жестким, прагматичным и лишенным ненужных сантиментов. Характерен эпизод, произошедший по рассказу Чернова в 1911 году все в той же Швейцарии. Сидя с Лениным в ресторане за кружкой пива, он спросил: «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете?».

— Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера, — прищурился и засмеялся вождь мирового пролетариата. Именно такой человек и нужен был для реализации третьей части плана **Революция-Разложение-Распад**. И его до поры до времени держали в резерве. Он спокойно проживал в сытой Швейцарии, писал статьи и мечтал о далекой социалистической революции. И вот теперь драгоценное время идет, а путь проезда на Родину Ленин еще не нашел. Он нервничает.

Телеграмма Я.С. Ганецкому, 17(30) марта: «Ваш план неприемлем. **Англия никогда меня**

не пропустит, скорее интернирует. Милоков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев. Телеграфируйте. Ульянов».

Так ли все просто в связях Владимира Ильича с германской разведкой? Ведь Ганецкий, по словам современных историков, это как раз и есть посредник между большевистской верхушкой и немецким правительством. Через него идут переговоры, через него отрабатываются каналы и направления денежных потоков от германцев Ильичу. И вот этот посредник, судя по ленинскому ответу, ехать, предлагает ему через Англию, а не Германию! Нонсенс!

О чем это свидетельствует? Давайте поразмышляем. На момент неожиданно свершившейся февральской революции договоренности Ленина и немцев если и были, то весьма туманные. Иначе сложностей с его доставкой в Россию не было. Берлин и большевики просто начали бы выполнять давно обговоренные действия. А раз сам Ильич своей проблемой лично занимается на уровне плохонького боевика с париком, да усами фальшивыми, значит, не готовы были германцы к такому повороту событий в России. Не ожидали они успешного февральского переворота.

НЕМЦЫ НИКАКОГО ПЕРЕВОРОТА В РОССИИ НЕ ОЖИДАЛИ!

Потому, что его не готовили! Это наилучшее доказательство того, что Февраль готовили именно «союзники». Это именно их агентура вывела рабочих, а затем и солдат на улицы Петрограда, а английский и французский послы курировали его проведение в Петрограде. Все произошло неожиданно для большевиков и для германцев. Никаких планов на такой случай не имелось. Отсюда и легкая растерянность. Время идет, а разрушать Россию ленинской энергией и беспринципностью никто не собирается!

Владимир Ильич мечется в поисках пути домой. Так и хочется спросить: а где же немцы? Что они тянут? Они думают, обсуждают. Работают, одним словом. 10-го марта германский статс-секретарь Циммерман телеграфировал своему руководству, что, согласно донесению посла в Швейцарии, «ведущие русские революционеры» хотели бы возвратиться в Россию через немецкую территорию. Он пишет, что это соответствует интересам Германии и высказывается за выдачу разрешения. В Берлине его не слушают — через два дня после этого 12(25) марта, Ленин как раз пишет Инессе Арманд, что «через Германию не выходит». Значит, попытка контакта была, и был именно отрицательный ответ, иначе Ленин бы так не говорил.

Немцы не просто думают, они отказали!

А нам все пытаются рассказать о коварных германских разведчиках блестяще спланировавших и осуществивших разрушение России! Хороши разведчики: по всем имеющимся документам становится понятно, **что инициатором проезда через территорию Германии была именно ленинская сторона.** Немцы просто дали свое согласие. Причем, не сразу, а предварительно подумав. И даже сначала Ленину **отказав!**

Интересно, почему же за несколько дней, они полностью поменяли свою позицию?

Сначала считали ненужным и невыгодным для себя разрешить Ленину и его товарищам проехать через свою территорию, а потом вдруг дали согласие. Значит, произошло нечто такое, что повлияло на железную германскую логику. Однако историческая наука молчит, как рыба, и ничего нам не сообщает о причинах таких судьбоносных изменений.

Дав отказ между 10(23) и 12(25) марта, немцы продолжают анализировать поступающую информацию. 17(30) марта 1917 года начальник берлинской секции политического отдела Генерального штаба Германии в своем докладе в МИД написал: «Доверенное лицо по эту сторону границы, которое по здешнему поручению было несколько дней в Цюрихе и 29.3.17 вернулось назад, сообщает, что большая часть живущих в Цюрихе русских желает **возвратиться в Россию ...**».

В тот же самый день, тон ленинской телеграммы к Ганецкому близок к панике. Он пишет, что «единственная надежда» — послать кого-нибудь в Петроград и фактически обменять Ленина и его сторонников на интернированных в России немцев. Значит, согласия германских властей на проезд у Ленина все еще нет, а отказ есть!

Прошло уже **четырнадцать дней** с момента получения Лениным информации о революции, а путь на Родину еще не найден. Две недели немцам не приходит в голову

направить их «шпиона» Ленина в Россию! С 3(16) по 17(30) марта — это две недели сплошной импровизации Ильича. Позднее Крупская рассказывала, что от отчаяния у него даже родилась идея лететь в Россию на самолете.

Беспокоился Ильич напрасно. В детальном плане для каждого элемента находится нужное время и место его появления. Именно тогда он и сможет сыграть отводимую ему роль. Время Ленина наступало после свержения монархии, после разочарования Временным правительством, после хаоса и анархии которое оно должно посеять. Вот тогда он и нужен. Беспощадный, фанатичный и целеустремленный, который не остановится ни перед чем. Потому для организаторов плана сокрушения России **Революция-Разложение-Распад** и пришла пора его в Россию переправлять.

17(30) марта все меняется радикально. Сначала настроение Ленина, а потом и отношение к его планам со стороны германского руководства. Это несложно заметить, просто прочитав еще раз ленинские телеграммы:

— 12 (25) марта Инессе Арманд: «В Россию, должно быть, не попадем! Англия не пустит. Через Германию не выходит»

— 17(30) марта Ганецкому: «Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует... Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев».

— 18 (31) марта Гриму: «Наша партия решила безоговорочно принять **предложение о проезде русских эмигрантов через Германию** и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более, чем на десять участников поездки. Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться, и, если возможно, завтра же сообщить нам решение. С благодарностью Ленин».

Сначала отчаяние и упадок сил слышится в ленинских строках, но, начиная с 18(30) марта энергия вновь бьет из его текста!

— 19 марта (1 апреля) Ленин вновь пишет любимой Инессе Арманд. Но каков тон его письма! Ленина не узнать: «**Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут!**».

В этот же день Ленин присутствует на совещании, на котором член Комитета по возвращению русских политических эмигрантов С.Ю. Багоцкий не просто делает доклад, а сообщает о ходе переговоров с посредником и обосновывает план проезда эмигрантов через Германию!

Что-то невероятное произошло либо 17(30) марта вечером, либо 18(31) марта утром и полностью перевернуло ситуацию. Р. Гримм, которому телеграфировал Ленин — это лидер Швейцарской социал-демократической партии. Он и есть тот посредник, тот влиятельный человек, которого русские революционеры просили еще по плану Мартова переговорить с немцами. Но на первые попытки добиться разрешения Германии на проезд, ответ, как мы помним, пришел отрицательный. Теперь — положительный. Нас не должно смущать слово «предложение» в телеграмме Ленина Гриму. Это не немецкое предложение, это германский ответ на ленинский зондаж. Можно проехать? Проезжайте! **Инициаторы не немцы**, вот, что очень важно отметить и запомнить.

Несговорчивых германских тугодумов словно подменили. Ленин не просто надеется, что все получится, он готов держать пари. Он точно знает, что немцы согласятся в любом случае. Потому, что им сделали предложение, от которого они не могут отказаться...

В марте в Швейцарии еще прохладно. Вроде и солнце светит и травка уже зеленеет, однако в городах прохладно и зябко. В горах, там и вовсе снег. Советник германского посла в Швейцарии граф фон Шульц эту страну вообще не любил. Пустая она какая-то, даром, что половина населения говорит на неплохом немецком языке. Конечно наречие весьма сильное, но такая особенность языка чувствуется и в самом рейхе. Наследие феодальной раздробленности, говорят лингвисты. А, говоря по—простому, не всякий немец сходу может понять соотечественника из другой части страны.

Фон Шульц приподнял тяжелую запотевшую кружку и отхлебнул пиво. Ждать оставалось совсем немного. Те, кого он ждал, должны были появиться через полторы минуты. Кто они такие фон Шульц мог только догадываться. Своих будущих собеседников он никогда не видел, не знал их имен, должностей. Словом ничего. Кроме того, что один из них называет себя корреспондентом маленькой американской газеты «Лос — Анжелес Трибюн». Да и вообще, что такая газета существует в реальности, граф фон Шульц сильно сомневался. Потому, что на самом деле его самого звали барон Вильгельм фон Браун, и он кадровый военный разведчик, использовал дипломатическое прикрытие и чужое имя для маскировки. Этого же следовало ожидать и от другой стороны встречи..

А вот разговор обещал быть интересным. Неделю назад в Министерство иностранных дел Германии поступила секретная корреспонденция от американцев. Янки сообщали, что уполномочены британским правительством организовать встречу, на которой будут озвучены важные предложения. В качестве места предлагалась Швейцария, время было обозначено двухнедельным промежутком марта. Это обычный дипломатический этикет. Воюющие стороны не могут напрямую общаться друг с другом, поэтому всегда нужен посредник. Например, нейтральные американцы.

Фон Шульц снова сделал глоток. Нейтралитет американцев был только ширмой. Причем весьма дырявой и трухлявой. Вопрос их вступления в войну был вопросом ближайшего будущего. Так думал сам фон Шульц, не питали иллюзий и в Берлине. Тем удивительнее было это приглашение из американского Госдепа.

Ответ германцев был стандартным: они согласны встретиться в указанные сроки. В качестве контактного лица был указан он — советник посольства в Берне, граф фон Шульц. Ответное послание американцев сообщало, что с ним выйдет на связь господин, который представится, как корреспондент газеты «Лос — Анжелес Трибюн». Вчера он позвонил в посольство и назначил встречу в огромной, но, несмотря на это уютной, пивной.

— Добрый день, господин Шульц — пробасил высокий и тощий человек в дорогом твидовом костюме. И, не дожидаясь ответа, опустился на скамью рядом с немцем — Позвольте представиться: корреспондент газеты «Лос — Анжелес Трибюн».

Немец молча кивнул головой и явным удивлением взирал на второго пришедшего.

— Разрешите представить — улыбнулся американец — Это мой спутник, господин Смит. Он представляет одну заинтересованную державу.

Было чему удивиться: Смит оказался индусом! Невысокого роста, с легкой сединой и большими умными глазами. Намек понятный и однозначный — Индия принадлежит Великобритании, следовательно, второй пришедший представляет именно ее.

— Неплохо придумано — подумал фон Шульц — с индуса, какой спрос!? В случае разоблачения алиби у английского правительства стопроцентное: какой-то представитель вечно мятежной провинции встретился с германским дипломатом исключительно по своей инициативе. И наболтал всякой чуши.

— Здравствуйте — сухо поздоровался немец. Фон Шульц несколько раз участвовал в подобных встречах и знал, что особенных церемоний при них не соблюдается. Разговор идет предельно циничный и откровенный. Чего не бывает никогда — так это грубости. Ведь обе стороны одинаково заинтересованы в таких секретных неформальных контактах. Поэтому граф демонстративно продолжал потягивать пиво, не спуская с пришедших глаз. Инициатива разговора принадлежала им — вот пускай и начинают.

Первым заговорил американец.

— Вообще то я пиво не люблю — сказал он, широко улыбнувшись, — Но в этом местечке оно просто необыкновенное.

— У нас в Германии — это национальный напиток. Дарю тему для очередной статьи в «Лос — Анжелес Трибюн».

— Спасибо — усмехнулся американец — Знаете, фон Шульц, в последнее время столько дел, что статьи писать просто некогда. Вот сегодня собирался написать одну, но вместо этого я здесь, с Вами.

— Какая потеря для ваших читателей! — с притворным сочувствием покачал головой немец.

В начале беседы идет прощупывание друг друга. Лучше всего отделяться общими фразами и набраться терпения. Особенно, когда даже примерно не знаешь, о чем в разговоре пойдет речь.

Во время этого обмена колкостями, индус спокойно смотрел на немца и даже успел сделать заказ подошедшей официантке.

— Господин Шульц — наконец заговорил он — Я думаю, что мы можем начать разговор и сразу перейти к делу.

Немецкий дипломат лишь кивнул головой.

— Наши страны воюют уже почти три года — заговорил индус — Путь к миру затруднен реками крови и миллионами погибших ...

— Неужели англичане предложат закончить войну? — мелькнуло в голове фон Шульца, но словно услышав его, британец резко перешел к сути.

По мере того, как англичанин говорил, удивление Шульца возрастало с каждым словом. Он много повидал на своем веку, но такого даже не мог себе представить! Это и вправду было предложение мира, перемирия. Но ... но очень особенное!

— Мы хотим помочь вам сильно потрепать Россию, — сказал индус — Сейчас она находится в ослабленном состоянии, скоро ослабнет еще больше. Мы не будем препятствовать, если вы подвергнете русских разгрому. Более того, мы даже готовы помочь вам в этом. Я бы даже назвал это неким временным союзом с конкретной целью.

— Бойся данайцев дары приносящих — процедил сквозь зубы фон Шульц — Меня смущают предложения о союзе, преподнесенные страной с которой воюет моя Родина.

— Назовите это, как хотите. Как вам больше нравится. Суть дела это не меняет — жестко возразил индус.

— Если вы так хотите мира, не лучше ли вместо содействия разгрому ваших друзей начать переговоры о мире? Сколько человеческих жизней будет спасено.

— Господин Шульц — включился в разговор американец — Оставьте лозунги и красивые слова, нам, журналистам. Не оставляйте же нас в конце концов без куска хлеба!

— Я не уполномочен сделать предложение о начале мирных переговоров — твердо выговорил англичанин — Моя миссия несколько другая. Я предлагаю Вам разгромить Россию и вывести ее из игры. Для этого мы готовы оказать некоторую помощь. В ответ — потребуем нечто и от вас!

Фон Шульц снова отхлебнул пива. Пожалуй, пора было выяснять мельчайшие подробности. И он спросил, а британец ответил. Новое правительство России контролируется союзниками. Его шаги прогнозируемы и определяемы. Уже сейчас началось активное разложение русской армии под влиянием агитации. Скоро оно невероятно возрастет. Для этого необходимо направить в Россию группу революционеров, талантливых пропагандистов и обильно снабдить их деньгами. Денег должно было быть очень много, эти революционеры будут самой богатой группировкой и их деньги смогут сделать то, что будет неподвластно их агитации. Эти люди проверенные и толковые и к тому же хорошо известные немецким спецслужбам. Они уже пытались прощупать путь домой через Великобританию, но им сразу дали понять, что это невозможно.

— Потом они обратились к вам, уважаемый господин Шульц. И получили еще один отказ. Теперь они в состоянии близком к отчаянию. Но в наших с Вами силах снова придать им уверенность и динамизм. Для этого вы должны согласиться переправить их в Россию через свою территорию.

Сказав, это индус достал из кармана костюма большие золотые часы, раскрыл их и с шумом захлопнул.

— Три часа назад, они снова вышли на контакт с посредником. И ждут Вашего решения.

— Прежде, чем его принять, хотелось бы выслушать Вас до конца — усмехнулся немец.

— Разумеется. Пропаганда и агитация наших с вами революционеров быстро сделают свое дело. Мешать им не будут — это мы можем гарантировать. Военный

удар, нанесенный по ослабленной внутренними неурядицами русской армии, принесет вам победу — улыбнулся англичанин — Мы же в свою очередь дадим его спокойно наносить. Заключим, что-то вроде неофициального перемирия. Пока вы лупите русских, наши войска с места не сдвинутся. Но и вы на этот период воздержитесь от активных действий на Западном фронте. В крупном масштабе. Мелкие стычки, конечно, не в счет.

— А поставки вооружений? — переспросил фон Шульц

— Вы же понимаете, что полностью прекратить их мы не сможем. Но уверяю Вас, — улыбнулся британский разведчик — У нас в Англии тоже хватает бардака и неразберихи. Особенно в наших поставках русским. В ближайшее время путаницы станет значительно больше. Мы сделаем все, что в наших силах.

— А мы сделаем все, что в наших! — снова вступил американец — Вы получите кредиты и сможете смело рисковать ими, щедро снабдив ими революционеров. Хотя и риска никакого нет. Мы же знаем, насколько вы стеснены в деньгах и предлагаем вполне надежное дело.

При этих словах во взгляде немца на секунду блеснула ненависть, но он быстро подавил вспышку. Похоже, ребята отлично подготовились к встрече. На большинство его вопросов и сомнений, они отвечали раньше, чем он успевал их задать. Конечно, к предложению противника всегда надо относиться с большой осторожностью. Но тут все выглядело гладко и красиво. Немцам предлагалось забросить в Россию группу пораженцев — агитаторов. Необходимые деньги давали американцы, англичане обеспечивали невмешательство русского правительства и собственный «нейтралитет».

Оставался один, самый главный вопрос.

— Почему я должен вам верить — спросил фон Шульц и внимательно посмотрел на своих собеседников — Может быть, вы просто провоцируете германское правительство. Потом — он кивнул в сторону «корреспондента» — В вашей газете выйдет огромная статья, о том на какие гнусности могут пойти кровожадные гунны, после того, как у них не получается в честной борьбе разгромить страны Антанты.

— Можете не верить. Но наше предложение — это хотя бы минимальный шанс на успешный выход из войны — серьезно сказал индус — Без разгрома России у вас нет даже призрачной возможности избежать полного краха...

— Вы посмотрите на наше предложение следующим образом — выпустил клубы дыма американец — Раз уж вы так спешите закончить войну, то это ближайший путь к ее окончанию. Выход России из игры, а именно это является конечной целью всей операции, коренным образом меняет соотношение сил. Ваши австрийцы и болгары воспрянут духом, а мое правительство может предпочесть и далее оставаться нейтральным. В такой ситуации и Антанта может услышать германские призывы к миру.

— Звучит заманчиво — снова глотнул пива фон Шульц — Но мне нужны реальные доказательства серьезности ваших намерений. Мы должны быть уверены, что вы не ударите нам в спину, если основная масса германских войск навалится на Россию.

— Наши намерения самые серьезные. И вот доказательство этого.

Индус полез в карман и выложил на стол бесцветный, ничем не примечательный конверт.

— Это план нашего весеннего наступления — сказал он и внимательно посмотрел в глаза немца ...

17(30) — 18(31) марта 1917 года ключевой день в русской истории. Именно в этот день германские власти **вслух озвучили** свое согласие отправить Ленина в Россию. Решили согласиться с его предложением. Сделано это было после возвращения из Швейцарии «доверенного лица». Германского разведчика ...

Встреча германского агента и «союзных» спецслужбистов произошла в середине марта семнадцатого по старому стилю. **Это единственный факт в книге, который нельзя документально подтвердить.** Но эта встреча должна была быть обязательно. Тогда все остальные факты плавно встают на свои места. Получают объяснения все прошлые и дальнейшие странности и чудеса. Точную дату этого контакта мы не знаем, но чуть позже

попытаемся вычислить.

Генерал Людендорф в своих мемуарах писал: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: Россия должна была рухнуть в пропасть».

Лев Давыдович Троцкий в своей автобиографии пытается объяснить мотивацию действий немцев и большевиков. Хотя она понятна нам и без его слов: «Со стороны Людендорфа это была авантюра, вытекавшая из тяжелого военного положения Германии. Ленин воспользовался расчетами Людендорфа, имея при этом свой расчет. Людендорф говорил себе: Ленин опрокинет патриотов, а потом я задушу Ленина и его друзей. Ленин говорил себе: я проеду в вагоне Людендорфа, а за услугу расплачусь с ним по-своему».

Одного не объясняет Троцкий: что, собственно говоря, немецкий генерал так переживает. Идет война и заброска на территорию противника своих агентов-пораженцев, и всех тех, кто поможет приблизить долгожданную победу, оправдана и понятна. Однако в каждом слове Людендорфа чувствуется сложность в принятии германцами рокового для России решения. Если вдуматься, нет повода у германцев для угрызений совести. Готовится спецоперация в результате которой, возможен вывод из войны одного из противников Германии. Успех этой акции непредсказуем, чего убиваться то понапрасну? Для того спецслужбы и существуют, чтобы устраивать «сладкую» жизнь врагам, готовить им разные неприятные сюрпризы

Все-таки чувствуется в словах Людендорфа извинение: «с военной точки зрения ... проезд через Германию имел свое оправдание». Словно, перед нами, россиянами, германский генерал оправдывается. Но нет, он объясняет поступки берлинского руководства не нам, русским, а будущим поколениям немцев. В августе 1914-го Англия, устами сэра Грея вынудила немцев объявить России войну. В марте семнадцатого, германцы отправили группу Ленина в революционную Россию. Оба этих немецких решения, слившись в одну катастрофическую ошибку, закончились ее поражением в войне, уничтожением института монархии и неисчислимыми бедами немецкого народа. Кто же убедил немцев второй раз принять роковое решение? Те же, кто сделал это и в первый — англичане.

Вот здесь мы подошли к очень важному моменту. Понимание того, кто в действительности забросил Ленина в Россию, дает ключ к пониманию всех дальнейших событий. **Ленина в Россию (германскими руками) забросили «союзники»!** Все исторические нестыковки, несуразицы и странности перестают быть загадкой, если знать, что это именно так. После получения первых предварительных результатов встречи с германским представителем, 17(30) марта вечером или 18(31) марта в течение всего дня на контакт с Лениным вышли посредники. От имени «союзных» спецслужб они предложили ему сделку. Суть очень простая: «союзники» обеспечивают согласие Германии на проезд группы Ильича в Россию; обеспечивают ему обильное снабжение деньгами со стороны немцев; гарантируют полное содействие всех своих агентов в России. За это требуют от Ленина только одного: приехав в Россию, он должен устроить там революцию и взять власть в свои руки. Владимир Ильич немедленно соглашается! Долгих размышлений Ленину не требуется: ему дают деньги, поддержку, ресурсы только для того, чтобы он осуществил свою собственную мечту!

Потом переходят к обсуждению деталей. С немцами Ленин должен вести себя жестко, выставлять любые разумные требования, они на все согласятся. Но, работая в контакте с германскими спецслужбами, он не должен забывать, кто в действительности его забросил в Россию. Одним словом, заключая договор с германцами, Ленин должен все свои будущие шаги согласовывать с «союзными» разведками и работать в постоянной связи со своими кураторами.

После этой встречи все меняется в одночасье. **Как и обещали Ленину**, приходит долгожданное согласие немецкой стороны, и Ленин отсылает телеграмму Р. Гримму. Потом он насколько позволяет конспирация, хвастается по телеграфу своей возлюбленной Арманд, что немцы «дадут» вагоны. И в тот же день, 19 марта (1 апреля) Владимир Ильич, не имеющий уже более никаких сомнений, телеграфирует своему казначею Ганецкому: «Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки». Он страшно спешит, спешит наверстать бездарно потерянные две недели. Поэтому дата отъезда из Цюриха назначается на 22 марта (4 апреля).

Однако возникает неожиданная загвоздка. Гримм не может утрясти все вопросы с немецкими дипломатами. Тогда Ленин меняет посредника. Палочкой — вырубалочкой для

Ильича становится швейцарский социал-демократ Фриц Платтен. Он и будет вести переговоры с германским посланником в Берне, Рембергом. Новый посредник явно вхож в более высокие сферы, чем предыдущий. Однако сроки поездки сохранить не удастся: германская бюрократическая машина даже при своем самом сильном желании не может действовать так же быстро, как Ленин. А желание у немцев, **как и обещали Ленину**, теперь огромное: 20 марта (2 апреля) помощник статс-секретаря Буше телеграфировал Рембергу: «Желательно, чтобы перевоз русских революционеров через Германию **состоялся как можно скорее**».

Но Ленин не просто едет в Россию, он выдвигает германцам свои требования и условия. Их немало:

- едут все эмигранты без различия взглядов на войну;
- вагон пользуется правом экстерриториальности;
- никто не имеет права входить — выходить в вагон без разрешения Фридриха Платтена;
- никакого контроля паспортов и багажа.

22 марта (4 апреля) Фриц Платтен передает ленинские требования в германское посольство. Читая их, невольно ловишь себя на мысли, что немцам Ленин нужен больше, чем они ему. Такое же ощущение испытал и германский посланник Ремберг.

— Странно, — сказал он, усмехаясь — Насколько я понимаю, не я и мое правительство просим разрешения на проезд через Россию, а господин Ульянов и другие просят позволения проехать по Германии. Так кто же из нас имеет право ставить условия?

Удивленный, и отчасти возмущенный, Ремберг, 23 марта (5 апреля) направляет на имя госсекретаря через канцелярию Министерства иностранных дел зашифрованную телеграмму, в которой спрашивает: «Прошу дать указание на случай, чтобы я приступил к выполнению **подобных предложений**». Германский посланник ждет отказа, но, **как и обещали Ленину**, немцы на все соглашаются. Уже через день, 25 марта (7 апреля), приходит ответ, что немецкое командование не имеет возражений против проезда русских революционеров, если они проследуют в отдельном транспорте. Вот тогда Ленин и его спутники и напишут расписки:

— Я, нижеподписавшийся, Ульянов (Ленин) В.И., удостоверяю своей подписью...

А 27 марта (9 апреля) он уже ехал в Россию...

Веря, что все получится, Владимир Ильич, безусловно, волновался. Он прекрасно осознавал, что его деяние называется государственной изменой, однако ради революции Ленин был готов на все. Путь «пломбированного вагона» был долг: сначала из Цюриха через Берн — Штутгарт — Франкфурт-на-Майне — Берлин до германского порта Засниц. Далее на шведском пароме „Drottning Viktoria“ — в шведский порт Треллеборг. Далее через Мальме на поезде до Стокгольма, в который прибыли 31 марта (13 апреля). И там Ленин получил второе подтверждение того, что все получается так, как обещали „союзные“ разведчики. Первым — было поведение немцев, в одночасье, изменившееся от отказа к согласию. Второе — касалось русских:

В Стокгольме Ленин и все его спутники получили в русском генеральном консульстве документы для проезда в Россию. Об этом факте редко упоминают, а между тем в консульстве прекрасно знали, **каким путем приехала эта группа**, но документы выдали. **Как и обещали Ленину** его новые друзья. Хотя, какие же они новые. Сотрудничество с западными спецслужбами большевики начали, подобно всем другим революционным партиям, еще в 1904 — 1905 годах...

После краткой остановки в Стокгольме, Ленин двинулся дальше — поездом до Хапаранды, что на шведско-финской границе. С русской стороны эмигрантов встречал красный флаг, поднятый на таможне. Далее на финских санях в финский город Торнео, а оттуда через станцию Белоостров прямо в Петроград.

А теперь мы немного отвлечемся и пройдемся с Вами по чистым и уютным улочкам Женевы, Берна и Цюриха. По ленинским местам, так сказать. Хорошо там было в 1917 году, еще лучше стало сейчас. Стоят на страже этого благополучия швейцарские власти. Стоят крепко — ни в общий рынок не вошли, ни евро у себя не ввели. Таможенные правила у них свои, строже, чем в соседних Франции и Германии. И визу получить швейцарскую куда сложнее, придираются страшно — никого пускать к себе не хотят. Одним словом все очень строго.

Представьте, что вам очень надо в Швейцарию попасть, дела там, бизнес разный, а визу вам упрямые власти не дают. Что делать? От поездки отказаться? Дам вам бесплатный совет. Получайте визу шенгенскую, и смело садитесь в самолет, летящий в Женеву. А там будет очень весело. На выходе с самолета увидите вы два выхода: один путь ведет к бдительным швейцарским пограничникам, а второй к их любезным французским коллегам. Выбирайте второй — там ваша шенгенская виза всех вполне устроит. Дальше — еще проще. Выходите, садитесь в такси, и преспокойно едите туда, куда швейцарцы вас пускать не хотели — в Швейцарию! Можете их бдительным пограничникам даже ручкой на прощание помахать. Не верите — проверьте. Штука вся в том, что находится швейцарский город Женева прямо на границе с Францией, поэтому и имеет в аэропорту два выхода и две таможни. И между двумя выходами с самолета никакой границы нет — поезжайте спокойно. В самой Швейцарии паспорта на улицах никто не проверяет — это свободная страна.

Для чего я всю эту забавную историю рассказал? Для того чтобы показать условность границ. Живет Владимир Ильич в Швейцарии и нам уже кажется, что он находится в нейтральной стране, которую все военные злоключения обходят стороной. Так то оно так. Только вспомните «Семнадцать мгновений весны», профессора Плейшнера. Дело, как раз в нейтральной Швейцарии было, правда во Вторую мировую войну. Как погиб профессор помните — из окна выбросился. Потому, что угодил в лапы гестапо, **немецкой тайной полиции**. В Швейцарии!

В военное время территория нейтральной Швейцарии как магнитом притягивает спецслужбы всех соперничающих стран. Так было и в 1917-м. И кроме немецкой, там работали и французская, и английская разведки, и разведка пока еще нейтральной Америки. Они не могли не знать о контактах Ленина со своими германскими коллегами. У спецслужб никогда не бывает иллюзий относительно морального облика борцов за народное счастье. Английские и французские службисты прекрасно знали того, кто получал в 1905-м году субсидии от их японских коллег. Кто получал поздравительные телеграммы от американских «друзей» русской революции. В конце концов, сами британцы финансировали деятельность русских радикалов. Было несложно понять, что во время Первой мировой войны Ленин, пропагандирующий поражение своей Родины, будет сотрудничать с немцами. Сам Владимир Ильич также не питал иллюзий относительно осведомленности «союзников». Доказательством тому — сами слова ленинских телеграмм: «в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать», «Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует».

Что ему опасаться? Едет русский подданный Ульянов Владимир Ильич на Родину — что тут такого?! Да, революционер, да взгляды у него радикальные. Но ведь в России объявлена амнистия, она касается всех эмигрантов! Если сама новая русская власть ничего против приезда марксиста Ульянова не имеет, как англичане могут его на Родину не пропустить?

Тут мы еще раз прервемся. Ленин был, безусловно, гениальным человеком, но даже он иногда не схватывал с первого раза людоедскую логику «союзников» России. Если Англия и Франция пропустят Владимира Ильича на Родину, у них потом будет много проблем:

- придется объяснять, как они могли пропустить того, кто разрушил Россию;
- само разрушение русского государства может выглядеть, как задумка англичан и французов;
- под угрозой окажется и сама революция: выделишь на нее деньги — останутся следы. Не выделишь — не поручится переворота.

Если Ленина «збросят» немцы, сразу решаются все проблемы:

— **Вина за уничтожение страны полностью ложится на Германию.** С учетом того, что именно она начала Первую мировую войну, «союзники» выходят из развязанной ими мировой бойни в белых одеждах.

— **Для будущей революции нужны деньги. Надо сделать ее чужими руками; сделать так, чтобы финансирование провела не «союзная» сторона.** Потом документы финансирования немцами большевиков будут постоянно «всплывать» на поверхность, затеняя истинных организаторов наших бед.

— **Новое ленинское правительство не удержится у власти, если немцы будут к нему враждебны.** Тогда нарушится весь план, ведь для будущего уничтожения Германии, Россия

должна заразить ее большевизмом. Но перед этим сами русские должны крепко стать переносчиками этой «бациллы». Монархисты немцы церемониться с революционерами не будут, «своих» большевиков они не тронут.

Это — железная логика. Даже Ленин не сразу понял, почему Британия никак не хочет пропускать его на Родину. Владимир Ильич мечется в поисках решения проблемы. Тем временем, «союзные» спецслужбы вступают в контакт с немцами. Именно так англичане, американцы и французы подготовят Ленину plombированный вагон, себе — алиби. И уничтожение — России и Германии ...

Отсюда и берет начала легенда о коварной Германии, которая разрушила Россию. Вы представьте себе — готовится спецоперация, равной которой до сих пор не было. С помощью кучки авантюристов одна страна готовится взорвать другую. Между прочим, союзника Англии и Франции. На русском фронте сосредоточено огромное количество немецких, австро-венгерских и турецких войск. В случае успешного окончания операции по революционному выводу России из войны вся эта силища высвободившись, навалится на французских, да английских солдат. Последствия могут быть катастрофическими — вплоть до проигрыша всей войны. Только вот что-то французы, да англичане спокойно сидят в марте семнадцатого и не делают ничего. Может, и вправду не знали о замыслах германцев? Нет, просто их спокойствие одна видимость. **Главная задача «союзных» спецслужб не предотвращение, а организация проезда группы Ленина в Россию!**

Ведь все будущие катаклизмы, все будущие проблемы России, фактически упираются в одного человека. Весь этот ужас можно предотвратить ликвидацией одного лица! Спецслужбы ведь для того и созданы, чтобы такие задачи решать. Здесь же и делать почти ничего не надо — границы фактически нет. Ходит Ильич один, без охраны. Мало ли, что случилось — хулиганы пристали, ограбление стряслось. Две минуты шума и останется лежать на мостовой бездыханное тело! Можно еще интеллигентней. Попьет человек кофейку швейцарского, да и захворает внезапно. Много методов у разведок существует — не мне их учить. Но в марте 1917-го «союзники» бездействуют. Без Ленина план **Революция-Разложение-Распад** остановится на полдороги. Момент очень деликатный, немцы должны согласиться, вспугнуть их нельзя.

До появления ЦРУ и КГБ, британская разведка была сильнейшей в мире. Лучшей и самой успешной, сравниться с ней не мог никто. Когда надо, спецслужбы «союзников» расторопность свою проявляли, и ее на своей шкуре испытал Лев Давыдович Троцкий, аналогично Ильичу в тот момент на Родину засобиравшийся. Об этом герое революции поговорим чуть ниже. А пока посмотрим один любопытный документ.

1. УЛЬЯНОВ, Владимир Ильич (Ленин);
2. СУЛИШВИЛИ, Давид Сократович ;
3. УЛЬЯНОВА, Надежда Константиновна (Крупская);
4. АРМАНД, Инесса Федоровна;
5. САФАРОВ, Георгий Иванович;
6. Сафарова — Мартошкина Валентина Сергеевна;
7. ХАРИТОНОВ, Моисей Мотыкович;
8. КОНСТАНТИНОВИЧ, Анна Евгениевна;
9. УСИЕВИЧ, Григорий Александрович;
10. Усиевич (КОН), Елена Феликсовна;
11. РАВВИЧ, Сарра Наумовна;
12. ЦХАКАЯ, Михаил Григорьевич;
13. СКОВНО, Абрам Анчилович;
14. РАДОМЫСЛЬСКИЙ, Овсей Гершен Аронович; (Зиновьев);
15. РАДОМЫСЛЬСКАЯ, Злата Эвновна; (с сыном 5-ти лет)
16. Бойцов Н. (Радек К.Б.) (Собельсон)
17. РИВКИН, Залман Бэрк Осерович;
18. СЛЮСАРЕВА, Надежда Михайловна;
19. ГОБЕРМАН, Михаил Вульфович;
20. АБРАМОВИЧ, Мая Зеликов;

21. ЛИНДЕ, Иоган Арнольд Иоганович;
22. БРИЛЛИАНТ, Григорий Яковлевич; (Сокольников);
23. МИРИНГОФ, Илья Давидович;
24. МИРИНГОФ, Мария Ефимовна;
25. РОЗЕНБЛЮМ, Давид Мордухович;
26. ПЕЙНЕСОН, Семен Гершович;
27. ГРЕБЕЛЬСКАЯ, Фаня;
28. ПОГОВСКАЯ, Буня Хемовна; (с сыном 4-х лет)
29. АИЗЕНБУНД, Меер Кивов.
30. Рубаков (Андерс).
31. Егоров (Эрих).

Что это такое? Платежная ведомость? Запись очередников на посещение синагоги? Нет — это список пассажиров того самого ленинского plombированного поезда. Его летом 1917-го напечатают русские газеты. Всего 32 взрослых человека. В списке 31 фамилия, еще в том же поезде ехал также и Фриц Платтен, чьим распоряжениям, как руководителя поездки, должен был подчиняться каждый писавший германцам расписку. Правда, у него и Карла Радека оказались проблемы с документами, и их задержали на границе с Финляндией. Они прибудут в Россию попозже. Зато благополучно прибыли в бурлящий Петроград товарищи Рубаков и Егоров — майоры германского Генерального штаба Андерс и Эрих.

Через несколько месяцев за ними последовали почти двести меньшевиков и других революционеров, включая Мартова и Аксельрода. Словом дело было поставлено на широкую ногу — три поезда, в общей сложности это несколько сот человек. У каждого друзья, родственники, близкие. Информацию в узком круге не удержишь. Задействовано много посредников: утечки не может не быть. Русскую то разведку мы в расчет не берем — она свои отчеты на столы Временного правительства клала, не понимая того, что разрушители страны спасать ее вовсе не собираются. А «союзные» разведки ничего об этом не знали? Сдается мне, что «слепота» их была отнюдь не случайной. Уж больно много совпадений! А когда разные на первый взгляд факты удивительным образом укладываются в определенную последовательность, то можно говорить об их определенной взаимосвязи.

Сначала «союзники» организывают и финансируют Февраль, затем поддерживают Временное правительство, творящее одну глупость за другой. Потом удивительным образом не замечают Ленина отправляющегося в Россию. Результат — национальная катастрофа в России.

Скорей всего это произошло в солнечной Швейцарии, возможно где-то еще. Представители «союзных» спецслужб вступили в контакт с немецкими коллегами. Это и был тот факт, что полностью перевернул позицию германского руководства. «Союзники» подсказали германцам идею переброски Ленина в Россию в plombированном вагоне. Предложение выглядело несколько странно. Немцы отправляют в Россию товарища Ленина, который под французским контролем спокойно трудится во франкоязычном Цюрихе, на улице Шпигельштрассе, и снабжают деньгами.

Тут немцам было впору удивиться. Позвольте, но ведь если его на Родину отправим мы, то есть враги, то его с сотоварищами там сразу арестуют! О чем это они? вспомните, ленинскую расписку: «мне сообщено известие „Pettit Parisien“, согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию». О чем идет речь? О публикации русского Временного правительства в парижской газете. Вроде и правильная публикация, предостерегает она — не пытайтесь возвращаться через территорию врага, это строго карается. На самом деле «союзные» марионетки из Временного правительства сделали это совсем по другой причине.

Написана статья для Ленина и для германцев. Немцы газету читали, а потому не решались ни на какие шаги. Написали же черным по белому русские власти: поедите через Германию — будем судить. Государственная измена в условиях войны — это верный расстрел. И неважно, что две недели назад Временное правительство отменило смертную казнь. Пожизненная каторга ничуть не лучше, а потом кто может гарантировать, что отмененную сегодня казнь, не введут завтра «по просьбе трудящихся»! Можно разом потерять все и всех. В их правильную

немецкую голову никак не может попасть одна простая мысль, что за явную измену могут и не осудить. Могут даже и не обвинить, если так будет нужно.

Для того статью в «Petit Parisien» и печатали, чтобы «союзная» помощь в заброске Ленина стала остро необходимой. Именно «союзники» полностью контролировавшие деятельность Временного правительства могли гарантировать, что угроза останется пустым сотрясением воздуха. Никто никого не арестует. А ведь как было бы удобно! Приехали бы русские контрразведчики на вокзал, поезд оцепили и всех смутьянов под белы ручки отправили бы в кутузку. Но не для того Февраль делался, чтобы государственных изменников в тюрьму сажать. Цели и задачи тут совсем другие.

Немцы решились — забросили в Россию горящий факел, искры от которого, через какой-то год подожгут и саму Германию. Ленинский поезд отправился в путь. Вот потому и опускает Людендорф глаза в пол в своих мемуарах. Знает он, что успех развала России гарантировали «союзные» разведчики. Нелегко для честного немецкого военного окунуться во всю эту грязь и мерзость договоренностей с врагом, и предательства одного противника другим. Воспитание прусских военных таких действий не позволяло. Но другого выбора у немцев уже не было!

Поволновались пассажиры пломбированного поезда изрядно, даже, несмотря на все первоначальные удачные «совпадения» Нервных клеток потеряли без счета. Владимир Ильич хоть и был человеком решительным, но его самого и его спутников волновало, не будут ли они арестованы. Мало ли что не сростется в сложнейшей игре, что сопровождала его приезд в Россию. Напрасно, господа социал-демократы волновались — все будет, **как и обещали Ленину**.

На Финляндском вокзале 3(16) апреля 1917 года революционеров встретил почетный караул. Сразу по прибытии вождь мирового пролетариата произнес речь, заканчивая которую, провозгласил: «Да здравствует социалистическая революция!». То есть призвал к насильственному свержению существующего строя — это и в мирное время карается жестоко, а в военное — «вышка» стопроцентная. А что государственные органы? Что же Временное правительство? **Как и обещали Ленину** «союзники» — никто ничего не сделал. Власти словно не заметили приезда человека, который **всего через семь месяцев** их свергнет ...

Вторая встреча проходила в другом конце Берна. Ее место выбирал уже сам фон Шульц. Тихое кафе на спокойной улице швейцарской столицы. Красивая белокурая хозяйка и очень вкусный ароматный кофе.

Когда он отправлял свой подробный отчет о встрече в Берлин, сомнений в том, что берлинское руководство согласится, у фон Шульца не было. Слишком красиво все получалось, чтобы отвергнуть это предложение. Эта красота плана и пугала, и притягивала. Очень выгодной казалась возможность одним выстрелом попытаться убить двух зайцев: вывести из игры Россию и остановить от вступления в нее США. Хотя лично сам он ни на минуту не сомневался, что американцы примут участие в войне. Донесения последних месяцев говорили о серьезных приготовлениях и о фактически завершающейся подготовке американцев к вступлению в войну. Да и тон американской дипломатии становился все более бескомпромиссным, а действия германских подлодок вызывали в Вашингтоне настоящую истерику.

Гости не опоздали ни на минуту. Поздоровались и мягко присели на стулья с красивыми резными спинками. Заказали кофе. После чего, американец немедленно закурил ароматную сигару, а индус с вопросительным выражением лица уставился на фон Шульца.

Сегодня начинать разговор ему.

— Ответ из Берлина получен. Но прежде, чем озвучить его вам, я должен выставить несколько условий.

— Условий вашего согласия? — улыбнулся американец.

— Условий, без выполнения которых, мы с вами договориться не сумеем.

— Я весь во внимании — сказал индус и слегка наклонил голову, что на языке невербальных жестов означало негативное отношение к будущим словам.

— Мы внимательно изучили предоставленные планы — начал фон Шульц Они не являются для нас новостью. Удар в этом направлении мы и предполагали. И поэтому

заблаговременно отвели войска на нашу новую линию Зигфрида.

— Это хорошо — мягко прервал его англичанин — Договоренностей мы еще не достигли, а вы уже начали отвод войск из будущего мешка. На вашем месте я именно так бы и поступил. И поэтому я уверен, что мы поладим.

— План наступления убедителен и, скорее всего, он настоящий. Но мы не можем быть уверены, что ваше командование не располагает одним — двумя запасными разработками. Ведь теперь смысл операции уже не соответствует обстановке. Германские войска окружить уже не представляется возможным. Этот план вы отдали нам, а потом нанесете удар совсем в другом месте.

— Зачем? — поморщился индус — Чтобы нанести внезапный удар совсем не обязательно пить пиво и кофе в Швейцарии в вашей милой компании, фон Шульц.

— Верно. Но мы должны быть уверены на сто, на двести процентов, что удара в спину Германии не будет. Только на таких условиях мы можем согласиться. Отправка в русский тыл целого поезда агитаторов — пораженцев это сильный удар по русской мощи, но нет никакой гарантии, что это именно та соломинка, что переломит хребет верблюда.

— Эх — вздохнул американец — Недооцениваете, вы, немцы, силу идеи. Но силу финансов оценить сможете. Вот наши предложения по кредитам. Здесь приблизительные расчеты.

С этими словами «корреспондент» выложил на стол конверт, точную копию, того, что получил фон Шульц в прошлый раз.

— Вы не договорили — сказал индус — Что же для вас является надежной гарантией того, что мы в точности выполним свои обязательства?

— Вы должны начать свое наступление не просто в том месте, где планировали. Вы должны начать его ранее запланированного срока. Плохо подготовленным. По другому сценарию. Вместо ударов на окружение, должен начаться лобовой штурм нашей новой линии Зигфрида.

— Не много ли вы просите? — серьезным голосом спросил британец.

— Мы не просим, а требуем. Ровно столько, чтобы быть уверенными, что после этого штурма ваши войска уже физически не смогут ударить нам в спину. Они должны ослабеть. Их надо обескровить. Это наше единственное и главное условие.

Представители Антанты на секунду умолкли и переглянулись.

— А, что будет гарантией, что вы сами выполните вашу часть договоренностей? — чуть помедлив, спросил американец.

— Честное слово германского офицера и дворянина — ответил фон Шульц и улынувшись добавил — И еще: ваше наступление должно начаться до отъезда группы агитаторов в Россию. Точнее сказать, отъезд русских революционеров может состояться только после начала наступления. А после окончания вашего неудавшегося штурма наши дивизии быстро покатают на Восток, не пытаясь перехватить инициативу на западном направлении.

— Считайте, что мы договорились — сказал индус — и, сделав последний глоток, поставил чашку на стол — Завтра я смогу назвать вам точную дату начала штурма...

Мировая бойня, тем временем, шла своим чередом. На повестке дня стояло вступление в войну США на стороне стран Антанты. Американцы сделали это, 6-го(19) апреля 1917 года объявив войну Германии. Естественно решение об этом принималось много раньше. Военный потенциал США вырос так стремительно, что без серьезной подготовки этого бы не удалось сделать в столь короткие сроки. На момент объявления войны вооруженные силы страны составляют всего 190 тыс. человек. Но в начале мая издается закон о всеобщей воинской повинности (это впервые с момента окончания гражданской войны в США!) и уже к сентябрю янки располагают 2 млн. 800 тыс. призывников-солдат. К концу войны американская армия насчитывает 4 млн. бойцов.

Появление на фронте дополнительных миллионов солдат не оставляло немцам ни единого шанса. Шанс на спасение давали улыбчивые «союзные» разведчики, обещавшие спокойно позволить немцам развалить и ограбить Россию. И в Берлине это оценили. Разгром и быстрый вывод русских из войны помогал одновременно решить несколько задач: освободить войска в перспективе для переброски на западный фронт и насытить за счет ограбления России

промышленность и страну необходимыми материалами и продовольствием. Отсюда и страшная спешка в отправке Ленина. Ведь сначала немцы Ильичу ничего не предлагают в течение примерно пяти дней, потом отказывают в течении еще десяти дней, а потом все вопросы решаются просто в пожарном порядке. Надо успеть, успеть до вступления в войну США. Не знают немцы, что вопрос о вступлении в войну решен в Вашингтоне окончательно и объявление об этом последует **через три дня** после прибытия Ленина в Петроград.

Больше всего в Берлине боялись согласованного и сосредоточенного удара «союзных» и русских войск. Поэтому вторая часть тайных договоренностей Германии и англо-французов, касалась обязательства не вести на Западном фронте активных наступательных действий на период «ленинской» операции. Даже в случае переброски немецких частей на Восток и оголения Западного фронта, «союзники» России должны были моментом благоприятным не пользоваться, и сохранять на нем тишину и покой. За это Германия обязалась не атаковать англичан и французов на Западном фронте.

Удар, которого так боялись немцы, планировался. Помните конференцию в Петрограде, накануне февральской революции. На третий год войны, наконец-то координация у стран Антанты должна была оказаться на высоте. Планы Антанты на 1917 год были готовы и согласованы. Александр Федорович Керенский подробно излагает их в своей книге: «Третий год войны (1917) должен был стать годом окончательной победы над центральными державами. Такова была суть решения, принятого военными руководителями Антанты на совещании в Шантильи 3—го ноября 1916 года. На межсоюзническом совещании, состоявшемся в Петрограде в январе, делегаты Англии, Италии, России и Франции подтвердили протоколы совещания в Шантильи. Были разработаны планы военной кампании 1917 года, которая предусматривала ведение боевых действий на всех союзнических фронтах; по единодушному мнению участников встречи, решительное совместное наступление русских и румынских войск на севере и армий Антанты на юге должно будет неминуемо вынудить Болгарию немедленно выйти из войны. **Русско-румынское наступление планировалось на первую неделю мая**».

План был логичен. Сначала выбить самое слабое звено из цепи германских сателлитов — Болгарию. Дальше наступал черед Австро-Венгрии. Оставшиеся в одиночестве немцы долго провоевать не смогли бы, особенно с учетом появления на театре военных действий свежих американских дивизий. Наступал конец войны, победа Антанты уже сомнения не вызывала. Если бы не договоренности...

«Союзники» пообещали немцам, что согласованного удара не будет, и сдали им сроки и место проведения своего собственного наступления. И все ради того, чтобы не выиграть войну раньше уничтожения России.

Но немцы, будучи очевидцами того, как на их глазах британцы предавали русских, не верили англичанам на слово. Не успокаивали их и секретные планы собственного наступления, переданные «союзными» разведчиками. Планы ведь можно и поменять. Лучшей гарантией от британского коварства было обескровливание англоийских и французских войск. Когда они уже просто не смогут наступать, вот тогда можно спокойно перебрасывать войска на Восточный фронт и довершать разгром России. Германия потребовала начать наступление неподготовленным, чтобы его результаты свели мощь войск Западного фронта к нулю и лишили возможности возобновить наступление, когда германские силы уйдут на Восток. И сделать это надо было авансом, до начала операции «пломбированный вагон»...

«Союзники» согласились начать свое наступление еще до отъезда Ленина! Начать, толком его не подготовив! Каковы доказательства столь серьезного обвинения? Мемуары, факты и даты. А они таковы: еще в декабре 1916 года маршала Жоффра на посту главнокомандующего французской армии сменил генерал Нивель. На ходе боевых действий поначалу это никак не отразилось. Это был вполне адекватный, нормальный военный руководитель. Но в марте 1917—го он начал «вдруг» вести себя не просто неадекватно, а совершать поступки с точки зрения нормальной логики практически необъяснимые. Слово Александру Федоровичу Керенскому. Уж его то в симпатии к немцам не заподозришь. Зато в ангажированности к «союзникам» сомнений нет никаких. Вот поэтому именно его мемуары нам особенно интересны. Ведь генерал Нивель со своим наступлением сотворил такое, что

даже коротко стриженные волосы Керенского, встали дыбом!

«...генерал Нивель, без каких-либо предварительных консультаций с русским Верховным командованием, **принял решение начать военные действия на русско-румынском фронте не в мае, а в конце марта или в первых числах апреля**» — удивляется и возмущается Керенский.

Сам же генерал Невель телеграфирует русскому военному руководству. «Прошу вас сообщить генералу Алексееву следующее: по соглашению с высшим английским командованием я назначил **на 8 апреля (по новому стилю)** начало совместного наступления на западном фронте. **Этот срок не может быть отложен**». Далее парижский генерал продолжает: «Я введу для наступления на Западном фронте **все силы французской армии**, так как буду добиваться решительных результатов, достижения которых в данный период войны нельзя откладывать. Вследствие этого **прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю)**. Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались **одновременно** (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными для того, чтобы остановить с самого начала одно за другим наши наступления...».

Главная идея, планируемого Антантой в 1917-м году наступления, — нанести удары по Германии **одновременно**. Однако, в условиях сильнейшего ослабления русской армии перенос сроков наступления на месяц раньше для России совершенно невыполним. Войска не будут готовы, и такое внезапное изменение согласованных сроков приведет только к одному — немцы смогут маневрировать резервами во время наступления англо-французов также свободно, как и ранее. В таких условиях теряется весь смысл готовящегося удара. Логично предположить, что «союзники» поймут сложности испытываемые русскими и проведут наступление в ранее согласованные сроки. Нет! Ведь если удар по Германии будет нанесен с двух сторон, то немцы его не выдержат и война закончится раньше, чем нужно. Россия будет в числе победителей. Поэтому «союзники» русских не ждут.

Открываем замечательную книгу А.А. Строкова «История военного искусства» и читаем:

«9-го апреля атакой англичан у Арраса началась апрельская наступательная операция французских и английских войск, успешный исход которой связывался с разгромом Германии, с окончанием войны». Чтобы устранить последние сомнения, листаем Большую Советскую энциклопедию: «Наступление союзников началось **9 апреля** в районе Арраса...».

Совпадения, случайности и странности — как же много их сосредоточено на небольшом временном пространстве Первой мировой войны и двух русских революций! Дата начала наступления Антанты **9-е апреля по новому стилю, или 27-е марта по старому**. Как и в случае с подготовкой Первой мировой войны можно запутать читателя в цифрах используя в одном месте старый стиль, а в другом — новый. Можно заморочить ему голову. А сделать это надо обязательно, иначе станет заметно, что:

Владимир Ильич Ленин отправился на пломбированном поезде из Швейцарии именно 9 апреля (27 марта) 1917 года.

Ровно в день начала наступления, сроки которого **загадочным образом** перенес генерал Невель! Пломбированный поезд тронулся с вокзала только тогда, когда германское руководство убедилось, что «союзники» действительно его начали. Случайное совпадение, скажут историки. **Нет, слишком уж много совпадений, случайностей и загадок!** И если от одной из них можно так просто отмахнуться, то сотни таких «случайностей» требуют другого объяснения. Откройте книги, посмотрите. **Даты ленинского отъезда почему-то даются в старом стиле, а время начала военной операции «союзников» по новому летосчислению!** Всегда и везде пишут именно так, иначе «совпадение» станет слишком явным и заметным!

Только берешься изучать историю боевых действий того периода, как сразу натыкаешься на такую вот «случайность» или «странность». Но если с цифрами еще можно смухлевать, но есть неопровержимые исторические факты, которые никто не пытается осмыслить. Ведь дело даже не в том, что «союзники» внезапно, безо всяких видимых причин, перенесли сроки своего наступления на месяц назад, а в том, что **и проводить его вообще не имело никакого смысла!**

Поясню. План Антанты состоял в захвате в клещи нуайонского выступа («клещи Нуайона»), его подрезания с двух сторон и окружении расположенных там немецких войск.

Этот плацдарм, вдавленный в расположение французских и английских войск, был весьма приличной площади. Германских войск там было очень и очень много. В случае успеха «союзного» замысла всех их ждала печальная участь. Наступление **потому не имело смысла, что буквально накануне его начала немцы вывели с угрожаемого участка все свои войска!** Абсолютно, случайно, естественно. Это факт.

Снова открываем «Историю военного искусства»: «В то время когда французы и англичане развернули подготовку к решительной операции по плану Нивеля, **германское командование отводит войска (отвод начался 16 марта) с нуайонского выступа** (по фронту от Арраса до Суассона около 135 км, местами глубиной от 30 до 40 км) на подготовленную позицию Зигфрида». Мало одного источника — давайте смотреть другие! Например, книгу уже процитированного нами однажды крупного военного теоретика Зайончковского: «Но в то время, когда во французской главной квартире шли работы по выработке плана операции, **германцы спутали все карты французов, неожиданно** отойдя 17 марта на заблаговременно подготовленную позицию по всему фронту от Арраса до Вайи, что на р. Эна.»

Причина германского отхода точно и логично объяснена. У немцев в 1917—м году нет сил наступать, поэтому они готовятся к обороне. Выдающийся вперед огромный плацдарм всегда вызывает у противника желание его «подрезать». С него либо надо рваться вперед, либо обороняться. Но оборонять его неудобно, войска противника нависают над вашими флангами, грозя окружением. Подобная ситуация была в 1943-м году на Курской дуге, которая поэтому и получила свое название. Германия решает обороняться, а для этого строит в своем тылу новую сильную оборонительную линию под названием линии Зигфрида. Это не наспех вырытые окопы, это превосходно укрепленный район, занимавший в глубину 8 — 10 км, захватывавший отличные наблюдательные пункты с обзором на 20 км и намного сокращавший фронт обороны. Главное в сложившихся условиях: для немцев избежать окружения и вовремя отойти, а для «союзников» успеть окружить их на старых позициях.

Все самые страшные битвы Первой мировой войны были сделаны, как под копирку. Это атаки хорошо укрепленных позиций в лоб. Огромные жертвы и пара квадратных километров захваченных территорий. И как только впервые французы и англичане запланировали что-то иное, так противник **случайно** все планы нарушил. «В провале апрельского наступления французов и англичан существенное значение имела потеря внезапности» — подводит итог «История военного искусства». Немцы уходят **ровно накануне «союзного» наступления**. Отходят, узнав о готовящемся ударе. Откуда?

Самим германцам и будущим историкам надо было как-то объяснить необычайную прозорливость германского командования. И ответ был придуман. Якобы в руки немцев попал приказ по 2-й французской пехотной дивизии от 29 января, ясно указывающий, что **в апреле** намечается большое французское наступление. Так пишет в своих мемуарах германский генерал Людендорф, тот самый, что оправдывался за отправку Ленина в Россию. Но этого не может быть!

Вспомним союзную конференцию в Петрограде, **в феврале**, накануне революции. На ней речь шла об общем наступлении Антанты именно **в мае-июне**. Эти сроки были приняты и утверждены всеми державами-союзницами. А на столе генерала Людендорфа уже **в январе** лежал захваченный французский приказ о наступлении в **апреле**! Все это не стыкуется и со словами Керенского и других русских военачальников, которые **только в марте** месяце узнали о желании Нивеля изменить сроки удара **с мая на апрель**. В январе об изменении сроков удара никто не говорил и не писал! Получается либо Людендорф ложью неумело прикрывает свой источник информации и выдумывает несуществующий французский приказ, либо «союзное» командование тайно от Петербурга готовит наступление в апреле, зачем-то объявляя русским и другим членам Антанты совсем другие сроки! Это означает одно: предательство «союзников» было! Если Людендорф говорит правду — наши соратники по Антанте заранее планировали очередную ступень своего антироссийского плана, готовясь наступать вразнобой с русской армией. Если слова немецкого генерала ложь, то ей он прикрывает скрытые источники информации и тайные контакты Берлина с противником. И то и другое, одинаково подтверждает нашу версию, о преданном «союзниками» собственном наступлении.

Немецкие войска начинают отход с нуайонского выступа 3(16) марта, еще до всей

ленинской истории. Весь оперативный план англо-французов нарушен. Никакого окружения уже не может быть. В этих условиях всякий смысл подготовленной операции теряется, ведь немцы отходят сами, атаковать их не требуется. Не имеет смысла теперь и перенос сроков наступления, цель которого уже ускользнула. Теперь спешить генералу Невелю некуда. Можно выступать в соответствии со старыми договоренностями с русскими — одновременно. Таким образом, шансы на успех повысятся. Однако «союзное» командование план операции не меняет, и начинает штурмовать новехонькие немецкие позиции.

— В лоб.

— На месяц раньше намеченного срока.

— Когда русская армия не может ничем помочь и отвлечь хотя бы часть германских сил на себя.

Не внезапный отход немцев, а случившийся за ним лобовой штурм линии Зигфрида, и есть главная загадка наступления Нивеля, или как его окрестили, «бойни Нивеля»! Такого развития событий не ожидали не только русские военные, но и многие французские генералы, которые говорили о недопустимости лобового штурма новых германских укреплений.

«Союзники» атакуют линию Зигфрида. Сначала англичане 9-го апреля идут в атаку, а 16 — 17 апреля наносится удар на главном направлении. Немцы придвинули резервы, усилили артиллерию. И началось обычное «прогрызание» обороны. А ведь, когда генерала Нивеля назначали, то ждали от него совсем другого. Надеялись, что он не будет связан прежней тактикой «расшибания человеческих костей и человеческого мяса о самые мощные укрепления противника», как напишет английский премьер Ллойд Джордж. На деле Нивель вновь идет в лоб, на только, что построенную новейшую линию обороны! Его силы, привлеченные к операции, были огромны: 100 пехотных, 10 кавалерийских дивизий, тысячи самолетов и свыше 200 танков. Для 5 тыс. орудий заготовлено 33 млн. снарядов, только французских солдат в битве участвовало более 1 млн. 400 тыс. Результат нулевой.

Есть еще один факт, позволяющий с точностью предположить, что апрельское наступление не могло привести к победе в войне. США вступили в войну 6 апреля 1917 года. Если наступление, начавшееся 8-9 апреля, приведет к разгрому немцев, то американские солдаты даже не успеют по разу выстрелить. Как же тогда правительству США получать послевоенные преференции? Нет, американцы обязаны были повоевать, пролить достаточно крови своих солдат, чтобы президент Вильсон с полным правом начал диктовать миру новые правила игры и руководить послевоенным устройством планеты.

Для самой французской армии поспешное наступление закончилось печально: огромные потери и полная деморализация. С военной точки зрения. Зато, обещанное обескровливание собственной армии проведено блестяще. Войска стали совсем небоеспособны. Все шире в них стала распространяться антивоенная пропаганда, солдаты стали проявлять все большее недовольство офицерами, усилились требования о немедленном заключении мира. Вскоре, вообще начались повсеместные военные бунты. В мае беспорядки охватили семь французских корпусов. Дезорганизованными оказались 113 войсковых единиц: 75 пехотных полков, 22 батальона стрелков, 12 артиллерийских полков, два полка колониальной пехоты, один драгунский полк, один батальон сенегальцев. Наконец, два корпуса, взбунтовавшись, начали поход на Париж. Достигнут именно тот результат, о котором договаривались с немцами: «союзные» армии могут спокойно сидеть остаток 1917 года. Никто не заподозрит их ни в чем. Какое наступление, когда армия на грани бунта! Вот так предав собственных солдат, Антанта добилась желаемого результата. **«После провала апрельского наступления западные державы не предпринимают больших наступательных операций**, отказываются от решения крупных стратегических задач — констатирует «История военного искусства» — Наступательные операции ими проводятся с ограниченными целями. Борьба ведется за улучшение позиций, за обладание отдельными тактическими пунктами».

В момент бунта во французских частях была очень опасная ситуация: между немцами и Парижем оставались только две верные дивизии! Фактически в это время дорога на Париж была открыта. Но Германия возможностью для удара на французскую столицу не воспользовалась, все свои силы **случайно**, в спешке перебрасывая на Восток. И снова объяснение в своих мемуарах дает Людендорф. Оказывается, германское командование не

знало о брожении во французской армии, и узнало об этом лишь долгое время спустя! Этим Людендорф и оправдывается, почему он не перешел в мае 1917 года в наступление на французском фронте и не использовал его временную слабость. На самом деле немцы убедились, что «союзники» свои тайные договоренности соблюдают, поэтому и соблюдают их сами.

Майской революции во Франции не получилось, мы уже говорили об особой устойчивости демократических режимов к подобным кризисам. Бунт был подавлен в самом зародыше. Расстрелами. Все лето и осень 1917 года французские военные полевые суды работали без устали и привели армию к дисциплине и порядку. Для выпуска общественного недовольства, оказалось, достаточно поменять одного главнокомандующего, так позорно «провалившего» наступление. Керенский пишет об этом так: «15-го мая генерал Нивель был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Петеном, который до того организовал оборону под Верденом и пользовался огромным уважением и престижем в армии».

Мавр сделал свое дело — мавр может уходить! Войне, благодаря умелому генералу Невелю, а точнее правительству Англии и Франции — тем, кто отдал ему приказ наступать раньше, суждено еще продлиться более года. Миллионы людей погибнут, сотни тысяч станут калеками — но «союзные» разведчики свое слово сдержат. Новый главнокомандующий Петен, приведя французскую армию в чувство, наступать не собирается. «Союзники» уходят на лето и осень 1917-го года в глухую оборону. Именно в эти сроки немцы окончательно сломают Восточный фронт...

«Таким образом, безрассудная попытка Нивеля ввести в дело всю французскую армию и добиться решающих результатов без поддержки русского фронта окончилась поражением и не только сорвала возможность совместного наступления с востока и запада, но и лишила страны Антанты всех надежд на окончание войны в 1917 году» — делает выводы Керенский.

Разглагольствовать он умеет делать хорошо, а вот о причинах, столь «странных» решений французского командования умалчивает. Вам кажутся неправдоподобными и невозможными действия «союзников»? Удивительно, что предадут они соратников по оружию? Давайте не будем забывать, что грязней, чем политика занятия в мире нет. И смотреть с точки обычного человека, с его моралью и понятиями на деяния политиков просто нельзя, иначе будет много непонятого. Поэтому давайте забудем на минуту о том, что Россия британцам и французам всегда мешала, что они портили нам кровь на протяжении столетий. Отложим в сторону наши знания о плане развала России. Не будем вспоминать о том, вообще ради чего началась Первая мировая война. Давайте просто посмотрим на ситуацию 1917 года глазами «союзных» руководителей.

В России произошла революция, ее армия стремительно разваливается. Как боевая единица такая вооруженная сила малоценна, если ее направить в наступление. Воевать она не хочет, боевой запал звучит только в речах Временного правительства. Но сражаться русским придется, если противник будет нападать сам. Иными словами — надо спровоцировать Германию наступать на Восточном фронте. Выгода здесь самая простая: если немцы бьют русских, французов они уже бить не будут — сил не хватит. На дворе уже 1917-й, а не 1914-й год, и германская армия уже не может себе позволить наступать на двух направлениях. Русские же теснимые германцами будут вынуждены защищаться. Война разгорится. Будут гибнуть люди, но ... **не Ваши подданные** ! Жители вверенной вам страны останутся живыми. Кроме того, Россия так устроена, что войти в нее можно легко, зато выйти практически невозможно. Живым. Напав на русских и углубившись в ее снежные просторы, германские армии исчезнут там навсегда. Так оно и получится. Нет, немцев русские не перебьют, в отличие от солдат Наполеона и Карла XII, просто сотни тысяч их станут охранять дороги, склады и переезды в оккупированной стране. Другие сотни тысяч будут реквизируют продовольствие и одежду, станки и ценности. Сотни паровозов и тысячи вагонов повезут награбленное немцами в Германию. **И всех этих солдат на Западном фронте не будет!**

Вот тогда вы и нанесете немцам удар и победно закончите войну. Дух захватывает от красоты плана, одна только заминка. Боятся немцы России, они ведь тоже про Бонапарта читали и знают, что бывает с теми, кто далеко в русские равнины заходит. Ведь как из Берлина смотрится февральский переворот? Россия оттуда сильна как прежде — к власти в стране

пришла элита, которая и ранее заседала рядышком с царем, в Думе. Эти «сливки земли русской» пообещали сражаться с немцами до победы, а сами готовятся передать власть Учредительному собранию. Получается, будто в стране просто убрали плохого царя и решили провести некий плебисцит на тему «как на Руси жить хорошо». Решат люди, и появится новый царь, решат по-другому — и будет республика. Вопрос продолжения войны даже не обсуждается, бои не утихают. Видя все это, вы согласитесь на месте немцев наступать на Россию, имея в тылу французов и англичан, также к прыжку изготовившихся? Вряд ли. Поэтому их надо убедить, что Россия сейчас слаба и очень быстро станет еще слабее, если Владимир Ильич доедет до Петрограда. Напомню, что решение об отправке Ленина в Россию было принято почти через две недели после Февраля, а тогда вся глубина разрушительной работы Временного правительства была еще не видна. Решиться на такое в Берлине можно было, только получив огромный пласт новой первоклассной информации, словно на машине времени заглянув вперед и увидев будущие печальные русские события. Роль прорицателей сыграли «союзные» разведчики и тайные дипломаты. Они рассказали немцам:

- **Что натворит в стране Временное правительство;**
- **Как оно своими указами и приказами развалит армию и флот;**
- **Как оно будет бездействовать, потворствуя большевикам;**
- **И через короткий промежуток времени передаст им власть, после чего в стране вообще начнется, что-то невообразимое.**

Немцы кивнули головами — причастность англо-французов к Февралю была очевидна. А впрочем, что немцы теряют, если поверят и начнут действовать по подсказке врага? Всегда существует возможность переиграть своего партнера. По крайней мере, появлялся хотя бы призрачный шанс, разгромив Россию и подпитавшись ее ресурсами свести войну вничью, если уж и не победить в ней.

А «союзники» в качестве подтверждения своих «добрых намерений» сдавали время и место своего наступления. И даже начинали его, ровно накануне отъезда Ленина из Швейцарии. Удивительно? Совсем нет. Чтобы наслаждаться тишиной на фронте, сначала надо немного повоевать. Совсем не наступать невозможно, не объяснишь же своим французским солдатам, что вы договорились с врагом и предали русского союзника. Ведь тогда они спросят: а чего ж это мы кровь проливали? Зачем? Что ж раньше с немцами не договорились? А могут и самый страшный вопрос задать: зачем вообще воевать начали, если так хорошо договариваться умеем?

Нет, вопросов таких допускать нельзя. В политике вообще часто говорится одно, а делается другое. Если в такой момент беседы с немцами схватить «союзного» разведчика с поличным это — государственная измена, а если не схватить — он потом героем станет. Секретным, разумеется. Но лет через двести, может быть и узнает о нем весь мир. Благодаря спецоперации немцы войска с Западного фронта сняли и на Восточный перебросили, и увязли там по самую шею в русской неразберихе и хаосе. Потом и сами подцепили бациллу революции и рухнули в грязь, после четырех лет успешной борьбы. Живыми остались сотни тысяч англичан и французов, выиграна война — разве ваш разведчик не герой?

От эшафота до ордена один шаг — вопрос только во времени всплытия на поверхность политической махинации. Поэтому и сдавали свое собственное наступление «союзные» дипломаты и разведчики врагу. Политикам так тоже проще: наступление захлебнулось, дальше наступать нельзя. Объяснение для общественности, почему так печально все завершилось, уже готово — ошибочно перенесли сроки наступления. Дальнейший полный покой на Западном фронте, который должны были в свою очередь гарантировать немцы, — это **сотни тысяч спасенных**, неубитых и не изувеченных Ваших соотечественников. Отбитое Ваше наступление — **десятки тысяч погибших**. Арифметика простая. Экономия человеческих жизней колоссальная. Потому и идут политики на такую низость, как продажа своего «союзника» врагу. Поэтому и предают своих собственных солдат, идущих в атаку, чтобы спасти десятки тысяч других собственных бойцов!

Как мы помним, «союзники» обещали немцам больше серьезных наступательных действий не вести. Запустив механизм разрушения России, подкинув немцам эту идею, дальше надо просто сидеть тихо и ждать, пока немцы будут громить русских.

Так и будет! Военный министр Франции Пенлеве, прямо с трибуны парламента(!), словно

еще раз убеждая немцев не беспокоиться ни о чем, **официально заявит**, что французская армия на лето и осень не намерена предпринимать сколько-нибудь серьезных наступательных операций! Услышав это, германское командование направляет на Восток **еще шесть** отборных дивизий. Но ведь просто верить, тому, что говорят во французском парламенте немцам нельзя, как нельзя и убирать с Западного фронта войска. Наступление «союзников» отбито, но на дворе только апрель, впереди еще столько времени годного для решительных атак. Русского наступления бояться надо меньше — их армия ослаблена революцией, а вот англичане и французы могут еще наступать и наступать. А немцы совершенно нелогично перебрасывают войска на Восток с Запада. Почему?

Есть хорошее старое правило: если чьи-то действия вам кажутся противоречащими логике, возможно, что вы просто хуже информированы. В Берлине знают, что о спокойствии на Западном фронте они договорились, что отбитое «союзное» наступление не повторится. Вот они спокойно и перебрасывают войска на русский фронт, выполняя свои обязательства перед англичанами и французами, и готовясь бить исключительно нас.

Но вернемся к нашим баранам. Как еще можно назвать Временное правительство! Русская армия развалена, дисциплина равна нулю. Им бы сидеть тихо, да потихоньку армию приводить в чувство. Так нет же! Из поражения, постигшего французов и англичан, оно сделало весьма любопытный вывод. «Россия не может допустить поражения своих союзников, ибо связана с ними общей судьбой. Замыслы Гинденбурга должны быть сорваны, а для этого необходимо возобновить военные операции на русском фронте» — пишет неугомонный Керенский. Русские будут наступать, снова спасая своих вероломных друзей! Наступать невзирая ни на что! Помогать «союзникам».

Ничем, кроме поражения для русских войск наше наступление закончиться не могло. Оно и закончилось поражением, окончательным разочарованием солдат в правительстве и большевистским переворотом. Вот и получается — военные неудачи отличная пища для революционного брожения, а «дрожжи» — Ленин и компания уже доставлены на место. Но вдруг неукротимой энергии и гениальной решимости Владимира Ильича не хватит, чтобы взорвать огромную Россию? Дрогнет рука и он ошибется. «Союзники» так скрупулезно и тщательно готовили уничтожение России, что и на этот случай у них был запасной вариант. «Дрожжи» будущей социалистической революции перебрасывались в Россию буквально со всего мира.

Мало ленинского примера, давайте проследим поездку на Родину другого борца за народное счастье Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна). Путь этот был еще более долгим и тернистым. Все дело в том, что Троцкий с Бухариным в феврале 1917 года находились в Нью-Йорке, где редактировали радикальную газету «Новый мир». Оказался там Лев Давидович не совсем добровольно. В 1916 году, за год до русской революции, интернационалист Троцкий был выслан из Франции и вежливо препровожден французской полицией через испанскую границу. Там он тоже не задержался: через несколько дней, мадридская полиция арестовала будущего основателя Красной армии. После чего Троцкий был перевезен в Кадис, затем в Барселону, чтобы, в конце концов, быть посаженным на борт парохода «Монсеррат» Испанской трансатлантической компании. На нем Лев Давыдович вместе с семьей пересек Атлантику и в январе 1917 года высадился в Нью-Йорке.

Вслед за ним и другие его последователи пересекли океан. Когда мы оцениваем вклад Троцкого в мировую революцию, не стоит забывать, что фигура эта по своему значению практически ни в чем не уступает Ленину. Оба были прекрасными ораторами и публицистами. Оба много теоретизировали. У обоих были свои последователи, а поклонники Льва Давидовича были даже много активнее на мировой арене. Группа троцкистов в Мексике приобрела такое влияние, что даже написала там Конституцию для революционного правительства Каррансы все в том же 1917-м году. Таким образом, эта страна первой в мире получило правительство, которое приняло конституцию советского типа. Именно в Мексику и убежит потом из СССР Лев Давидович, и будет там жить, пока сталинский агент Меркадер не проломит ему череп ледорубом.

Как Троцкий, знавший только немецкий и русский языки, выжил в капиталистической Америке? Судя по его книге «Моя жизнь», его «единственной профессией в Нью-Йорке была

профессия революционера». Ну что ж видимо эта профессия в капиталистической Америке ценилась высоко, потому, что, особо не бедствуя, Троцкий дождался там неожиданно свершившегося Февраля. И, как и Ленин, немедленно засобирался на Родину. После посещения Троцким русского консула в Нью-Йорке с заявлением об отъезде в Россию, он и члены его семьи **получили все необходимые документы**. 27(14) марта Троцкий с семьей отбыл из Нью-Йорка на норвежском пароходе «Христианиафиорд». Но, едва доплыв до Канады, Лев Давыдович был безмерно удивлен и огорчен. Его и нескольких его соратников сняли с парохода и поместили в лагерь для немецких военнопленных ...

— Господин Бронштейн? — в голосе английского офицера не было никаких эмоций. Он просто спрашивал и смотрел в лицо колючими голубыми глазами.

— Да, это я — ответил он, так же, не мигая и прямо смотря в лицо офицеру.

— Вам придется пройти с нами.

Он сразу почувствовал, что что-то случилось. Сразу, как только на борт датского парохода «Христианиафиорд» во время стоянки явились эти английские офицеры. Форма на них морская, сопровождают матросы. Но глаза, глаза у англичанина смотрят глубоко в душу, сверлят и вынюхивают совсем не по-морскому!

Уж он в этом понимает, он такие глаза видел неоднократно. И потому просто спокойно спросил:

— На каком основании?

— Я не договорил — жестко сказал англичанин — Вы, ваша семья и еще пять ваших спутников.

Раз он не слышит меня, то и я не услышу его.

— На каком основании?

— В Галифаксе выясним все.

— Это произвол. Безобразие! — раздался из-за спины знакомый голос — Мы отказываемся подчиниться Вашему требованию!

— Ах, Склянский, — подумал он — Он так горяч. Конечно, протестовать надо, но в принципе это бесполезно.

Где же не сбой, в чем причина этого странного поведения английского офицера. Ведь ему же обещали, что никаких проблем не возникнет. Обещали, когда выдавали самый настоящий американский паспорт.

— Я гражданин Соединенных Штатов — сказал еще спокойнее и тверже, и жестом руки заставив умолкнуть Склянского.

— Это не играет никакой роли. В Галифаксе разберутся — сжал желваки англичанин — Так вы сами пойдете или вас отнести?

— Лучше отнесите — сказал он — Меня уже давно не носили на руках.

— Как Вам будет угодно — усмехнулся офицер и отдал команду.

И здоровенные, застоявшиеся от безделья в порту матросы, подхватили их на руки.

— Позор! Позор! — раздались голоса тех, кого не высаживали с «Христианиафиорд». Выбор англичан был непонятным. Революционеров на корабле было значительно больше, а снимали только шестерых. Видимо, всех на руках не унести.

Последнее, что он увидел, покидая борт корабля, был его одиннадцатилетний сын, ударивший офицера своим маленьким кулачком. Британец даже не обернулся, а просто отодвинул малыша в сторону своей тушей.

— Ударить его еще, папа?

Сыну он ничего не ответил, просто отрицательно мотнул головой. А потом Троцкого вынесли с корабля ...

Группа революционеров была снята с парохода согласно официальным указаниям, полученным 29(16) марта 1917 года дежурным морским офицером в Галифаксе по телеграфу из Лондона. В телеграмме сообщалось, что на «Христианиафиорд» находится группа Троцкого, которая должна быть «снята и задержана до получения указаний». Причина задержания, заключалась в том, что «это — русские социалисты, направляющиеся в Россию с целью начать революцию против существующего российского правительства, для чего Троцкий, по

сообщениям, имеет 10 тыс. долларов, собранных социалистами и немцами».

Мотив задержания британские спецслужбисты объяснили ему просто — «вы опасны для нынешнего русского правительства».

— Но ведь нью-йоркские агенты русского правительства выдали нам проходные свидетельства в Россию, и, наконец, заботу о русском правительстве нужно предоставить ему самому! — вполне резонно возражает задержанный вождь.

«Полковник Моррис подумал, пожевал челюстями и присовокупил: „Вы опасны для союзников вообще“. Никаких документов о задержании нам не предъявлялось» — пишет Троцкий в мемуарах.

Вот, казалось бы, нам и порадоваться. Напрасно мы на наших «союзников» грешили. С Лениным они, конечно, промахнулись, но ведь зато Троцкого задержали! Поймите, но как это может быть, ведь совсем скоро Лев Давыдович должен возглавить Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде? Это исторический факт, а из лагеря в далекой Канаде занять это место проблематично. Поймите — его, что отпускают?!

Да! В литературе, посвященной этому событию, вы с удивлением, можете прочитать, что заместитель директора английской разведки Клод Дэнси не поверил «домыслам о надвигающейся революции» и приказал Троцкого отпустить. А если бы поверил — расстрелял бы Льва Давыдовича прямо посреди лагеря?

Мотивация действий английской разведки просто поражает, как игра в карты: верю, не верю! Между тем, как пишет сам Лев Давыдович в «Истории русской революции» британское посольство в Петрограде дало в печати 14(1) апреля официальное сообщение на ломаном русском языке: «Те русские граждане на пароходе „Христианиафиорд“ были задержаны в Галифаксе потому, что сообщено английскому правительству, что они имели связь с планом, субсидированным германским правительством, — низвергнуть русское Временное правительство...».

Где — то в сложной цепочке британских спецслужб произошла утечка информации, не предназначенной для огласки. Опасный для Англии Троцкий должен спокойно доплыть до России, чтобы вместе с Лениным выполнить тайные планы «союзников». Но всем сотрудникам британских спецслужб не объяснишь, для чего началась мировая война и почему разрушение России отвечает глубинным английским интересам. Где-то в недрах британских спецслужб сигнал о том, что в Петроград плывет человек, собирающийся свергнуть русское правительство и вывести Россию из войны, получил человек «не в теме». И английские спецслужбы **единственный** раз сделали то, что должны были делать всегда: арестовали опасного путешественника.

Были в британской разведке честные люди, по настоящему пекущиеся о судьбе своей союзницы России, поэтому Троцкого и прихватили. Бал правили, увы, не они. Те, кто забрасывал в Россию Ленина, быстро исправили и «ошибку» с Троцким. «Нужно сказать, что закулисная механика нашего ареста и нашего освобождения мне и сейчас не вполне ясна» — честно признается Лев Давыдович в своей книге. Удивление в этих словах немалое. Потому, что арестовать его никто был не должен. **Таковы были договоренности. Как у Ленина — режим наибольшего благоприятствования.** А тут сначала странный арест, потом еще более странное освобождение ...

О мотивации освобождения надо упомянуть особо. «Союзники» не просто выпускают Льва Давыдовича, так как ошиблись. **Англичане освобождают Троцкого по просьбе Временного правительства!** Это кажется невероятным, но министр иностранных дел Миллюков обратился к британским властям с такой просьбой. В своем ли уме Миллюков? С ним все в порядке, просто без его обращения британцам не выйти красиво из сложившейся ситуации. Нужна просьба. Троцкий сам пишет об этом предельно откровенно, что Миллюков «оказался, однако, **вынужден просить английское правительство** через русского посла Набокова об освобождении Троцкого от ареста и пропуске его в Россию».

Сам кадет Набоков удивлен просьбе главы своей партии и своего министерства не меньше нашего: «Зная Троцкого по его деятельности в Америке, английское правительство недоумевало: „Что это: злая воля или слепота?“ Англичане пожимали плечами, понимали опасность, предупреждали нас". Ллойд Джорджу пришлось, однако, уступить».

Какие заботливые у нас «союзники»! Предупреждают Временное правительство об опасности, а оно ничего не слышит. Почему глава кадетов заявляет, что «правительство признает, безусловно, возможным возвращение в Россию **всех эмигрантов, без различия их взглядов на войну**, и независимо от нахождения их в международных контрольных списках». Больше всего Временное правительство боялось обвинения в недостаточной демократичности, отвечают нам историки. Когда на весах судьба страны и народа, надо ли руководству более всего бояться не поражения в страшной войне, а таких вот смешных обвинений? Ответ понятен: степень демократичности и свободы это всего лишь характеристика времени, отступающая под натиском куда более страшных и важных обстоятельств. В блокадном Ленинграде Жданов и Жуков менее всего боялись показаться недостаточно демократичными. Не об этом должна у государственных мужей болеть голова!

Но ведь надо как-то объяснить странные поступки министров Временного правительства для читателей и потомков. Вот и идут в ход отговорки, пелена прикрывающие самую суть событий, и не дающие ответы на рвущиеся наружу вопросы. Почему Милюков оказался **«вынужден»** совершить очевидную для нас глупость и просить отпустить Троцкого? Кто его вынудил потребовать освобождения человека, благодаря которому он сам вскоре лишится всего имущества и Родины и отправится в эмиграцию! Абсурд? Идиотизм? Нет, это политика. Полностью несамостоятельная и абсолютно зависимая от своих «союзных» хозяев. Вспомним еще и тот факт, что Милюков — личный друг Якоба Шиффа, американского магната, «генерального спонсора» всех русских революций. Вот поэтому и просит Временное правительство выпустить на волю Троцкого, который сразу займется его же свержением!

Троцкий был запасным вариантом, двойником и дублером Ильича. Совершать «удивительные» поступки в отношении обоих локомотивов революции Временное правительство заставляла одна и та же сила — «союзники». Это становится еще более очевидным, если обратить внимание на еще несколько пикантных подробностей неожиданного ареста и еще более удивительного освобождения Льва Давыдовича. Выяснилось, что Троцкий является **американским гражданином**, путешествующим по американскому паспорту, в котором стоит **британская транзитная виза** и **виза** для въезда в Россию.

Откуда у Троцкого вдруг взялось американское подданство? Наверное, паспорт фальшивый? Ну, что вы! Самый настоящий, выданный американским правительством. При аресте у Троцкого обнаружили при себе 10 тыс. долларов, что было по тем временам очень солидной суммой. Если предположить, что был Лев Давыдович честным и пламенным борцом за народное счастье, то таких денег у него быть не могло. Гонорарами за статьи в революционной прессе их не заработаешь — слишком много.

Не будем наивными. Троцкий вез в кошельке мелочь на карманные расходы. Настоящие ДЕНЬГИ от американских банкиров незаметно переключали на нужные счета проверенных людей. И мы можем только догадываться, какие это были суммы, если в кошельке борца за счастье трудящихся лежала плотная пачка американских банкнот. Проплачивать русские революции было для Якоба Шиффа и других банкиров США, не в новинку. Они выделяли средства эсерам и социал-демократам в 1905 году, «помогали» финансами тем, кто готовил Февраль. Теперь пришел черед оказать помощь еще большим радикалам. Точнее — Троцкому, он ведь не был чужим человеком в среде американских мультимиллионеров. Лев Давыдович очень удачно женился: его супруга Седова, дочь Животовского, богатого банкира. Который в свою очередь, компаньон банкиров Вартбургов, а они компаньоны и родственники Якоба Шиффа. Так революция становится для Льва Давыдовича чисто семейным делом.

В Россию Ленин и Троцкий отправились практически в один день. У обоих была одна и та же задача. В революционном Петрограде они объединились, хотя раньше были противниками. Троцкий в 1903 году порвал с Лениным и большевиками, а в 1904-м вышел также из фракции меньшевиков и занял промежуточное положение между ними. Он действовал с самостоятельной группой, издавая с 1908 года в Львове, а затем в Вене газету «Правда», тогда самое популярное из изданий, нелегально ввозимых в Россию. Поэтому, когда Ленин в 1912-м решил вновь издавать свою газету и «украл» это название, возмущению Троцкого не было предела. Его гнев улегся лишь в 1917-м, когда оба «эмигранта» соединились, готовя революцию. Точнее сказать, объединили их деньги, имевшие один и тот же источник.

Германские деньги, выделенные Ленину Берлином, в значительной части были иностранными кредитами, в основном от американских банков. Те же банки и те же люди выделили средства Троцкому.

Об этом малоизвестном феномене великолепно написал американский профессор Саттон в своей книге «Уолл-стрит и Большевицкая революция». Он приводит много замечательных фактов. По международному праву нейтральные страны (а США были нейтральны до апреля 1917 года) не могли давать займы воюющим странам. Тем не менее, займы Великобритании и Франции давались! Форма их предоставления была выработана президентом США Вильсоном в октябре 1914 года. Он объяснил, «что продажа облигаций в США в интересах иностранных правительств фактически представляет собой сберегательный займ воюющим правительствам, а не финансирование войны. С другой стороны, принятие казначейских билетов или другого доказательства задолженности в платежах за товары является лишь средством, способствующим торговле, а не финансирующим военные действия». Одним словом, нейтральные США давали англичанам и французам деньги на развитие мировой торговли, так это называлось. Однажды приобщила к живительному потоку американского золота Россия, разместив в США свои облигации. Не теряла времени и Германия. В книге профессора Саттона дается пример, как она, вопреки существовавшим военным запретам, собрала в Нью-Йорке значительные средства для своей подрывной деятельности «в Мексике», получив займы от американских банков. В 1919 году сенатский Овермановский Комитет также установил, что немецкий «Дойче Банк сумел в своих отделениях в Южной Америке получить от Лондона 4 млн.670 тыс. фунтов стерлингов».

Куда же ушли такие огромные деньги? Только ли на далекую Мексику тратила Германия полученные доллары и фунты? В Мексике полыхала революция, отряды повстанцев совершали набеги на американскую территорию, но до серьезной войны дело никогда не дошло. Освоить такой бюджет там было просто невыносимо. Вот русская революция совсем другое дело. Тут никакой бюджет маленьким не будет.

Свидетельств того, что «немецкие» деньги большевиков оказались «союзными» немного, но они есть. В своих мемуарах глава будущего независимого чехословацкого государства Масарик, пишет об американско-англо-французском разведывательном бюро, расследовавшем интриги немцев против России: «Нам удалось установить, что какая-то г-жа Симонс была на службе у немцев и содействовала передаче немецких фондов некоторым большевицким вождям. Эти фонды посылались через стокгольмское немецкое посольство в Гапаранду, где и передавались упомянутой даме». Информацию передали Временному правительству. Далее Масарик пишет, что бюро прекратило дальнейшее расследование, «когда оказалось, что в это дело запутан один американский гражданин, занимавший очень высокое положение. В наших интересах было не компрометировать американцев».

К 1917-му году Германия находилась на грани истощения и в такой ситуации выделять огромные миллионные средства на сомнительную идею большевицкой революции не могла. Были нужды и поважнее. В случае провала денежки уже не вернешь, а на них можно закупить драгоценное сырье и продовольствие для немецких детей и солдат. Нельзя Берлину было рисковать «последним». Лишние же деньги можно было спокойно вложить в сомнительное дело развала противника. Дать Ильичу пару миллионов золотых рейхсмарок можно было только в одной ситуации — если бы вдруг кто-то дал Германии эти деньги, то есть предоставил самому Берлину необходимый кредит! Это и произошло. Все складывалось для немцев просто идеально: момент есть, исполнитель есть, имеются гарантии успеха, даже финансы-кредиты предоставлены. Что тут думать? Немцы же раздумывают и даже поначалу отказывают.

«Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения. Нужно было, чтобы Россия пала». Кажется, что свою совесть уговаривают немецкие генералы. Или свой разум, ведь слишком все удачно складывается. Понимают, что улыбчивые английские разведчики пекутся отнюдь не об интересах Германии. Но план, предложенный ими так прост и красив, что не согласиться на него нельзя.

Революционеры беспрепятственно получают визы и документы и словно, вороны на падаль, слетаются со всего мира на ослабшее тело России. И объединяются. Ленин, всегда

ругавший всех и вся, почем свет стоит, вдруг становится в отношении Троцкого образцом понимания и терпимости. «Отношение Ленина ко мне в течение 1917 г. проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили». Немногословен Лев Давыдович, немногословен. «Июльские дни» — это первая попытка большевиков захватить власть. Кроме Ленина, практически только один Троцкий поддержал курс Ильича на взятие власти любой ценой. Остальные этого не понимали. Оттого, так близки, стали Ленин и Троцкий, что одна и та же сила забросила их в Россию, поставив перед ними одни и те же цели. Которые остальным членам руководства партии раскрывать было нельзя. С момента приезда главная проблема Ленина — это не борьба с Временным правительством. Нет, оно ему во всем само подыгрывает. **Главная проблема Владимира Ильича — убедить соратников в своей правоте, ничего лишнего им не рассказав!** С этой новой ленинской «напастью» мы еще столкнемся не раз.

Но если вы думаете, что Временное правительство ранее не пыталось отстоять своих интересов, то вы глубоко заблуждаетесь. Сразу после проезда Троцкого в Россию, когда дело уже было сделано, у русских властей словно открылись глаза. Американская дипломатическая миссия в Стокгольме в середине июня 1917 года направила Государственному департаменту телеграмму: «Миссия была конфиденциально информирована русским, английским и французским паспортными бюро на русской границе в Торнеа, что они серьезно озабочены проездом подозрительных лиц с американскими паспортами». Граница снова на замке. Например, в конце того же июня уважаемый нью-йоркский газетчик Герман Бернштейн был задержан на границе и не допущен в Россию. Газета «Нью-Йорк Геральд» осталась в Петрограде без своего представителя. Бернштейна — Троцкого пропустили, а мирного Бернштейна нет! Еще позднее, в середине августа российское посольство в Вашингтоне само обратилось к Государственному департаменту с просьбой «не допускать въезда в Россию преступников и анархистов...». Американцы с готовностью согласились. Операция по заброске Троцкого закончена, через месяц он уже возглавит Петросовет, чего же не согласиться. И «союзные» марионетки в русском правительстве могут хорошую мину сделать — мол, мы же боролись, мы же протестовали! Все равно все преступники и анархисты уже в Петрограде.

Таких странных действий совершит Временное правительство множество. Мы постараемся обо всех них рассказать. Откуда едет Лев Давыдович? Из Нью-Йорка. Откуда едет Ленин? Из Германии. Зачем они едут? Делать революцию и свергать Временное правительство. Что должно в такой ситуации делать власть? Защищаться. А что она делает в реальности? Ленина встречает объятиями и почетным караулом, требует освобождения Троцкого. Просто театр абсурда. Только когда мы всю эту информацию анализируем, удивляемся и возмущаемся, давайте не будем забывать, что защищаться будет в такой ситуации НОРМАЛЬНОЕ правительство. Марионетки, поставленные у руля с целью создать в стране хаос и анархию и передать власть еще большим безумцам-большевикам, сопротивляться не будут! Они будут делать, то, что им говорят их «союзные» хозяева. В ущерб державе, вопреки здравому смыслу и очевидным истинам. Чем больше власти имел Керенский и Временное правительство, тем ближе к победе были большевики, ибо они все делали наоборот. На словах, борясь с ними, делали для Октября ничуть не меньше Ленина и Троцкого, и место им по праву там, среди них — организаторов нашей национальной катастрофы!

Подведем итог.

Ленин, ищущий путь в Россию, не может его найти.

— через Антанту ему не проехать;

— Германия отказывает.

Когда он уже близок к отчаянию, у него вдруг все получается:

— отказавшие ему немцы неожиданно дают добро на проезд и соглашаются на все его условия;

— «союзные» спецслужбы ничего не замечают;

— Временное правительство ничем не противодействует;

— русское консульство, как ни в чем, ни бывало, выдает ленинцам визы.

По приезду в Россию, ее правительство не только не арестовывает, но и не мешает Ленину вести активную пропаганду своего собственного свержения.

Троцкий, плывущий в Россию из Нью-Йорка, почти одновременно с Лениным:

- имеет в своем кармане американский паспорт;
- «последние» 10 тыс. долларов;
- русское консульство в США выдает ему визы;
- есть у Троцкого и британская транзитная виза;
- после внезапного ареста, его быстро выпускают власти Канады;
- Временное правительство тоже просит освободить «узника».
- сразу после его проезда начинаются строгости на русской границе.

Временное правительство, свергнув монархию,

- активно разваливает армию и спецслужбы;
- ликвидирует полицию;
- за считанные дни разрушает систему управления страной;
- объявляет всеобщую амнистию;
- будоражит общество грядущим разделом земли;
- не запрещает забастовок и стачек;
- потакает национальным сепаратистам;
- вместо обороны готовится со своей ослабленной армией к наступлению.

Германия, испытывающая огромные трудности и готовящая обороняться в 1917 году,

- демонстрирует чудеса предвидения, отводя войска из «клещей Нуайона»;
- достаточно легко отбивает начавшееся «союзное» наступление;
- не использует великолепный момент для рывка на Париж;
- со спокойной совестью перебрасывает войска на Восток, где начинает летом 1917 года активное наступление;

— поначалу Ленину отказав, вдруг изыскивает значительные денежные суммы на сомнительную и невероятную операцию по выводу России из войны.

Все эти «чудесные» события накладываются на весьма странное поведение **англичан и французов**, которые:

- нарушают синхронность и одновременность запланированных ударов по Германии;
- неожиданно и без внятного повода меняют время начала ключевой операции всей войны;
- ставят русские войска в ситуацию невозможности их удара по противнику на месяц раньше условленного срока;
- когда противник своим отходом сводит стратегический замысел «союзной» операции к нулю, начинают бессмысленный лобовой штурм.

И все эти странные события происходят одновременно!

Вот так и получаются три источника, три составные части Октябрьской революции.

Ленин + Троцкий + Керенский = Октябрь

И за всем за этим деньги «союзников»!

Глава 9. Игра в поддавки.

Попустительство, проявленное в отношении большевиков — самая темная страница в истории деятельности Временного правительства.

А.И. Деникин «Очерки русской смуты»

Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран.

В.И. Ленин «Апрельские тезисы»

Такой встречи он не ожидал. Он мог ожидать всего, что угодно, но только не этого. Острый, скептический ум, несмотря на все удачно сложившиеся обстоятельства все равно везде искал подвох и провокацию. И внутреннее напряжение не спадало, а

наоборот росло и увеличивалось по мере приближения поезда к Петрограду.

Поэтому, выйдя из поезда и увидев на перроне военных, Владимир Ильич покрепче взял жену за локоть и, наклонившись к краю ее шляпки, шепнул:

— Наденька, кажется, сейчас меня арестуют.

И тут же понял, что ошибся. И хорошо, что так. Слишком сложно было привыкнуть к маловероятной ситуации, когда события следуют точно тому предположению, которому ему высказали еще в Швейцарии. Даже когда этого не может быть — все происходит именно так, как ему обещали. Вот и сейчас его страх и опасения вполне понятны. А вот почетный караул, выстроившийся на перроне — явление сюрреалистическое.

— Что это? — обернулся Владимир Ильич к Зиновьеву, вышедшему из вагона раньше вождя.

— Приветствие от революционных солдат и рабочих.

— Пора привыкать нам к чудесам — снова шепнул Ленин жене — Кажется, наступает такое время.

Вопреки словам Зиновьева караул состоял из матросов. Впереди морской офицер с красным бантом на груди.

— Что же им сказать? — мелькнуло в мозгу. И слова нашлись сами. Полились, и с каждым словом росла и уверенность, что та невероятная задача, ради которой он прибыл в Россию, будет решена. И не только. Революцию надо начать, потом ее не остановить даже самым мощным закулисным силам.

— Владимир Ильич — мягко потянули его за рукав — нас ждут.

Сколько лет он уже выступал только перед социал-демократами всех мастей и вот сразу увлекся простой человеческой аудиторией. Но как они реагируют, как реагируют!

Впереди в царских парадных комнатах вокзала его ждала делегация Петроградского Совета во главе с его председателем Чхеидзе. Ленин быстрым шагом прошел по перрону и так же решительно вошел внутрь. Взглядом окинул роскошный интерьер комнаты и едва заметно кивнул головой. Словно получив сигнал, Чхеидзе встал из-за стола и медленно направился навстречу прибывшим.

— Товарищ Ленин, от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и всей революции мы приветствуем вас в России. Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии...

Слушать его тошно. Да и незачем — все, что Чхеидзе сейчас выдавит из себя, Ленин мог сам рассказать с величайшей точностью. Защита революции, сплочение рядов, поддержка нового Временного правительства. Как это скучно!

— ... мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели — сказал глава Петросовета.

В течение всей речи он с удивлением смотрел на Ленина. Ему организовали такую встречу, а он стоит с видом человека, которого все здесь происходящее совсем не касается. Смотрел в потолок, осматривался по сторонам, выискивая знакомые лица. Потом же приехавший вождь большевиков и вовсе подмигнул кому-то из многочисленных встречавших набившихся в комнату. Чхеидзе откинул голову назад и внимательно посмотрел на Ленина. Что же он ответит?

А Ленин резко повернулся к нему спиной и шагнул в сторону, к встречавшим. Там было несколько большевиков. Он пожал несколько рук и, не достаивая Чхеидзе даже взглядом, начал говорить.

И снова, как несколько минут назад слова нашлись сами. Они были немного другие, но суть речи Ленин оставил той же. Это и была его программа, та с которой он ехал в Россию. Применить ее, произнести было просто необходимо немедленно. Сразу. При первой возможности.

— Международная социальная революция начинается... В начавшейся схватке мирового пролетариата с буржуазией самую гнусную роль играют всевозможные соглашатели, социал-патриоты, всякие меньшевики и эсеры, они предают рабочих во всех странах!

— Скотина — подумал Чхеидзе — Просто неблагодарная скотина. Мы его встречаем, а он «всякие меньшевики и эсеры».

— Как реагируют — подумал Ленин — Как реагируют!

Кислую мину главы Петросовета Ильич просто не заметил. В той игре, что

сегодня началась, Чхеидзе не участвует. Он пешка, он не фигура. Поэтому можно смотреть в потолок и смело подмигнуть Стеклову. Хоть орехи коли на голове Чхеидзе — ни лучше, ни хуже от этого не станет!

— Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Сказал и уже в следующие секунды, как был в демисезонном пальто и костюме шагнул на улицу. Там на площади около вокзала его уже ждал броневик. А за ним революция...

Когда начинаешь погружаться в период разделяющий Февраль и Октябрь, ощущения проходят через несколько стадий. Поначалу голова идет кругом от обилия информации. Потом начинаешь просто удивляться, тому насколько далеки от реальности твои собственные представления о тех событиях. Далее наступает легкий ужас от осознания мысли, что все, что сам ты слышал, читал и смотрел о наших революциях, не рассказывает, а наоборот замазывает истинные события тех дней. Пережив эту гамму ощущений и немного успокоившись, начинаешь тихо «восхищаться» красотой и грандиозностью плана по сокрушению твоей Родины. Он поистине велик и великолепен. В его существовании перестаешь сомневаться, раз за разом, сопоставляя многочисленные совпадения и странности. Скоро их становится так много, что исчезают последние сомнения. Настолько все удачно подходит одно к другому по времени, своей сути и последствиям, что хочется снять шляпу перед невидимым режиссером, заставившим слаженно петь разноязыкий хор политиков, генералов и революционеров.

Но главной была в этом хоре партия Временного правительства. Эта новая власть допустила ряд ошибок. Даже не ряд, а целый ворох. И не ошибок, а странностей граничащих с безумием и преступлением. Но если ранее для анализа их поведения мы предполагали, что во Временном правительстве собрались патриоты и бессеребренники, то сейчас мы посмотрим на всю эту братию трезвыми глазами. Мы заранее наречем их сборищем предателей, «союзных» марионеток и законченных лицемеров, отдающих себе отчет в своих действиях и вполне сознательно подталкивающих страну к краю пропасти. Тогда все в их поведении сразу станет простым и понятным, не будет никаких странностей и абсурдных действий.

Из всех вариантов господ «временщики» всегда с удивительным постоянством выбирали самый вредный для России. Простое объяснение, мол «они были дураки», не проходит. Конечно, логику дурака понять невозможно. Именно потому, что она не предсказуема: за действием отрицательным, у него запросто может последовать поступок положительный. Если бы во Временном правительстве собрались сплошь господа интеллектом не отягощенные, то за решением, объективно разрушающим страну, у них следовало бы решение ее же укрепляющее. Сидели бы ребята, да пальцем бы в небо тыкали — когда в плюс попадут, а когда и в минус. Ну, дураки, что ж с них возьмешь! Но с Временным правительством случай особый — все их поступки без исключения, были направлены на развал страны. Они только на первый взгляд действовали хаотически и странно. Надо просто понять логику действий Временного правительства, осознать их цель и тогда вы с удивлением заметите, что «союзные» марионетки четко и последовательны в своих поступках.

Целью Временного правительства была передача власти Ленину и Троцкому, которые и должны были выполнять последнюю часть плана Революция — Разложение-Распад. Поэтому никто с Владимиром Ильичем всерьез не боролся, никто не мешал ему делать свое дело. Наоборот — Керенский активно ему подыгрывал!

Есть такая игра в шашки наоборот. Она называется «поддавки». В ней все действия игрока выглядят абсурдом. Он всячески подставляет сопернику свои шашки, стараясь, чтобы они как можно быстрее были «съедены». Чем быстрее противник уничтожит все ваши шашки, тем лучше. Оставшись без фишек, вы становитесь победителем. Даже в дамки проводят свою шашку, чтобы побыстрее отдать ее на съедение сопернику. Вот такая игра в поддавки шла и на русской политической арене ...

Итак, цель, Временного правительства ясна. Средства ее достижения — эта как раз сама власть. Только использовать ее надо наоборот. «Нормальное» правительство укрепляет армию, экономику и власть, играющие в «поддавки» все это ослабляют. Сопоставьте все шаги Керенского, не красивые слова, а именно **реальные действия**, и перед вами встанут два

варианта объяснений: либо он полный идиот, либо великолепный игрок в поддавки!

Мы же о безумных декретах Временного правительства уже говорили, поэтому не будем повторяться. Владимир Ильич приехал делать в стране революцию и коренным образом перевернуть ее жизнь. Таких потрясений обычно желает совсем небольшое количество населения. Но если сделать так, что правящая власть покажется ненормальной, тогда приехавший экстремист Ленин будет смотреться на ее фоне, как вполне здравомыслящий политик. С момента приезда в Россию Ленина, а затем и Троцкого правительство предпринимает поистине титанические усилия по развалу русского государства, готовясь передать власть приехавшим экстремистам. Конечно, в открытую это сделать нельзя. Вот тут то и приходит на помощь замечательная шашечная игра ...

Теперь снова перенесемся в начало апреля 1917 года. Ленин, как мы уже знаем, беспрепятственно проехал в Россию. Никто не препятствовал, наоборот он легко получал все необходимые документы. Торжественная встреча на вокзале отбросила его последние сомнения. «Союзники» сказали ему правду. Мешать ему не будут, и наоборот будут помогать.

Оценивая поступки Керенского надо знать его цель — всячески помогать Ленину своими действиями и в итоге передать ему власть. Это важно. **Но еще важнее, оценивая поступки самого Ленина помнить, что он знал, что ему будут поддаваться!** Отсюда и невероятная смелость ленинских идей и вся «гениальность» его предвидения. Он все время видит на два шага дальше своих соратников, потому, что знает значительно больше их. Это «знание» вместе с «союзными» деньгами сближает его с Троцким.

Но пока Лев Давыдович так обидно задержался по дороге в английском лагере, Ленин с ходу включился в процесс. Писал Ильич всегда быстро и колко. Теперь же это делать вдвойне приятнее! Цензуры нет, а финансовая подпитка «германскими» деньгами позволяет развернуться на широкую ногу. Когда Керенскому указали на необходимость «деактивации» Ильича, рьяно призывавшего к социалистической революции, он ответил прямо и честно: «Я желаю, чтобы Ленин мог говорить столь же свободно в России, как в Швейцарии!» Странная позиция для главы правительства, о свержении которого говорит Ленин. Для марионетки, которой «союзные» кукловоды приказали не мешать большевистской пропаганде — вполне закономерная!

Не будете лечить гангрену пару недель — потеряете конечность. Промедлите еще — потеряете жизнь. Это азы медицины. В России в то время «гангрена» была куда активнее докторов. Временное правительство разрушительному процессу не мешает. Для «гангрены», на первом этапе это самая лучшая помощь!

Практически сразу после приезда Ленин опубликовал свои знаменитые «Апрельские тезисы». Заботу Керенского в них он оценил высоко. Достаточно прочитать эпиграф к этой главе. Россия — самая свободная страна на тот момент, говорит Ленин. Это, согласитесь, большое достижение. Только непонятно, почему Владимир Ильич, начинает призывать к свержению таких терпимых и замечательных правителей.

Впервые свои новые идеи Ленин высказал в работе «Апрельские тезисы», появившейся 7(20) апреля в «Правде». Последующая советская мифология представила идею Ленина о дальнейшем развитии революции, как разумную и вытекающую из марксизма. В 17-м году «Апрельские тезисы» всех поразили, и оценка их была совершенно иной. **«Тезисы Ленина были опубликованы от его собственного, и только от его имени — напишет позднее Троцкий в своей «Истории русской революции» — Центральные учреждения партии встретили их с враждебностью, которая смягчалась только недоумением. Никто — ни организация, ни группа, ни лицо — не присоединил к ним своей подписи».**

Приехавший Ленин выдвигает свои идеи в гордом одиночестве. Ему ясно, что надо углублять революцию дальше, двигаться к диктатуре пролетариата — у всех остальных революционеров ленинские идеи вызывают недоумение! Слишком круто брал Ленин. Страна еще не опомнилась от одной революции, как он уже призывал к другой. Вся революционно-демократическая общественность только перестала удивляться неожиданно свершившемуся падению царизма. Подумайте: с этого момента прошел только месяц! Создание Временного правительства практически все считали большим достижением, а Ленин призывал к отказу от сотрудничества с ним и к его свержению. Это действительно было непонятно.

Вместо налаживания новой жизни, подготовки выборов, парламентской борьбы и воплощения всех программ социал-демократов, глава большевиков призвал продолжить потрясения дальше.

На собрании Петроградского комитета большевиков Ленин со своей точкой зрения оказался почти в полной изоляции. «Делегаты переглядывались. Говорили друг другу, что Ильич засиделся за границей, не присмотрелся, не разобрался» — указывает Троцкий. «Апрельские тезисы» активно обсуждались и были отклонены: против них было 13 голосов, за — 2, воздержался — 1.

Сразу после собрания своих соратников Ильич выступает в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Петроградского Совета. Реакция зала, где вперемешку сидят революционеры всех мастей еще более жесткая. Лев Давыдович Троцкий рассказывает об этом выступлении Ильича с легкой иронией: «Через час Ленин вынужден был повторить свою речь на заранее назначенном общем собрании большевиков и меньшевиков, где **она большинству слушателей показалась чем-то средним между издевательством и бредом**. Более снисходительные пожимали плечами. Этот человек явно с луны свалился: едва сойдя, после десятилетнего отсутствия, со ступеней Финляндского вокзала, проповедует захват власти пролетариатом».

Перспектива непосредственного перехода к диктатуре пролетариата казалась всем совершенно неожиданной, противоречащей традиции, наконец, попросту не укладывалась в голову. «Его программа тогда встречена была не столько с негодованием, — вспоминал позже эсер Зензинов, — сколько с насмешками, **настолько нелепой и выдуманной казалась она всем**».

Но бог с ними, с меньшевиками и эсерами, но точно также оценили откровения вождя и его соратники — большевики! Большевик Богданов прервал выступающего вождя, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!». Примерно так же выступил большевик Гольденберг и один из лидеров Петросовета Стеклов (Нахамкес). Отпор был такой, что Ленин даже покинул зал. Но никакого значения это уже не имело. Имея германские деньги, Ленин мог продвигаться к своей цели, как таран — отменяя непонятливых и занудливых соратников и набирая себе новых, способных верить ему на слово и не задумываться о мелочах.

И он продолжал гнуть свою линию, не смотря ни на что. Потому, что Ленин знал будущие события, а большевики Богданов и Гольденберг нет! Ильич знает, что правительство будет ему подыгрывать, только он в курсе всех закулисных договоренностей. Ленин понимал, что именно сейчас судьба дает ему шанс, единственный и неповторимый. Развал страны и выход ее из войны, мизерная плата за карт-бланш на производство мечты всей его жизни — социалистической революции. Кроме того, он знал, что «союзники» в курсе его договоренностей с немцами и мешать ему также не будут. Он может спокойно делать свое дело. Реальность подтверждала его правоту лучше всяких доказательств. Ему действительно никто не мешал! Вопреки здравому смыслу, вопреки собственным обещаниям, опубликованным в парижских газетах. Плеханов, Чхеидзе ругались, спорили с Лениным. Временное правительство не делало даже этого!

Проблемы Ленина нам понятны. Надо убедить сомневающихся соратников, а карты свои, свое знание страшного предательства, совершенного «союзниками» раскрыть нельзя. Во-первых, никто не поверит, во-вторых за раскрытие таких тайн карают смертью. Неизвестно, на что он потратит больше энергии — на саму организацию переворота или на убеждение своих менее информированных соратников. Они мешают ему куда больше, чем Керенский и его правительство. Упрямые, вечно сомневающиеся социал-демократы. Им никак не понять, что не время сейчас дискутировать, дело надо делать и очень срочно!

В тех же «Апрельских тезисах» Ленин отмечал необходимость усиленной пропаганды братания. Знаете, что это такое? Это когда солдаты враждующих сторон, выходят между окопами и вместо того, чтобы стрелять в противника, угощают его табачком. Что ж тут плохого? Говорят, все познается в сравнении. Представьте себе осень 1941-го и советских солдат под Москвой, братающихся на нейтральной полосе с фашистами. Как бы таких солдат назвали? Предателями, да и из пулемета бы всех скосили. Да еще и семьи бы выслали в Сибирь. И товарищей, которые в печатных органах призывают с врагом брататься не пожалели бы. Расстреляли бы всю редакцию вместе с машинистками и уборщицами! Вот и не братались

советские солдаты с врагом, а все оттого, что товарищ Сталин меньше всего беспокоился о «свободе слова» и «политических правах» для своих бойцов, а думал о том, как немцев под Москвой остановить.

Но то будет в 41-м, а в 17-м задачи у большевиков были совсем другие и в результате их пропаганды солдатики наши бросали свои части и бежали в родные деревни, а немецкие солдаты оставались на местах. Великие демократы из Временного правительства, игравшие в поддавки, никак с братанием не боролись. Хотя большевики обо всем открыто писали. В проекте резолюции о войне Петроградской общегородской конференции партии большевиков, написанном Лениным в апреле 1917-го, заявлялось, что братание является одним из наиболее действенных средств, способных ускорить прекращение войны. От себя добавим — прекращение это должно было наступить не по доброй воле воюющих сторон, а по причине полного разложения русской армии, и ее неспособности защищать интересы страны как снаружи, так и внутри ее. В германских окопах дисциплина еще была, поэтому разгул братания бил в основном по русской армии, на, что и был рассчитан.

28 апреля (11 мая) «Правда» вновь обращается к этому вопросу — печатается статья Ленина «Значение братанья». В ней подчеркивалось, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину ... подчинения солдат „своим“ офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большей частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы)». Отсюда ясно, что братание есть «одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции».

Все предельно откровенно — надо разломать «проклятую дисциплину», потом можно будет разломать и «проклятую» страну, правительство которой, не может даже запретить доставлять в окопы своих солдат зловердные газеты с призывами к братанию. Это ведь недемократично! Не смущают Керенского и донесения с фронтов, о том, что наиболее «интересные» и «полезные» для русской армии статьи попадают в наши окопы с немецкой стороны. Как и громадные тиражи Приказа № 1 ...

В стране надо было срочно навести порядок. Эта простая мысль очень быстро дошла до сознания самых отпетых «демократов». Даже тех, кто всю жизнь боролся за свободу. Как, например, «бабушка русской революции», эсерка Брешко-Брешковская. Ее с триумфом вернули из ссылки, Керенский встретил ее с букетом роз. Жить бы «бабушке», да радоваться внезапно свалившемуся на нее признанию и уважению. Ленин и большевики для нее братья, вместе боровшиеся с деспотизмом. Но видит Брешко-Брешковская, что происходящие события, очень быстро ведут Россию к катастрофе. И во главе этого движения, так уважающий ее Саша Керенский.

«Сколько раз я говорила Керенскому — позднее вспоминала: она — Саша! Возьми Ленина! А он не хотел. Все хотел по закону... А надо бы посадить их на баржи с пробками, вывезти в море — и пробки открыть... Страшное это дело, но необходимое и неизбежное».

Россия стремительно двигалась навстречу собственной гибели, а Керенский говорил, говорил, говорил. И ничего не делал. «Все наши усилия имели целью установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федерального устройства государства» — скажет он потом. А если судить по делам, как гласит пословица, его след в истории — это наша Гражданская война, проигранная Первая мировая и полностью разрушенная страна.

Но пока всего этого еще нет. Просто есть одна партия, чей вождь высказывает вредные и невероятные мысли. И разлагает своими газетами и агитаторами фронт и тыл.

«Временное правительство с изумительной пассивностью относилось к этой губительной работе, — вспоминал управляющий делами Временного правительства кадет В.Д. Набоков — Помню, Керенский уже в апреле как-то сказал, что он хочет побывать у Ленина и побеседовать с ним». Чтобы, якобы, открыть Ильичу глаза. Керенский даже дал знать через своих помощников о своем желании встретиться с Лениным, но тот от встречи уклонился. Ленину это ни к чему: он знает, что за самые экстремистские выходки ничего ему не будет. Так зачем же пятнать себя связью с тем, кто в итоге ему, Ленину, проиграет и страну и власть. Зато среди ближайшего окружения Керенского, его желание встречи с Владимиром Ильичем, вместо справедливого ареста, вызвало недоумение. Ему пришлось даже пояснить, что Ленин «живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего

фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-нибудь помог ему ориентироваться в том, что происходит».

Это от непонимания ситуации Владимир Ильич такой радикальный, а на самом деле, если с ним поговорить по душам — он добрый и человечный. И кому же не поболтать с ним, как не Керенскому. Ведь они хорошо знакомы. **Родились в одном городе**, в Симбирске. **В один и тот же день** — 22 апреля, только в разные годы: Ленин в 1870-м, а его «земляк» в 1881-м. Учились ребята **в одной гимназии**. Но и это еще не все: **семьи Керенских и Ульяновых в Симбирске связывали дружеские отношения**. Папа Керенского — Федор Михайлович, после смерти отца Ленина — Ильи Николаевича, по мере своих сил принимал участие в судьбе детей Ульяновых. В 1887 году, уже после ареста и казни Александра Ульянова, он дал брату политического преступника — Владимиру Ульянову положительную характеристику для поступления в Казанский университет. Не чужие люди друг другу Ленин и Керенский.

Интересно получается. Ранее помощь Володе Ульянову оказывал Керенский-папа, теперь Керенский-сын продолжает эту добрую семейную традицию. И вместо удара по пораженцам — большевикам, разлагающим армию, наносит удар ... по самой армии. Помните, с каким жаром отрекся Керенский от авторства Приказа №1? Как ему хотелось остаться от этого в стороне? Это было в марте, а уже в апреле все стало по-другому. После перестановки в правительстве, военный министр Гучков уходит в отставку. Его место занимает Керенский и моментально издает документ под названием «Декларация прав солдата». Вы уже можете себе представить, что там было написано. Это тот же самый Приказ №1, только еще хуже, потому что исходит уже **от военного министра!** Раньше от подобного документа отрекся Керенский. Теперь он этого не делает, а спокойно подписывает **не документ какого-то совета, а правительственный декрет**, вводящий в армии совершенно невероятные свободы. Точнее говоря, закрепляя тот хаос, который уже с февраля семнадцатого воцарился в русских казармах.

Эта «Декларация прав солдата» «окончательно подорвала все устои старой армии — пишет генерал Деникин в своих мемуарах — Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную ивооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповедь — устную и печатную — антигосударственных, антиморальных и антиобщественных учений, даже таких, которые по существу, отрицали и власть, и само бытие армии. Наконец, она отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и лишней раз, в торжественной форме, бросив упрек командному составу, унизила и оскорбила его».

Керенский не умел коротко говорить, потому и документ содержит 18 пунктов. Есть среди них и разумные, но в том то и дело, что несколько безумных пунктов перечеркивали все остальные и придавали всему документу определенную окраску. Военное руководство ждало наведения в армии порядка и дисциплины, прекращения разлагающей ее большевистской пропаганды, но вместо этого получили официальный документ не только ее разрешавший, но и запрещающий ей препятствовать! Новый военный министр А.Ф. Керенский издал декларацию, где говорилось только о правах. Обязанности умирать за Родину у солдата больше не было. Вот этот «шедевр», его основные, ключевые моменты:

1) **Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан.** Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.

2) **Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.**

3) **Каждый военнослужащий, во внеслужебное время, имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно, свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.**

б) **Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.**

12) **Обязательное отдавание чести, как отдельными лицами, так и командами, отменяется.**

14) **Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию, или взысканию без суда.** Но в боевой обстановке начальник имеет право, под своей личной ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против неисполняющих его приказа подчиненных. Эти меры не считаются дисциплинарными взысканиями.

15) **Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья, не допускаются.**

18) Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют Право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. **Право же внутреннего самоуправления, наложения наказания и контроля в точно определенных случаях** (приказы по воен. ведомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) **принадлежит выборным войсковым организациям.**

«Пусть самые свободные армия и флот в мире — писал Керенский в послесловии к „Декларации“ — докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут боевую мощь страны».

Красивые слова. Можно писать в документе, что угодно, но если право наказания принадлежит солдатскому комитету, а не офицеру, то дисциплине наступает окончательный и верный конец. Имеющие теперь все политические права военнослужащие, могли поступать в любую из политических партий, в том числе и большевистскую. Могли они теперь **исповедовать** и, что особенно важно, **проповедовать** любые политические убеждения вплоть до анархизма. В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания, в том числе самые антигосударственные. Отменялось обязательное отдавание чести. И, наконец, **упразднились все дисциплинарные взыскания**. И смертная казнь, хотя бы для дезертиров и предателей. Как заставить солдата соблюдать хотя бы остатки дисциплины без взысканий, Временное правительство не указывало. Это и так понятно: надо обращаться к революционной сознательности! Других механизмов управления войсками у офицеров теперь не оставалось.

«Декларация прав солдата» Керенского, плюс пропаганда братания Ленина означало быстрое и окончательное крушение русской армии. Но и этого мало большевикам! Они будут требовать отменить оговорки об исполнении боевых приказов и дисциплине в строю, это ведь ведет к бесправию солдат...

Много «работал» Александр Федорович Керенский в правительстве. И карьера его шла в гору. По мере сползания страны в пропасть все большая часть русского властного «руля» оказывалась именно в руках Александра Федоровича. Как он им рулил, мы уже видели и еще не раз увидим. Помните, Керенский входил в Петроградский Совет? И на этом «советском» поприще карьера Керенского тоже шла в гору. 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917-го в Петрограде прошел Первый Всероссийский съезд Советов. Керенского выбрали на том съезде членом ВЦИК. Там Александр Федорович выступал сразу после Ленина. И успех имел не меньший, а аплодисментов сорвал даже больше.

Этот съезд Советов — это триумф демократии и ... абсурда. На трибуне власть и ее будущие могильщики. Министры-социалисты Временного правительства Церетели, Чернов, Скобелев, сам Керенский. Затем их сменяют на трибуне большевики Ленин, и Каменев. Выступает и «межрайонец» Троцкий. Будущий второй человек в Октябрьской революции за четыре месяца(!) до ее начала не является членом большевистской партии!

Партии, которая совершенно не скрывает своих намерений взять власть. Сил, правда, еще маловато. Из 1090 делегатов, 777 заявили о своей партийности: 285 эсеров, 248 меньшевиков, 32 меньшевика-интернационалиста, 10 меньшевиков-объединенцев, 24 примыкали к другим фракциям и группам. Большевиков только 105. Но зато их лидер Владимир Ленин полон уверенности в своей будущей победе.

Ираклий Георгиевич Церетели, так остроумно шутивший потом во Франции, заявляет с трибуны съезда, что в России нет политической партии, которая была бы готова взять власть в свои руки. «Я отвечаю: есть! — кричит ему в ответ Ленин с места, а потом добавляет с трибуны — Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается:

каждую минуту она готова взять власть целиком».

Но еще не время, слишком круто заворачивает Ленин: эсеро-меньшевистское большинство съезда отклонило оба большевистских проекта и приняло проект резолюции, внесенный меньшевиком Ф. И. Даном, призывавший поддержать Временное правительство. Пока бывшие же «земляки» выступают с одних и тех же трибун, бывшие члены Временного правительства, тщетно пытаются взывать к здравому смыслу действующей власти.

«Троцкий, вновь проповедующие „перманентную революцию“, и их товарищи, достаточно нагрешившие против всех параграфов уголовного кодекса, гуляют на свободе и вносят заразу в русское общество и в русскую армию» — возмущается 4-го июня на страницах кадетской газеты «Речь» ушедший в отставку вместе с Гучковым, П.Н. Милоков. Результата никакого.

Но этого следовало ожидать. Керенский — военный министр Временного правительства, он же и в главном руководящем органе Советов. Через две недели он станет премьер-министром Временного правительства. О каком двоевластии можно говорить?! Вопрос только в том, член Петроградского Совета Керенский очутился во Временном правительстве, или член правительства по совместительству участвует еще и в заседаниях Совета? Сопоставление дат говорит следующее:

— **вечером 27 февраля 1917 года** А.Ф. Керенский был избран товарищем (заместителем) председателя Петросовета;

— **2-го марта 1917 года** стал министром юстиции Временного правительства.

То есть, сначала Керенский вошел в совет, а уж потом с его благословения в правительство!

Поэтому дальнейшие события русской революции, столь ярко описанные в советской историографии, на самом деле были весьма прозаичны. Никакого переворота в октябре практически не было, а был спектакль, разыгранный Керенским, делавшим вид, что он спасает Россию. На самом деле он доводил страну «до нужной кондиции» и готовил ее для передачи Ленину, как и предусматривалось «союзным» планом разрушения России. Ленин и Керенский действуют в спайке. В одной организации состоят, на одном съезде выступают. Одно дело делают: один шашки подставляет, другой их ест. Поддавки есть поддавки.

Лучше других характеризует состояние власти и ее «попытки» борьбы с надвигающейся смутой характеризует один малоизвестный эпизод, случившийся в июне 1917 года. Как раз в дни, когда на Васильевском Острове, в здании Кадетского корпуса, шел Съезд Советов...

В условиях развала государственности, который с невероятной скоростью проходил в России, набирать силу начинали даже наиболее экзотические течения революционной мысли. Такие, как анархизм. До революции количество приверженцев учения Кропоткина было весьма невелико. Но вот русское государство под руководством Временного правительства начало рассыпаться, как картонный домик и сторонники идеи полного отрицания власти, стали множиться, как тараканы. «В Петербурге же, между прочим, развили усиленную „деятельность“ анархисты. Они имели территориальную базу на Выборгской Стороне, на отдаленной и укромной даче известного царского министра Дурново — указывает в своих мемуарах член исполкома Петросовета, Н. Н. Суханов (Гиммер) — Дачу эту они захватили уже давно и держали крепко».

И ладно сидели бы они на даче тихо, власть бы их не замечала и дальше. Так нет, буйные анархисты 5(18) июня 1917 года захватывают редакцию газеты «Русская воля» и объявляют ее экспроприированной. Рабочим и служащим анархисты объявляют, что явились «избавить их от гнета капиталистической эксплуатации». Работникам типографии такая постанова вопроса совсем не нравится, так как они фактически становятся безработными. Анархистов же это волнует мало, они преспокойно выпускают в захваченной типографии листовки. «Около здания собралась огромная возбужденная толпа. Были присланы две роты солдат, которые оцепили прилегавшую улицу и не знали, что делать дальше» — пишет Суханов. Случай вынуждал правительство свою власть применить и захватчиков из типографии выставить. Однако параллельно решением проблемы занялся и Съезд Советов. Они направляют делегацию для переговоров с анархистами. Те в ответ требуют ... организации особой согласительной комиссии для решения этого вопроса. Переговоры бесплодны: анархисты не желают покидать

захваченной ими собственности. Только убедившись в том, что военная власть настроена решительно и может пойти на вооруженный штурм типографии, анархисты соглашались уйти. Но ставят условия — гарантия безопасности от самосуда толпы разъяренных рабочих. Совет дает им такую гарантию. **В результате, анархисты не были арестованы судебными властями (как это должно быть), а отвезены прямо на Съезд Советов.** Когда же работники органов юстиции явились за арестованными, то их просто туда не допустили. Потом анархистов освободили «по постановлению исполнительного комитета», даже не установив личности. На другой день «Рабочая газета» (не большевистская) радостно приветствовала «вмешательство организованной демократии».

Но так уж устроены бандиты, что если их не наказывать и отпускать, то они наглеют прямо на глазах. Так произошло и на этот раз. На робкие попытки властей выселить анархистов с дачи Дурново, и тем самым просто ликвидировать очаг заразы посыпались резолюции, постановления. На заводах Выборгской стороны даже начались забастовки против «контрреволюционного» требования правительства. На помощь «братьям» из Кронштадта даже прибыло подкрепление — 50 матросов. Выступили в поддержку нигилистов и большевики. Тогда власти прекратили свои попытки и постарались больше не замечать буйных последователей Кропоткина. Но 18-го июня во время многочисленных демонстраций анархисты напали на тюрьму и освободили несколько десятков содержащихся там, своих товарищей. И вместе с ними опять укрылись на даче Дурново.

Листовка была свежеепечатанной и пахла так, как пахнут свежееиспеченные изделия типографии. Это особый, волнующий запах. Многим он нравится не менее, чем запах свежееиспеченного хлеба, доносящийся из пекарни.

«К рабочим и солдатам. Граждане, старый режим запятнал себя преступлением и предательством. Если мы хотим, чтобы свобода, завоеванная народом... мы должны ликвидировать старый режим, иначе, он опять поднимет свою голову...»

Капитан Татищев повертел листовку в руках. Странное это ощущение, когда читаешь печатный документ и вроде все буквы тебе понятны, а смысл целиком от тебя ускользает. Так и здесь, читая листовку анархистов, он никак не мог понять, что же этим людям надо в итоге.

«Мы, рабочие и солдаты, ... хотим вернуть народу его достоинство, и потому конфискуем типографию „Русской воли“ для нужд анархизма. Но пусть никто не усмотрит в нашем акте угрозу для себя... Каждый может писать, что ему заблагорассудится... мы боремся не с печатным словом, а только ликвидируем наследие старого режима».

Капитан скомкал листок и бросил ее под ноги. Солдаты его батальона живо и бойко оцепляли дачу Дурново, где анархисты явочным порядком организовали свою штаб-квартиру. Знал бы, покойный министр Николая II, во что превратится его особнячок, в гробу бы перевернулся. Хотя внешне дом выглядел вполне прилично. Никаких повреждений, колонны, окна, садик. Все чинно и благородно. С первого взгляда и не подумаешь, что за вертеп там притаился.

Вообще в последнее время анархисты стали проявлять прямо неумную активность. Сначала они захватили типографию газеты «Русская воля», а когда их мягко поставили на место, они ответили новым безобразием. После воскресной манифестации, толпа вооруженных анархистов подошла к Выборгской тюрьме и освободила десяток человек, среди которых были обвиняемые в провокаторстве, шпионаже и дезертирстве. И власть, терпевшая уже давно, на этот раз решила принять меры. Точнее говоря, к этому ее вынудили сами обитатели дачи Дурново: налет на тюрьму — это прямой вызов.

Была бы его воля, порядок бы навел очень быстро. Бардак на улицах и в головах, начал уже надоедать и самим солдатам, не говоря уже об офицерах. Но команды не было. Власть все пыталась договориться, найти консенсус, сесть за стол переговоров. А в ответ получала налет на тюрьмы, арест типографии и другие вопиющие безобразия.

Капитан жадно втянул в себя табачный дым. Курить он начал не на фронте, а здесь в тылу. После тяжелых февральских дней он несколько дней беспробудно пил.

А когда пришел в себя — принял присягу новому правительству. И совсем было засобирился на фронт, в родной Преображенский полк, когда его неожиданно вызвали в штаб округа. Там его сильно удивили, не приказывая, а упрашивая взять под свою команду запасной батальон преображенцев.

— Вы же видите, Николай Владимирович, что эти запасники натворили — хмуро и сосредоточено говорил незнакомый полковник — И натворят еще черт знает, что! Если, конечно, не взять их в руки и не привести в чувство. Кому, как не вам сделать это.

— Мне? — удивился тогда Татищев, а потом понял, что полковник прав. Удивительным образом судьба России с недавних пор стала решаться не во фронтовых окопах, а на улицах столицы. И он согласился, попросив пару хороших, боевых унтеров себе в помощники. Худо-бедно, но за два месяца, его запасной батальон стал похож на настоящую воинскую часть. И тут грянула Декларация. В день ее опубликования, честь перестали отдавать все. Одни с радостью, другим просто стало неудобно.

— Господин капитан, здание оцеплено! — бойко отрапортовал унтер Федейкин — Прикажете начинать?

— Ну, что за судьба? — подумал капитан — Я гвардейский офицер, дворянин, должен заниматься ликвидацией каких-то бандитских гнезд, выпускающих нелепые листовки и угрожающие погромами тюрьмам.

Подумал, и как тогда в штабе округа, понял, что более заниматься этим некому. Вот и сейчас дачу Дурново окружали его преображенцы, как самые надежные солдаты, из тех, что имелись под рукой у министра юстиции. Небольшой отряд милиции робко жался к борту броневой машины, грозно оцетинившейся двумя пулеметами в сторону мятежного здания. Министр юстиции Переверзев, еще несколько представителей судебной власти, собрались здесь, чтобы уговорить анархистов покинуть дом и выдать сбежавших преступников.

Начал переговоры комиссар милиции.

— Речь идет не о выселении и не о репрессиях против анархистов вообще, а только о выдаче арестантов и участников тюремного разгрома.

В ответ в проеме двери появился анархист. Он и не думал отрицать, что искомые лица находятся внутри.

— Мы никого не выдадим — громко прокричал он — А дачу будем защищать с оружием в руках!

— И что нянчатся с этим сбродом — подумал капитан — Не хотят выходить — обстрелять из пулеметов, да кинуть внутрь пару гранат. Но нельзя — это недемократично.

Вот от этого приятного, но ставшего страшным слова «демократично», и отправил граф Татищев свою жену и детей подальше в Евпаторию. Там все было не так «демократично», как в столице и поэтому там еще можно было спокойно ходить по улицам и отпускать детей поиграть во дворе. В Петрограде этого уже нет.

— Будьте благоразумны — кричал, напрягая голосовые связки сам министр юстиции — Отдайте нам сидевших в тюрьме и просто покиньте здание. Больше мы никого не тронем.

— Анархисты не выдают своих товарищей — раздалось в ответ — Если попытаетесь войти, будем стрелять.

Вот и отлично. Только бы стрельнули. Хоть разочек. Будет чудесный повод перестрелять всю эту сволочь.

— Вперед — коротко скомандовал капитан и сам шагнул к дверям особняка.

Под ударами прикладов забаррикадированные двери жалобно застонали. Но выдержали. Тогда еще двое солдат принялись их выламывать.

— Сейчас начнут стрелять — подумал капитан, но стрельбы все не было.

Раздался сильный треск, двери подались, и тотчас направленная чьей-то рукой, в образовавшуюся щель вылетела граната. Прямо ему под ноги.

— Вот и все — мелькнуло в голове — Но, как глупо!

Еще один удар об пол. Это вылетела вторая граната. Солдаты рухнули на пол, и только он остался стоять, как был, с поднятым револьвером. Так и не шелохнулся. Пока не заметил, что гранаты эти никогда не взорвутся — неправильно вставлен запал. Эти уголовники с ножичками управляются куда лучше.

— Сейчас начнем стрелять — громко заявили из-за развороченной двери.
— Вот гнида анархистская, я из-за тебя весь в грязи вывалялся — завопил унтер Федейкин — А ну вперед братцы...
— Дальше разберутся без меня — подумал капитан и медленно вышел на улицу. Было совсем тепло. Он достал платок и вытер лицо. Его руки немного дрожали. В дом заскакивали все новые солдаты. Потом, где-то внутри раздалось несколько выстрелов и все стихло.
Можно подводить итоги. Около тридцати арестованных и один труп, лежащий у входа. Лица анархистов злые, большинство разбито в кровь. Шутки с гранатами солдаты им не простили. Чуть отдельно стоят несколько матросов, глядят в землю. А один смотрит так дерзко, прямо в глаза. Губа кровоточит, бушлат порван.
— Убитого товарища, мы вам не простим, слышишь, капитан!
Татищев обернулся, подошел ближе.
— Как фамилия?
Не спеша сплюнул кровь, ухмыльнулся и так же прямо в глаза сказал:
— Кронштадтский матрос Анатолий Железняков, будем знакомы...

Труп единственного погибшего при захвате дачи Дурново анархиста, был вынесен и положен посреди двора. Прибывший официальный следователь пытался увезти тело для вскрытия в военно-медицинскую академию. Но этого ему не позволили. Рабочие окрестных заводов потребовали, чтобы вскрытие состоялось тут же, в их присутствии. А из-за наличия в числе арестованных Железнякова и еще нескольких матросов, Кронштадт выставил министру юстиции ультиматум немедленно отпустить захваченных, в случае отказа угрожая двинуться на Петроград с оружием в руках. Вскоре власти отпустили всех задержанных.

Вот так правительство не смогло справиться с кучкой смутьянов-уголовников. Сделать это было возможно, правда, пришлось бы пролить кровь. Потом из-за «демократичности» власти кровь хлынет потоками. Матросы—кронштадцы, что выдвигают ультиматумы министрам, сыграют в октябрьских событиях главную роль. Советские историки даже любовно назовут матросов «краса и гордость революции». Именно они будут основной ударной силой большевистского переворота. И не только в Петрограде. После быстрой и легкой победы в Питере, матросы эшелонами будут отправлены в Москву, где их прибытие сразу перевесит чашу весов на сторону ленинцев. **Наведение порядка в Кронштадте могло предотвратить Октябрьскую революцию.** Почему же этого не сделали? Именно поэтому...

Кронштадт очень быстро сделался очагом неповиновения. Практически сразу после Февральской революции там произошло массовое убийство офицеров. В местном Совете преобладание сразу получили большевики. А 17(30) мая под влиянием Троцкого и Луначарского Кронштадтский Совет вообще объявил, что более не подчиняется Временному правительству. Еще не было Октября, не было июльского восстания большевиков, даже анархисты еще сидели тихо на своей «даче», но место где назревает главный «гниюник» было точно обозначено. Как отреагирует правительство любой страны, если город на ее территории объявит о своем неповиновении? Направит туда войска и полицию и ликвидирует очаг сепаратизма. Так поступит любая власть в любой стране. Но только не русское Временное правительство!

24 мая (6 июня) в Кронштадт отправляется ... делегация во главе с министрами: социалистами Церетели и Скобелевым. Они уговаривают, ведут переговоры и добиваются согласия Совета признать правительство. Однако, как только министры уехали из Кронштадта, там прошел новый митинг, который постановил, что данное согласие просто «ответы на вопросы министров Церетели и Скобелева... и ничто более», а единственной властью в городе остается Совет рабочих и солдатских депутатов.

Укрепившись в Кронштадте, большевики отправляли своих агитаторов по всей стране, выдавая им мандаты своего совета. Они появлялись на фронте, где подрывали дисциплину, и в тылу, в деревнях, где вызывали погромы имений. Иногда их арестовывали местные власти, но всегда очень быстро выпускали. Так Временное правительство постепенно передавало контроль над страной новой власти, чьи вожди всего месяц назад приехали из-за границы. А всевозможные советы и съезды только ускоряли этот процесс.

Через две недели после окончания Съезда Советов, Ленин устраивает попытку антиправительственного путча. Исторические факты гласят следующее: 3-4(16-17) июля в Петрограде состоялись антиправительственные вооружённые демонстрации, возглавленные большевиками. Ильич выступал перед вооружёнными толпами с балкона дома Кшесинской. Забастовала часть заводов. Поднялся Кронштадт, послав в столицу десятитысячный вооружённый отряд. Начались погромы, строительство баррикад. Но четкого плана восстания не было, а потому успеха достичь и не удалось. Не было синхронности, той четкости, которая потом будет у большевиков в октябре: солдаты выступили 3(16), а штурмовой отряд из Кронштадта прибыл только 4(17) июля. Потому путч был подавлен, а в ходе восстания погибло 56 человек. Точнее всего об июльском выступлении большевиков сказал Н.Н. Суханов: «Группа Ленина не шла прямо на захват власти в свои руки, но она была готова взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой она принимала меры».

Кадет Набоков пишет о демонстрации, вылившейся в попытку путча: «Те же безумные, тупые, зверские лица, какие мы все помним в февральские дни». В его словах уже чувствуется протрезвление от первых дней всеобщего февральского угара. Многие начинали задумываться о том, куда же катится Россия, ведомая Керенским и его товарищами. И тут случилось непредвиденное. Игра вдруг пошла не по правилам «поддавков», а по правилам настоящих шашек. А случилось вот, что.

На страницах русской печати появились документы, уличавшие Ленина в связях с немецким правительством. Напечатаны они были с санкции министра юстиции П.Н. Переверзева. История финансовых взаимоотношений большевиков с немцами была придана гласности. Пускай частично, но на свет показалась покрытая тиной и кровью часть страшного «союзного» плана. Этого Керенскому допустить было нельзя.

Он уже и ранее отчаянно боролся. Не с разлагавшими армию большевиками, а с любой попыткой обнародования компрометирующих их материалов. Слухи о связях Ленина с германцами начали циркулировать еще до его приезда в Россию. Да и сама форма его маршрута подлила масла в огонь сплетен и пересудов. Когда на одном из заседаний Временного правительства П.Н. Милюков поднял этот вопрос, то Керенский решительно запротестовал против подобной «клеветы» на «славную русскую революцию» и тут же в негодовании подал в отставку. Правда, на другой же день он ее взял обратно. Любопытны воспоминания самого Александра Федоровича об этом эпизоде: «Возможно вполне, что некая резкая стычка в начале марта между Милюковым и мной произошла: **сам я вспомнить об этом случае сейчас не могу**».

Как только речь идет о скользком моменте, таком как авторство Приказа №1 или вышеуказанном эпизоде память Керенского дает сбои ...

В период с марта по июль, русская контрразведка напрасно стучалась в двери правительства: ее материалы полностью игнорировались и замалчивались. Во время июльского выступления министр юстиции Переверзев решил, что время для обнародования материалов настало.

События развивались весьма любопытно. Как должно было поступить Временное правительство, получив такую информацию? Как минимум начать расследование и лиц, подозреваемых в связях с германской разведкой, арестовать. Не замечать Ленина более было невозможно — честные патриоты напечатали то, что правительство не видело в упор. По своей партийной принадлежности Переверзев — трудовик, была такая левая партия. К этой же партии до недавнего времени принадлежал и сам глава правительства Керенский, но к тому моменту Александр Федорович уже стал эсером. Министр юстиции неоднократно пытался призвать власть разобраться с большевиками, готовящими ее свержение. Тщетно. Тогда он и решился на такой экстравагантный шаг, как общение с главой своего правительства через прессу. После обнародования документов не реагировать Керенскому было невозможно. И он отреагировал.

Но еще ранее высказали свое мнение главы Петросовета, являвшиеся также членами Временного правительства. «Документы, в виде заявления, подписанного двумя социалистами — Алексинским и Панкратовым, даны были в печать — пишет в мемуарах А.И. Деникин — Это обстоятельство, преждевременно обнаруженное, вызвало страстный протест Чхеидзе, Церетели, и страшный гнев министров Некрасова и Терещенко. **Правительство воспретило**

помещение в печати сведений, порочащих доброе имя товарища Ленина, и прибегло к репрессиям... против чинов судебного ведомства» .

Чхеидзе и Церетели предложили по телефону редакциям газет воздержаться от печатания сенсационных разоблачений как «непроверенных», впредь до расследования дела особой комиссией. И «попросили» пока материалы не печатать. Просьбу выполнили все, кроме маленькой «Общей газеты». Вслед за ней уже напечатали и другие. Теперь информационная блокада была прорвана. И последовала реакция Керенского.

«В самый день опубликования, 5 июля, Переверзев, от которого правительство и раньше уже не прочь было отделаться, **оказался вынужден подать в отставку** пишет в своей книге «История русской революции» Троцкий — Большевики намекали, что это их победа. Керенский впоследствии утверждал, что **министр был удален за чрезмерную поспешность разоблачений, помешавшую ходу следствия**» .

Вновь мы видим удивительную картину: вместо удара по настоящим врагам, пытающимся его свергнуть, Керенский бьет по тем, кто пытается спасти правительство. Переверзев ушел в отставку, газету «Общее дело» закрыли.

Но удар по «союзным» планам все же был нанесен серьезный. В тот же день 5(18) июля Ленин в беседе с Троцким ставил вопрос «не перестреляют ли они нас», и на следующий день скрылся в Разливе, прожив несколько недель в Шалаше (стоге сена) вместе с Зиновьевым. А в печати и в публичных выступлениях лидеров Петроградского Совета стали появляться материалы, пытающиеся дезавуировать эту чудом прорвавшуюся информацию. Министр внутренних дел меньшевик Церетели заявил, что «лидеров большевиков, обвиняемых в подстрекательстве к восстанию 3 — 5 июля, я не подозреваю в связи с германским штабом». Другой глава меньшевиков, Либер, высказался в том же ключе: «Я сам считаю, что обвинение, направленное против Ленина и Зиновьева, ни на чем не основано».

Но все же до своей отставки министр юстиции Переверзев отдал приказ и по результатам публикации были произведены аресты. Был арестован финансовый гений большевиков Ганецкий, Козловский и его родственница некая Суменсон, упомянутые в опубликованных материалах. Также оказались за решеткой Троцкий, Раскольников, Каменев и Коллонтай. Все это случилось в течение 5-го июля. К вечеру следующего дня, несмотря на отставку своего министра, государственная машина, которой впервые дали ясную команду бороться с экстремистами, работала на полных парах. Особняк Кшесинской, где был большевистский штаб, дача Дурново и Петропавловская крепость были заняты верными правительству войсками. Был распущен наличный состав ЦК Балтийского флота, от кронштадцев власть потребовала немедленного ареста зачинщиков беспорядков.

И вероятнее всего, так бы и случилось: смутьянов арестовали, а Кронштадт привели наконец в чувство, если бы... если бы 6(19) июля в Петроград не прибыл Керенский! Обратите внимание, **каждый раз, когда речь шла о захвате власти большевиками он отсутствует в Петрограде** . В июле уговаривал фронтовых солдат пойти в наступление, в Октябре исчезнет из Зимнего дворца за «верными войсками».

Керенский начинает действовать. Речи его, как всегда правильны и зажигательны: «...Русская революционная демократия и он, уполномоченный ею военный министр, поставленный во главе армии, и Временное правительство не позволят никаких посягательств на русскую революцию».

После такого заявления, по идее должны последовать жесткие шаги в отношении большевиков. Так бы и было, но «в поддавки» правила игры совсем другие. Инерция министерства юстиции хватает еще на один шаг: в армию запрещен ввоз «Правды», «Окопной правды» и «Солдатской правды». Сразу после этого, в ночь на 7(20) июля Керенский делает весьма странные шаги: **он отменяет аресты** Троцкого и Стеклова (Нахамкеса). Штаб Петроградского округа протестует, но уже арестованного Стеклова отпускают. Троцкий все же остается за решеткой.

После этих событий следуют новые «удивительные» шаги Керенского. Сначала закрывается газета, напечатавшая компромат на Ленина, а затем 10(23) июля Александр Федорович отбирает у военных право ареста большевиков. Органы же юстиции более никого не арестовывают. Помимо этого **Керенский официально приказывает командующему округом**

генералу Половцеву прекратить разоружение большевиков!

На многих заводах ленинцы подготовили склады оружия. После провала выступления его быстренько разносят по домам. Военная власть старается этому помешать и приступает к изъятию вооружения. Но сразу после успешного «обезоруживания» Сестрорецкого завода, поступает распоряжение Керенского — прекратить разоружение! **Вместо этого публикуется воззвание о добровольной сдаче(!) оружия гражданами.** Военные протестуют, отказываясь печатать подобный документ. Тогда Керенский пишет воззвание лично(!). По его приказу этот невероятный документ расклеивают на улицах и ждут добровольцев на специально открытых пунктах. Несложно догадаться о результате. Как писал очевидец воззвание «подействовало только на старых доверчивых буржуев: сданными оказались только несколько пистолетов и сабель эпохи русско-турецкой войны». Большевистские арсеналы благополучно вынесены и перепрятаны. До Октября.

Но Керенскому мало сохранить Ленину имеющееся у его сторонников вооружение. В августе во время выступления Корнилова оружие отрядам Красной гвардии выдается с государственных складов по прямому указанию Александра Федоровича. Теперь вооружены большевики основательно — можно передавать им власть.

Тучи над правительством сгущаются — влияние большевиков в Советах усиливается. 31 августа (13 сентября) Петроградский Совет принимает большевистскую резолюцию «О власти». В ней требование ухода Временного правительства в отставку и создания «истинно революционной власти на Всероссийском съезде Советов». 5(18) сентября подобную же резолюцию принимает Московский Совет. Но вместо действий препятствующих подготовке переворота, правительство продолжает подыгрывать своим «могильщикам». На свободу начинают выходить даже те немногие большевики, кто был арестован в июльские дни. Выходит на свободу Коллонтай, Каменев, Луначарский и многие рядовые большевики.

Освобождается 2(15) сентября и Лев Давыдович Троцкий. «Я был арестован правительством Керенского и через два месяца после возвращения из эмиграции снова оказался в хорошо знакомых „Крестах“... — вспоминает он в автобиографии — После выхода из тюрьмы „революционной демократии“ мы поселились в маленькой квартире, которую сдавала вдова либерального журналиста, в большом буржуазном доме. **Подготовка к октябрьскому перевороту шла полным ходом. Я стал председателем Петроградского Совета**».

Даже из этих строк ясно, что когда Льва Давыдовича выпускали, никаким раскаянием и не пахло. Наоборот, на всех парах большевики-заговорщики готовили смещение Временного правительства. В это время Троцкий был отпущен из тюрьмы ... под залог! То есть за деньги! Это так же странно, как если бы нынешние российские власти выпустили из тюрьмы под залог главаря чеченских террористов, а американцы — Усаму Бен Ладена. Зачем же Льва Давыдовича отпустили из заключения?

Потому Троцкого и выпустили, что он и Ленин должны были делать очередную революцию. Запускать третью часть «союзного» плана уничтожения России, Революция — Разложение — Распад. Кстати сказать, «межрайонец» Троцкий вышел из тюрьмы правверным большевиком. В партию был принят ... заочно, на 6-м съезде РСДРП в конце июля, начале августа! В партию приняты и все 275 его последователей, львиная доля которых приплыла вслед за вождем из Америки. «Союзные» деньги заканчивают объединение двух локомотивов октябрьской революции. «Пломбированный» вагон и «пломбированный» пароход сливаются в одно единое целое, забывая обо всех взаимных обидах и теоретических спорах. Теперь они уже официально вместе, они в одной партии, у них одна задача: взять власть. Задача эта поставлена теми, кто организовал их возвращение на Родину.

И они твердо идут к ее выполнению. 17(30) сентября председателем Моссовета избирается большевик Ногин, а 25 сентября (8 октября) Троцкий становится председателем Петросовета. В конце сентября на II съезде депутатов Балтфлота принимается резолюция о неподчинении флота правительству.

После подавления выступления генерала Корнилова, Керенский фактический диктатор России. Он обладает всей полнотой власти для ликвидации угрозы со стороны левых экстремистов. Более того, он только, что арестовал военных «заговорщиков», подавил попытку собственного свержения «справа». Значит, воля к борьбе у него есть. Сомнений в дальнейших

действиях большевиков нет ни у кого. В том числе и у самого А.Ф. Керенского: «12 октября большевики учредили при Петроградском Совете Военно-революционный комитет, — писал он впоследствии, — официально он был призван защищать „столицу революции“ от германского вторжения, но в действительности стал штабом подготовки вооруженного восстания против правительства». Что же делает глава Российского государства, видя надвигающуюся опасность?

Ничего. Керенский полностью игнорирует большевистские приготовления. На совещании с высшим военным руководством в начале октября спокойствие в столице признано «вполне обеспеченным». **Одновременно с этим министр юстиции Малянтович, по согласованию с Керенским продолжает выпускать на свободу большевистских главарей!** Это происходит за две недели до Октябрьского переворота! «Партия в поддавки» подходит к логическому завершению. Керенский уже не просто подставляет под удар свои шашки, но даже выставляет на игровую доску новые фигуры своих противников. Освобождены Козловский, Раскольников и вожаки пулеметного полка, первого выступившего против Временного правительства в июльские дни. Причину для столь странных действий, министр юстиции Малянтович нашел умиляющую своей детской непосредственностью. По его мнению, большевиков «нельзя преследовать по ст. 108 („Благоприятствование неприятелю“), так же как нельзя было бы преследовать Льва Толстого»!

«Напрасно один из товарищей министра — указывает П.Н. Милюков — возражал, что нельзя не считать „,благоприятствование неприятелю“ такие действия большевиков, как отказ повиноваться военному начальнику, отобрание винтовок у желающих идти на фронт, взрывы на заводах, работающих на оборону, задерживание на станциях поездов со снарядами и т.д.“.

Такие мелочи в расчет не принимаются, не обращает правительство внимание на специальное воззвание собственной контрразведки, где указывается, что германская агентура стремится к подрыву экономической и политической мощи России «путем обострения политической борьбы и доведения ее до формы погромов и анархии». Не слышит Керенский и собственного министра торговли и промышленности *прогрессиста Коновалова*. **Это тот самый министр, который еще в мае ушел в отставку из-за отсутствия у правительства воли для решения стоящих проблем. В мае, накануне отставки он совершенно справедливо говорил, что «Россию ведет к катастрофе антигосударственная тенденция, прикрывающая свою истинную сущность демагогическими лозунгами». С июля месяца он снова в правительстве. Снова пытается донести до его главы голос разума, неоднократно настаивая на принятии предупредительных мер против большевистского восстания. Задает Керенскому вопросы, какие именно части войск будут поддерживать Временное правительство? Существует ли план обороны? «Разговоры об этом велись 13 и 14 октября» — пишет Милюков. Значит уже после организации большевиками Военно-революционный комитета, который сам Керенский считал «штабом подготовки вооруженного восстания против правительства». И что?**

«Ответы Керенского были уклончивы: меры приняты, опасаться нечего, военное положение дает достаточные средства обороны в случае надобности» — продолжает глава кадетов. Но, Коновалов не унимается: 14(27) октября он настаивает на заслушивании доклада начальника штаба Петроградского округа генерала Багратуни. Генерал этот не совсем простой: он женат на сестре Керенского. Таким образом, все попытки подготовиться к восстанию, минуя Александра Федоровича, становились невозможными. А из доклада генерала-шурина Багратуни становилось понятно, что никакой подготовки не ведется. Поэтому неугомонный Коновалов, рвется к Керенскому на прием, сигнализируя о близкой опасности. Реакцию главы правительства можно предсказать, даже не будучи провидцем: делать он ничего не будет, сказать ему тоже нечего. «Недовольный повторными настояниями, Керенский просто стал уклоняться от бесед и от прямых ответов на прямые вопросы» — пишет Милюков.

Время шло, драгоценное время, когда будущую катастрофу еще можно было предотвратить. Керенский не делал ничего, что могло помешать его земляку Ульянову, зато предпринял ряд шагов серьезно помогающих большевикам. Помните первый документ Временного правительства, его Декларацию. В ней гарантируется не вывод войск Петроградского гарнизона на фронт. Полуразложившиеся части находятся в городе, как и обещано. Вдруг **в середине октября** Главком Керенский издает приказ **о срочном** выводе

этих частей из города и отправке их в окопы. Просидевшим в уютном Петрограде, отвыкшим от службы солдатам, идти на фронт совсем не хочется. После опубликования этого приказа весь гарнизон встал на сторону большевиков, постоянно говоривших об окончании войны. Вот и охраняли Зимний дворец только юнкера, да женщины-добровольцы. Энтузиасты.

23 октября (5 ноября) на многолюдном заседании Петроградского совета член Военно-революционного комитета Антонов-Овсеенко сделал доклад о первых двух днях его работы. «Почти все части гарнизона уже признали власть комитета и его комиссаров». Лев Давыдович Троцкий, верно оценивал ход событий: «...Исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более предопределен в тот момент, когда мы **воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет (16 октября)**, назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство».

Но даже в этот момент, когда все было ясно, и дальнейший ход событий мог предугадать любой уличный мальчишка, Керенский продолжает играть с ленинцами «в поддавки»! До последней, до самой последней минуты. В тот же день, 23-го октября (5 ноября), Временное правительство обсуждало вопрос о немедленном аресте членов самозванного Военно-революционного комитета, но ... **решило подождать развития событий!** Зато Керенский предложил Министру юстиции Малянтовичу... возбудить против членов комитета уголовные дела! Это когда власть в городе фактически полностью ускользнула из рук правительства и только необыкновенно быстрые, решительные действия могли переломить ситуацию.

Об уровне работы Временного правительства, а вернее сказать об уровне помощи Керенского большевикам говорит следующий факт. Вот сообщение газеты «Новая жизнь» от 20-го октября 1917 года: «Министр юстиции П. Н. Малянтович предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина». За пять дней(!) до Октября министр юстиции меньшевик Малянтович только «предписал сделать немедленное распоряжение» об аресте Ленина. Да и это робкое предписание министр сделал, только получив разрешение Керенского. А Александр Федорович не давал добро до последнего — он только тогда издал приказ об аресте своего земляка Ильича, когда сделать это было практически нереально. Более того — издав распоряжение, министр-меньшевик тут же предупредил Владимира Ильича о потенциальной возможности ареста! Когда же обсуждался вопрос об аресте членов Военно-революционного комитета, то все тот же Малянтович настоял об отмене этого решения, заявив, что сначала надо расследовать и выяснить, кто конкретно является автором воззвания к населению, и лишь тогда производить аресты! Благодарный Ленин, после переворота даст своему «спасителю» охранную грамоту, которая прикроет Малянтовича от всех бед и поможет не просто пережить Красный террор, а даже избежать «уплотнения» в своей великолепной семикомнатной квартире. Осторожный меньшевик Малянтович автографа своего для истории не оставил, подписав лишь телеграмму. Вместо него приказ об аресте Ленина завизировал его заместитель Андрей Януарьевич Вышинский. Тот самый, кто при Сталине станет главным государственным обвинителем. Это образец железной логики «отца народов»: «странный» министр юстиции Малянтович со своей ленинской охранной грамотой пойдет в расстрельные подвалы, а пытавшийся арестовать Ильича, но честно выполнявший свой долг Вышинский — на повышение. И не важно, каких убеждений придерживается каждый из них: важнее всего порядочность и честность. Вот этих качеств, среди членов Временного правительства не хватало катастрофически.

Только накануне восстания 24 октября(6 ноября) на заседании Предпарламента министр-председатель Керенский «вдруг» увидел начало мятежа и потребовал предоставить ему особые полномочия. Получив их, быстро скрылся из города, оставив свое правительство в заблокированном Зимнем дворце. Он сделал все, что требовалось — Ленин мог спокойно брать власть. И надо сказать, что тот помощь Керенского оценил соответственно, ответив такой же любезностью. После свержения Временного правительства, его бывшего главу будут искать все, но не найдет никто. Как и Ленина, некоторое время назад. Хотя при желании и того и другого, можно было найти без труда. До июня 1918 года, **т.е. восемь месяцев** Александр Федорович нелегально жил в России, но большевики его не арестовали.

Неужели не могли? Нет, просто не искали. Хотя он перемещался много и потому был легко уязвим. В двадцатых числах ноября семнадцатого он прибыл в Новочеркасск, где атаман Каледин отказался с Керенским сотрудничать. Потом к началу работы Учредительного собрания приехал в Петроград. После его разгона уехал в Финляндию. В конце января 1918 года вернулся в Петроград, а в начале мая перебрался в Москву. А причины столь долгого нахождения Керенского в стране вызваны отнюдь, не его подпольной борьбой с большевиками-узурпаторами. Просто в стране, которой он руководил, начался такой бардак, что безопасно выехать из нее получилось только через **восемь месяцев**. Слишком многие русские граждане при встрече с бывшим адвокатом, депутатом Думы, министром юстиции и премьером Временного правительства могли бы лишиться его драгоценного дара жизни. Поэтому он скрывался и прятался. **Пока не уплыл из России на английском крейсере «Генерал Об»!**

В Мурманске действительно находилось несколько судов, охранявших доставленные британцами еще царю, военные грузы. Но за Керенским приплыл специальный корабль. Специально, чтобы вывезти «союзного» агента блестяще выполнившего свою задачу разрушения собственной Родины. Документы Керенского были в полном порядке. У него была даже **английская виза**, которую он получил в Москве в Британском консульстве. **Во время «всесоюзного розыска» своей персоны!** Визу же ему поставил английский представитель, заместитель посла Брюс Локкарт, имевший теснейшие связи с руководителями Советской России. С Лениным и Троцким.

Обратим внимание на маршрут Керенского, это многое объясняет: сначала он уплыл в Англию, потом жил во Франции, с 1940-го года в США. Что имею в виду? После революции, из России уехали миллионы людей, но основным центром эмиграции был отнюдь не Париж, а, как это ни странно, Берлин. Именно там была наибольшая русская диаспора за рубежом. Керенский же поехал к своим «союзным» хозяевам, в Париж, затем в Нью-Йорк. Там они обеспечили ему до самой кончины в Америке приличный уровень жизни, а чтобы не скучал народный трибун, специально для него создали «Лигу борьбы за народную свободу». Там в США он пожизненно за народную свободу и боролся. Разрушив Россию один раз, он не утомился до конца своих дней. Ведь ему не удалось полностью уничтожить эту страну. Каким—то невероятным способом на месте уничтоженной Российской империи появился мощный Советский Союз. Присутствие России под любым названием «великого демократа» никак не устраивало. С 1922 по 1932 год он редактировал газету «Дни», выступал с резкими антисоветскими лекциями, но это еще можно понять. Но в 1941 году Керенский публично приветствовал нападение фашистской Германии на СССР, а в 1951 году, в период резкого обострения отношений между США и СССР, пророчил новую мировую войну, в которой Америка, как он надеялся, победит.

Писал Александр Федорович и мемуары, пытаясь объяснить всему человечеству, как же все произошло. **Объяснения Керенского своему невероятному поведению у руля российской государственной машины поражают своей детской чистотой и наивностью:** «Мы были так наивны...», «Не хватило твердости»...

Без проблем покинула Россию и семья Керенского. Сколько невинных людей погибло во время Красного террора, сколько звучных фамилий погубило своих владельцев, взятых в заложники большевиками. Но только не фамилия «Керенский»: в первые годы Советской власти она была отличной охранной грамотой. У Керенского и его жены Ольги было двое сыновей. Керенский так торопился покинуть страну, что бросил свою семью на произвол судьбы. Но «земляк» Ульянов не позволил им сгинуть в хаосе, организованном их мужем и папой. От греха подальше семью вывезли в провинцию глуше. Младший из сыновей, Глеб Александрович Керенский позднее вспоминал:

«Когда большевики пришли к власти, мы с матерью вынуждены были уехать из Петербурга в Котлас. В Котласе мы прожили до 1921 года, когда матери, наконец, удалось выхлопотать в ЧК разрешение на эмиграцию, и мы поехали в Эстонию. Из Эстонии мы с матерью решили ехать в Англию. Поездом добрались до Швеции, потом на пароме пересекли море и оказались в Ипсвиче или в Гарвиче, точно не помню, где и встречал нас отец. У него в Англии было много друзей, они позаботились о нас, помогли найти жилье».

«Английские друзья» позаботились о Керенском, вытащив его из России, позаботились и о его семье, даже когда сам Александр Федорович уже не хотел этого делать. У него появилась

новая семья, и отношения с детьми были такими «теплыми», что сын Керенского даже не пришел на похороны отца.

Любой, кто хоть немного знаком с деятельностью ЧК, легко может представить себе ситуацию, когда женщина с простой русской фамилией Керенская, просит в этом «учреждении» разрешить ей эмигрировать. И ей, разумеется, разрешают. Удивительно? Нет, если помнить, что эта жена человека проигравшего «в поддавки» всю Россию!

Выдающийся русский философ Н.А.Бердяев писал: «Никогда в стихии революции, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди, склонные и способные к диктатуре». От себя добавим — побеждают они тем легче и быстрее, тем больше им помогают. Поддержка и помощь Ленину со стороны Временного правительства была столь сильна, что он достиг вершин власти всего за **СЕМЬ МЕСЯЦЕВ** ! В истории — абсолютный рекорд. Достижение Владимира Ильича даже некорректно сравнивать с результатами других борцов за свободу и равенство — такой поддержки у них не было.

900 дней продлилась ленинградская блокада, **242** дня Временное правительство было у власти. За **900** дней враг не смог взять один город, за **242** дня Керенский и его коллеги смогли полностью разрушить великое государство, уничтожить страну созданную десятками поколений своих предков.

Поистине титанический труд проделало Временное правительство. Были на пути их сложности и проблемы. Но не было в действиях «февралистов» одного — искреннего желания эти проблемы решать.

Много книг написано о том периоде русской истории. Идет время, меняются оценки. И вот уже из полукомического персонажа советской истории, А.Ф.Керенский становится сегодня уже почти героем-демократом. И вздыхают многие: ах, если бы революционное развитие России остановилось на Феврале!

А мне на ум приходит другая сцена. Представьте себе, что штандартенфюрер СС Отто фон Штирлиц (советский разведчик Максим Максимович Исаев) после падения Третьего рейха в 1945 году благополучно уехал за границу. И вот лет через двадцать, где-нибудь в Аргентине и Боливии выступает он перед потомками бежавших нацистов. Молодежь активно интересуется, вопросы задает.

— Скажите, пожалуйста — говорят — Как же так вышло, что вы провалили создание в Германии атомной бомбы? Как же получилось, что сорваны были мирные переговоры с западными «союзниками»? Как смогла улизнуть, порученная Вам русская радистка?

Улыбается Штирлиц стоя на трибуне. Объяснения у него давно готовы:

— **Мы были так наивны... Не хватило твердости...**

Глава 10. **Генерал Корнилов, как зеркало русской революции.**

Страшна не смерть, а позор и бесчестие.

Л.Г. Корнилов

Что это: глупость или измена?

П.Н. Милюков

— Александр Федорович ждет Вас!

Слова адъютанта вывели генерала Крымова из задумчивости. Он встал, поправил шапку и шагнул в дверь приемной главы правительства. Зачем он приехал, почему согласился на этот безумный шаг, наверное, он и сам не мог объяснить. Это был порыв — безотчетный и необъяснимый. Генерал твердо знал — страна катилась в пропасть, и Крымов не мог оставаться безучастным свидетелем наступающей катастрофы. Поэтому он и был вместе с Корниловым, и Лавр Георгиевич назначил

именно его командовать войсками, отправленными навести порядок в столице и положить конец безобразиям, разваливающим армию и страну.

Когда Крымов зашел в кабинет, Керенский сразу оторвал глаза от стола, а точнее от бумаги, которую он внимательно разглядывал.

— Садитесь — твердым голосом произнес он — Я очень рад Александр Михайлович, что Вы приехали сюда, чтобы спокойно устранить все имеющиеся недоразумения.

И не давая Крымову вставить и слова, быстро заговорил дальше.

— Вот это текст моей телеграммы объявляющей главнокомандующего Корнилова изменником — в руке Керенского появился листок бумаги, который он внимательно рассматривал до этого — Вы с ней знакомы?

— Именно поэтому я и приехал к Вам, Александр Федорович. В ваших руках судьба России...

— Власть мне вручил народ. И я не позволю изменникам и предателям лишить нас всех завоеваний революции и устроить путч! — неожиданно резко прокричал Керенский — Корнилов изменник и предатель, стремящийся устроить военную диктатуру! И я хочу знать, на чьей стороне вы, Александр Михайлович? На стороне мятежника или на стороне народа?

В глазах Крымова потемнело. Он снова почувствовал это странное ощущение, будто почва уплывает из-под ног. Такое же, как тогда на станции Дно, когда ординарец принес ему текст этой телеграммы Керенского, где любимца армии главнокомандующего Лавра Георгиевича Корнилова, называли страшными словами «изменник» и «предатель». Именно в тот момент Крымов растерялся и остановил движение своих частей на Петроград. Тогда к нему прибыл начальник кабинета военного министра Самарин с предложением отправиться для переговоров к самому Керенскому. И он согласился, надеясь убедить правительство, что Корнилов не собирался никого свергать, что он действует в интересах страны, для прекращения той агитации, что как гниль расплзается по всей России из столицы. Ведь для самого Керенского будет куда удобнее вести страну к победе в войне, если в ней будет наведен порядок!

— Александр Федорович, что Вы говорите! Главнокомандующий честнейший человек и патриот! Все его и мои действия направлены только на благо страны.

— Почему же Вы, генерал двинули войска на Петроград? Для блага страны? Судьба России сейчас решается на полях сражений, и в этот момент Вы пытаетесь разжечь пламя мятежа и гражданской войны в столице! Вы хотите свергнуть правительство, арестовать меня? Разве это не предательство?

— Александр Федорович, Вы обвиняете, даже не выслушав меня! На фронте такими словами не бросаются! — Крымов побагровел и судорожно стиснул рукоятку пистолета.

Керенский его не слышал. Он кричал все громче и громче, повторяя все то, что так хорошо срабатывало на многочисленных выступлениях. Завоевания революции, свобода, победа в войне, невозможность возврата к прошлому. Предатели и мятежники, сдавшие неделю назад немцам Ригу, которая успешно держалась практически два года ...

— Это заговор, генерал, заговор! — кричал Керенский — И я еще раз спрашиваю Вас — Вы с негодями, позорящими русскую армию или с народом, выбравшим свободу?

К горлу Крымова подкатил комок. По мере того, как говорил Керенский он, осознавал все яснее, что этот честолюбец не видит ничего, кроме своих собственных красивых фраз. И до страны главе Временного правительства дела никакого нет. Для него важнее абстракции: свобода слова, завоевания революции...

Крымов резко встал.

— Вы слепец, вы погубите Россию! — в ответ выкрикнул он — Я докажу Вам, что наши помыслы чисты!

Он смотрел прямо в лицо Керенскому и потому хорошо видел, как глаза главы правительства округлились, и в них неожиданно появился ужас. Крымов расстегивал кобуру медленно, так медленно, как никогда этого не делал. Его рука словно ватная двигалась к стальной рукояти пистолета, а пальцы Керенского медленно продвигались по поверхности стола к звонку.

— Я докажу Вам, как Вы ошибаетесь! — вновь прокричал Крымов, ощутив в ладони привычный стальной холод.

Он резко развернулся и с пистолетом в руке выбежал в приемную. Пальцы Керенского повисли над звонком. Из приемной раздался звук выстрела ...

Это случилось 30 августа (12 сентября) 1917 года. Генерал Деникин описывает дальнейшие события так: «Крымов оказался обманутым. Уйдя от Керенского, выстрелом из револьвера он смертельно ранил себя в грудь. Через несколько часов, в Николаевском военном госпитале, под площадную брань и издевательства революционной демократии, в лице госпитальных фельдшеров и прислуги, срывавшей с раненого повязки, Крымов, приходивший изредка в сознание, умер».

Что произошло в душном августе злополучного для России семнадцатого года, и почему генерал Крымов вел свои войска на Петроград? Начнем с самого конца — с ответов.

Разложение армии было наиглавнейшим условием будущего уничтожения страны. Именно в августе 1917-го Александр Федорович Керенский, «союзная» марионетка, устранил последнее препятствие на пути к власти Владимира Ильича Ленина. Этим препятствием была русская армия. Преданная, оплеванная, обманутая — она, как щит прикрывала родную страну. Пока была в России армия, страна погибнуть не могла. Следовательно, ее и надо было извести авторам плана **Революция-Разложение-Распад.**

Руководство армии, ее элита, как мы знаем, с радостью поддержали Февральский переворот. Они тешили себя иллюзиями и надеждами, которые вскоре стали быстро испаряться, как лужицы июльского дождя на ярком летнем солнце. Командир Уссурийской казачьей дивизии генерал Александр Михайлович Крымов был одним из тех, кто связывал успешное победоносное завершение войны с переменами в высшем эшелоне русской власти. В мемуарах Родзянко описывается встреча у него на дому в январе 1917 «многих депутатов» Государственной Думы с генералом Крымовым. Боевой генерал, умница, тогда говорил так: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте». Речь шла о смещении Николая II и замене его наследником Алексеем под регентством брата царя Михаила. Именно этого хотела военная верхушка и самые умеренные заговорщики, типа Родзянки. (Они же самые не информированные!).

Но вот переворот случился, и все неожиданно зашло значительно дальше того, как планировали русские генералы. Поэтому первой реакцией патриотов-военных на творящиеся безобразия, стала попытка «открыть глаза» Временному правительству. Объяснить умным и образованным министрам, те очевидные вещи, которые может понять любой школьник:

— что в условиях войны, армия — это самая важная часть государственного механизма;

— что после разнообразных «приказов», страна может армию потерять;

— что следом за распадом вооруженной силы страны, произойдет распад и самой России.

В голове военных не могло даже зародиться сомнение, что все «странности» и «глупости» делаются не случайно, а сознательно и специально! Крымов стал настойчиво стучаться в двери военного ведомства, а вскоре отправил в столицу барона Врангеля. Разговор Милюкова с Врангелем ничего не дал. Правительство по-прежнему ничего не делало для спасения армии от быстро разлагающей ее «революционной демократии». Наконец, 14(27) марта военный и морской министр **Александр Иванович Гучков** соизволилвызвать в столицу самого генерала Крымова.

Не так себе представлял Крымов те грядущие изменения в стране, о которых говорилось далеким январским вечером с депутатами-демократами, в числе которых был тогда и Гучков. **Поэтому он предложил Временному правительству за два дня очистить Петроград силами одной своей дивизии.** Прими Временное правительство его предложение — вся история России могла бы пойти по-другому, и через неделю(!) Ленина на вокзале встречали бы не почетный караул, а полиция и уссурийские казаки с нагайками. Но «союзные» кукловоды знали, кого они поставили у власти и свои гарантии немцам давали спокойно. Гучков в ужасе отклонил предложенную Крымовым столь «недемократическую» помощь; генерал вернулся на фронт, а процесс разложения армии активно продолжился. Как и планировалось ...

Чтобы уничтожить Россию, мало было начать войну и вызвать недовольство ее ходом в

массе русских людей. Недостаточно было разлагать их пропагандой, дезориентировать громкими демократическими лозунгами. **Надо было полностью блокировать, возможность здоровых сил навести порядок и спасти гибнущую державу.** Ведь истерзанная Россия могла вновь захотеть твердой власти, а такая власть ассоциировалась в то время только с монархией или военной диктатурой. Монарха у России уже не было, а бодрых и энергичных генералов было хоть отбавляй. План **Революция — Разложение-Распад** мог быть остановлен жесткой и твердой рукой военных — патриотов. Именно поэтому Александр Федорович Керенский активно занялся ликвидацией этой возможности.

Для этого подготовка уничтожения России велась сразу по трем направлениям:

- создания хаоса и неразберихи;
- возвращение в страну экстремистов всех мастей;
- введение во власть законченных интриганов и «мечтателей».

Таких, для которых экстремист-социалист значительно милее боевого генерала, а старые спокойствие и порядок, ненавистны куда больше, чем возможные будущие катаклизмы. **Чтобы предотвратить реставрацию не старого порядка, а просто «порядка», в правительство во все большем количестве, после каждого кризиса власти, вводились антигосударственные элементы**. Все больше представителей именно социалистических партий рассаживались в кресла министров Временного правительства. Там началась настоящая чехарда. Редко кто засиживался во власти более трех месяцев.

Пришло нам время повнимательнее присмотреться к спискам министров Временного правительства. Нам ведь всегда говорили о «министрах—капиталистах». Но в том, то и дело, что Антонов-Овсеенко арестовывал в Октябре совсем другой «коллектив»! Современные учебники пишут об этом скупо. Придется разбираться во всем самим.

Первое Временное правительство.

Министр-председатель: князь Г.Е.Львов (кадет)

Министр внутренних дел: он же

Министр иностранных дел: П.Н.Милюков (кадет)

Военный и морской министр: А.И. Гучков (октябрист)

Министр юстиции: А.Ф.Керенский (трудовик)

Министр торговли и промышленности: А.И.Коновалов (прогрессист)

Министр путей сообщения: Н.В.Некрасов (кадет)

Министр земледелия: А.И. Шингарёв (кадет)

Министр финансов: М.И.Терещенко (беспартийный)

Министр просвещения: А.А. Мануйлов (кадет)

Государственный контролёр: И.В. Годнев (*октябрист*)

Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий): В.Н. Львов (кадет)

Итак, начнем. Во Временном правительстве, организованном сразу после отречения царя, партийный состав был следующим: шестеро кадеты, двое октябристов, прогрессисты и беспартийные имели по одному портфелю.

Левым в этом правительстве считался только один министр — трудовик Керенский. Прошел первый апрельский кризис, и картина изменилась.

Первое коалиционное правительство.

Министр-председатель: князь Г.Е.Львов (кадет)

Министр внутренних дел: князь Г.Е.Львов

Министр иностранных дел: М.И. Терещенко (беспартийный)

Военный министр: А.Ф.Керенский (эсер)

Временный управляющий Морским министерством: В.И. Лебедев (беспартийный)

Министр юстиции: П.Н. Переверзев (трудовик)

Министр торговли и промышленности: А.И.Коновалов (прогрессист)

Министр путей сообщения: Н.В.Некрасов (кадет)

Министр земледелия: В.М.Чернов (эсер)
Министр финансов: А.И.Шингарёв (кадет)
Министр просвещения: А.А.Мануйлов (кадет)
Министр труда: М.И. Скобелев (меньшевик)
Министр продовольствия: А.В.Пешехонов (народный социалист)
Министр государственного призрения: князь Д.И. Шаховской (кадет)
Министр почт и телеграфов: И.Г.Церетели (меньшевик)
Государственный контролёр: И.В. Годнев (октябрист)
Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий): В.Н. Львов (кадет).

Мы снова видим шестеро кадет, одного трудовика и одного прогрессиста. Октябристов стало на одного меньше(1). Но главное — из правительства исчезли одни из основных «февралистов», глава кадетов Милюков и октябрист Гучков. Керенский очень быстро стал эсером, составив вместе с Черновым фракцию этой партии во власти. К двум представителя этой левой партии, добавились также два меньшевика, а также еще один борец за свободу из партии с экзотическим для нас названием «народные социалисты».

Баланс получается следующий: 8 представителей буржуазных партий, против 6 членов социалистических, при двух беспартийных министрах.

В таком составе правительство продержалось до июльского выступления большевиков. Итогов неудавшегося восстания было несколько. Ильич отправился кормить комаров в Разлив вместе с Зиновьевым. Троцкий, Каменев и Коллонтай ненадолго сели в тюрьму. Ну, а Временное правительство снова подало в отставку. Всего лишь для того, чтобы еще раз очистить свои ряды от умеренных, и увеличить в своем составе число представителей левых партий-экстремистов.

Второе коалиционное правительство А.Ф. Керенского.

Министр-председатель: А.Ф.Керенский (эсер)
Министр внутренних дел: Н.Д. Авксентьев (эсер)
Министр иностранных дел: М.И.Терещенко (беспартийный)
Военный и морской министр: А.Ф.Керенский (эсер)
Министр юстиции: А.С. Зарудный (народный социалист)
Министр торговли и промышленности: С.Н.Прокопович (беспартийный)
Министр путей сообщения: П.П. Юренев (кадет)
Министр земледелия: В.М.Чернов (эсер)
Министр финансов: Н.В.Некрасов (кадет)
Министр просвещения: С.Ф. Ольденберг (кадет)
Министр труда: М.И. Скобелев (меньшевик)
Министр продовольствия: А.В.Пешехонов (народный социалист)
Министр государственного призрения: И.Н. Ефремов (радикал-демократ)
Министр почт и телеграфов: А.М. Никитин (меньшевик)
Государственный контролёр: Ф.Ф.Кокошкин (кадет)
Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий): А.В. Карташов (кадет)

Этот кабинет сформировал уже сам А. Ф. Керенский. На этот раз он сосредоточил в своих руках власть и министра-председателя, и военного министра. Фактически это диктатура. Навести порядок в стране, имея полномочия отдавать приказы армии, и ни с кем их не согласовывая — возможно. Задача непростая, но решаемая. Если действительно пытаться спасти страну от краха. В случае стремления к противоположной цели и результат будет соответствующим.

Во втором коалиционном кабинете кадетов стало чуть меньше(5), сохранили свои позиции два беспартийных министра, зато исчезли октябристы, трудовики и прогрессисты. Меньшевики имели два портфеля, народные социалисты также два, а эсеры расплодились безмерно(4). Видимо для ассортимента многопартийности в правительстве появился член радикально-демократической партии, занявший пост министра государственного призрения. (Вот уж где воистину требовались радикализм и демократичность, так это в министерстве,

занимавшемся вдовами, сиротами и инвалидами!).

Баланс в правительстве, где Керенский стал премьером следующий: 5 буржуазных министров, против 9 социалистов, при двух беспартийных.

На этом ветер перемен, сдувший уже почти половину тех, кто эти перемены начинал, не успокоился. После «корниловского мятежа» Керенский еще раз реорганизует правительство, на этот раз по образцу Великой французской революции. Даже название нового правящего органа взято оттуда — Директория.

Директория (Совет пяти).

А.Ф. Керенский - (эсер)

А.М. Никитин - (меньшевик)

М.И. Терещенко - (беспартийный)

А.И. Верховский - (беспартийный)

Д.Н. Вердеревский- (беспартийный)

Баланс в правительстве продолжает сдвигаться в сторону левых: из пяти министров ни одного «буржуазного», зато два социалиста и три беспартийных.

Правила Директория всего три недели, после чего власть снова реорганизовала сама себя.

Третье коалиционное правительство А.Ф. Керенского.

Министр-председатель: А.Ф. Керенский (эсер)

Министр внутренних дел: А.М. Никитин (меньшевик)

Министр иностранных дел: М.И.Терещенко (беспартийный)

Военный министр: А.И. Верховский (беспартийный)

Морской министр: Д.Н. Вердеревский (беспартийный)

Министр юстиции: П.Н. Малянтович (меньшевик)

Министр торговли и промышленности: А.И.Коновалов (прогрессист)

Министр путей сообщения: А.И. Ливеровский (беспартийный)

Министр земледелия: С.Л. Маслов (эсер)

Министр финансов: М.В. Бернацкий (радикал-демократ)

Министр просвещения: С.С. Салазкин (кадет)

Министр труда: К.А. Гвоздев (меньшевик)

Министр продовольствия: С.Н.Прокопович (беспартийный)

Министр государственного призрения: Н.М. Кишкин (кадет)

Министр почт и телеграфов: А.М. Никитин (меньшевик)

Государственный контролёр: С.А. Смирнов (кадет)

Обер-прокурор Священного синода (министр исповеданий): А.В. Карташов (кадет)

Председатель Экономического совета: С.Н. Третьяков (прогрессист)

Вот это третье коалиционное правительство потом и пополнит своим личным составом казематы Петропавловской крепости. В этом последнем Временном правительстве «для ассортимента» вновь появились кадеты (4) и прогрессисты(2), эсеры(2) и меньшевики(4). Радикал — демократов, после того как они потренировались на инвалидах и сиротах, Керенский перебросил на пост министра финансов. (И они бы справились — вот только большевистский переворот прервал стремительный взлет этой, ныне никому неведомой, партии!). Собственно говоря, уже все равно, кто в этот руководящий орган войдет, т.к. руководить остается около месяца.

Интересная получается картинка. В последнем Временном правительстве семь представителей левых партий, шесть правых и пять беспартийных.

Премьер Керенский — «левый» (эсер), министр внутренних дел Никитин — «левый» (меньшевик), министр финансов тоже «левый» (радикал-демократ). Еще будем помнить, что «беспартийные» Терещенко и Вердеревский возглавляющие министерство иностранных дел и военное ведомство, только что входили в Директорию, состоявшую всего из пяти человек и формировавшуюся «левым» Керенским, а потому должны были быть «близкими» ему людьми

(в нашей классификации «левыми»). Вопрос на засыпку: как можно охарактеризовать правительство, в котором все ключевые портфели занимают представители «левых» партий? Ответ очевиден.

Временное правительство, свергнутое большевиками, было «левым» и по своему составу и по духу! Еще пара отставок и в правительстве могли появиться большевики, а там глядишь и вовсе анархисты. Вот так постепенно «левела» власть, отрезая себе самой путь к спасению от большевиков. С каждым шагом, приближая крах русской армии, а с ней и крах самого государства.

Чтобы проследить процесс уничтожения Александром Федоровичем русской армии, вернемся к первому кризису во Временном правительстве. Чтобы угробить армию гарантированно, военным министром должен был стать сам Керенский. Но это место занимает Гучков, оно занято! Вот тогда и начинается первый правительственный кризис, когда «февралисты» впервые, как змея сбросили старую тесную «шкуру». 18 апреля (1мая) 1917 года, министр иностранных дел России П.Н. Милюков направил «союзникам» ноту. В ней он еще раз подчеркнул решимость России воевать до победного конца. «Победа это Константинополь, а Константинополь — это победа» — сказал Милюков. Вроде бы, что нового, что крамольного сказал господин министр? Турецкие проливы — это главный приз за наши жертвы и лишения. Дарданеллы «союзники» обещали еще Николаю II. Теперь, чтобы миллионные жертвы русских солдат не были напрасными, надо России поднапрячься и продержаться до победного конца Великой войны.

Но вышло очень некрасиво: Милюков получил прозвище «Дарданельский», а правительство — мощные антивоенные демонстрации под лозунгом «Долой войну!» и резкое обострение внутривластной ситуации. По сути, Милюков выступил в неумной роли провокатора и подстрекателя, хотя всего лишь подчеркнул важные для России результаты будущей победы. Кто же надоумил его выступить так не вовремя? Друзей у Милюкова было много и не самый последний из них Якоб Шифф, одной рукой предоставлявший кредиты немцам на «мексиканскую» революцию, а другой помогавший деньгами Временному правительству.

Подставив Милюкова, «союзные» друзья принялись его утешать: ничего страшного, правительственные кризисы нормальное явление в демократических странах. Надо всего лишь подать в отставку, раз этого требует общественность! И правительство ушло. В полном составе, а когда было сформировано заново тем же князем Львовым, перемены в его составе были разительными. Инициатором их был пламенный борец за демократию Александр Федорович Керенский. Он заявил, что выйдет из состава кабинета, если Милюков не будет переведён на пост министра просвещения. Одновременно Керенский потребовал немедленно ввести в правительство представителей социалистических партий, в противном случае угрожая выйти из него самому. Товарищ Сталин как-то сказал, что «незаменимых у нас нет». В «буржуазном» Временном правительстве тоже незаменимых не было, за одним небольшим исключением.

Хотя формально председатель этого правительства благообразный кадет князь Львов, реально делами заправляет скромный министр юстиции эсер Керенский. В своих мемуарах Милюков пишет: **«Единственный голос власти в заседаниях принадлежал Керенскому, перед которым председатель совершенно ступёвывался»**. Отказать ему нельзя. Почему? Потому, что именно за его спиной стоят «союзные» силы, из-за кулис направляя действия министров. Раз отказать нельзя, то приходится жертвовать важными политическими фигурами. Для чего же была затеяна вся эта рокировка?

Все правительственные кризисы преследовали всегда одну цель: увеличение власти Александра Федоровича Керенского. Вот это очень интересный момент и его незаслуженно мало освещают. Путем создания политических осложнений к власти приводили самых аморальных и беспринципных.

Вспомним:

- первый кризис, вызванный нотой Милюкова — Керенский становится военным министром;
- второй кризис, июльское выступление большевиков — Керенский возглавляет правительство;

— **третий кризис, корниловский «мятеж» — Керенский получает диктаторские полномочия.**

Из каждого обострения ситуации именно Керенский выходил всегда сильнее и могущественнее. С каждым «обнулением» Временного правительства, его власть возрастала. Делалось это не случайно: правительственные кризисы были искусственно организованными и управляемыми. Попутно из властных структур уходили, кто еще мог найти общий язык с теми, кто хотел спасти Россию от грядущей катастрофы. Уходили все умеренные февральские заговорщики, кто хотел лишь подреставрировать монархию, а не валить ее в грязь. Так потихонечку, незаметно убирали от государственной власти более трезвомыслящих, оставляя управляемых и подлых. Не стало больше во власти Милюкова, не стало военного министра Гучкова.

Если внимательно посмотреть, чем занимается Александр Федорович Керенский, то можно сразу понять, какое направление сейчас в деле разрушения России, главное. В первом правительстве — он министр юстиции. Все правильно, для начала процесса **Разложения** страны, сначала надо разную дрянь занести в ее кровоточащие раны. Привезти из-за границы, выпустить из тюрем и ссылок. Для этого нужна амнистия, а ее проводит в жизнь **именно министр юстиции . Керенский !** Во втором составе он возглавит военное ведомство. Потому, что только полное разрушение армии даст гарантию выполнения «союзных» планов. **Одного Приказа №1 маловато, тут работы для военного министра Керенского невпроворот!**

Как мы уже говорили, причиной многочисленных демонстраций в столице стала нота Милюкова. Сам же он считал, что беспорядки, приведшие к его отставке — дело рук немецкой разведки: «Задача устранения обоих министров (Милюкова и Гучкова) прямо была поставлена в Германии». Рабочие за участие в демонстрации получали от большевиков по 15 рублей в день. Удивительно близоруки все лидеры Февраля. В мире бушует страшная мировая война: две коалиции держав соревнуются на полях сражений, в воздухе, на море и под водой. Такая же бескомпромиссная борьба идет и на невидимом фронте разведок и спецслужб. А Милюков, Керенский, Гучков и все остальные по-прежнему видят одну только «руку Берлина» во всех русских катаклизмах. Сам Милюков пишет о февральских демонстрациях, тщательно подчеркивая таинственный и закулисный характер их возникновения. Но, когда речь идет о митингах в апреле того же года, он предельно точен — дело рук немцев!

Тут уместно вспомнить комментарий к этому утверждению Льва Давыдовича Троцкого: «Золотым немецким ключом либеральный историк открывал все загадки, о которые он расшибался как политик». Если сформулировать по-другому: ограниченный интеллект Милюкова правильно ситуации понять не может и все по привычке валит на германские спецслужбы. Но не все события в России происходили по указке германских спецслужб. Если быть совсем точными, то - **никакие !** Нет смысла немцам добиваться смещения Милюкова и Гучкова. Временное правительство — это творение и создание «союзных» спецслужб. Оно всегда делает так, как хотят его хозяева. Перемена персоналий в его составе ничего германцам не даст. Смысла давать по 15 рублей рабочим, никакого нет!

Немцам смысла нет, а у Керенского, и у стоящих за ним «союзников» есть. Потому, что в результате первого правительственного кризиса и последовавших отставок, военным министром станет Александр Федорович Керенский. Вспомним, что одним из его первых шагов стало подписание «Декларации прав солдата» и тогда ситуация станет намного более понятной. Демонстрации рабочих нужны для того, чтобы выпустить в свет этот документ.

«Последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы...» — сказал о Декларации генерал Алексеев. Пикантная подробность — подготовленная в недрах военного министерства, эта бумага вызвала категорический протест военного же министра Гучкова. Он просто наотрез отказался ее подписывать. Тут то и подоспел правительственный кризис. И так вовремя! Отправили несговорчивого Гучкова, вместе с Милюковым в отставку, а на их место пришел Керенский сразу и резко вбивший «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы». Зачем военный министр Керенский такую гадость подписал — вопрос риторический. Мы на него уже ответили. Ему так приказали его «союзные» кураторы, а послушаться он не мог.

Незавидная же политическая судьба Гучкова и Милюкова была наглядным уроком для всех «независимых» русских политиков. Принцип самосохранения для всех остальных деятелей

был весьма прост. Для того, чтобы оставаться у руля власти надо быть послушным и не раздумывая выполнять «просьбы» своих французских и английских друзей. Любые, даже самые невероятные. Интересы собственной страны в расчет, разумеется, принимать не надо. И не при каком раскладе не позволить военным навести порядок в гибнущей стране...

Знаменем же здоровых сил общества, с надеждой взиравших на армию, как-то незаметно для себя стал генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Как и Крымов, как и многие другие, он искренне служил России и поначалу с радостью поддержал Временное правительство. Весной 1917 года на собрании офицеров он заявил: «...Старое рухнуло. Народ строит новое здание свободы, и задача народной армии — всемерно поддержать новое правительство в трудной созидательной работе». Не вдаваясь во все политические подробности, русские военные стремились к одной заветной цели: обеспечить своей стране место среди будущих победителей войны. И все, что мешало этому — ими категорически отвергалось.

На первом этапе своей «революционной» карьеры, Лавр Георгиевич Корнилов боролся с хаосом в роли командующего Петроградским гарнизоном. Первой «пробой пера» для него стали те самые демонстрации, приведшие к первому изменению состава Временного правительства. Сценарий был старый, добрый, «февральский». Сначала «Долой войну!» и «Хлеба!», а потом «Долой правительство!». В районе Казанского собора тогда произошла небольшая перестрелка. Большевики еще не пытались взять власть, но прощупывали ее наверняка. Было еще рано — во главе питерского гарнизона стоял генерал Корнилов. Он вывел надежные части на улицу и практически бескровно прекратил беспорядки.

Это запомнили и сделали выводы. Становилось ясно, что на пути Ленина к власти могут встать военные. Армия была еще недостаточно разложена. Следовательно, для успеха «союзного» плана, развал вооруженной силы должен быть продолжен, а генерал Корнилов должен был быть устранен персонально. Вот эти две задачи и ринулось выполнять... Временное правительство. Поэтому и шантажировал коллег по власти Керенский своей отставкой, для этого и старался всеми силами стать военным министром вместо сохранявшего разум Милюкова.

Обратите внимание, как все красиво получается. Выступление Милюкова провоцирует беспорядки, что в свою очередь приводит к смене правительства и замене строптивых министров. Сговорчивый Керенский, долго не думая, подмахивает «Декларацию прав солдата» и подписывает смертный приговор русской армии. После чего большевики попытаются взять власть в июле, и это дает Керенскому премьерское кресло. Он продолжает подыгрывать Ленину, облеченный высшими властными полномочиями. Большевиков не арестовывают, не разоружают, а если они все же оказываются за решеткой, как Троцкий, то их выпускают. Взять власть у Ленина получится только тогда, когда разложение войск зайдет очень далеко, а Керенский нейтрализует своего единственного союзника и главного большевистского врага — здоровые силы армии.

Тем временем русская армия, под руководством военного министра Керенского готовилась перейти в наступление. В то самое, которое должно было **одновременно** начаться в мае 1917-го с наступлением «союзников». С тем самым, которое позорно провалилось, и через годы спустя, превратилось во многих исторических источниках в «бойню Нивеля». Благодаря тому, что «союзники» начали «вдруг» наступать на месяц раньше срока, весь стратегический замысел этой атаки уже испарился. Получилась ситуация, когда:

- общего стратегического плана Антанты больше не существует;
- «союзники» обескровлены мудрым генералом Нивелем и ушли в глухую оборону;
- сама русская армия в таком состоянии, что успех наступления практически невозможен;
- немцы после отражения наступления на Западном фронте, перебросили свои войска на Восточный;
- усилившись, германские войска сами при этом вперед не идут, а чего-то выжидают.

Зачем русской армии наступать в такой проигрышной ситуации, когда она едва может обороняться? Поливстав литературу, много объяснений этому загадочному стремлению вы не найдете. Будет только один мотив: наше наступление оттягивало германские силы с Западного фронта. Это правда, только не совсем понятно, зачем России стоящей одной ногой в

гробу, оттягивать на себя еще больше сил противника с фронта, где англичане и французы чувствуют себя значительно лучше. Но такой мотив кажется весьма странным, если думать, что Керенский и его хозяева из Лондона и Парижа действительно хотели общей победы Антанты. И наоборот, все встает на свои места, когда мы знаем конечную цель «союзных» махинаторов — разрушение России.

Тяжело больного нагружают дополнительно и не дают лекарств, только желая, чтобы он поскорее умер. Поэтому и Временное правительство под указку «союзников» старалось перетянуть на себя максимальное количество немецких войск.

Заинтересовавшись биографией посла Великобритании в России Джорджа Бьюкенена, вы опять же убедитесь, что наступление нашей армии было предпринято под его давлением. «Союзники» требуют идти вперед, чтобы еще больше ослабить и без того катящуюся в пропасть страну. Их ставленники отказать не могут. На кого давит британский посол: на главу правительства князя Львова и военного министра. А им, как раз, только, что, совершенно **случайно** стал А.Ф. Керенский. Главным идеологом, главным «лоббистом» необходимости идти вперед, становится он же. Со спокойной совестью ездит по войскам и призывает новую революционную русскую армию к наступлению. К тому, которое закончится крахом, всеобщим озлоблением и повышением ленинского рейтинга.

Желание поскорее добить русскую армию, прикрывается, как обычно, демагогическими лозунгами. Якобы новая революционная армия будет так хорошо воевать, что в два счета выиграет войну. Бредовость подобных утверждений была очевидна, как политикам, так и военным. «Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо» — подводит итог на совещании в Ставке, начальник штаба генерал Лукомский. «Явной стратегической авантюрой, заведомо обреченной на крах», называет готовящееся наступление и один из руководителей Петросовета, Суханов — Гиммер.

Да, что там! **Против наступления выступают даже большевики!** «4 июня большевистская фракция огласила на съезде Советов внесенную мною декларацию по поводу готовившегося Керенским наступления на фронте — пишет Лев Давыдович Троцкий — Мы указывали, что наступление есть авантюра, грозящая самому существованию армии». А парой строчек ниже — делает вывод: «Доверие к Временному правительству в массах было безнадежно подорвано».

Вот для этого Керенский и призывает наступать — это его очередной ход в игре «поддавки». Он старается изо всех сил. Пускает в ход все свое красноречие: «Наша сила придаст вес голосу революционной России и приблизит окончание войны». Кто против наступления, тот против революции — это основной тезис его тогдашних выступлений. Об этом просто кричат **все мемуары** того времени: «Агитация Керенского была (почти) сплошным триумфом для него. Всюду его носили на руках, осыпали цветами». Это слова того же Суханова. Но он человек штатский, натура творческая, увлекающаяся. Так нет же, генерал Деникин вторит ему: «Был несомненно такой краткий, но довольно яркий период в жизни Керенского — военного министра — я его отношу приблизительно к июню — когда не только широкие круги населения, но и русское офицерство подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклятие, тогда всё забыло, всё простило и мучительно ждало от него спасения армии».

В полном восторге от Александра Федоровича и «союзники». Он просто находка для них! Так умело дурит голову целой стране. «Союзные» газеты полны лестных оценок его способностей. Статьи о нем — только в положительном ключе: это самый молодой военный министр в мире! Россия и армия поверили Керенскому, а сладкоречивый министр снова всех обманул. Солдаты и офицеры готовились к ненужному и неподготовленному наступлению. Именно оно и должно было поставить на русской армии окончательный, жирный крест. Троцкий позднее напишет: «Наступление 18 июня было организовано Керенским под явным давлением Антанты, которая была заинтересована в том, чтобы немецкие войска были отвлечены на Восточный фронт. **Подготавливая это наступление, Керенский и военное командование знали, что армия не обладает ни техническими, ни моральными предпосылками для его проведения...** В конечном итоге это наступление обратилось против его организаторов, ибо **новое преступно спровоцированное поражение сильно**

революционизировало солдатские массы и тем самым создало благоприятную почву для большевистской агитации за мир». Лучше и не скажешь.

Несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, наше наступление захлебнулось и быстро прекратилось, а затем вовсе превратилось в позорное бегство, сопровождавшееся грабежами и мародерством. Горькие слезы выступали на лицах русских офицеров. «По всей армии пехота отказывалась выполнять боевые приказы и идти на позиции на смену другим полкам, — пишет генерал Краснов — были случаи, когда своя пехота запрещала своей артиллерии стрелять по окопам противника под тем предлогом, что такая стрельба вызывает ответный огонь неприятеля».

Разложение под влиянием большевистской пропаганды затронуло уже лучшие части. **1-й Гвардейский корпус** отказывается идти в атаку! В частях митинги — на них голосованием решается, идти ли вперед, или отправляться на отдых. Пока армия сидела в окопах, она существовала. После того, как ее послали вперед, она рассыпается. Для этого Керенский так и старался, отсюда и пафос его речей и красивая поза.

«Демократизированная армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала, как стадо баранов. Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу» — вспоминал в своих мемуарах барон Врангель. Результаты боев ужасны: огромные потери в живой силе, чудовищная убыль в техническом оснащении и запасах. Германская армия захватывает город Тернополь «с многомиллиардными» запасами. Потому, что германская армия не просто отбила русский удар, а сама перешла в наступление. Но простите, откуда немцы столь быстро нашли резервы для своего контрудара? Откуда такие мощные резервы у истощенной германской армии? Никакого секрета тут нет — во всех учебниках истории ответ напечатан черным по белому: «германское командование к месту прорыва спешно перебрасывало войска с французского и других фронтов». В самые сжатые сроки в Россию попали одиннадцать дивизий. Пусть нас не смущает формулировка «и других фронтов» — во всех «других» окопах немецкие солдаты имели тех же самых противников из Антанты. И именно англичане и французы бездействовали, позволяя немцам свободно подтягивать подкрепления.

«На Французском и Итальянском театрах летние операции шли не только в связи с Русским фронтом, но и без связи друг с другом. В то время как на Русском театре развивались только что изложенные нами события наступления и отката, англичане, французы и итальянцы **не предпринимали никаких операций** — пишет видный военный теоретик А.М. Зайончковский — **Но когда Русский фронт приостановился и германцы освободились, то 31 июля англичане предприняли наступление у Ипра**. Когда англичане сделали месячный перерыв в своем наступлении (с 16 августа по 20 сентября), **то французы начали свои атаки под Верденом (20-26 августа), а итальянцы одиннадцатое наступление на Изонцо (19 августа — 1 сентября), т. е. операции ... шли при полном отсутствии связи по времени**».

Договоренности между разведчиками двух блоков строго соблюдались. Немцы спокойно перебрасывали войска на Восточный фронт, «союзники», как и обещали, не вели никаких серьезных наступательных операций на Западном. То, что происходило, напоминало небольшие булавочные уколы: «**Другая особенность действий западных держав в этот период заключается в отсутствии широких целей в предпринимаемых ими наступлениях** — далее указывает Зайончковский — Они всюду ограничивались задачами тактического характера, а именно — улучшения своего положения занятием более выгодных пунктов».

Спокойны за свои позиции и «союзники»: немцы в апреле не двинулись на Париж, когда бунт охватил французские войска. Обратите внимание: **именно против России германские полководцы ведут себя «как надо»**. Видя ослабленность противника — они не просто обороняются, а идут в наступление сами. Под Парижем, в такой же точно ситуации германские войска стояли, как вкопанные!

Генерал Корнилов уже на следствии, проводимом Временным правительством показал: «Я принял армию в состоянии почти полного разложения. Благодаря войсковым Комитетам, высший командный состав был лишен влияния на войска. Многие генералы и значительная часть командиров полков, под давлением Комитетов, были удалены от занимаемых должностей. За исключением немногих частей, братание процветало. **Были случаи братания с**

участием хоров немецкой музыки, выставлявшихся между нашими и немецкими проволочными заграждениями. В течение двух месяцев мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины...».

Полное разложение армии открывается в этих строках. Русские солдаты братаются с немцами, а на нейтральной полосе играют германские военные оркестры. Непосильную ношу взвалили на деморализованную и разложенную русскую армию, чтобы ее уничтожить. Но даже в таком, полуобморочном состоянии она притянула на себя в 1917-м году 144 пехотные и 21 конную дивизии врага! Больше чем когда-либо за всю войну! **«Союзники» могли спокойно отдыхать в своих окопах — вся сила тевтонской ярости обрушилась на ослабленную Россию!**

Но целью наших «друзей» из Лондона и Парижа был не просто небольшой «передых» для своих войск, оплаченный кровью русских солдат. Цель их куда более глобальна — гибель Российской империи. Но пока в России была армия, а в этой армии был генерал Корнилов, она мешала выполнению дьявольского плана. Устранением этого препятствия и занялся Керенский.

Авторитет Лавра Георгиевича Корнилова в армии был действительно велик. В русско-японской войне он отличился в Мукденском сражении, прикрывая отступление армии. Первую мировую войну Корнилов начал командиром дивизии. Под его руководством она быстро стяжала себе почетное название — «стальная». Известен случай, когда горстка добровольцев 148-го Измаильского полка, входившего в состав этой дивизии, под руководством самого Корнилова яростной «суворовской» атакой опрокинула в Карпатских горах два австрийских полка, взяв 1200 пленных и одного генерала. Увидев с утра малочисленность русского отряда, австриец воскликнул в сердцах: «Корнилов — не человек, а стихия!». Во время вынужденного отступления русской армии сам Корнилов, остался прикрывать отход дивизии, был тяжело ранен и попал в плен. Австрийцы, пленившие его, уже знали, с кем имеют дело, и поместили его в крепости с многочисленной охраной. Тем не менее, едва оправившись от ран, он смог притвориться больным, лечь в тюремную больницу и бежать оттуда. Во время побега Корнилов выдавал себя за венгерского солдата, плохо говорящего по-немецки. Передвигаясь по ночам и питаясь тем, что мог добыть, он смог добраться до расположения русских войск. Газеты сделали его историю достоянием общественности, и авторитет генерала Корнилова неизмеримо возрос. Это был тот герой, которого ждала Россия.

После того, как Корнилов успешно и практически бескровно подавил апрельские выступления большевиков в Петрограде, многочисленные протесты городского Совета вынудили генерала подать в отставку с поста командующего гарнизоном, и направиться в действующую армию. Как раз к наступлению, которое ничего кроме провала и не ждало. Но он не пропал, не сгинул, а его 8-я армия добилась наилучших результатов.

11(24) июля 1917 года генерал Корнилов, видя страшные последствия наступления, направляет Керенскому телеграмму: «Армия обезумевших темных людей, не ограждающихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит... Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным Правительством, или, если оно не сумеет того сделать, **неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди.** Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого — от первого дня существования донныне — проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет, и потому, хотя и не спрошенный, **требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для реорганизации на началах строгой дисциплины** и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни...».

Через восемь дней после этой телеграммы, 19 июля (1 августа) Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим русской армией. Именно его выдвинул Керенский на важнейший пост. Но не потому, что оценил душевное благородство генерала. Нет, для успешного большевистского переворота надо уничтожить армию. Рядовой состав можно разложить пропагандой. Генералов и офицеров приказами и комитетами заставить забыть свой долг перед Родиной невозможно. Их можно из армии вычистить, удалить. Можно натравить на них расхлестанные солдатские массы. Но для всего этого нужен **повод!** Надо заставить армию выступить против разрушения страны, объявить ее мятежной силой и тогда уже разгромить ее

высшие эшелоны. Чтобы военные решились выступить против Временного правительства у них должен быть вождь. Поэтому Керенский выдвигает Корнилова.

Ленинское нетерпение и постоянные призывы продолжать и углублять революцию отклика должного не находили. На первых порах. После захлебнувшегося наступления к нему стали прислушиваться куда больше, но для окончательного завоевания умов и сердец русских солдат и обывателей, **не хватало Ильичу только одного — внешней угрозы для революции!** Не было опасности, что все завоевания революции могут в один миг быть ликвидированы. Не было внутреннего врага, в борьбе с которым все могли бы сплотиться. Под руководством большевиков, разумеется. Временное правительство не в счет — оно врагом не было (прямо, как у Высоцкого — «и не друг и не враг, а так!»). И пока такого противника не существовало, никто в партии и стране не понимал, зачем нужно так скоропалительно продолжать потрясения в стране, все более «левое» правительство которой, само проводило все реформы.

Врага следовало создать. Сам Ленин этого сделать не мог, это мог сделать Керенский. И он создал нужную ситуацию. Назначив генерала Корнилова на пост главнокомандующего, можно было спокойно ждать. Что же мог делать боевой генерал, придя к власти? Естественно наводить порядок. Наводить его так, как умел — жестко по-военному. И шаги его прекрасно просчитывались вперед: начав с введения смертной казни на фронте, он неизбежно должен был привести в чувство и тыл. Вот это его стремление к элементарному порядку во время страшной войны и можно было выдать за контрреволюционный мятеж. Как следствие все «здоровые» силы общества были должны сплотиться вокруг революционных вождей против попыток реставрации старого порядка (а точнее сказать — просто порядка!). После разгрома этой «страшной угрозы» путь большевиков к власти был открыт. Армия будет деморализована, обезглавлена и потеряет всякую охоту вмешиваться в политику.

Кто спасет страну? У здоровых сил России была надежда, что такой фигурой станет Лавр Георгиевич Корнилов. Жесткий, прямой и честный. Именно попыткой остановить сползание России в бездну и было его недолгое пребывание на высоком посту Главнокомандующего русской армией. От назначения до ареста, Лавр Георгиевич занимал эту должность всего чуть более месяца, но даже за столь короткий срок успел сделать немало. Одним боевой генерал не мог понять — он является пешкой в руках сил ведущих страну к развалу. Его намерение катастрофу предотвратить, на самом деле ее чрезвычайно приблизит. Именно «корниловский мятеж» проявит всю подлую и предательскую сущность Временного правительства и ее главы Александра Федоровича Керенского. Потому мы и назовем генерала Корнилова «зеркалом русской революции». Такой степени гнусности и обмана русский генерал просто не мог себе представить. И его можно понять — ведь обманул его не кто-нибудь, а глава русского государства!

«Корниловский мятеж» это стопроцентная заслуга Александра Федоровича, его сценарий, его драматургия. В действительности никакого мятежа не было: группа патриотов-генералов пыталась спасти страну по просьбе ... Керенского, а потом была им оклеветана и предана. Наверное, закулисные кукловоды аплодировали мастерству своего подопечного. Только эта пьеса Керенского была последней в его жизни, потому, что после этого ему оставалось стоять у власти всего два месяца...

На минуту отвлечемся от дурно пахнущей истории «корниловского мятежа» и вспомним, на каком фоне Лавр Георгиевич свою новую должность принял. Речь ведь шла не просто о провале наступления и военном поражении. Нет, по всей стране тогда творилось нечто невообразимое. Хаос и неуправляемость, обильно посеянные Временным правительством в марте-апреле, к июлю уже давали обильные всходы. «Работать никто не желал. Все стояло, словно заколдованное, в том виде, как застала „бескровная“, производя ужасно жуткое и тяжелое впечатление — вспоминал об этих месяцах очевидец, казачий полковник Поляков — Дороги не ремонтировались, рабочие самовольно разошлись, многочисленный технический персонал номинально организовался в комитеты, а фактически каждый делал все, что хотел и устраивал свою судьбу, как ему казалось лучше».

«В стране продолжались эксцессы, беспорядки, анархия, захваты, насилия, самочинство, неповиновение» — вторит ему Суханов — Гиммер. Переполнены такими же новостями и газеты того времени. Их заголовки говорят сами за себя: «Анархия, Беспорядки, Погромы,

Самосуды». Министр торговли и промышленности, беспартийный господин Прокопович уведомил правительство «что не только в городах, но и над армией висит зловещий призрак голода, ибо между местами закупок хлеба и фронтом — сплошное пространство, объятые анархией, и, нет сил преодолеть его». Министр внутренних дел смело мог добавить, что повсюду в стране идут разбои и грабежи, с которыми новая народная милиция не в состоянии справиться. Да не справилась бы и старая полиция! На всех железных дорогах, на всех водных путях расхищалось все и вся. Так, в караванах с хлебом, шедших в Петроград, по пути разграблено крестьянами — 100 тыс. пудов из двухсот. Статистика военного министерства за одну неделю только в тыловых войсках и только исключительных событий давала двадцать четыре погрома, двадцать четыре «самочинных выступления» и шестнадцать «усмирений вооруженной силой».

А ведь кризис, помимо политического аспекта, имел и экономические последствия. В стране, где из пункта «А» в пункт «Б», товары было уже не довести без риска их потерять, торговля замирала! Следствием этого стало массовое закрытие промышленных предприятий, что опять таки приводило к резкому ухудшению качества жизни населения. Промышленное производство уменьшилось примерно на 35%. Одновременно усилилась натурализация хозяйства, денежная торговля уступала место обмену. Но происходило это все не само собой. Руку к экономическим проблемам активно приложило Временное правительство. Именно министры новой свободной России, а не царские сатрапы включили на полную мощность печатный станок. Николай II этого себе позволить не мог, искренне заботясь о вверенном ему народе. «Временщики» ... на то они и «временщики»!

За неполные 8 месяцев правительство «свободной» России напечатало бумажных денег на сумму свыше 9,5 млрд. руб. Более того, казначейству было разрешено выпускать «примитивные» деньги на плохой бумаге, с плохой защитой от подделок, без подписи и дат. Такие купюры достоинством в 20 и 40 рублей получают в народе название «керенки». Это окончательно подорвало денежную систему. Быстро росла инфляция, покупательная способность рубля упала в 15 раз. Государственный долг России вырос на 14 млрд., достигнув к осени 1917 года 49 млрд. золотых рублей.

Но в первую очередь, от хаоса и ухудшения экономической ситуации страдал фронт. Наладить нормальное снабжение войск становилось просто невозможно. Командир Кавказской туземной дивизии так рисовал положение Подольской губернии, где стояли его части: «Теперь, нет сил дольше бороться с народом, у которого нет ни совести, ни стыда. Проходящие воинские части сметаю все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичьи, но и крестьянские имения...». Страшно становилось жить в новой, свободной России. Бездействующая власть отбивала у населения привычное уважение к государству, слабость и безволие которого были великолепной питательной средой для жестких и решительных экстремистов ленинского типа.

Вот на этом невеселом фоне Корнилов приступил к руководству армией. Одним из первых его шагов стало восстановление смертной казни. В тылу. У себя в армии он явочным порядком ввел смертную казнь и военно-полевые суды, а затем добился от правительства юридического оформления этих мер. На фронте, она была восстановлена Временным правительством за неделю до его назначения, сразу после июльского путча большевиков. Еще ранее Корнилов приступил к формированию новых дисциплинированных частей — ударных батальонов, запретил митинги и революционную агитацию в воинских частях. Его «ударники» еще во время наступления перешедшего в постыдное бегство, отлавливая дезертиров и расстреливая мародеров, навели порядок на фронте и в тылу армии. Трупы последних с табличками «За мародерство и грабеж», Корнилов приказал выставлять на площадях и вывешивать на фонарях.

Жестоко, ничего не скажешь. Однако действие этой меры было просто волшебным. Не верите — почитайте «Окаянные дни» Ивана Бунина: «Как распоясалась деревня в прошлом году летом, как жутко было жить в Васильевском! И вдруг слух: Корнилов ввел смертную казнь — и почти весь июль Васильевское было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти...».

Бунин испытал все прелести смутного времени на своей шкуре — писатель жил летом в

деревне и его тогда чуть не убили, просто так, за «буржуазный вид», обвинив в поджоге. Но, вот ввели смертную казнь — и стало тихо! И это в простой деревне, где люди ничего ужасного и преступного еще не совершили. Однако сам факт наличия наказания уже наводил порядок. В той же книге и про саму атмосферу России 1917-го замечает Бунин весьма метко: «Впрочем, почта русская кончилась уже давно, еще летом семнадцатого года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился „министр почт и телеграфов“. Тогда же появился впервые и „министр труда“ — и тогда же вся Россия бросила работать. **Да и сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство** ».

Вот в этой атмосфере, когда казалось все пошло с ума, и ввел смертную казнь Корнилов. Возмущению «корниловскими» методами в левой печати не было предела. Через год, уже придя к власти сами, большевики придумают отличный способ борьбы с анархией, спекуляцией, воровством и вообще со всеми социальными бедами. Метод чисто «корниловский» — расстрел на месте. Без суда и следствия. Мера жестокая, но только так новому красному правительству удастся быстро навести порядок в стране.

30-го июля (12 августа) на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия Корнилов высказал свой взгляд, можно сказать свою программу, по выходу из кризиса: «Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и заводах, изготавливающую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту».

В армии должен быть порядок, а по Корнилову такой же железный порядок надо навести в тылу и на железной дороге. Абсолютно логично. Именно такими и видели действия генерала честные русские патриоты и ... организаторы будущей провокации. Круто брал генерал Корнилов. Но меры, предлагаемые им, никто не оспаривал. В том числе и сам Керенский. Едва разобравшись в ситуации, 3(16) августа Корнилов прибыл в Петроград для доклада Временному правительству. Свои предложения он оформил в виде записки и вручил ее Керенскому. Ознакомившись с ней, глава правительства выразил принципиальное согласие с указанными в ней мерами, но, попросил Корнилова не представлять записки правительству официально, а подождать окончания аналогичной работы всего военного министерства и тогда уже сверить позиции. На том же памятном заседании произошел инцидент, произведший глубокое впечатление на Корнилова. Думаю, и вас он тоже удивит...

Дело было так. Идет заседание правительства, выступают министры. Доходит очередь и до военных вопросов. Корнилов выступает с докладом о мерах необходимых для борьбы с хаосом и анархией. Когда же он решил коснуться вопросов планируемой наступательной операции на Юго-западном фронте, Керенский его внезапно остановил. Генерал был в недоумении, пока не получил записку. Борис Савинков, известный террорист-эсер, а теперь помощник Керенского по военным вопросам, выражал неуверенность в том, что «сообщаемые Верховным главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке».

Уже упоминавшийся нами глава русской разведслужбы в Париже, полковник Игнатьев давно поставил об этом правительство в известность: «Мои сведения с момента их поступления больше не остаются совершенно секретными, они сообщаются некоторыми членами временного правительства их партиям... Керенский отказался привести некоторые подробности, касающиеся военных дел, при **Чернове, который почти открыто был германским агентом** ». Поняли в чем дело?

В правительстве сидел немецкий шпион, все об этом знали и ничего не делали!

Вы это себе можете представить?! До какой степени разложения должна дойти власть, чтобы это стало возможным! Но в России, управляемой Временным правительством было возможно все. Поэтому министр земледелия **Виктор Михайлович Чернов (Либерман)**, спокойно ходил на заседания правительства. С ним все вежливо здоровались, вместе курили и анекдоты рассказывали. Вот только на темы военные и секретные с ним не разговаривали. Такая, знаете, своеобразная политкорректность, доведенная до абсурда.

Сам Виктор Михайлович, наверное, даже обижался на такое недоверие товарищей по кабинету, но службу в германской разведке не оставлял. Как и не покидал рядов партии эсеров, к которой, напомним, принадлежал и сам Керенский, и написавший записку Савинков.

Вы это понять можете? Я вижу только одно вразумительное объяснение: служба в какой-либо иностранной разведке или отстаивание интересов зарубежной державы членами правительства было настолько обыденным явлением, что уже никого во власти не удивляло. Чернов выделялся лишь одним — он работал на германскую разведку, в то время как все остальные сотрудничали с «союзными» спецслужбами. Был славный министр земледелия другой масти, но все из той же колоды! И к этой его особенности коллеги по кабинету министров относились с пониманием, за это Виктора Михайловича не осуждали: жить то как-то надо, все мы люди. Министры всего лишь старались в его присутствии государственных секретов не обсуждать. Вывод из всего вышесказанного напрашивается простой. Интересы Англии, Франции и США были представлены в правящем кабинете свободной России многими персоналиями. О германских делах пекся член партии эсеров Виктор Михайлович Чернов.

Интересы России во Временном правительстве не отстаивал никто.

События злополучного заседания стали для Корнилова шоком. В его генеральском мозгу происшедшее просто не укладывалось! После совещания он вернулся в Ставку просто сам не свой. Надо было спасать страну, причем срочно. Если раньше источником заразы Корнилову казались Советы и особенно самый зловредный — Петроградский, то теперь он видел, что и Временное правительство поражено той же гнилью. В результате Корнилов решил навести порядок в стране радикально. Его ошибка была в том, что он искренне хотел стране блага и для этого собирался опереться на тех, кто послушно выполнял волю настоящих и главных разрушителей России. Волю «союзников».

Для начала решительных действий воспитанному в военных традициях генералу требовалось распоряжение его непосредственного начальника и главы властной вертикали — Керенского. Его Корнилов не идеализировал, но распоряжение премьер-министра придавала его действиям вид абсолютной законности. Необходимо было вырвать Керенского из «гнилой» петроградской среды, обеспечить его безопасность и несколькими решительными мерами остановить развал страны.

События в России, тем временем, принимали все более грозный оборот: 14(27) августа происходит грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани. Уничтожены были около миллиона снарядов, и до 12 тыс. пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, результатом которой мог стать окончательный паралич всей транспортной системы страны, что неминуемо вело к голоду на фронте. 20 августа (**2 сентября**) наши войска неожиданно для Корнилова сдали Ригу, успешно обороняемую до того два года. Следом за этим немцы начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Таллинну (Ревелю) и Петрограду. И, наконец, военная контрразведка положила на стол Лавра Георгиевича донесение, говорившее, что в последних числах августа — начале сентября большевики собираются взять власть. Медлить больше было нельзя.

Генерал готовится спасти Россию. Те же, кто хочет ее развала, готовятся спровоцировать его выступление, чтобы одним ударом уничтожить все здоровые силы, стоящие на пути большевиков. Корнилов думает, что Керенский его поддержит. Основания для этого были: сначала председатель правительства согласился на образование комиссии для разработки проекта о военно-революционных судах и смертной казни в тылу. Затем Керенский соглашается и на объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении. Дает добро он и на ликвидацию кронштадского очага анархизма и большевизма. Корнилову события мыслились так: Керенский приезжает к нему в Ставку в Могилев, откуда продолжает руководить страной. Одновременно для ликвидации очага безобразий на Петроград посылается 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова, в задачу которого входит разоружение Петроградского гарнизона и разгон местного Совета. После приведения в чувство столицы порядок быстро установится и по всей России. Советы распускаются, в стране вводится военное положение, а за этим следует

милитаризация военных заводов и железных дорог, запрет на забастовки и т.п.

Корнилов двигал войска на Петроград с ведома Керенского, для помощи Временному правительству в наведении порядка в столице, а затем и во всей стране.

Для создания у генерала иллюзии всеобщей поддержки, в это самое время в кампанию по дезинформации вступают и «союзники». Чтобы Корнилов решился на свое выступление, они демонстрируют ему свое благоволение. Деникин пишет об этом так: «Еще более определенные и вполне доброжелательные отношения сохранили к Верховному иностранные военные представители. Многие из них представлялись в эти дни Корнилову, принося ему уверения в своем почитании и искренние пожелания успеха; в особенности в трогательной форме это делал британский представитель».

Одни слова — реальной поддержки никакой. **Интересный штрих** - в том же августе 1917-го «союзное» американское правительство направило в Россию своих представителей. Официальная цель визита благородна и честна — гуманитарная миссия Красного Креста. Настоящая причина совсем другая — необходимо контролировать процесс развала страны, подходящий к своему логическому концу — передаче власти большевикам. По некоторым сведениям эта «гуманитарная миссия» накануне «корниловского мятежа» передала Ленину на последний этап организации Октябрьского переворота около миллиона долларов. Корнилову же никто никаких денег не давал. У него были только слова поддержки «союзных» послов, договоренности с Керенским и две дивизии верных войск.

Но он все же решается.

В тот момент выбор у главы правительства Александра Федоровича Керенского был очень простой: Корнилов или Ленин. Корнилов это — порядок, наведенный жесткой рукой, повешенные на столбах дезертиры и перспектива победы в войне. Ленин это — порядок, наведенный еще более жестокими методами, Гражданская война, Брестский мир, распад, потеря территорий и мучительное завоевывание их обратно. Корнилов — это сохранение страны, той России, что удивляла мир своим развитием. Ленин — это невиданный эксперимент, создание чего-то нового ценой миллионов жизней. Детские трупы, расстрельные рвы и тифозные бараки.

Выбор будущего России сделал Керенский. Он твердой рукой выбирает своего земляка Ульянова. Поддавки, есть поддавки ...

26-го августа (8 сентября) 1917 года генерал Крымов получает приказ начать движение на Петроград. Корнилов считает, что действует в полном соответствии со своими договоренностями с Керенским и все пройдет благополучно. Генерал не знает, с кем имеет дело! Дальше начинается политический цирк, а если быть точным — простое предательство. Вечером 26-го августа (8 сентября) на заседании Временного правительства Керенский неожиданно квалифицирует действия Корнилова как мятеж, и требует для себя чрезвычайных полномочий. Как мы помним, на любые свои просьбы Александр Федорович отказа не знал при любом составе кабинета — полномочия ему были предоставлены, а сами министры по привычке подали в отставку. На следующий день 27-го августа (9 сентября) вся Россия была потрясена манифестом Временного правительства, объявившего генерала Корнилова вне закона. **Публикация произошла в страшной спешке и в тайне от других членов Временного правительства**. Мирный исход кризиса Керенскому был не нужен, ему требовалась жесткая конфронтация. Повод для окончательного шельмования и добивания армии. Причина для раздачи оружия красногвардейцам и выпуска большевиков из тюрем.

В то время Борис Савинков и другие выясняли по телеграфу с Корниловым подробности происшедшего, пытаясь разобраться в ситуации, Керенский, не дожидаясь результатов отдал приказ опубликовать манифест. В нем Керенский назвал героя Карпат «изменником» и приказал военачальникам не подчиняться Корнилову. Железнодорожники получили приказ разобрать пути и не допустить конный корпус в Петроград. В тот же день Керенский отдал приказ о предании суду Корнилова и его сторонников. На свободу начали выходить и без того немногочисленные арестованные большевики.

Больше всех изумлен подобным развитием событий был сам Верховный главнокомандующий! Его ответный манифест, это даже не программа, не план, а просто крик души: «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный

выступить открыто я, генерал Корнилов, заявляю, что **Временное правительство под давлением большинства советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба** и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну изнутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога в храмы, молитесь господу Богу об явлении величайшего чуда спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!».

Генерал Крымов, получивший известия о неожиданном поведении Керенского растерялся. В тот момент к нему и прибыли представители правительства, предложившие поехать к Керенскому на переговоры. Крымов знал о том, что Корнилов действует с санкции премьера, и не мог понять причин объявления генерала изменником. Он и поехал к Керенскому для того, чтобы объяснить, рассеять недоразумение. После беседы с премьером он застрелился, а возможно даже был убит. «Великий демократ» Керенский поначалу даже запретил вдове покойного публичные похороны. Только после ее настойчивых просьб и обращения генерала Алексеева, было разрешено, пишет Деникин, «похоронить покойного по христианскому обряду, но не позже шести часов утра в присутствии не более девяти человек, включая и духовенство». Так трагически закончилась жизнь одного из лучших кавалерийских генералов России, который поначалу с таким восторгом встретил Февральскую революцию...

Многие авторы говорят о том, что если бы Крымов не остановил движение своего корпуса на Петроград и не отправился к Керенскому, то город был бы взят, а наша история могла миновать многих своих черных страниц. Но он поехал, и поплатился за это жизнью. У других авторов можно прочесть, что Крымов не застрелился сам, а сделать это ему помогли адъютанты Керенского. Темная это история, впрочем, как и вся история восхождения Александра Федоровича к власти...

Пробуждение от сна было неприятным. Да впрочем, какой сон! Легкое забытие, провалы, очищающие мозг и дающие телу новую энергию.

— Ты смотри! Спит, сука! И в ус не дует!

Камера. Десять квадратных аршин пола. Окошко с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело — рядом отхожее место. А в окне висят два солдата — охрана свободно допускает всех, желающих высказаться. Ругательства и угрозы. Угрозы и ругательства. Никуда от них не уйти. Отворачиваешься к двери — так и там, в глазок смотрит другая пара ненавидящих глаз, оттуда также сыплется отборная брань. Вот тогда ложишься на нары и закрываешь голову шинелью и ненадолго тонешь в спасительном сне.

Но когда пробуждаешься, выходишь из забытья, в окне твоей камеры кто-то висит и поливает тебя словесными помоями. Но за что? За стремление спасти свою Родину от мрака и ужаса? Что преступного совершил он, генерал Антон Иванович Деникин?

В окно, уцепившись за решетку, заглядывают два солдата. Глаза жестокие, навывкате. Голос истерический. Деникин поднял голову и посмотрел в их сторону. И тут же пожалел об этом. Такая грязь полилась на него сквозь решетку, от этих двух русских солдат, толком его не знавших, что стало ему тошно и уныло.

— Хотел открыть фронт... продался немцам... хотел лишиться земли и воли...

Заметили его движение.

— Очнулся гнида. Смотри, жив еще — усмехнулся один из солдат — Недолго тебе осталось. Не будем ждать, пока сбежишь — сами своими руками задушим.

Лучше бы и не шевелился. Так бы и лежал, накрывшись шинелью с головой, только бы не слышать всего этого.

Да, делая доклад, на котором присутствовали высшие военные чины и сам Керенский, буквально пару недель назад, он сказал все как есть. Прямо и честно, как и следует боевому генералу, прямо в лицо Александру Федоровичу выложил все, что он думает о состоянии армии. И ждал отставки, но ее не последовало. А вместо этого, правительство попросило направить к столице конный корпус. Тогда казалось, что хоть и поздно, но осознал Керенский и его сотоварищи всю гибельность пути, по которому ведут они Россию, и искренне решили навести порядок в Петрограде. А случись так, ведь и вся страна очнется от охватившего ее безумия. Но то были иллюзии, сладкие надежды и грезы.

— За что? За что?

Снова и снова в голове Деникина возникал этот немой вопрос. И ответа не было. То есть он был, но правда это была страшнее любого внезапного пробуждения. Эта правда стучала в висках и рвалась внутрь камеры от изрыгающих проклятия, висящих на решетке солдат.

— ... за попытку вооруженного восстания против Временного правительства ...

Так сказали солдаты, пришедшие его арестовывать. Но ведь никакого мятежа не было! Он Деникин, только и «натворил», что в своей телеграмме сказал, что думал всегда: «Я солдат и не привык играть в прятки... На совещании с членами Временного правительства, я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена... Сегодня, получив известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного главнокомандующего; видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны; считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду».

Остальные командующие фронтов его поддержали и теперь, как и он попали за решетку. Мятеж, восстание. Да, что они, болтуны и демагоги, в этом понимают! Разве бывает мятеж, когда нет ни планов никаких, ни сил для этого. Никто не был арестован, никого не задержали, ни Деникин, ни другие мятежники, пока не пришли забирать их самих. И не от нерадивости или лености своей, просто никаких планов в действительности не было.

Деникин сглотнул подкативший к горлу комок. Он ничем не мог помочь Корнилову, и ночью, той решающей ночью, ждал вестей о движении корпуса Крымова на Петроград. Не помог оттого, что не просил Корнилов поддержки, не готовился свергать правительство.

Когда он, генерал Деникин, получил телеграмму Керенского, то сразу понял, что наступает очередной аккорд гибели страны. Телеграмма была без номера. С простой подписью. Очень простой, даже без должности — Керенский. Так правительственные депеши не оформляют. А потом текст, от которого засосало, заныло под ложечкой. Генералу Корнилову предлагалось временно сдать должность Верховного главнокомандующего генералу Лукомскому, и незамедлительно выехать в Петроград.

Беглого взгляда достаточно, чтобы понять ее незаконность. Верховный главнокомандующий назначается и снимается не волею одного министра, пусть и премьера, но решением всего Временного правительства. А тут просто — Керенский, и без номера исходящего. Не мог Корнилов подчиниться такому приказу. Нельзя его выполнять, ибо это и не приказ правительства вовсе, а депеша частного лица.

И видимо на то, и был расчет. То, что все случившееся было похоже на громадную провокацию, Деникин начал подозревать с самого начала. Но вся грандиозность замысла Керенского открылась ему только здесь, в тюремной камере. Время для мыслей было в достатке. Сначала самому призвать войска в столицу, потом за это объявить о снятии Корнилова с должности Верховного главнокомандующего, а когда он откажется выполнить незаконный приказ-телеграмму, объявить его мятежником и смутьяном.

От осознания того, что все случившееся было неслучайно, Деникина прошиб пот. Если все так и есть, то мерзавец и подлец Керенский прекрасно понимает, что он творит! Разве можно объявить любимца армии Корнилова изменником, не поставив крест на остатках дисциплины и порядка? И это сейчас, когда германцы взяли Ригу и готовятся двинуться на Петроград!

А на решетке — очередная «смена». Новые «общественные обвинители».

— Попил нашей кровушки, покомандовал, нас в тюрьме погноил, теперь наша воля — сам посиди за решеткой. В автомобилях раскатывал — теперь попробуй полежать на нарах, б...дь подзаборная!

Деникин остановился, повернулся к окну, и взглянул в лица висевших на решетке. В углу на тумбе стоял большой тяжелый графин с водой. Когда эти обезьяны придут его убивать, одному «товарищу» вполне можно успеть проломить череп. Тогда его убьют сразу, помучить не успеют.

— Так и сделаю — подумал Антон Иванович Деникин, и, сделав свой выбор, почувствовал, что непрерывная ноющая боль внутри начала стихать и уменьшаться...

Генерал Корнилов был арестован по приказу Керенского у себя в Ставке. Аресту подверглись еще ряд высокопоставленных военных. Представьте себе эффект от подобной меры: во время войны, главный военный руководитель назван изменником. Фактически — это обвинение в адрес всего офицерства, а не конкретной персоны. Как следствие, по всей России прокатилась волна убийства командиров. В Выборге, например, в эти дни были убиты командир 42-го Армейского корпуса генерал Орановский, комендант Свеаборгской крепости генерал Васильев и целый ряд других офицеров. Всего в одном этом тихом и спокойном городе было убито 80 офицеров. Количество жертв по всей стране неизвестно...

«Обо всем этом сообщалось в газетах, и казаки читали, как избитых офицеров солдаты бросали в море, а когда те цеплялись руками за берег, — добивали их прикладами там же... — пишет один из казачьих офицеров — И главное — все это прошло совершенно безнаказанно». Не при большевиках начали русские солдаты убивать своих офицеров, а при Временном правительстве. Просто у Ленина и его команды масштабы были совсем другие, вот все эти зверства и припишут им одним...

В августе 1917-го Керенский разгромит не Корнилова и Деникина — он разгромит остатки дисциплины в русской армии. Он разгромит саму русскую армию. А позже сам напишет в мемуарах: **«Без корниловского мятежа не было бы Ленина».**

Вместо того, чтобы с помощью армии навести порядок в стране и вывести ее из штопора, Керенский все сделал наоборот. Это не случайность. Не будем забывать, что власть Александр Федорович собирался передать своему земляку Ульянову, а не суровому и строгому генералу. Теперь сделать это будет гораздо проще — чрезвычайные полномочия Керенским получены. Сформирована Директория из пяти человек. Фактически Керенский становился диктатором России, и теперь он мог беспрепятственно добить остатки русской государственности. После «корниловского мятежа» он сделает еще ряд шагов окончательно облегчающих приход к власти большевиков. Огромны заслуги Александра Федоровича перед Октябрем, но не поставила благодарная Советская власть ему ни одного памятника, ни одного самого скромного бюстика. Оттого, что не любят предателей. Нигде.

Первого сентября 1917-го года была провозглашена Российская Республика. В усталой и потерявшей веру стране, словно никто и не заметил, что, объявляя республиканский строй в России, Керенский присвоил себе полномочия Учредительного собрания. Ведь именно оно только и могло решить, дальнейшую судьбу государственного устройства! И этот основной вопрос Керенский практически решил самолично, с народом не посоветовавшись. После такого отношения к Учредительному собранию, его созыв начинал казаться чисто декоративным актом. Апатия к происходившему в стране, нарастала у населения пугающими темпами. Этого Керенский и добивается: когда Ленин будет свергать власть, за надоевшее всем Временное правительство никто не должен вступить.

Армия также обескровлена ненужным наступлением и деморализована обвинениями в адрес Корнилова. Остается последний шаг: Керенский назначает самого себя «Верховным главнокомандующим сухопутными и морскими силами» Российской демократической республики. И тут же новый «Верховный» приступает к реформированию вооруженных сил. Реформы начинаются с изгнания из армии «за контрреволюцию» высшего командного состава. Они были заменены лицами, по определению военного министра Верховского, имевшими в своем активе «политическую честность, твердость поведения в корниловском деле и контакт с армейскими организациями». То есть трусы, болтуны и приспособленцы.

Реформы шли ударными темпами — в конце октября Керенский сказал: «Я счастлив заявить, что в настоящее время ни на одном фронте, ни в одной армии вы не найдете руководителей которые были бы против той системы управления армией, которую я проводил в течение четырех месяцев». Обратите внимание на даты — это наш герой говорит прямо накануне большевистского переворота! Вот потому и защищать Временное правительство никто не пришел. Труссы, болтуны и приспособленцы жизнью своей рисковать не захотели. Помимо этого сразу после ареста Корнилова, Керенский по требованию Совета приостановил приведение в исполнение смертных приговоров в армии, т. е. фактически отменил смертную казнь, только, что введенную и хоть как-то остановившую анархию.

До появления Ленина на вершине русской политики оставался один месяц. Подготовка передачи власти подходила к своему логическому концу. В этот момент «большевистскую угрозу» вдруг заметили наши «союзники»! Они словно проснулись. Все странности и несуразности в руководстве страной Временным правительством вдруг открылись для них во всей своей ужасающей полноте. Не замечали они немецких денег Ленина, не видели его дублера Троцкого у себя под носом, не понимали провокационного характера «Декларации прав солдата». Было неясно для них, что нельзя разгонять полицию и реформировать всю систему власти за одну неделю нельзя. Лишь легкое недоумение вызывало у «союзников» роспуск контрразведки и корпуса жандармов. Ничего не слышали они и о небывалом росте сепаратизма во всех концах Российской империи. Не знали, не догадывались, не видели. И вот случилось «чудо»! В одночасье им открылась вся правда о катастрофическом состоянии России и «союзники» наши страшно обеспокоились.

Именно, так и выходит, если внимательно присмотреться к двум любопытным документам. Можно назвать даже точную дату «союзного» прозрения: 25 сентября (8 октября). В этот день в России была опубликована «Декларация о внешнеполитических планах Временного правительства». Ничего нового мы в этом документе не прочитаем: «...правительство будет неустанно развивать свою действительную внешнюю политику в духе демократических начал, провозглашенных русской революцией, сделавшей эти начала общенациональным достоянием, стремясь к достижению всеобщего мира и исключая насилия с чьей бы то ни было стороны». Об интересах России в послевоенном мире говорилось там весьма скромно: «непременным условием мира является вывод немецких войск из занятых областей России. Россия предоставляет полное самоопределение Польше, Литве и Латвии». Скромны требования страны, переживающей из-за войны страшные бедствия, особенно если учесть, что о выводе австрийских и турецких войсках «временные» дипломаты просто забыли упомянуть! Зато распад страны уже получил начальную конфигурацию. Финляндии, правда, в этом списке отделившихся нет. Как нет и ни слова о Дарданеллах, о Босфоре — словно и не была их оккупация извечной мечтой русской политики! Зато «все воюющие отказываются от требования возмещения всяких издержек в прямом и скрытом виде». Прямо, как потом у Ленина — мир без аннексий и контрибуций! Звучит это красиво, только надо помнить, что на момент выдвижения этого чудесного лозунга, война в Европе в основном велась на территории Франции и Бельгии. Там и были основные разрушения, а на германской земле все заводы и дома были целехоньки. Поэтому призыв «без контрибуций» на деле означал, что после войны французы вернутся в разруху, а немцы в целехонькие цеха. Следовательно, такой вариант был для «союзников» неприемлем. Выдвижение такого предложения на этапе войны, когда поражение Германии было вопросом времени, было очевидной глупостью и по другой причине: Россия тоже должна была получить с немцев контрибуцию!

Зато забота об интересах «союзников» проступала с каждой страницы документа. Мы решительно требовали восстановления Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии в прежних границах. Мы широко обещали возмещение убытков Бельгии и материальную помощь Сербии и Черногории. Самой России, по мнению Временного правительства помощь была не нужна. Все у нас было хорошо, просто здорово! Потому, что восстанавливать наших младших «союзников» предлагалось из... интернационального фонда. Иными словами — за счет всех «союзных» держав. Значит и за наш тоже.

И вот этот манифест бескорыстия и союзнического долга опубликован. По идее добрые дяди из Парижа и Лондона должны за него погладить Временное правительство по головке.

Хозяева могли быть довольны: их марионетки заботятся о Бельгии и Черногории, о России даже не вспоминая. Но не тут-то было.

На следующий день к Керенскому явились посланники Англии, Франции и Италии и обратились к нему с коллективным заявлением от имени своих держав. Прозревшие послы заявили, что «последние события внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну и, что общественное мнение их стран требует отчета у правительств по поводу материальной помощи, оказанной России». Чтобы это мнение успокоить, «русское правительство должно доказать свое стремление использовать все средства, чтобы восстановить дисциплину и истинный воинский дух в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу».

В марте, после первых приказов Временного правительства разлагающих армию «союзники» не беспокоились, после провального наступления не засомневались, а ровно за месяц до ленинского выступления вдруг решительно попросили «восстановить дисциплину и истинный воинский дух в армии». Армии уже практически нет, как нет и воинского духа и дисциплины. Уничтожили их Керенский и его соратники и «союзники» молча на это взирали, и вот теперь их же просят все вернуть обратно. Заодно и отчета о материальной помощи запросили. Именно сейчас, прямо накануне прогнозируемых внутренних потрясений, вместо поддержки в такой непростой час!

То, что большевики своих намерений не скрывали, мы уже сказали. Не было их стремление к власти и секретом для «союзников». Подготовка же к самой большевицкой революции была хорошо известна им, по крайней мере, за шесть недель до того, как она произошла. Один отчет в архиве Государственного департамента США так говорит о грядущих событиях: «сомнительно, сможет ли правительство ... подавить восстание». Британское правительство предупредило своих граждан в России о необходимости отъезда именно за такой срок до начала большевицкой фазы революции. В сентябре и октябре туда поступало много сообщений о распаде правительства Керенского, и о большевицких приготовлениях к перевороту.

Про «союзную» материальную помощь говорить не стоит. Достаточно лишь почитать телеграмму профессора Б.А. Бахметьева, посла Временного правительства в США, министру иностранных дел Терещенко: «...Ознакомление с финансовыми потребностями союзников создало у меня впечатление крайней несоразмерности ассигнований на различные армии, не соответствующих настоящему положению. В частности, строго доверительно сообщаю, что Англия и Франция имеют в виду затратить 735 млн. франков на снабжение от 6 до 9 дивизий греческих войск. Подобные же широкие масштабы, несоизмеримые со скудностью русского снабжения, применяются в отношении других армий».

Как говорится — что для русского здорово, то для грека смерть! Поэтому, снабжают их, греков, тратя в несколько раз больше денег, чем отводится на «помощь» русскому солдату, что за всех за них отдувается в сырых окопах. Но таких мелочей марионетки англо-французские из нашего правительства не замечали. В том, числе и министр иностранных дел Терещенко. Он был всецело озабочен странным демаршем «союзных» послов. Чтобы правильно сориентировать русских послов в Париже, Лондоне и Риме этот деятель направил им телеграмму, излагавшую ответы Керенского «союзным» послам, разъяснявшую «линию партии»:

«Он (Керенский— Н.С.) указал при этом, **что нынешнее, тяжелое положение России в значительной степени обусловлено наследием прошлого режима**, правительство которого встречало в свое время за границу поддержку и доверие, быть может, не отвечающие его заслугам. Он обратил также внимание на опасные последствия, которые влечет за собой колебание союзников в деле снабжения нашей армии военными припасами, причем результаты таких колебаний сказываются на фронте через два-три месяца после того, как они имели место... Относительно мер к восстановлению боевой способности армии министр-председатель указал, что эта задача приковывает все внимание правительства и что сегодняшняя поездка в Ставку его военного министра и министра иностранных дел вызвана именно необходимостью разработки соответствующей программы. В заключение А. Ф. Керенский отметил по поводу

коллективного выступления послов, что Россия все же является великой державой».

Сладкоголосый Керенский и здесь в своем репертуаре. Он и перед послами валяет Ваньку, да старую песню поет — во всем виноват проклятый царский режим. Он и страну развалил и дисциплину убил. О собственных заслугах, Александр Федорович скромно умалчивает. И лишь в конце разговора замечает, что «Россия все же является великой державой». А ведь с этого и надо бы разговор начинать! Но ведь не может Керенский так говорить с представителями своих хозяев. Потому и говорит им всякую чушь, типа «разработки соответствующей программы» для повышения дисциплины. Такая программа уже готова. Ее давно для Керенского генерал Корнилов написал. Углем по доскам, что на шее повешенных мародеров и дезертиров красовались. Но она, Керенского не устроила, ибо в миг могла привести к отрезвлению и армии и страны!

Однако вернемся к телеграмме Терещенко.

«Коллективное заявление трех послов произвело на нас тяжелое впечатление, как по существу, так и по форме, в которую оно было облечено. Нашим союзникам хорошо известны исключительные усилия, прилагаемые Временным Правительством в целях восстановления боевой способности армии. Ни военные неудачи, ни внутренняя смута, ни, наконец, громадные материальные затруднения не в состоянии были за последние шесть месяцев сломить неуклонной решимости русского правительства довести до конца борьбу с общим врагом. **При таких условиях мы решительно недоумеваем, какие мотивы могли побудить наших союзников к означенному выступлению и какие реальные результаты они от него ожидают**».

Вот стоит Керенский перед «союзными» послами и недоумевает: я же все сделал, как вы хотели, что ж вам еще надо? А ответ прост: пора и Вам, Александр Федорович, отправляться в политическое небытие. На заслуженный отдых, так сказать. Свою работу Вы уже выполнили — до Октября остается всего один месяц.

Демарш «союзников» означал их алиби в глазах западного общественного мнения и будущих историков. Мол, мы русских предупреждали: наведите дисциплину, восстановите порядок, а то плохо вам будет! Ну не послушались нас — вот большевики к власти и пришли. Мы, «союзники», здесь не причем. Сделали, все, что могли. Говорить все это надо было именно сейчас. Ранее заявить было опасно — вдруг, и правда, возьмут да и наведут в стране порядок — конец тогда ленинским планам. Позже говорить тоже опасно — как бы вообще не опоздать. В конце сентября это сделать в самый раз. Тут и повод само Временное правительство дало, опубликовав свою «Декларацию о внешнеполитических планах». Свою строгую ноту «союзники» явно заготовили заранее и ждали момента для ее обнародования. Об этом говорит невероятно быстрая реакция на заявление Временного правительства (менее суток!) и удивление Терещенко, явно такого не ожидавшего. Еще одним аргументом в пользу такой версии является сам текст «союзного» заявления. Формально оно ответ на нашу бумагу, а, по сути, речь в нем идет совсем о других вещах. Временное правительство говорит про Сербию и Бельгию, а англичане и французы про воинскую дисциплину и про отчет о материальной помощи.

Странное поведение «союзных» послов является сигналом о том, что большевистский переворот находится в финальной стадии готовности, и, что Временному правительству остались считанные деньки находиться у власти.

Тридцать дней. Тридцать дней, много это или мало? Здравомыслящие люди и в тот последний миг перед катастрофой, все еще пытались спасти Временное правительство, а вместе с ним и Россию от прихода большевиков. Среди них был генерал Краснов, с августа назначенный командующим 3-м конным корпусом погибшего генерала Крымова. С его назначением был связан один любопытный эпизод. Неразбериха в стране и армии была такая, что на должность эту были одновременно назначены двое — генерал Краснов и генерал Врангель. Оба прибыли на новое место службы и только тут выяснилось недоразумение. Врангелю моментально объявили, что должность займет Краснов, потому, что, «по условиям политического момента» военный министр Верховский не находит возможным назначение его командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы.

Посланный Корниловым в Петроград, но так до него и не доехавший 3-го конный корпус

расположился в окрестностях столицы. Штаб его находился в Царском Селе, а части — в близлежащих к столице городах. Фактически, после ареста Корнилова корпус был единственной силой удерживавшей большевиков от выступления. **Вопрос стоял так: уйдет 3-й конный корпус от Петрограда — быть Октябрю, останется — у России появлялся призрачный, но шанс!**

Угрозу «союзному» плану уничтожения России, надо было срочно устранить. Для начала корпусу требовался покладистый и послушный командир. Однако, устранив от командования известного своими патриотическими взглядами Врангеля, Керенский мало, что добился — генерал Краснов также оказался честным человеком. Он подал Керенскому рапорт о создании сильной конной группы из надежных кавалерийских и казачьих частей с сильной артиллерией и бронеавтомобилями. Часть группы должна была находиться в самой столице, а другая — вблизи ее, в постоянной боевой готовности. Об отводе войск от столицы, речь, разумеется, не шла. Проект Краснова взял командующий войсками Петроградского военного округа и передал его Керенскому. Фактически — этот проект последняя надежда Временного правительства и Керенского, как главы страны.

Вы уже догадались, что сделал Главковерх Керенский? Если нет, то я вам подскажу. Он сообщает суть этого проекта большевикам! Уже на второй день после подачи рапорта, его текст появился в газетах, а Петроградский Совет в лице Троцкого категорически потребовал немедленно убрать конный корпус подальше от города. Разумеется, Керенский исполнил требование большевиков — конный корпус отвели в район Пскова в распоряжение Главкома Северного фронта генерала Черемисова, сторонника большевиков. Он потихоньку начал разбрасывать кавалеристов малыми частями еще далее от города, быстро расплывая силы корпуса. Так, что не стоит удивляться легкости Октября и малому числу его жертв. Все, что было в его силах для успеха большевистского переворота, Керенский сделал!

А «союзники» выполнили свое обещание: ценный агент, выполнивший свое задание, должен остаться живым и невредимым. Это очень важный момент: если пожертвовать Керенским сейчас, как отработанным материалом, другие сотрудничать не согласятся. Спасение свергнутого премьера, поэтому весьма важное дело, задел на будущее. Остальные министры сидят в Зимнем дворце, а сам Александр Федорович уходит, а вернее, уезжает в политическое небытие ... на «союзном» транспорте.

«Каким образом, я не знаю, но весть о моем отъезде дошла до союзных посольств. В момент самого выезда ко мне являются представители английского и, настолько помню, американского посольств с заявлением, что представители союзных держав желали бы, чтобы со мной в дорогу пошел автомобиль под американским флагом».

Слаба память у Александра Федоровича. Как натываемся на сомнительный момент в его биографии, так в его памяти появляется провал. Вот и «союзные» посольства «случайно», непонятно как узнали, что пора товарищу Керенскому уезжать. В смысле бежать. И тогда они предоставляют русскому премьеру машину. С американским флагом на капоте, потому, что автомобиль этот был машиной консула США.

В самый решительный момент Керенский просто убежал из Зимнего Дворца, бросил своих министров. Их он просто обманул, для пушей убедительности сказав, что едет встречать войска, которые, якобы, идут в Петроград на помощь Временному правительству. Вот бы и задуматься министрам: если премьер бросает свою столицу для того, чтобы лично(!) встретить батальон солдат в Луге и «перехватить их до вступления в Петроград», то дело не просто плохо, а безнадежно! Армией должен заниматься военный министр, батальоном должен заниматься майор, в крайнем случае — полковник. Если встречать каждую роту или взвод будет глава страны и Верховный главнокомандующий, то у такой страны будущего не будет. Так оно и получится — Российская Демократическая республика доживала свои последние часы. В ее недрах в муках зарождался будущий Советский союз, вожди которого в отличие от Саши Керенского занимались своими непосредственными обязанностями — руководили страной...

На любезно и «случайно» предоставленном «союзниками» транспорте, Керенский тайком, приехал в Псков. К тому самому генералу Краснову, чей проект спасения власти, сам Керенский передал в левые газеты, и тем самым сделал его выполнение невозможным.

— Генерал, где ваш корпус? Он идет сюда? Он здесь уже, близко? — это был первый

вопрос Верховного главнокомандующего Александра Федоровича Керенского.

Много работал «отец русской демократии», ночей не спал оттого видимо «забыл», что части корпуса, который мог бы сейчас в корне изменить ситуацию, **именно по приказу самого Керенского разбросаны по всему Северо-западу России**. И память, так к нему и не вернулась. Иначе, как можно объяснить, что в своем сборнике статей *«Издайка»*, изданного в 1922 году в Париже, Керенский продолжает страдать амнезией. Он подробно разъясняет, что «3-й конный корпус был тот самый знаменитый корпус, который во главе с „дикой дивизией“ под командой генерала Крымова был брошен ген. Корниловым 25 августа против Временного Правительства». Потом следует и вовсе удивительное предложение: «После „неудачи“ (корниловского выступления — Н.С.) деморализованные части этого корпуса **были разбросаны по всему Северному фронту**. Вот почему вместо «корпуса» я нашел в Острове лишь несколько полков».

Керенский пишет «разбросаны». Словно ветром сдуло две кавалерийские дивизии, которые могли еще спасти Россию, если бы, ... если бы не деятельность уважаемого и чтимого многими нашими современниками Александра Федоровича! Ведь это именно он был Верховным главнокомандующим и главой страны! Ведь именно по его приказу 3-й конный корпус расчленен и разбросан в разные стороны. И не только он! Такая же участь постигла, к примеру, и 5-ю Кавказскую казачью дивизию.

«Не желая иметь вблизи Петрограда казачьих частей», как пишет будущий командир Корниловского конного полка Ф.И.Елисеев, Керенский отправил части дивизии:

— два полка дивизии с батареей и штабом в городок Вильмондstrand (по-фински — Лапперанта);

— еще один полк и батарея — в **Выборг** (Виипури);

— и, наконец, четвертый полк — в Гельсингфорс (**Хельсинки**).

Расстояние от Выборга до Лапперанты — около 50 км, от Выборга до Хельсинки более 350 км. Попробуйте покомандовать воинской частью, разбросанной на таком расстоянии. Сколько потребуется времени, чтобы ее собрать, разослать приказы и привести в боеспособный вид. Потом помножьте полученный временной результат на два, за счет упадка дисциплины. Вам еще непонятно, почему казачьи дивизии не появились у Зимнего и Смольного в решающие часы Октября семнадцатого?

Но Керенский упорно делает вид, что ничего не знает и не понимает. Отдадим должное выдержке казачьего генерала Краснова. Он спокойно доложил Керенскому о том, что на сегодняшний день, нет, не только корпуса, но и дивизии. Их необходимо собрать, а для этого требуется уйма времени. Двигаться на город малыми частями — безумие. К тому же в корпусе нет пехоты, а для занятия Петрограда она совершенно необходима. И тогда Керенский обещает ее прислать. Но пехоты все нет и нет...

Страну еще можно спасти, шанс еще есть! Надо только проявить решительность в этот переломный момент. В конце концов, Керенский не только политик-демагог, а еще и Верховный Главнокомандующий. Его приказов обязаны слушаться все! Но честных, любящих Россию генералов именно Керенский из армии и вычистил. И назначил командующим Северным фронтом генерала Черемисова, который успешно «тасовал» 3-й конный корпус по окрестностям столицы. Вот и на вопрос Краснова, как случилось, что его приказ об отправке войск в Петроград отменен, Керенский продолжает играть в «поддавки», отвечая, что тут, на Северном фронте, распоряжается генерал Черемисов, и все вопросы надо адресовать ему.

Генерал Черемисов с Керенским после свержения говорить не хочет, Александр Федорович ему уже не интересен. «Генерал не скрывал, — пишет сам премьер в книге „Гатчина“ — что в его намерения вовсе не входит в чем-нибудь связывать свое будущее с судьбой „обреченного“ правительства. Зато с пришедшим за помощью Красновым разговаривает генерал Черемисов почти откровенно. В мемуарах казачий атаман передает их беседу дословно:

— Временного Правительства нет, — устало сказал он (Черемисов — Н.С.) — Я вам приказываю выгружать ваши эшелоны и оставаться в Острове. Этого вам достаточно. **Все равно, вы ничего не можете сделать.**

— Дайте мне письменное приказание, — требует Краснов. Черемисов с сожалением

смотрит на него, пожимает плечами и, говорит: **«Я вам искренно советую оставаться в Острове и ничего не делать. Поверьте, так будет лучше»**.

Эх, не понимает Краснов намеков! Ему же прямым текстом говорят, что все уже решено, дергаться не надо. И на клоуна Керенского тратить свое время и жизнь тоже не стоит. Но генерал Краснов знает одно — он служит России, а именно жалкий и скользкий Александр Федорович в роковом октябре семнадцатого ее глава и руководитель. Генерал Черемисов же знает другое: вопрос передачи власти большевикам уже решен. Это неизбежно, и в тени этого разрушительного процесса стоят такие силы, тягаться с которыми не стоит по причинам простого самосохранения. Отсюда и усталый взгляд генерала Черемисова. Он знает явно больше, чем может сказать. А большое знание рождает большую грусть!

«Странная» позиция генерала Черемисова будет чуть более понятной, если знать, что сей славный воин, еще полковником в 1915 году, **попал под суд по обвинению в шпионаже!** Но был спасен таинственными покровителями и вышел сухим из воды. Через два года пришло время отрабатывать должок: осенью 1917 года Черемисов тайно субсидировал большевистскую газету «Наш путь». Потом разбросал по Северо-западу ключевой 3-й конный корпус и другие казачьи дивизии. Теперь он должен заблокировать все попытки направить в Петроград верные правительству войска. Остается только догадываться, кто же отмазал генерала Черемисова от трибунала. Еще интереснее вопрос: **почему именно такого генерала Керенский назначил командовать ближайшим к столице округом?** Ответ историков мы знаем заранее: **случайно**

...

В эти октябрьские дни все висело на волоске: дальнейшая судьба страны, жизни миллионов, что сгорят в пожаре Гражданской войны, судьба будущей политической карты мира. Невероятно слабой была и новорожденная Советская власть. Если выступить сразу, не медля — вероятность успеха становится большой. Но это если вы хотите выиграть и спасти страну от грозящей катастрофы, как Краснов. Если Ваши цели противоположны — Вы будете всеми правдами и неправдами тянуть время.

Даже здесь, на краю своей политической карьеры Керенский продолжает подыгрывать своему земляку Ульянову. Целых два дня ждет Краснов обещанных Керенским пехотных подкреплений: драгоценное время уходит. Они не придут. Поняв это, генерал Краснов решает действовать своими силами. И он во главе своей «армии» двинулся на Петроград: «Итак, к вечеру 29-го октября мои силы были: 9 сотен, или 630 конных казаков, или 420 спешенных, 18 орудий, броневик „Непобедимый“ и блиндированный поезд. Если настроение Петроградского гарнизона такое же, как настроение гарнизонов Гатчины и Царского Села, — войти в город будет возможно...».

Пора подвести итог деятельности министра юстиции, военного министра министра-председателя, Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского.

Благодаря его правильным решениям, выверенной кадровой политике, смелому политическому маневрированию, бескомпромиссной борьбе с экстремистами и крепкой поддержке собственной армии на подавление большевистского мятежа движутся 900 казаков. Больше никто за этого «героя революции» сражаться не хочет. Именно этого Керенский и добивался. Он олицетворял собой власть, олицетворял собой государство. Защищать такое государство никто не хотел. Именно поэтому так легко взяли власть большевики — никто не сопротивлялся. Усталое от катаклизмов население, разложенная властью армия, даже не заметили, что вместе с Временным правительством ушла в небытие и старая Россия. Та, «которую мы потеряли». Благодаря усилиям Александра Федоровича Керенского.

Но генерал Краснов этого еще не знал и шел на Петроград со своей страшной «армией» в девять сотен бойцов. Как в феврале семнадцатого, генерал Иванов шел на город с батальоном георгиевских кавалеров. Революция снова была в страшной опасности! Об этом кричали листовки, об этом вопили передовицы левых газет. Никому в голову не могло придти, что Керенский поработает так «хорошо», поэтому количество войск Краснова в них раздувалось до десятков тысяч. Сейчас в «исторических» книгах и учебниках вы прочитаете, что казачьи войска пытались большевикам помешать. И, как обычно, забудут авторы таких книг указать число казаков в отряде Краснова...

Первые же бои, случившиеся на подступах к городу, показали крайнее нежелание солдат обеих сторон стрелять друг в друга. Стрельба русских солдат по русским казакам была еще в большую диковинку. Но сил у Краснова было до смешного мало. Даже узнав о мятеже юнкеров, вспыхнувшем в Петрограде, дальше Царского села, Краснов продвинуться не смог. У него просто не хватало солдат даже на охрану пленных, поэтому их всех просто отпускали. «Не расстреливать же их всех» — замечает Краснов в своих мемуарах. Он так старомоден и еще не знает, что именно так теперь поступать и будут...

Вместо обещанных подкреплений в этот критический для России момент на сцене вновь появляются «союзники». Краснов пишет: «Вечером из ставки в Гатчину прибыл французский генерал Ниссель. Он долго говорил с Керенским, потом пригласил меня. Я сказал Нисселю, что считаю положение безнадежным. Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск, то с этим батальоном можно было бы заставить Царскосельский и Петроградский гарнизоны повиноваться правительству силой. Ниссель выслушал меня, ничего не сказал и поспешно уехал».

Он мог спокойно ехать — все свои планы по разрушению России «союзники» выполнили. Но давайте зададим один вопрос: зачем французский генерал приехал к Керенскому сидящему в Царском селе с несколькими сотнями казаков? Узнать, как дела можно и по телефону, да и не стоит рисковать ради этого жизнью проезжая сквозь боевые порядки красной гвардии и революционных матросов. Не ровен час — застрелит «союзного» генерала какой-нибудь не в меру горячий «братишка»! Может, помощь решил французский военный атташе предложить? Она была бы очень кстати: один батальон и вся история России пойдет по другому. Ведь пройдет всего несколько дней, и большевики предложат немцам заключить мир. Это необратимая катастрофа и Франция этого допустить не должна! Лишиться союзника — значит усилить врага. Может именно об этом беседует с Керенским бравый парижский генерал? Решает с ним, как помочь Временному правительству, а с ним и самому себе?

Увы, нет. Ниссель просто уехал, ничего Краснову не сказав. А Керенский, довольно улыбаясь, развел руками:

— Вот... Я надеялся, что Ниссель своими силами поможет нам, но он заявил, **что во внутренние дела России Франция вмешиваться не хочет**.

Представляете — вмешиваться не хочет! Живут в Париже одни фаталисты: есть у нас русские «союзники» своими костями дважды спасавшие Францию в эту войну, или нет таковых, это как карта ляжет! Бог союзников дал, Ленин забрал, ничего не поделаешь! Так мы и поверим, что рисковал жизнью генерал Ниссель, только ради того, чтобы поделиться этим политическим откровением с потерявшим власть Керенским. И, конечно, именно от таких новостей настроение последнего резко улучшилось.

На самом деле французский генерал за закрытыми дверями обсуждал с Керенским детали плана по его переправке в более безопасное место. Ниссель еще раз подтвердил ранее данные «союзниками» гарантии безопасности и безмятежной жизни русского горе-руководителя. Оттого и сиял, как начищенный самовар Керенский в момент, когда должен был бы плакать! Все разговоры о помощи — не более чем спектакль, разыгранный для Краснова и других.

Уехал генерал Ниссель, а вслед за ним исчез и Керенский, под занавес, назначив Краснова командующим несуществующей армией. Он растворился, оставив записку. Глава Российской демократической республики второпях написал: «Слагаю с себя звание министра-председателя, передаю все права и обязанности по этой должности в распоряжение Временного правительства. А. Керенский. 1.XI-17 г.». Если учесть, что правительство в полном составе сидело в Петропавловской крепости, то дело обстояло так: **Керенский официально отрекся от власти в пользу главы нового большевистского правительства Владимира Ильича Ленина**.

Конечно, его акт отречения носил уже неофициальный характер, но факт остается фактом. Вместо того, чтобы призвать верные правительству силы на борьбу с узурпаторами он просто удрал в неизвестном направлении, не оставив антибольшевистским силам никакого официального «знамени». **И большевики, и борцы с ними были отныне одинаково незаконны**. Единственным законным органом власти могло стать Учредительное собрание, но оно должно еще было только собраться в январе 1918-го! Именно поэтому реальная борьба с

большевиками началась лишь после разгона ими «Учредиловки», а до той поры все выжидали развития событий. Так даже своим побегом, Керенский последний раз помог земляку Ульянову удержаться, укрепиться в самые сложные первые недели после захвата власти.

Отчаянием и полной безнадежностью веет от мемуаров Краснова: «Ночью пришли тревожные телеграммы из Москвы и Смоленска. Там шли кровавые бои. Ни один солдат не встал за Временное Правительство. Мы были одиноки и преданы всеми...».

Пройдет менее года и 13-го апреля 1918 года генерал Корнилов героически погибнет во время штурма Екатеринодара частями Добровольческой армии. Уже после отступления белых тело Корнилова будет извлечено из могилы красноармейцами. Труп генерала опознают, его привезут в Екатеринодар (Краснодар) и при большом стечении народа разденут и повесят на дереве. Потом пьяные комиссары изрубят тело Лавра Георгиевича шашками, растопчут ногами, обложат соломой и сожгут. Вечная ему память!

Позднее и генерал Краснов испытает крепость и цену британского слова на собственной шкуре. Это будет много позже. Он будет выдан англичанами в СССР после Второй мировой войны и повешен 17-го января 1947 года в Москве, во дворе тюрьмы Лефортово.

— ... 17-го ноября. Пятница. Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Точно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени. Николай Романов закрыл свой дневник и отложил его в сторону. Погода в Тобольске в этом году и вправду была чрезмерно холодной и снежной даже для Сибири. За окном его дочери, Великие княжны возились на качелях и соскакивали в кучу снега. Но бывший император, смотрел сквозь стекло не на их забавы. Его взгляд, его душа были там, в его далекой столице ...

Прошло всего восемь месяцев после его отречения. Уже восемь месяцев, как в России наступило Смутное время, теперь начиналась Гражданская война ...

Глава 11. Почему промедление смерти подобно.

Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться...

Л.Д. Троцкий «Дневники и письма».

Такого подъема сил он не испытывал уже давно. Все предыдущие дни были полны страшного напряжения, волнений и огромного потока информации, на который надо было моментально реагировать. Ведь еще сегодня с утра ему казалось, что когда возьмут Зимний, когда поставят последнюю жирную точку, он просто повалится с ног. Но нет — энергия просто была ключом, спать совершенно не хотелось. И это притом, что вчера и сегодня он даже забывал поесть. Уж такой он человек, увлеченный и увлекающийся! Спасибо товарищам, с голоду умереть не дали.

Откуда только взялись силы — чуть не бегом он бросился к трибуне, и слова будущей речи сами складывались в голове в стройные и красивые предложения.

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась! — резко выкрикнул Ленин в зал и сделал паузу, преобразившую зал заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в подобие концертной площадки.

Шквал аплодисментов. Наверное — это самая счастливая минута его жизни. Сбываются самые смелые мечты. Он набрал воздуха в легкие, посмотрел на первые ряды зала и продолжил.

— Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии.

Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций. Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Вот это и есть сбывшаяся мечта. Социализм. Это слово, благодаря его напору и энергии, из книжного символа становилось реальным фактом. Заслуга в том именно его — Ленина. Это — несомненно. С этим никто и не спорил. Он сам чувствовал, как из одного из многих, пусть более талантливого и решительного, он в глазах партийных товарищей превращался в оракула и мессию. Все, что он говорил и предсказывал, всегда сбывалось! Даже самое невероятное.

Говорили, что он несет бред, что это невозможно, что он погубит революцию. Но проходила неделя, другая, и становилось, очевидно, что прав был именно он. И постепенно критики становились его горячими сторонниками. Сегодня его триумф, его день.

Ленин говорил о необходимости заключить мир, немедленный мир. В этом месте он снова остановился и оглядел горящие глаза сидящих в зале. Слово «мир» — действовало волшебю! Их глаза действительно загорелись. Мир был волшебным ключиком, открывающим все двери в коридорах российской власти.

— Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры».

Этого зал не заметил, не понял и не оценил. Эту фразу он сказал не для партийных товарищей, не для рабочих и солдатских депутатов, сидящих в этом зале. Он выкрикнул это в тишину даже не для граждан своей страны. Понять и оценить, что значит «немедленно опубликовать все тайные договоры» должны были те, кто забросил его сюда. Те, кто помогал ему, с кем он был связан обязательствами и общей тайной. Тем, кому теперь, в свою очередь, он не собирался помогать ни минуты. Он уже давно решил выйти из под контроля, но такой момент настал только сейчас! Теперь, когда власть они уже взяли, с «союзниками» и с немцами говорить можно будет по-другому. Пока, правда, этого не знал никто, даже самые близкие соратники. Он скажет это им не сейчас, объяснит свое решение позже.

Ленин решил остаться.

Доклад надо было завершать. Ильич выбросил руку вперед и коротко, словно отрубая слова своей раскрытой ладонью, закончил:

— В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!».

Зал потонул в овациях...

А ведь еще две недели назад Ленин писал совсем другое. Тогда его нервы были напряжены, как струна. В тот период ему удавалось все: находить новые лозунги, удачно выступать на митингах, убеждать колеблющихся и буквально за шкуру тащить их вперед к светлому будущему. Он спешил, страшно спешил. Читаем ленинское письмо с четким и ясным названием — «Большевики должны взять власть». Указаны и адресаты: Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитету РСДРП (б):

«Почему должны власть взять именно теперь большевики? Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими. А отдаче Питера при армии с Керенским и К0 во главе мы помешать не в силах. И Учредительного собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенским и К0 всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение».

Нервозность ленинских строк сразу бросается в глаза. Основной вопрос: **«почему должны власть взять именно теперь»**. Ленин спешит, он знает, что власть надо брать именно сейчас. Но эту излишнюю спешку надо скрыть. Окружающие ее не поймут, они уже ее не понимают, как не понимали многого ранее. Как это все ему надоело! Он не может открыть им всей правды и потому приходится выдумывать, черт знает, что, для своих же товарищей!

На кону стоит все — революция, страна, да может судьба всего мира. Но это понимает только он. И Троцкий. Больше никто. Некоторые верят на слово, следуют за своим вождем, но в глубине их глаз все равно читается непонимание. Почему сейчас? Почему так спешим?

10(23) октября на собрании ЦК партии, Ильич ощутил это «равнодушие к вопросу о восстании». А нервы и у Ленина не железные, они сдают. И тогда на бумагу, словно невидимые чернила выплескиваются его тревога и беспокойство, граничащие с отчаянием.

«Письмо членам ЦК РСДРП (б)».

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, **промедление в восстании смерти подобно. Из всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске**, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс ... **Нельзя ждать!! Можно потерять все!!** История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все. **Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия**. Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе, и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой... Правительство колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало! **Промедление в выступлении смерти подобно**».

Если раньше лукавил Ильич, выдумывая разные небылицы, то теперь он просто открытым текстом говорит, не говорит, кричит: надо брать власть! Все висит на волоске! Можно потерять все! И далее призывает своих товарищей не задавать не нужных вопросов, не терзаться сомнениями, не терять драгоценного времени на собрания и совещания. Ленин пишет уже совсем откровенно: **«политическая цель» взятия власти «выяснится после взятия»**. Сначала придем к власти, а там и цель наша станет понятна. Вам товарищ Зиновьев, цель наша пока не ясна? Так это ничего, батенька. Давайте сначала власть возьмем, а там я вам и расскажу, зачем мы это сделали.

Оставим Владимира Ильича наедине с его сомнениями и тревогами и зададим себе всего лишь один вопрос. Ответ на него весьма и весьма интересен. Ответ на него страшен, потому, что приоткрывает нам ту тайную занавесь, откуда и набросилась на нашу страну революционная напасть. **Куда же так спешит Владимир Ильич?**

Давайте задумаемся. Если какая-то политическая сила начинает отчаянно спешить с выполнением своих политических планов, это означает, что другая сила может их выполнению помешать. Ленин торопится взять власть, следовательно, должна существовать угроза срыва ленинского плана. Кто же может ему помешать встать во главе России в октябре семнадцатого года? Перечислим всех гипотетических противников:

- **«буржуазное» Временное правительство;**
- **военный переворот;**
- **монархический заговор;**
- **немецкое наступление и оккупация ими России;**
- **вмешательство «союзников».**

Разберем по порядку реальность всех этих угроз. **Власть в лице Временного правительства** быстро деградировала, она просто разваливалась прямо на глазах. Во главе России стоял Керенский из всех сил помогавший большевикам. В правительстве появлялось все больше социалистов и экстремистов всех мастей. Ленин это прекрасно знал и видел. Можно было просто подождать, пока власть, управляемая столь неумело, сама, как спелый плод, упала бы к ногам большевиков. Ведь правительство либо бездействует, либо помогает и подыгрывает своим уничтожителям до самой последней минуты.

Практически единственная, реальная угроза Ленину — **военный переворот** уже невозможен, благодаря стараниям все того же Керенского. Генерал Корнилов, с помощью главы Временного правительства, опозорен и арестован. Ближайшие сподвижники Корнилова или арестованы, или застрелились. В армии проведена чистка. Все ненадежные генералы уволены или отправлены, куда подальше в буквальном смысле слова. Возможность военного

переворота полностью исключена. Нет руководителей, нет организации. Да и нет желания. (Забавно, но после Октября, Керенского вместе с Лавром Георгиевичем Корниловым большевики вообще свалят в одну кучу. Так и напишут в своих воззваниях: «Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому!». Это все звучит не менее забавно, чем «троцкист Сталин»! Но, кто там будет разбирать!?)

Монархических заговоров не было и в помине. Ни один самый дотошный историк не нашел ни малейшего намека на такую возможность. Отметим ее и мы.

Немцы также не могут быть угрозой для захвата власти большевиками. Ведь именно они и привезли сюда Ленина, а все его действия ослабляют Россию. Значит, они немцам только на руку. И германские офицеры, приехавшие в plombированном поезде помогали организовывать переворот. «Предстоящая отдача Питера» германцам, о которой пишет сам Ильич в своих письмах товарищам нас смущать не должна. Таких планов не было ни у Керенского, ни у Корнилова, вообще ни у кого. Сдача города была просто притянута за уши, она существовала только в воображении Ленина и служила оправданием его непонятной спешке. Да и немцы совсем не собирались захватывать русскую столицу. Ленин это прекрасно знал — просто он выдумал этот хороший повод поторопить незадачливых соратников, а после него пошло это гулять из книги в книгу! Раньше пугал пролетариат и революционную демократию Корниловым, теперь начал страшать германским штыком. Это тем более удобно, что уж кто, а Ленин с немецкими планами знаком. Июльское выступление большевиков удивительно совпадало по срокам с нашим наступлением на фронте и последующим контрударом германцев. Большевики своими действиями ослабляли страну и армию, и мешать им со стороны немцев, было бы очень странно.

Наши доблестные «союзники» мешать Ленину также не собирались, по той же причине, что и немцы. Им его деятельность была также на руку. Да и не было для этого ни свободных дивизий, ни планов. Эта угроза в реальности вообще не существовала. Хотя бы потому, что сам Ленин о ней ни разу не упоминает.

Интересная картина получается: реальных противников внутри страны у ленинцев нет — власть разложена и разлагается далее. С внешним миром все обстоит великолепно: с немцами у них полная любовь, «союзники» ни во, что не вмешиваются. Нет никакой угрозы, с каждой неделей большевики все сильнее. Медленно, но верно большевики к власти продвигаются, и чем дальше, тем меньше препятствий перед ними на этом пути остается. Вроде бы набраться терпения и подождать, а гениальный Ленин все спешит да спешит. А Ленин торопит и торопит: «промедление в восстании смерти подобно»! Но почему?

Ответ надо искать у самого вождя мирового пролетариата. «Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, **то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма** ». Это чуть позже напишет сам Владимир Ильич. Все получилось как в сказке, «специально сложившиеся условия» помогли Ленину взять власть. Международный «союзный» империализм на все это спокойно взирал, «сложив» эти «специальные условия» так удачно для большевиков. Но кое-что он и попросил взамен...

Просто так, в этом мире ничего не случается. Чтобы получить возможность захватить власть, чтобы получить деньги и лояльность Временного правительства, Ленину пришлось взять на себя определенные обязательства. Вот о них стоит упомянуть.

С «немецкими» обязательствами ясность полная: Ленин пообещал им вывести Россию из войны. Об этом много говорят, о «долгах» большевиков немцам пестрят все современные издания, совершенно забывая об обязательствах перед «союзниками». То, что они были, перестаешь сомневаться, анализируя поведение Парижа, Лондона и Вашингтона в разгоравшемся русском междоусобье. Надо снова окунуться в зловещий план развала России, состряпанный нашими «союзниками» по Антанте. Часть их сценария «**Разложение** », как мы видели, блестяще претворил в жизнь господин Керенский. Начиналась финальная ступень — «**Распад** ». Для воплощения этой части и готовили Владимира Ильича. Хотели использовать его, а он в свою очередь, готовился воспользоваться уникальным моментом и совершить революцию, абсолютно невозможную в любой другой ситуации.

Перед «союзниками» Ленин взял только одно обязательство: ПРЕРВАТЬ ЛЕГИТИМНОСТЬ РУССКОЙ ВЛАСТИ!

Это очень интересный и совершенно неизученный вопрос. Это ключ к пониманию ленинской спешки. Это ответ на многие вопросы, которые никак не могут найти историки. На октябрь 1917 года единственной легитимной властью в России было Временное правительство. Единственной его задачей был созыв Учредительного собрания, которое после отречения Николая, а затем Михаила должно было решить дальнейшее устройство страны. Временное правительство было всего лишь руководящей силой, призванной довести страну до выборов. Вместо этого оно довело страну до ручки, но речь сейчас не об этом.

Чтобы окончательно уничтожить Россию, «союзники» готовили для нее маленький юридический казус — отсутствие легитимной власти вообще!

Ведь какое — бы ни было Временное правительство плохое, а открыто против него выступал только Ленин! Корнилов потому и проиграл, что свергать «временщиков» не собирався, а только хотел очистить власть от шпионов и предателей. Все остальные революционеры и сепаратисты разных мастей в огромной Российской республике — империи, заикались пока лишь об автономии, да о национальных военных формированиях. Потому, что открыто призывать к свержению легитимной власти сложно и морально и юридически. Сделав это, ты автоматически становишься мятежником и преступником. Совсем другое дело, если власти нет. Нет, она, конечно, есть, **но она незаконная, а потому подчиняться ей необязательно!**

Вот такую ситуацию и готовили для нашей страны. После свержения правительства Керенского большевиками, единственным легитимным органом власти оставалось Учредительное собрание. Большевики должны были просидеть «на троне» до его созыва и благополучно народных избранников разогнать. После ликвидации ими Учредительного собрания наступал полный правовой вакуум — законной власти в стране не оставалось. Вы только себе представьте: бескрайняя, огромная Россия и нет никакой власти! Царь отрекся, брат его отрекся, Керенский отрекся. Временное правительство разогнано и сидит в тюрьме, депутаты «учредиловки» тоже распущены. От Владивостока до Хельсинки, от Мурманска до Средней Азии нет уважаемой признанной властной структуры. Но без власти, без государства жить нельзя, вакуума в общественной жизни быть не может. Поэтому на всех этих огромных просторах начнется процесс формирования новых властных структур. Стихийно и везде одновременно. Что это означает? Неизбежное столкновение этих новых структур, противоборство и борьбу. Это означает хаос, анархию, гражданскую войну. Это — смерть, голод и лишения. Все вместе — это конец страны. **Вот оно, логическое завершение плана «союзников» — гибель России.**

Чтобы нарушить легитимность власти, переворот было необходимо произвести не «когда получится», а четко привязав его по времени. **Ленин спешил взять власть к моменту голосования в Учредительное собрание. С другой стороны ему было просто необходимо успеть к открытию Второго Всероссийского Съезда Советов.**

Ленин должен был взять власть до опускания бюллетеней в урны и еще по одной причине: у него не оставалось никакого другого предлога для ее захвата! Вся страна ждала созыва Учредительного собрания. Единственная мотивация, которую массы могли понять в тот момент — власть необходима для проведения выборов и обеспечения будущего созыва этого главного государственного органа. Именно «за», а не «против»! Ленинская гениальность как политика, в том и заключалась, что для разгона Учредительного собрания он взял власть под лозунгом его поддержки! Именно поэтому в своих письмах к коллегам Ленин и призывает взять власть, якобы чтобы обеспечить этот созыв. Фактически Ильич призывает большевиков встать на место Временного правительства, призванного осуществить выборный процесс. Только Ленину не выборы были нужны, а революция. Потрясения и развал России было нужно и «союзникам», и немцам. Всем, кроме измученного народа бывшей Российской империи!

Чтобы окончательно рассеять свои сомнения сверим даты:

— голосование в Учредительное собрание — 12(25) ноября.

— Великая Октябрьская социалистическая революция — 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Тут Ленин успел опередить выборы, имея почти две недели свободного времени. А вот со

вторым сроком, к открытию Второго съезда Советов, чуть было не опоздал. Помните, Первый съезд Советов в июне, на котором полюбовно, друг за дружкой выступали Ульянов и Керенский. Перед своим закрытием он установил день 25 октября (7 ноября), как дату открытия следующего съезда.

«Удивительное» совпадение — именно в этот день произошла большевистская революция!

Однако, просто так «чудес» в истории не бывает! Не исключение и история наших революций. Ленину надо было взять власть не вообще, а к вполне конкретному сроку. Быстро, четко, не теряя времени на объяснения и уговоры. Иначе весь смысл его действий для «союзного» плана терялся. Поэтому и «промедление смерти подобно»! Возьми власть неделей позже, а «союзные» друзья скажут, что ты не выполнил своих обязательств. Если успеешь к означенному сроку, дальше все пойдет как по маслу. Во-первых, и немцы и «союзники» будут тебе помогать или, по крайней мере, не мешать. Во-вторых, внутри страны сопротивление также (хотя бы первое время) почти никто не окажет. Иными словами — будет время осмотреться и укрепиться. «Специально сложившиеся условия» надо использовать на все сто! Ленину эта революция нужна не для того, чтобы, хапнув золота убежать за границу, не для того чтобы просто развалить Российскую империю, а для того чтобы осуществить свою несбыточную мечту — построить новое социалистическое государство.

Позднее выборов брать власть нельзя. Лучше раньше, загодя. Государственный переворот штука сложная — как бы не опоздать. Сначала, в июле были еще не готовы. Потом, в конце августа, помешало корниловское выступление. Наконец в октябре подготовились более основательно, но надо было быть в успехе уверенными наверняка. Слишком велика ставка. Если выступление сорвется, то и «союзники» и немцы от большевиков могут отвернуться. Будут искать других исполнителей своих планов. Тогда могут закончиться и чудеса, пропадет «гениальное» ленинское предвидение...

Нет, рисковать нельзя. Устроили репетицию — в Ташкенте. Так там чуть все не сорвалось из-за сопротивления одного казачьего полка. Он так энергично противился, что товарищи Владимира Ильича опять запаниковали. Тогда он опять говорил им, что все будет хорошо, они победят. И снова оказался прав: к казакам пришла телеграмма Керенского с требованием заключить мир. Во время войны с Германией недопустимо проливать братскую кровь, ну и так далее. Послушавшись Керенского, казаки оставили Ташкент, и ушли в крепость, а большевики за ночь окружили ее тяжелой артиллерией, а с утра начали обстрел. Делать было нечего — казаки вышли без лошадей, сдались. Их ловили и зверски убивали, офицерам выкалывали глаза... А большевики сделали для себя выводы на будущее. В Петрограде с казаками договорятся, и они будут хранить нейтралитет, поэтому захват власти пройдет практически без эксцессов.

Однако для подготовки, основательной подготовки требовалось время. А его у Ленина было мало. Оно утекало, как одна за другой уходят песчинки сквозь отверстие песчаных часов. Ленин спешил, но не успевал и тут ему снова помог ... Керенский. Сейчас об этом упоминают редко, но первоначально голосование в Учредительное собрание было назначено на **17(30) сентября 1917 года**. Эта дата была объявлена только в середине июня. Однако уже в августе сроки были сдвинуты.

«Учитывая обострение обстановки в стране», Временное правительство перенесло сроки выборов Учредительного собрания на 12 (25) ноября.

Изменились, соответственно, и даты его созыва: с 30 сентября (13 октября) на 28 ноября (11 декабря) 1917 года. Потом дату созыва перенесут еще раз: на 5(18) января 1918 года.

Этот и был тот выигрыш во времени, получив который Ленин успел сделать революцию.

Показательным примером истинных причин ленинской спешки с вооруженным восстанием является известная история с «предательством» Каменевым и Зиновьевым планов партии ее противникам. Все у Ильича было готово для взятия власти. Все ... кроме самой партии большевиков. Точнее — ее думающей части. Червь сомнения разъедал всех, кто мог мыслить самостоятельно. Зачем устраивать восстание накануне выборов?

А то, что восстание будет, знает любой уличный мальчишка. Собственно говоря, никто из большевиков из этого тайну не делал. Даже сам Владимир Ильич. В конце сентября Ленин

пишет работу «Удержат ли большевики государственную власть?». Даже из названия видно, что взятие власти вопрос уже решенный, а речь идет, об успехе или провале этого мероприятия. Окончательное решение принято 10(23) октября на заседании Центрального комитета партии. «За» проголосовали все, кроме Каменева и Зиновьева. После этого решения и был сформирован Военно-Революционный комитет, через две недели спокойно взявший власть и засадивший министров Временного правительства в Петропавловскую крепость.

Об уровне тайны, хранимой большевиками, лучше всех сказал Троцкий, выступая на втором юбилее октябрьской революции в 1919 году: «Тщетно память пытается найти в истории другое восстание, которое было заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный срок осуществлено — и притом победоносно». Вообще в мемуарах Льва Давыдовича «Моя жизнь» упоминание о «страшной тайне» можно найти многократно: «О восстании говорили повсюду и везде: на улицах, в столовой, при встрече на лестницах Смольного».

Итак, вооруженного выступления большевиков все ждут, все об этом знают. В это самое время 18(31) октября в газете «Новая жизнь» было опубликовано интервью с Каменевым, в котором тот рассказывал о своем (вместе с Зиновьевым) несогласии с решением ЦК партии о вооруженном восстании. «Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны — писал Каменев — Разговоры о том, что влияние большевизма начинает падать и тому подобное, мы считаем решительно ни на чем не основанными. В устах наших политических противников эти утверждения просто прием политической игры, рассчитанный именно на то, чтобы вызвать выступление большевиков в условиях, благоприятных для наших врагов».

В тот же день, выступая в Петроградском Совете, Троцкий сказал: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны ...».

Реакция Ленина на разговоры о восстании своих ближайших соратников удивительна и необъяснима. Он не замечает прямых высказываний Троцкого с трибуны Петросвета, зато с яростью обрушивается на Каменева и Зиновьева.

20 октября (2 ноября) Ленин пишет письмо в ЦК по поводу «предательского поведения» своих соратников. Центральный комитет осуждает Каменева и Зиновьева и впредь запрещает им делать заявления против принятых партией решений. А сам Владимир Ильич отвечает Зиновьеву и Каменеву, таким же печатным словом! «Письмо к товарищам», объемный труд на 20-ти страницах выходит в течение трех(!) дней, в трех номерах газеты «Рабочий путь»: «Я говорю прямо — пишет пролетарский вождь — что товарищами их обоих больше не считаю, и всеми силами буду бороться за исключение обоих из партии».

Много нелестных эпитетов: «Неслыханные колебания, способные оказать губительное воздействие на партию... Эта парочка товарищей, растерявших свои принципы». Так у Ленина бывает часто — он в пылу полемики слова не особенно подбирает и ругается страшно на тех, кто выдал планы большевиков. А потом дает опровержение? Нет, сам Ленин, отведя душу в печатной брани, **сам дает открытое и полное обоснование необходимости немедленного вооруженного восстания, «тайну» которого «выдали» его соратники!**

А после Октября, (т.е. всего через неделю!) один из тех, кто «растерял принципы» — Каменев, возглавит ВЦИК (Всесоюзный исполнительный комитет), призванный контролировать деятельность советского правительства Совета народных комиссаров, которое возглавляет сам Ленин. Пройдет еще немного времени, и Каменев будет председателем Московского совета депутатов. В то же время Зиновьев станет председателем Петроградского совета и председателем Исполкома Коминтерна.

Прошла всего одна неделя, и следа нет от «страшных» противоречий и от «кошмарного предательства». Главари большевиков снова вместе. Отчего фанатично упрямый Ленин, так непоследователен в борьбе с предателями и ренегатами? Почему он так быстро простил «изменников», «штрейкбрехеров», «подлых», «жуликов», «лжецов», «наглецов», «преступников» «выдавших Родзянке и Керенскому решение своей партии о вооруженном восстании»? Почему спустя пять лет, 24 декабря 1922 года, Ленин в «Письме к съезду», фактически в своем политическом завещании, напишет: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в

вину лично, как меньшевизм Троцкого?»

Потому, что Ленин прекрасно знает, что вредное для восстания поведение Каменева и Зиновьева, вызвано не их подлостью и изменой, а стремлением сделать революцию оптимальным путем.

Каменеву и Зиновьеву надо придти к власти самым простым и бескровным путем. А Ленину надо не просто взять власть, а обязательно прервать ее легитимность.

У него четкие сроки и конкретные обязательства перед «союзниками». Как ему объяснить своим излишне принципиальным товарищам, что «специально сложившиеся условия» для революции действуют только сейчас! Что Керенский будет вести себя так странно и играть в поддавки, только пока у него есть такое указание. Переменится позиция его хозяев и большевиков могут прихлопнуть в один момент. Объяснить это невозможно. Поэтому не понимает глубинных причин ленинского поведения Зиновьев, вместе с Ильичем отсидевший в шалаше в Разливе, не понимает Каменев. И не осознавая истинных мотивов действий своего вождя, искренне считают, что совершает Ленин ошибку.

Оттого и пытаются Каменев и Зиновьев предостеречь Ленина от рокового заблуждения, пишут в газете, что «при данном соотношении сил и за несколько дней до съезда Советов захватывать власть было бы губительным для пролетариата». Не понимают, что как раз **именно такой вариант взятия власти является единственно возможным**. Но от этого их преданность делу партии меньше не становится.

Не было никакого предательства, оттого и ставит обоих «предателей» Ленин на самые ответственные посты уже через неделю после их «предательства». А переживает он так сильно оттого, что не может позволить себе показать перед внешними силами свою слабость и слабость партии, им возглавляемой. Как же вы, господин Ленин будете делать революцию и выполнять взятые на себя обязательства, если не можете разобраться внутри ЦК собственной партии? Вот вопрос, который зададут Ленину «союзные» эмиссары, те же слава повторят прибывшие в plombированном вагоне для помощи в организации переворота немецкие офицеры. Вот от этого и обрушился на Зиновьева и Каменева Владимир Ильич.

И еще оттого, что нервы Ленина были напряжены до предела. Ведь наступают заключительные, самые важные для Ленина дни. Не получится переворот в Октябре, может не получиться уже никогда. Надо понять то страшное напряжение ЕГО октябрьских дней. Убеждать колеблющихся соратников, готовить переворот, создать Военно-Революционный комитет. И когда уже казалось все сделано — начинается дискуссия в печати, открытая неугомонными Каменевым и Зиновьевым!

Да еще и дата выступления менялась несколько раз. Переворот назначался сначала на 20-е октября, а Петроград наполнился слухами и домыслами. Многие горожане в этот день уехали из города. Оставшиеся не решаются выходить из дома, улицы полупустынны. Но выступления большевиков не было, что-то до конца не срослось, а из песочных часов истории грозила высыпаться последняя струйка.

Потом на улицах говорили, что переворот назначен на 21-е. Но тут военный министр Верховский неожиданно делает доклад на заседании Временного правительства, в котором прямо говорит, что армия больше воевать не может, надо спасать государство, для чего необходим сепаратный мир с Германией. Для Ленина это катастрофа: заключи правительство мир или хотя бы объяви о желании начать переговоры, из рук Ильича будет вырван его главный козырь. Этого допустить нельзя. Поэтому Керенский опять играет «в поддавки»: Верховский под его давлением уходит в отставку. Никаких переговоров не будет. Однако даже простое циркулирование слухов об этом крайне нежелательно. Когда газета „Общее дело“, узнав о предложении военного министра, заклемила его изменником и предателем, она была к удивлению издателей... **закрыта Временным правительством в тот же день!**

А по Петрограду продолжают ползти упорные слухи — большевистский переворот будет в воскресенье 22 октября (4 ноября). Но 22-е — день Казанской Божьей Матери, и казачьи полки назначили на этот день моление о спасении Родины и массовый крестный ход по городу. Сталкиваться с казаками нельзя, приходится снова переносить дату восстания. Так ото дня ко дню она отодвигалась, пока 25-го октября (7 ноября) не произошел Великий Октябрь.

Только железная воля Ильича и смогла собрать воедино большевистскую партию и

заставить пройти ее путь победоносного восстания до конца. В самый последний момент, Ленин успел совершить то, что ждали от него «союзники». И вошел триумфатором в зал заседаний Второго Съезда Советов. Когда он открылся вечером 25-го октября, большевики уже несколькими часами раньше свергли Временное Правительство. Таким образом, Съезд Советов был поставлен перед совершившимся фактом. И принял ряд решений. Чрезвычайно нужных Владимиру Ильичу для удержания власти и для маскировки его истинных намерений.

Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства. 26 октября 1917 года.

«Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет: образовать для управления страной, **впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров...** Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин)...».

Постановление принято. Власть поменялась, но она всячески демонстрировала свою «временность», как и предыдущая. Народ терпеливо ждал Учредительного собрания, голосования и просто не хотел влезать ни в какие политические нюансы сменяющих друг друга правительств.

Другой пламенный борец за народное счастье, товарищ Троцкий получил в ленинском «Временном правительстве» пост министра иностранных дел. Теперь он мог вполне официально общаться со своими «союзными» кураторами. А они могли быть довольны — процесс развала России теперь приобретал новую невиданную скорость.

Постановление Второго Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, 26 октября 1917 года.

«Всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары Временного Правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством. Постановлением Всероссийского съезда Советов **все арестованные члены земельных комитетов освобождаются. Арестовавшие их комиссары подлежат аресту**».

Постановление Второго Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, 26 октября 1917 года.

«Всероссийский съезд Советов постановил: Восстановленная Керенским **смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты, офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым «политическим преступлениям», освобождаются немедленно**».

Какова же была сила русского солдата, который продолжал защищать Россию несмотря ни на Приказ №1, ни на «Декларацию прав солдата», что снова надо было возвращаться к этому вопросу! То немногое, что успел сделать Корнилов, разрушалось окончательно. Керенский приостановил действие смертной казни, теперь Ленин ее упразднил вовсе. Опять на фронте вместо защиты Родины — «полная свобода агитации»!

Правильная тактика, выбранная Ильичем, привела к тому, что переворот прошел практически бескровно. Чем большевики лучше, чем они хуже «временщиков» — пока было непонятно. Зато они на каждом углу кричали о том, что «обеспечить созыв Учредительного собрания и было целью октябрьской революции; до сих пор его созыву мешали именно кадеты». Одно революционное правительство сменилось другим, цели не поменялись — Учредительное собрание будет создано. Зачем и во имя чего бороться с большевиками?

Красноречивым свидетельством настроений, царивших в среде военных является сообщение газеты «Рабочий и солдат» от 26 октября (8 ноября): «Вчера на собрании полковых комитетов 1, 4 и 14-го казачьих Донских полков было сделано сообщение о создавшемся положении в связи с падением власти Временного Правительства, и о необходимости в

интересах государства **спокойно ожидать создания новой государственной власти**. В ответ на это председатель от имени собравшихся заявил, что: 1) распоряжения правительства исполнять не будут, 2) ни в коем случае не выступить против Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета и 3) готовы нести охрану государственных имуществ и личной безопасности, как и при прежней власти».

Ждать и ничего не делать. Это те самые казачки так решили, на которых так надеялся Краснов, подходя со своей «армией» в 900 человек к Петрограду. В тот, самый важный, переломный момент русской истории. Вот здесь должны все враги и недоброжелатели России встать и громко аплодировать Керенскому. Его это рук дело. Это он помог большевикам договориться о нейтралитете казачества своим предательством в Ташкенте, да и всей своей бурной деятельностью. Казаки в самом Петрограде хранили нейтралитет. За недолгое время своего правления Керенский так надоел гражданам своей страны, что на его защиту не поднялся никто. Напрасно Временное правительство слало в день переворота отчаянные телеграммы с просьбой о помощи. Народ и армия ответили — полным равнодушием.

Страшная апатия и безразличие, поразившие все население страны, плюс ловко придуманная Ильичем тактика, помогли большевикам продержаться самые сложные первые дни и недели. В успех большевиков никто не верил — в этом им крупно повезло. Один из большевистских вождей, Анатолий Луначарский через два дня после переворота, 27 октября (9 ноября) писал своей жене: «Дорогая Аня, Ты, конечно, из газет знаешь все подробности переворота. **Для меня он был неожиданным**. Я, конечно, знал, что борьба за власть Советов будет иметь место, **но что власть будет взята накануне съезда — этого, я думаю, никто не знал**. Может быть, даже Военно-революционный комитет решил перейти в наступление внезапно, из страха, что, занимая чисто оборонительную позицию, — можно погибнуть и погубить все дело. Переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с которой он был произведен. Даже враги говорят: “Лихо!”...». У того же Бунина в «Окаянных днях» читаем: «Луначарский после переворота недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести и вдруг такой неожиданный успех!».

Никто не собирался большевикам мешать, все ждали, когда они рухнут сами. Откройте мемуары той поры — все единодушно давали большевистской власти максимум две недели жизни. После чего она должна была рухнуть сама собой. Нам, знающим, что коммунизм простоял в России почти семьдесят пять лет, такие идеи кажутся наивными и смешными. Один из лидеров белого движения Антон Иванович Деникин с такой оценкой вполне согласен: «Эти „две недели“ — плод интеллигентского романтизма ...». Но его «Очерки русской смуты» написаны в эмиграции в Бельгии и Венгрии в 1922 году, то есть много позже. В октябре 1917-го «две недели» существования нового режима, казались вполне реальным сроком. Так думали многие, большинство. Для них эти «две недели» были отличной альтернативой борьбе с узурпаторами власти, хорошим наркотом для собственной совести. Надо всего лишь подождать и большевики сами рассыплются в прах. Мы то с Вами знаем, что не рассыпались, и в этом — самая главная заслуга Ленина, как руководителя и политика.

Что лучше газет передает ощущение каждого конкретного момента истории? Почитаем периодику тех дней, «Известия СРСД», сразу после переворота писала: «Безумная авантюра; это не есть переход власти к Советам, а захват ее большевиками; они не будут в состоянии организовать государственную власть». «Новая жизнь» в своих оценках не менее категорична: «Большевицкое правительство управлять Россией не может, печат „декреты“ как блины, но все они остаются на бумаге, их декреты скорей газетные передовицы; большевицкие вожди обнаружили поразительное невежество в государственном управлении». Ей вторит «Рабочая газета»: «Заставить большевиков капитулировать мирным путем, изолировать их и тем одержать бескровную победу над ними». Такая же точка зрения мелькает между строк издания «Дело народа»: «У победителей, после хмельной октябрьской ночи, начинается бегство с большевицкого государственного корабля. Какое же поголовное бегство начнется через две недели? ...Диктатуру Ленина и Троцкого надо победить не оружием, а бойкотом их, отвернувшись от них».

Лейтмотив один и тот же — надо подождать, потерпеть и все обойдется. Вроде

безобидная позиция, но именно она помогала ситуации развиваться по самому катастрофическому сценарию. Общее настроение страны — будем ждать новой власти, то есть созыва Учредительного собрания. Вот оно соберется и сразу все решит. Об этом странном ожидании напишет в своих мемуарах Карл Маннергейм: «... Пробыв неделю в Хельсинки, я вернулся в Петроград. Там не было и намека на сопротивление. Наоборот, я заметил, что советская власть все более укрепляется...».

Кто-то ждал пассивно, кто-то ничего не делал «решительно протестуя». А большевики быстро выстреливали в народ своими свежеепеченными декретами: о мире, о земле, о рабочем контроле. Отрабатывали свои обязательства: мир — для Германии, для «союзников», жаждавших распада России — срочно опубликованная «Декларация прав народов России» с зафиксированной возможностью для всех на свободное самоопределение вплоть до отделения. Потом еще посыпались декреты об упразднении всех судов, законов и адвокатуры; национализация банков; введении всеобщей трудовой повинности. За отказ подтвердить телеграфно свое подчинение новой власти, новый глава МИДа Троцкий распорядился уволить **всех** русских послов в главных странах, без пенсии и без права продолжать государственную службу. Чиновников других ведомств, отказывавшихся выходить на работу, Дзержинский арестовывал без ордера и проволочек (мы не бюрократы!). Лавина всех этих доселе невиданных нововведений просто захлестнула страну. Главное было выиграть время и укрепляться, укрепляться, укрепляться. Готовиться к Учредительному собранию. Точнее — к его разгону. Которое послужит к разжиганию в России братоубийственной бойни, этому заключительному аккорду людоедского «союзного» плана **Революция — Разложение — Распад**.

Времена то были еще патриархальные. Русские люди еще не научились проливать русскую же кровь. Поэтому сразу после захвата власти большевистский Военно-революционный комитет постановил: «немедленно освободить 130 женщин женского ударного батальона, арестованных в помещении Гренадерского полка». Юнкеров, захваченных в Зимнем, также большей частью просто отпустили. Но мирный большевистский переворот англо-французов никак не устраивал. «Союзникам» была нужна разрушительная война в России, такая, что не оставила бы камня на камне от нашего государства. По их плану для окончательного распада страны к власти должны были придти авантюристы и проходимцы, т.е. большевики. Чем более безумными будут идеи новой власти, тем лучше: распад страны пойдет еще быстрее! Предлог для отделения от России замечательный — к власти в столице пришли безумцы, и, спасая родной Азербайджан (Украину, Крым и т.д.) мы создаем свое государство. Это с одной стороны, а с другой сама же новая власть декларировала во всеуслышание возможность окраин отделиться от России.

Таким образом, рвалась столетняя связь между Москвой и Петербургом и окраинами империи. Результат этого был ужасен. В первые же недели большевистской власти объявили о своем суверенитете Финляндия и Украина, об автономии заявили Эстония, Крым, Бессарабия, Закавказье. Даже исконно русские казачьи области и Сибирь сформировали не только свои правительства, но, по сути, свои мини государства. Буквально за считанные дни тысячелетняя Россия перестала существовать

Ленина же это ничуть не волновало. Главное для него было укрепляться, выигрывая время. Все, что будет потеряно сейчас, потом можно будет вернуть. Но для того, чтобы выжить, надо выполнять взятые на себя обязательства перед «союзниками» и немцами. Весь первый период становления Советской власти, представляет собой гениальнейший процесс маневрирования Ленина между этими двумя силами.

Готовясь к разгону Учредительного собрания, большевики, «как и обещали» возглавили процесс подготовки выборов. При Временном правительстве процесс контролировался специальной комиссией. Большевики, не долго думая, поставили во главе ее будущего главу питерского ЧК Соломона Урицкого. Когда же члены комиссии выразили протест и отказались работать, их всех просто арестовали и заменили «Комиссариатом по Учредительному собранию».

Потом Соломон Урицкий был назначен комендантом Таврического дворца и сумел четко и быстро организовать разгон собравшегося парламента. Ведь тем, кто знал Ленина, кто хотя бы раз читал его труды, было понятно, что будущее у русского парламентаризма весьма

печальное: «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках».

Сказал, как отрезал. Или еще: «Демократия — формальный парламентаризм, а на деле — беспрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом».

Ну не любил Ильич парламенты! Но, выборы все же пришлось проводить. Не сделать этого было невозможно, потому, что этого ждал весь народ. Кроме того, период голосования, которое проходило не в один день и подсчет голосов давали большевикам выигрыш времени, увеличивая срок, в течение которого их никто не трогал. Настоящая борьба, должна была начаться после разгона Учредительного собрания.

Заметим мимоходом, что опыт разгона депутатов у большевиков уже был. Малоизвестен тот факт, что накануне Октября они разогнали Предпарламент, название которого говорит само за себя. Депутаты разных партий тренировались на этом форуме в красноречии, ничего фактически не решая, пока 25 октября (7 ноября) Мариинский дворец не окружили солдаты. После чего незадачливые парламентарии поспешили разойтись по домам.

И вот, наконец, наступил день, которого давно ждали: 5(18) января 1918 года большевик Свердлов открыл заседание Учредительного собрания. Далее начались выборы председателя. Большинство в 244 голоса было отдано за ... эсера Виктора Михайловича Чернова. Того самого министра Временного правительства, при котором коллеги старались не обсуждать никаких военных вопросов. Потому, что были абсолютно уверены в его сотрудничестве с германской разведкой. Вот этого достойного человека, главу эсеров, большинство депутатов захотели увидеть во главе Учредительного собрания. Более достойных фигур в закромах русской демократии не нашлось...

Таврический дворец, где собирались депутаты Учредительного собрания, очень похож на осажденную крепость. У входа пулеметы, орудия и солдаты с матросами. Вроде, как охраняют порядок, а вроде, как и беспорядок сами создают. Повсюду вооруженная стража. Они и пропуска у депутатов проверяют, они же отпускают в их адрес странные замечания.

— Ни в какие пререкания со стражей не вступать!

Именно так решила для себя фракция эсеров. Повода для насилия большевикам не давать. Зубы стиснуть и в зал — делать дело, ковать законы, появления которых ждало множество поколений русских революционеров.

— Вон того хорошо бы в бок штыком — усмехнулся матрос с надписью «Аврора» на бескозырке, нагло показывая рукой в сторону хорошо одетого депутата.

Вслух говорит, громко. Не стесняясь.

— Это точно, Павлуха — поддакивает ему напарник и показывает пальцем прямо перед собой — А этому точно пули не избежать!

Виктор Михайлович Чернов вздрогнул, но сделал вид, что даже не заметил направленного на него пальца. Молча взглянул на наглеца и шагнул дальше. В зал, в зал!

Да не зал это, а настоящая Голгофа. По бокам трибуны — вооруженные. В коридорах — тоже. Галереи для публики наверху забиты до отказа. То тут, то там дула винтовок. Зрители развлечения ради целятся в ораторов, передергивают затворы. Когда оратор не большевик, после каждой фразы десятки вскриков. И дула винтовок направленные прямо в лицо.

Самообладания Чернову не занимать, а и то нервы натянуты, как струна. Нельзя поддаваться на провокацию. Надо помнить — тот возьмет верх, чьи нервы окажутся крепче.

— Страна высказалась. Состав Учредительного собрания — живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму.

Начало он придумал неплохо, даже буйствующая большевистская галерка при слове «социализм», не взвыла и не улюлюкала. Но это только начало и речь свою Чернову надо довести до конца. Выступление важное — только что именно его

депутаты избрали председателем. Эсеры в зале большинство. Собралось около 400 депутатов, из них за избрание председателем Чернова — 244; против — 153.

— Учредительное собрание должно иметь всю полноту власти. При таких условиях, всякий, кто против него, — тот стремится к захвату власти, к деспотической опеке над народом.

Угрозы, крики, бряцанье винтовок. В этом парламенте эти звуки заменяют аплодисменты. Чернов в кармане пиджака сжал руку в кулак, сошел с трибуны и сел в президиум. Теперь черед большевиков: Скворцова и Бухарина. Во время их речи эсеровский сектор молчит, он ледяная глыба. Никаких эмоций, никаких криков. Делать дело.

Когда на трибуне не большевик, зал и галерка воют и стонут. Топот сапог, удары прикладов об пол. Надо что-то делать. И встает Чернов с председательствующего места.

— При несоблюдении порядка и тишины я буду вынужден очистить от публики галерку!

Звучит строго, а на поверку блеф, да и только. Кто будет всех хулиганов с галереи выводить? Да их же товарищи из зала. Но, несмотря на абсурдность угрозы, попритих зал, успокоился немного.

И идет заседание дальше. План у эсеров заранее набросан. Так и ведут собрание, под крики и угрозы по порядку вопросов: о войне и мире, о земле, о форме правления. А большевистская делегация из зала уходит. Не хочет говорить с контрреволюционерами.

Глубокая ночь опускается на город. Усталость давит на плечи — заседают уже почти тринадцать часов. Уже начало пятого утра. Горизонт брезжит предчувствием рассвета.

— Переходим к последнему пункту повестки дня: к голосованию основных положений закона о земле — сказал председательствующий.

Но что это? Кто-то дергает Чернова за рукав. Или показалось — в голове от напряжения уже давно шумит, а в глазах пляшут маленькие искорки.

Нет, так и есть. Сзади стоят несколько матросов. Впереди один бритый, он то за рукав и держит. Лицо свирепое, а на губах улыбка. И ведь совсем молодой еще — лет двадцать не больше.

— Так, что надо кончать заседание — говорит — есть такое распоряжение народного комиссара?

— Какого народного комиссара?

— Распоряжение есть. Тут оставаться больше нельзя. Будет митинговать. Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам.

Говорит это матрос и веский аргумент добавляет.

— Сейчас будет потушено электричество.

Еще пятнадцать минут работы, под крики стражи. И снова бритый матрос. В голосе металл, на губах все та же улыбка.

— Пора кончать. Караул устал.

— Хорошо — ответил Чернов, сил уже и вправду не осталось. И повернувшись в зал громко объявляет — Перерыв до двенадцати часов дня.

— Вот и славно — улыбнулся матрос — Давно бы так.

На душе тошно, голова ноет и трещит. Чернов встает и вслед отходящему матросу

— Кто вы?

Остановился. Повернулся, и медленно с достоинством.

— Кронштадский матрос Анатолий Железняков. Будем знакомы...

Разгон парламента выглядел в глазах русской общественности дикостью. Поэтому хоть мало-мальски внятное объяснение этому надо было дать. Ильич попытался это сделать в своих «Тезисах об Учредительном собрании». Получилось, прямо скажем, неубедительно: «... выборы в УС произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения октябрьской ... революции ». В «Проекте декрета о роспуске Учредительного собрания» его демагогия углубляется и расширяется: «Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками

буржуазии, и левыми, сторонниками социализма».

Что и говорить — причина веская! Будто от дележки эсеров по направлению движения, у самих большевиков голосов добавится! Для рабочих и революционных матросов Ленин представит дело так: запутались избиратели во фракциях и партиях, в различных видах эсеров и социал-демократах — надо и весь парламент разогнать! Таковую же чушь писали в советских учебниках истории.

«На деле партии правых эсеров и меньшевиков ведут ... отчаянную борьбу против Советской власти» — пишет далее Ленин. Но лукавит Владимир Ильич — причины разгона единственного легитимного органа русской власти совсем другие.

Судьба Учредительного собрания была решена задолго до его созыва и начала процесса до выборов в него. Решение о его роспуске, а вернее сказать, разгоне, было принято нашими «союзниками» одновременно с решением о созыве этого органа власти и входило составной частью в план сокрушения России. Выполнять эту нелегкую работу выпало Ленину. Накануне открытия, утром 5(18) января 1918 года, большевики расстреляли мирную демонстрацию, выступившую под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Потом ликвидировали и сам очаг парламентаризма, тихо выведя депутатов на улицу. Если верить учебникам истории и мемуарам, то получается, что один германский шпион Ленин, почему-то разогнал сборище людей считавших наиболее достойным депутатом другого германского шпиона — Чернова. Странные, однако, кадры в немецких спецслужбах. Левая рука не знает, что творит еще более левая...

Зато очевидцы в своих мемуарах прекрасно описали состояние пролетарского вождя. Бонч-Бруевич указывает нам, что в момент открытия Учредительного собрания, Ленин «волновался и был мертвенно бледен, как никогда... и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными, глазами всю залу». Потом Владимир Ильич взял себя в руки, немного успокоился и «просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь». Однако когда наступил реальный момент разгона парламента, ночью, то с Лениным случился тяжелый истерический приступ. «...Мы едва не потеряли его» — напишет в своих мемуарах Бухарин.

Наступал момент выполнения последней части соглашения Ленина с «союзниками» — разгона последней легитимной русской власти. Знает Владимир Ильич: исполнишь взятые на себя обязательства, западные спецслужбисты с тобой и далее будут иметь дело. Не сделаешь, того, что должен — моментально сложат «специально сложившиеся обстоятельства», так, что не останется и мокрого места от большевиков и от их революции. Оттого, так и переживает Ильич, поэтому и приступ нервный у него именно сейчас случается, а совсем не в день октябрьского переворота. Именно сейчас, в ночь разгона Учредительного собрания решается судьба революции! Только понимает важность момента один Ленин. Для всех остальных все происходящее просто ликвидация сборища кучки болтунов.

Александр Федорович Керенский, оказавший неоценимые услуги своему земляку Ульянову оценивал причины ленинской спешки своеобразно: «**Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства, до того как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир**».

Правду Керенский говорить не может, а писать мемуары хочется, вот он и дает оговорки по Фрейду вперемешку с явными глупостями. Прочитайте его высказывание еще раз. Что говорит Александр Федорович? Власть германскому шпиону Ленину надо захватить до того, как Германия, Турция, Австрия и Болгария войну проиграют. Это понятно и очевидно: после поражения в войне немцам захват власти в России — как мертвому припарка. Это ясно любому здравомыслящему человеку. А вот ко второй части изречения Керенского стоит приглядеться повнимательнее: «**Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства ... до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир**».

Незаметно для себя Александр Федорович проговаривается и говорит чистую правду! Только не о цели Ленина, а ... самого Керенского! И «союзников»!

Не выиграть Первую мировую войну до тех пор, пока у власти в России легитимное Временное правительство. Это задача «союзных» генералов и политиков. Отсюда и «удивительные» наступления с огромными потерями и тишина на Западном фронте в течении второй половины 1917 года.

Дать возможность экстремисту Ленину «вырвать» власть у Временного правительства до окончания мировой войны. Это задача Керенского и его помощников. Отсюда и любовь Александра Федоровича к игре «в поддавки».

У Владимира Ильича Ленина своя задача:

- сначала успеть «свергнуть» Керенского до выборов и Съезда Советов;
- потом продержаться до созыва Учредительного собрания;
- затем его благополучно разогнать.

Только после этого, после выполнения всех взятых на себя обязательств, Ленин мог начать новую игру ...

В Учредительное собрание было избрано 715 депутатов. Среди них было около 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 16 меньшевиков, 17 кадетов, 86 представителей национальных партий и организаций. Эти цифры известны, но надо понимать, что Ленин разогнал бы «учредилровку» при любом исходе голосования, даже имея подавляющее большинство депутатов — большевиков! Задача у него была такая, и только по ее выполнению Ленин и компания могли спокойно исчезать с арены мировой истории. Так было запланировано нашими «союзниками». Ленин прерывает легитимность власти. В ответ на это от России отпадают не только окраины, но и исконно русские области. Начинается гражданская война — борьба всех против всех. Конечно, в результате какое-нибудь правительство власть в свои руки возьмет, но страна уже будет совсем другая — безмерно ослабленная и урезанная.

Большевики же должны были исчезнуть туда, откуда они появились — обратно в Европу и Америку, под крыло «союзных» спецслужб. И они собирались это сделать. Существует много свидетельств о том, что чуть ли не у каждого большевистского вождя в кармане лежал какой-нибудь «аргентинский» паспорт на подложную фамилию. В квартире сестры Свердлова помимо того, хранилось большое количество золота, валюты и драгоценностей. На дорожку, так сказать. Потому большевиков никто и не трогал из стран «союзников» — они сами должны были исчезнуть очень быстро. Сразу, после разгона. Но, тут произошло событие, без сомнения изменившее ход мировой истории.

Ленин понял, что, обладая информацией о таких страшных тайнах, как «немецкие деньги» и «предательство союзников», он и его товарищи долго не проживут. Их либо выдадут новому правительству России, которое просто вздернет борцов за народное счастье на первом попавшемся суку. Либо (что более вероятно) они быстро погибнут в результате несчастных случаев и разного рода других «случайностей», которыми так богата нелегальная жизнь революционеров. «Союзники» просто уберут их, заметая следы своего чудовищного предательства. Вывод напрашивался сам собой — надо остаться в России. Такое решение диктовалось и элементарной заботой о самосохранении, и острым желанием Ленина воплотить в жизнь дело своей жизни — революцию. Довести дело до конца теперь было вопросом жизни и смерти: для руководства большевиков после разгона Учредительного собрания к возможному смертному приговору за предательство Родины, добавлялся еще и другой — за попытку государственного переворота. Две расстрельные статьи — многовато для любого здравомыслящего человека.

Большевикам нужно было остаться и строить новое государство. Восстанавливать разрушенную армию, налаживать хозяйство, бороться с врагами, созданными их политикой. Начинался решающий этап в жизни большевистской партии. С этого момента они начинают борьбу за сохранение своей власти, своей жизни и своей революции. В историю нашей страны этот период вошел под названием Гражданской войны. Братоубийственная бойня между русскими была нужна и англичанам — для полного уничтожения России. Ее организацией британские агенты активно и занялись.

Российскую империю еще можно было спасти — для этого «союзникам» следовало оказать помощь русским патриотам, вступившим в борьбу за восстановление страны. Но тогда большевики проиграют, и сильная Россия снова вступит на мировую арену. Этого англичане

боялись больше всего. Политика правительства Ее величества преследовала цель прямо противоположную: добить Россию, уничтожить ее! Так цели британских и французских спецслужб удивительно совпали с интересами руководителя большевиков. Их сотрудничество еще только начиналось. Ленин должен выполнить требования английской разведки: заключить Брестский мир, уничтожить царскую семью, потопить русский флот...

Обо всем этом мы поговорим в нашей следующей книге **«Кто убил Российскую империю? —2»** .

Июль 2003 — август 2005